РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СЕРИЯ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

РАННЕСЛАВЯНСКИЙ МИР
АРХЕОЛОГИЯ СЛАВЯН И ИХ СОСЕДЕЙ

Выпуск 14

Серия основана в 1990 г.
С.А. Плетнёвой и И.П. Русановой

Редакционная коллегия серии:
И.О. Гавритухин, Н.В. Лопатин, А.М. Обломский

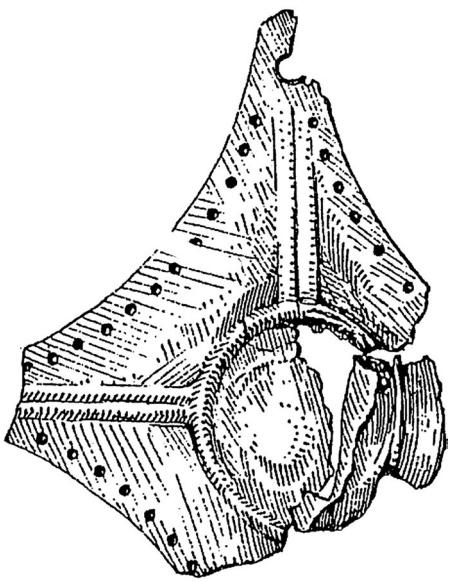
ИА РАН
Москва 2012

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

И.В. Исланова

Древности в верховьях Волги
(ранний железный век и раннее средневековье)



ИА РАН
Москва 2012

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

УДК 902/903
ББК 63.4
И87

Книга издана при поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре»

Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН

Ответственный редактор:
д.и.н. А.М. Обломский
Редактор:
И.Н. Черных

Рецензенты:
к.и.н. Н.В. Лопатин
к.и.н. В.Е. Родинкова

Исланова И.В. Древности в верховьях Волги (ранний железный век и раннее средневековье). – (Раннеславянский мир. Выпуск 14). – М., 2012. – 220 с.: ил., цв. вклейка

И87

ISBN 978-5-94375-114-1

В монографии всесторонне характеризуются все доступные на сегодняшний день археологические материалы по раннему железному веку и раннему средневековью региона озер в верховьях Волги. Анализируются известные и ранее не публиковавшиеся памятники раннего железного века типа Варварина Гора, культуры псковских длинных курганов, погребальные древности неясной культурной принадлежности и выделяемые в особую группу раннесредневековые поселения типа Подол.

Для археологов, историков, краеведов, сотрудников органов охраны историко-культурного наследия, студентов вузов.

УДК 902/903
ББК 63.4

ISBN 978-5-94375-114-1

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 2012 г.
© И.В. Исланова, 2012 г.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Введение

Для территории верховьев р. Волги ранний железный век и раннее средневековье являются наименее изученными периодами, несмотря на высокую первичную (на стадии разведок) исследованность. Здесь известно свыше 1000 объектов археологического наследия разного времени. Стационарные исследования проводились преимущественно на поселениях эпох камня и бронзы (работы Н.Н. Гуриной и Д.А. Крайнова). Специальные изыскания также активно велись на средневековых памятниках (исследования С.А. Тараканової и А.В. Успенской) [Тараканова, 1940; Успенская, 1993]. Однако обобщение небольшого материала по археологическим объектам раннего железного века и раннего средневековья позволяет охарактеризовать материальную культуру обитателей района и с конца I тыс. до н.э. по третью четверть I тыс. н.э.

Рассматриваемая территория – это бассейн верховьев р. Волги (рис. 1)[1]. Она расположена в пределах современных Осташковского, Пеновского, Селижаровского районов Тверской области и Демянского района Новгородской области. Рельефообразующей основой региона является Валдайская возвышенность. С юго-запада на северо-восток ее пересекает поднятие – Осташковская гряда. Характерный для местности холмистый рельеф сформировался во время Валдайского олединения. Мелкие холмы чередуются с высокими озовыми грядами, вытянутыми в меридиональном направлении. Абсолютные высоты межозерных возвышений – 240–260 м, озера окружены понижениями до 210–215 м.

Регион входит в зону Великого водораздела Восточной Европы, откуда берут свое начало Волга, Западная Двина, Днепр и реки Ильменского бассейна. Основные водоемы относятся к Волжскому бассейну, а их береговая линия – результат деятельности Валдайского ледника.

Основная территория региона занята озерами, крупнейшие из которых – Селигер, Стерж, Пено, Волго. Селигер расположен в центральном понижении Валдайской возвышенности, где выделяются две основные депрессии [Калмыкова, 1960, с. 113; География, 1992, с. 50]. Одну из них в западной части занимают озера Стерж, Вселуг, Пено. Другую (в восточной части) – Осташковский и Селижаровский плесы оз. Селигер и р. Селижаровка. На севере депрессия Селигера делится на две ветви – Березовский и Полновский плесы. Впадины озер достигают 3–4 км ширины и 8–12 км длины; глубина озер – от 5–6 до 24 м. После создания в сер. XIX в. плотины (бейшлота) и подъема воды на р. Волге и в ее проточных озерах оз. Волго приняло современные размеры, включив пойменные пространства и участки ниже и выше по течению Волги.

Озера Волговерховья и Селигер имеют изрезанную береговую линию и, помимо многочисленных плесов, острова и полуострова. Селигер состоит из двух цепей озер-плесов, связанных между собой протоками. У отдельных его частей есть самостоятельные названия: оз. Серемо, Глубокое, Долгое, Березовское и др. Крупнейший остров – Хачин – имеет свои внутренние водоемы. Из Селигера вытекает р. Селижаровка, впадающая слева в Волгу, прошедшую через цепь озер.

[1] В настоящей работе не рассматривается расположенный несколько обособленно микрорайон в верховьях р. Кудь, впадающей в оз. Вселуг.

Для рассматриваемой территории характерен пестрый состав почв. Песчаные почвы распределены отдельными пятнами и преобладают вдоль С, СВ и В берегов оз. Селигер, на его островах, по В берегу оз. Стерж, по СВ берегу оз. Вселуг, по Пено и Ю берегу Волго. Это пространства зандровых равнин с сосновыми и сосново-мелколиственными лесами с полого-волнистым с участками мелкобугристого и гривистого рельефом на подзолистых, дерново-подзолистых и дерново-подзолисто-глеевых песчаных почвах. Вдоль Селижаровского плеса залегают зандрово-аллювиальные равнины с сосняками на дерново-подзолистых разного механического состава почвах.

На возвышенных участках между озерами Стерж, Вселуг, Пено и Селигер, по СЗ, ЮЗ и ЮВ берегам оз. Селигер, а также к западу и востоку от береговой полосы Селижаровского плеса находятся приподнятые дренируемые холмистые равнины с многочисленными озерными котловинами с еловыми, елово-сосновыми и елово-мелколиственными лесами на дерновоподзолистых разного механического состава почвах. По северным берегам оз. Волго и оз. Пено расположены волнистые морено-зандровые равнины, сложенные песками и валунными суглинками, с сосново-еловыми и мелколиственными лесами на дерново-подзолистых почвах. Обширные пространства заболочены.

Для региона характерен ландшафт моренной холмисто-озерной равнины, с отдельными участками водно-ледниковых отложений, покрытой массивами хвойных и смешанных лесов и сосновыми борами по побережью, чередующимися с пологими участками, занятыми полями и лугами. Соединяющиеся друг с другом водные пространства, высокие, изрезанные заливами и бухтами лесистые берега – все это создает картину разнообразных ландшафтных сочетаний (рис. 2) [Чалая, Веденин, 1997, с. 33].

Историческое развитие территории на протяжении многих тысячелетий было связано с его местоположением на Великом водоразделе. Район является частью особой культурной области, включающей также верховья Западной Двины, Валдайское Поозерье и Верхнее Помостье. С Волги через Селигер шли пути к притокам рр. Полы и Мсты. Через озера Волго и Пено – пути с Волги к верховьям Западной Двины, причем исток последней отстоит от правобережья Волги на 6–8 км [Воробьев, 2005, с. 34]. Этот район является своеобразной контактной зоной для культур, лежащих на востоке – в Верхнем Поволжье, юге – в бассейне Верхнего Днепра и на западе – в Западнодвинском бассейне и Прибалтике.

На топо- и гидронимических картах регион входит в зону территориального смешения финских и балтских гидронимов [Седов, 1970а, рис. 1; 1974б, табл. 31]. Граница наибольшей встречаемости балтских гидронимов проходит, по В.В. Седову, по р. Волге и южнее Селигера (рис. 3) [Седов, 1970а, рис. 15]. Р.А. Агеева отмечает балтскою границу севернее и северо-восточнее рассматриваемой нами территории (рис. 4) [Агеева, 1985, рис. 2]. По В.Л. Васильеву, озера в верховьях Волги находятся в зоне количественного преобладания балтийского топонимического элемента над финно-угорским (рис. 5) [Васильев, 2007, с. 273, 277, 283]. В литературе утвердилось мнение, что финский гидронимический пласт – более древний. Однако среди балтских названий есть такие, которые имеют древнюю индоевропейскую основу.

Наличие многочисленных субстратных наименований указывает на то, что в районе не происходила полная смена населения после прихода в верховья Волги славян. Не исключено, что эти названия отражают сосуществование двух языков в «дославянский период». Названия наиболее крупных озер региона имеют как финское, так и балтское происхождение. Финские гидронимы: Селигер (вероятно, *селг* – плёс и *ярв* – озеро), оз. Меглино (*мегл* – глаз, зрачок или лиственница, мох на елях и соснах), р. Мстиженка, оз. Мстижское – несомненна параллель с крупной рекой, лежащей севернее – р. Мстой (*муста* – черный) [Агеева, 1989, с. 220, 221, 225, 228; Воробьев, 2005, с. 278]; оз. Охват (*охт+вад* – озеро на лесном волоке) [Воробьев, 2005, с. 34]. Наименование крупного природного комплекса – Валдайской возвышенности – происходит из финского валдас – обширное свободное пространство [Воробьев, 2005, с. 277]. Подавляющая часть этих названий этимологизируется не на восточнофинской, а на прибалтийско-финской почве [Агеева, 1989, с. 230]. Лингвистам не ясна хронология первых контактов с восточными славянами и славянских заимствований в прибалтийско-финском языке, не решен вопрос и о временных отношениях финно-угорского и балтского субстратных гидронимических пластов [Агеева, 1989, с. 234].

Балтское происхождение, по Р.А. Агеевой и Л.В. Васильеву, имеют названия озер Серемо, Пено, Стергут, Стерж, Верхит, рч. Стергут, р. Жукопа, возможно, оз. Волго с р. Волга [Агеева, 1989, с. 195–198; Васильев, 2007, с. 277]. Происхождение балтских названий остается не совсем ясным. Либо его оставило местное население, либо они были «принесены предками словен и кривичей из областей первоначального расселения, в которых они усвоили балтийскую гидронимию» [Агеева, 1989, с. 201]. Последнее высказывание, по всей видимости, появилось у исследовательницы под влиянием работ В.В. Седова (его концепции о расселении славян и в основном славянской принадлежности культуры псковских длинных курганов). По мнению Р.А. Агеевой, балтийские названия на северо-западе лесной зоны Восточной Европы в большинстве случаев – «местный гидронимический субстрат». При этом исследовательница указывает, что данная точка зрения не находит достаточного подкрепления в работах археологов [Агеева, 1989, с. 201].

Следует также упомянуть, что гидронимия рассматриваемого района содержит не только собственно балтский, но и более древний индоевропейский слой, принявший со временем балтийскую «окраску» [Седов, 1974б].

Раздел, касающийся гидронимии, помещен в данную работу не случайно. Дело в том, что древности района, предшествующие раннесредневековым, представлены в археологической литературе единым аморфным финским массивом (территория с сетчатой керамикой). Однако, опираясь на различия в материальной культуре, археологические объекты можно дифференцировать по хронологии и культурной принадлежности. Не исключено, что население, оставившее памятники с разной культурной наполненностью, имело разные происхождение и язык.

Глава 1
История археологического изучения региона и характеристика источников

Первые описания древностей региона относятся к XIX в. В 1874 г. по поручению Русского Географического Общества И.С. Поляковым обследуются берега озер Осташковского уезда. Основной целью поездки были поиски остатков поселений каменного века, но исследователь также встретил «многочисленные курганы, расположенные иногда группами в несколько десятков и раскинутых в разных местах верховьев Волги» [Поляков, 1882, с. 130]. И.С. Поляков описывает курганы на оз. Сиг около залива Белки, 6 курганов около Ширкова погоста, городище на оз. Глубокое. На площадке городища в слое, поврежденном пахотой, были собраны «грубые обломки горшков с пережженными камнями» [Поляков, 1882, с. 134–135].

Раскопки в это время носили любительский характер; материалы таких работ не сохранились. В 1865 г. помещицей Полибиной копается городище Старый Сиг (Кулаево) [Плетнев, 1903, с. 44]. В 1878 г. С.П. Уткиной в этом же микрорегионе раскапывается большой курган («сопка») [Плетнев, 1903, с. 43–44]. В 1889 г. В.Ф. Жураховским, А.В. Казанским, А.П. Никольским исследуется курган около д. Тухачёво; в кургане найдены только угли [Плетнев, 1903, с. 13].

В 1890 г. Д.Н. Анучин во время поездки по Верхневолжскому и Валдайскому Поозерьям осматривает курганы на оз. Волго у д. Лохово и городище (?) у д. Городец в северной части оз. Селигер. Он также сообщает о встреченных «сопках» на озерах Пёно и Овселуг (Вселуг) и о кургане «Богатырь», находившемся в 8 верстах от д. Изведово в сторону оз. Охват [Древности, 1894, с. 132–133]. По-видимому, этот курган раскапывают в 1903 г. В.И. Колосов и Н.Г. Ратманов. Курган был длинным. «При раскопке, на 3-х аршинной глубине обнаружен слой кострища, с довольно значительным количеством угольев» [Колосов, 1906, с. 260]. Еще два длинных и один округлый курганы копались ими же у д. Изведово «на месте будущей станции «Пенно». В одном длинном кургане обнаружены жженные косточки семи погребений по обряду кремации, в двух других насыпях – «пережженные кости над слоем углей и прокаленного песку». Отсутствие инвентаря при погребениях (его ожидали найти раскопщики), по мнению В.И. Колосова, восполнилось прослеженной этапностью сооружения длинной насыпи «путем постепенной подсыпки к основному кургану при каждом новом трупосожжении» [Колосов, 1906, с. 259–260].

В том же 1903 г. исследования курганов на берегах озер в верховьях Волги проводил и В.Н. Глазов. К интересующему нас раннесредневековому периоду можно отнести раскопанные им курганы в двух группах у д. Новинки [Глазов, 1905, с. 103]. В одном кургане «на втором штыке оказалось небольшое кострище с мелкими пережженными косточками, перемешанными с золою и углем». В остальных трех курганах был зафиксирован только «зольно-пепельный слой». Им отмечены также курганы, видимо, с погребениями по обряду сожжения, при д. Изведово на полях и в лесу на (другом) правом берегу р. Волги, а также за пог. Ширково на поле. На городищах Стерж и Нечай-Городок были заложены траншеи. Но судя по информации, на городищах были найдены в основном средневековые материалы: «обломки ножей, два шиферные пряслицы и черепки поздних русских типов с орнаментом линейным и ногтевым». Возможно, к инте-

ресующему нас раннесредневековому периоду можно отнести указанные В.П. Глазовым фрагменты керамики («толстые, с примесью дресвы») и, предположительно, глиняное пряслице [Глазов, 1905, с. 98–99, 103–104].

Сведения о древностях региона были включены в своды памятников, составленные в кон. XIX – нач. XX в. А.К. Жизневским и В.А. Плетневым [Жизневский, 1887; Плетнев, 1903].

Затем – более пятидесяти лет – объекты раннего железного века и раннего средневековья остаются вне поля зрения исследователей. Исключением можно считать работы, проводившиеся по изучению новгородских сельских поселений в 1938-39 гг. С.А. Тараканової. При раскопках в нижних слоях городищ Стерж и Березовецкое были найдены фрагменты лепных неорнаментированных сосудов, датированные VIII–IX вв. [Тараканова, 1940, с. 173, 176].

В 1960-е – 1970-е гг. исследования С.А. Тараканової продолжила А.В. Успенская, возглавлявшая Селигерскую археологическую экспедицию Государственного Исторического музея. В 1966–67 гг. ею заложены раскопы на городищах Николо-Рожок и Березовецкое [Успенская, А-1966; А-1967]; в 1973–75 гг. – раскапываются курганы в древнерусском Березовецком могильнике (Залучье). Материалы работ были опубликованы [Успенская, 1968; 1969; 1993].

В эти же годы археологические работы в верховьях Волги также проводят две крупные экспедиции: Верхневолжская неолитическая ЛОИА АН СССР под руководством Н.Н. Гуриной [Верещагина и др., 1995; 1997] и Верхневолжская ИА АН СССР под руководством Д.А. Крайнова [Крайнов, Гадзяцкая, 1967; Крайнов, 1970; Урбан, 1971]. Помимо памятников эпох камня и бронзы выявлялись и обследовались многослойные объекты, в верхних напластованиях которых были материалы, относящиеся в том числе и к раннему средневековью.

Второе масштабное направление работ этих лет – целенаправленные разведочные исследования для подготовки свода и паспортизации памятников всех эпох. Они осуществлялись сотрудниками Калининского государственного университета (ныне Тверского гос. университета) первоначально под руководством Ю.Н. Урбана, затем – В.М. Воробьева. Именно в 70-е – 80-е гг. XX в. разведочными маршрутами были «закрыты» основные водоемы анализируемого района. Сотрудниками Историко-археологической экспедиции КГУ: Е.В. Бодуновым, А.П. Ланцевым, А.Д. Максимовым, П.Д. Малыгиным, А.В. Мирецким, Г.В. Харитоновым; а также экспедицией ТГОМ под руководством И.Н. Черных выявлены многочисленные стоянки, поселения и курганные могильники.

В 90-е гг. XX в. в связи со сложной экономической ситуацией в стране наблюдается спад археологических полевых исследований в Тверской области. В 1993 г. А.В. Курбатовым и А.П. Ланцевым (экспедиция ТГОМ) велась инвентаризация памятников части Осташковского района [Курбатов, А-1993]. В 1992 и 1994 гг. производятся раскопки поселения Тухачёво [Мирецкий, А-1992; А-1994]. Стационарные раскопки на конкретных раннесредневековых памятниках носили охранный характер. В зонах реконструкции автодорог в 1989–90 гг. И.Н. Черных, О.М. Олейниковым, И.В.Исламовой исследовались могильники Гринино 1 (5 курганов) и Гринино 2 (2 кургана) [Олейников, 1992а; 1992б; Олейников и др., в печати; Черных, Олейников, Исланова, в печати]. В зонах естественного берегообрушения и разрушения туристами в 1998, 1999, 2000 гг. О.М. Олейниковым проведены исследования в курганных могильниках Девичье 1 (зачистка ям на кургане), 4 (2 кургана) и Тухачёво 1 (1 курган) [Олейников. А-1998; А-1999; А-2000]. В 1999 г. на озерах проводит исследования Е.Н. Жукова [Жукова, А-1999].

В начале XXI в. археологические работы возобновляются на качественно новом уровне. Ведется обследование земельных отводов – определенных участков (от нескольких соток до нескольких сотен га), отдающихся в собственность или в пользование и аренду в различных целях. В отличие от линейных маршрутов по берегам водоемов, принятых ранее при разведочных обследованиях, производятся исследования всей площади участка, вне зависимости от удаленности его или его частей от воды; фото- и графически фиксируются все шурфы и другие стратиграфические разрезы, независимо от того, обнаружен объект археологического наследия или нет. При выявлении поселения или могильника устанавливаются (как можно точнее) его границы (при первичных разведках границы проводились весьма приблизительно – часто «на глаз», опираясь на рельеф местности). Кроме того, на топографическом плане памятника указывается его охранная (буферная) зона. В актах произведенного обследования определяются мероприятия по сохранению выявленного или известного памятника, попавшего целиком или частично в

площадь земельного отвода. В результате таких работ были выявлены новые поселения от финального палеолита до позднего средневековья и Нового времени, а также установлены размеры и стратиграфия стоящих на учете объектов, сняты их топографические планы.

В начале 2000-х гг. производился еще один вид работ – создание проектов зон охраны памятников, составной частью которого являлось обследование уже известных объектов археологического наследия и выявление новых. Разведочные работы производят в 2000 г. Н.В. Левина и А.С. Дворников (Комитет по государственной охране объектов культурного наследия Тверской области) для проекта зон охраны памятников историко-градостроительного и ландшафтного комплекса «Исток реки Волги – монастырь святой Княгини Ольги» [Проект, 2000]; в 2002 г. – А.С. Дворников для проекта зон охраны памятников истории и культуры историко-градостроительного и ландшафтного комплекса «Погост Стерж – Городище Коковкино 1 (Стерж)» [Проект, 2002]; в 2004 г. – А.В. Энговатова, И.В. Исланова и Р.А. Мимоход (Подмосковная экспедиция ИА РАН) для проекта зон охраны археологического комплекса у деревни Колобово Селижаровского района Тверской области [Энговатова, Исланова, 2005; Завьялова, 2008].

Действенный способ охраны – археологические раскопки объекта. Однако раскопки в этот период производятся на средства «Заказчиков», причем когда часть объекта уже разрушена. В 2004 г. И.В. Исландовой и Р.А. Мимоходом (Волжско-Мстинский отряд ИА РАН) проведено исследование сплошной площадью (600 кв. м) остатков двух курганов могильника Колобово 1 [Исланова, Мимоход, 2005, с. 148–149]. В 2005 г. М.В. Волковой (экспедиция Филиала Государственной академии славянской культуры в г. Твери) был исследован культурный слой селища Пéски 1 между построенными коттеджами базы отдыха [Волкова, Исланова, 2011].

На земельных отводах в верховьях Волги работали сотрудники ТГОМ (О.Д. Белякова, Г.А. Лаврова, А.В. Мирецкий, Е.А. Романова), ООО ТНИИР-Центр (А.Б. Иванова, О.А. Орлова, О.Е. Рыбакова, А.Б. Сиволапова, В.В. Хухарев [Иванова и др., 2005, 2007]), ФГАСК в г. Твери (М.В. Волкова, А.П. Ланцев. В.А. Шестаков), ООО «Терра» (А.В. Мирецкий, В.А. Мирецкий, Д.С. Федотов), ИА РАН (И.В. Исланова, М.Г. Жилин и др.).

Полученные при различных полевых работах керамические и вещевые материалы хранятся в основном в фондах ТГОМ, некоторые находки представлены в экспозициях Осташковского краеведческого музея-филиала ТГОМ и Селижаровского муниципального музея. Бóльшая часть коллекции из раскопок А.В. Успенской хранится в ГИМ. При раскопках на средневековом городище Никола-Рожок А.В. Успенской были найдены лепная керамика и вещи интересующих нас периодов. Некоторые находки опубликованы, но не всегда правильно датированы. К сожалению, керамический материал сохранен очень выборочно.

При просмотре коллекций, полученных при работах на памятниках эпох камня и бронзы, удалось выявить раннесредневековые материалы, о которых лишь кратко было упомянуто в отчетах. Это единичные вещи и раннесредневековая керамика из верхних «почвенных» напластований стоянок Ронское 1 и 3 (I и III раскопки Д.А. Крайнова в 1966 г.) Залесье 1–2 (раскопки Н.Н. Гуриной в 1973–75 гг.), о-в Дубовец (Пено 3) (раскопки Н.Н. Гуриной в 1970–1972 гг.), Тухачёво (раскопки А.В. Мирецкого в 1992, 1994 гг.). Никакой особой фиксации границ селищ с лепной керамикой не производилось. Полевые отчеты «каменщиков» чрезвычайно лаконичны при описании верхних слоев; иногда отмечается наличие пятен углей, упоминается о встреченных лепной керамике и единичных вещах.

Только в кон. 80-х – 90-е гг. XX в. при исследованиях Г.В. Синицыной (ЛОИА АН СССР – ИИМК РАН) осуществлялась детальная фиксация раннесредневековых напластований, перекрывавших интересовавшие автора раскопок стоянки эпохи камня Подол 3 (III) [Синицына, 1996; Синицына, Исланова, 2009] и Ланино 2 (II) [Синицына, А-1988; А-1989; А-1991][1]. Для селищенского слоя Подола 3 были сделаны спорово-пыльцевой и радиоуглеродный анализы.

В регионе известно не менее 62 раннесредневековых поселений (включая многослойные), один грунтовый и 115 курганных могильников. Полноценная современная документация имеется по раскопкам 12 курганов в 5 могильниках. Материалы раннего железного века происходят из раскопок 6 объектов, раннесредневековые материалы – из 8 многослойных поселений, исследовавшихся стационарно, где не менее 1980 кв. м было изучено путем раскопок (Никола-Рожок – 400 кв. м, Пéски 1 – 90 кв. м, Подол 3 – 166 кв. м,

[1] Материалы исследований верхнего слоя поселения Ланино 2 в настоящей работе не рассматриваются, так как автором раскопок продолжается их обработка.

Ронское I – 120 кв. м, Ронское 3 – 116 кв. м, Залесье 1–2 – 852 кв. м, Тухачёво – 156 кв. м ; остров Дубовец (Пено 3 – 344 кв. м). На последнем объекте, помимо слоя с лепной керамикой, были обнаружены грунтовые (?) раннесредневековые захоронения. Большинство материалов (раскопок и разведок) не опубликованы.

Рассматриваемая территория на картах с археологическими культурами часто выглядит «белым пятном», иногда – отнесена к ареалу тех или иных древностей, но обозначены лишь единичные археологические объекты. При выяснении культурной принадлежности памятников Верхнего Поволжья историки и археологи опираются на летописное свидетельство (недатированный раздел летописи) о том, что «…Кривичи. иже седять на верхъ Волгы. и на верхъ Двины. и на верхъ Днепра …» [ПСРЛ, 2001, л. 5об.]. Истоки этих трех рек находились в Оковском (Воковьском) лесу: «Днепр бо течеть изъ Оковского (Воковьского) леса. и потечеть на полудне. а Двина изъ того же леса потече. и идеть на полуночье. и вниде в море Варское. ис того же леса потечеть Волга. на въсток» [ПСРЛ, 2001, л. 4об.] Сохранился населенный пункт, связанный с наименованием леса, – с. Оковцы, в котором известны остатки городища 2-й пол. I тыс. н.э. и селища XI–XIII вв. [АКР, 2010, с. 251].

Наименование леса происходит «из совместного балто-финского *оуки мяжс* – речной лес, лес рек» [Воробьев, 2005, с. 277]. Четвертая крупная река, берущая начало в Оковском лесу, – левый приток Западной Двины р. Межа, это балтский гидроним (*мяжс* – лес) [Воробьев, 2005, с. 32].

Представляется, что территория Оковского леса, была несколько меньше, чем очерчена Л.В. Алексеевым (рис. 6) [Алексеев, 1974]. Естественно, что территория собственно Оковского леса должна была быть незаселенной или слабозаселенной. Можно предположить, что в нее на северо-западе входил участок с истоком Двины, на севере – земли к югу от южной части оз. Пено и Волго, на востоке – правобережье р. Волги, на юго-востоке – левобережье р. Вазузы и участок истока Днепра, на юге и юго-западе – верховья рр. Белой и Межи. В отношении рельефа в очерченном микрорегионе находится серия поднятий. Одно из них, на западе Валдайской возвышенности, носит в географической литературе название «Оковский лес» и проходит от истоков р. Пырошни (бассейн Волги) к истокам Днепра. Холмистая местность находится на водоразделе Пырошни и Пéсочни. В верховьях р. Тудовки расположено «карбоновое плато» – доледниковое образование [Калмыкова, 1960, с. 83, 113, 115].

Первые упоминания об оз. Селигер (Серигер) в письменных источниках относятся к 80-м гг. XI в. Это сведения берестяной грамоты № 526, найденной в Новгороде в 1975 г. [Арциховский, Янин, 1978, с. 124–127]. На страницах летописей наименование этого озера встречается в связи с разными событиями 1199, 1216, 1229 гг. [НПЛ, 2000, л. 124об., 136об., 151об.]. Под 1239 г. упоминается «Серегерьский путь», по которому монголо-татары, взяв Торжок, двинулись в сторону Новгорода [НПЛ, 2000, л. 160об.].

В древнерусский и средневековый периоды северная часть рассматриваемого района входила в состав Новгородской земли, а с XVI в. – в ее Деревскую пятину. Предположительно, уже с середины XI в. южная часть региона принадлежит смоленским, а затем торопецким князьям. С XIV в. – это удел Ржевского княжества, неоднократно переходящий в XIV–XV вв. из рук в руки (Москвы и Литвы). Ориентировочная граница между смоленскими и новгородскими землями шла через центральную часть оз. Селигер (южнее о-ва Хачин) и южную часть оз. Стерж (до середины 1650-х гг.) (рис. 7) [Бассалыго, Янин, 1998, рис. 13, 16; Фролов, Пиотух, 2008, с. 12, рис. 4]. Окраинное положение в древнерусский и позднесредневековый периоды компенсировалось стратегическим значением района, находящегося на путях из Новгорода на Волгу.

Как уже говорилось, специальных работ, рассматривающих территорию на озерах в верховьях Волги в раннем железном веке и раннесредневековый период, нет. Ареал дьяковской культуры, очерченный К.А. Смирновым, является наиболее известным в литературе [Смирнов, 1974, табл. X]. В него вошла и территория с озерами верховьев Волги и оз. Селигер (рис. 8). В дьяковскую территорию были включены участки сопряженности находок сетчатой керамики и грузиков дьякова типа. При этом следует заметить, что нет уверенности в том, что на каждом конкретном объекте сетчатая керамика бытовала одновременно с грузиками, так как на большинстве археологических памятников отсутствуют т.н. закрытые комплексы (случаи погребений с сетчатой керамикой единичны [Башенькин, 1995, с. 7–8]).

Иной дьяковский ареал, значительно меньший по площади: бассейн Москвы-реки, среднее тече-

ние Оки, течение Волги (рис. 9, 10), – предложен И.Г. Розенфельдт [Розенфельдт, 1974, с. 189-196, рис. 48] на основании проанализированного ею «комплекса материальной культуры», прежде всего керамики. Исследовательница считает, что неправомерно сопоставлять ареалы сетчатой керамики и грузиков (как это делали А.А. Спицын, П.Н. Третьяков и К.А. Смирнов), так как они совпадают только на выделяемом ею втором этапе культуры (с IV в. до н.э. по III в. н.э.). С такими границами дьяковских древностей в настоящее время согласен М.Г. Гусаков [Гусаков, 2006, рис. 1; 2; 2007, рис. 10–12]. Анализируемая в настоящей работе территория на картах этих исследователей находится за пределами дьяковской культуры и выглядит «белым пятном».

Тверской археолог А.Д. Максимов относит древности анализируемого района к Северо-Западной группе памятников раннего железного века Тверской области (рис. 11). По его построениям, эта группа памятников является самой малочисленной; не определена и ее культурная принадлежность. Однако, ближайшая к ней – Северная группа памятников – включена А.Д. Максимовым в дьяковскую культуру [Максимов, 1994, с. 113–114, рис. 1].

Лежащие юго-западнее рассматриваемой территории памятники верховьев Западной Двины (вошедшие в дьяковский ареал П.Н. Третьякова и К.А. Смирнова) отнесены Б.С. Короткевичем и А.Н. Мазуркевичем к верхнедвинскому варианту днепро-двинской культуры (рис. 12) [Короткевич, Мазуркевич, б/г, с. 70–71]. Для этого варианта характерно преобладание грубой бугристой посуды с примесью дресвы в тесте. Однако на раннем этапе – во 2-й четв. – сер. I тыс. до н.э. – на посуде (что для настоящего исследования важно) иногда встречается сетчатая поверхность, а на гладкостенных сосудах – орнамент, в виде оттисков крупного гребенчатого штампа. Такой орнамент характерен (со 2-й четв. по кон. I тыс. до н.э.) для горизонта погребенного дерна городища Дьяково [Кренке, 2011, с. 110]. Для памятников 2-й пол. I тыс. до н.э. типичны находки дьяковских грузиков, спиральных браслетов, булавок посоховидных и со спиральным навершием, серповидных ножей и др. На рубеже н.э., по Е.А. Шмидту, Верхнее Подвинье и участок Верхней Волги находятся в ареале среднетушемлинских древностей (рис. 13), северо-западная граница которых вплотную подходит к озерам в верховьях Волги [Шмидт, 2003, рис. 15]. По всей видимости, эта граница проведена Е.А. Шмидтом на основании карты балтской гидронимии В.В. Седова (рис. 3) [Седов, 1971, рис. 1; 1974а, табл. 31].

Историографический интерес представляет другая карта, опубликованная В.В. Седовым в одной из его последних монографий. Это карта культур римского времени (рис. 14) [Седов, 1999, рис. 23]. К сожалению, какие-либо комментарии по поводу отмеченной здесь ильменской культуры и смешанной (контактной) зоны между нею и дьяковской в монографии отсутствуют. Озера в верховьях Волги включены В.В. Седовым в контактную зону дьяковской и ильменской культур.

Возможно, наименование «ильменская культура» появилось у В.В. Седова после выхода выше упомянутой работы Б.С. Короткевича и А.Н. Мазуркевича, где был выделен ильменский вариант днепро-двинской культуры (рис. 12) [Короткевич, Мазуркевич, б/г, с. 71–72]. Этот вариант культуры довольно предположителен, а территория – аморфна. Исследователи предполагали, что на рубеже эр в Приильменье, наряду с памятниками волховского типа (последние названы по наибольшему числу таких поселений в окрестностях Волхова), а может быть, и вместо них, появились памятники ильменского варианта днепро-двинской культуры [Короткевич, Мазуркевич, б/г, с. 79–80].

Признаки ильменского варианта установлены по единичным находкам: серпы группы 1 по Р.С Минасяну и ножи с прямой спинкой (с поселения Кобылья Голова), оригинальный ямочный орнамент и штриховка внутренней поверхности на небольшой части черепков. По моему мнению, два последних признака относятся к поселениям более раннего периода (2-й четв. – сер. I тыс. до н.э.). В настоящее время поселения с такой керамикой отнесены к древностям Волховского типа [Кулькова, Юшкова, 2006].

До появления в литературе ильменского варианта (для района, лежащего западнее рассматриваемой территории) С.Н. Орловым были выделены две группы городищ сер. I тыс. до н.э. – сер. I тыс. н.э.: восточная – близкая дьяковским памятникам и западная – близкая балтским памятникам [Орлов, 1984, с. 83–84]. При этом исследователь отмечал определенное сходство этих городищ по керамики с верхнедвинскими поселениями. Г.С. Лебедев относил городища в восточной части Новгородской области к валдайской группе дьяковских памятников [Лебедев, 1982, с. 27].

Интересующий нас регион обозначается В.В. Седовым на картах культуры длинных кур-

ганов и культуры сопок (рис. 15). П.Н. Третьяков также включает рассматриваемый район в зону распространения длинных курганов и сопок, видимо, опираясь на сведения из сводов В.А. Плетнева и Н.Н. Чернягина о наличии здесь высоких курганов, именуемых сопками (рис. 16) [Третьяков, 1966, рис. 86].

В современной археологической литературе под термином сопки понимается определенная категория высоких курганных насыпей IX–X вв. [Кузьмин, 1990]. Поэтому принадлежность высоких насыпей, помещенных на выше названные карты, к собственно классическим сопкам следует оставить под вопросом. Дело в том, что местное население часто именовало любые курганы «сопками». В кон. XIX – нач. XX в. при описании курганов термин «сопки» употребляется как синоним. Например, В.И. Колосов после описания длинного кургана указывает, что «в четырех аршинах от этой сопки тянется в том же направлении новая… . К северу находится круглая сопка, имеющая семь аршин в диаметре» [Колосов, 1906, с. 259].

О том, что на озерах в верховьях Волги находятся не сопки, а высокие курганы, косвенно свидетельствуют результаты раскопок траншеей такого «кургана сопочного характера» В.Н. Глазовым в 1903 г. у пог. Овселуг (Вселуг). Это погребальное сооружение и было включено как сопка в своды Н.Н. Чернягина и В.В. Седова [Чернягин, 1941, с. 129–130; Седов, 1970б, с. 48, № 403]. Однако здесь не найдено никаких каменных конструкций, столь характерных для классических сопок. Захоронение также не обнаружено; в основании кургана и в насыпи были встречены «угольно-пепельный слой» и «легкая зольная прослойка» (следы погребенного дерна ?) [Глазов, 1905, с. 98].

Только один пункт с длинными насыпями (Изведово) обозначен на карте А.А. Спицына (рис. 17) [Спицын, 1903]. В.В. Седов также включает в ареалы культуры длинных курганов юго-западный участок рассматриваемого района [Седов, 1970а, рис. 23; 1974а, табл. 1; 1999, рис. 24] (рис. 15). Ареал культуры псковских длинных курганов, очерченный В.В. Седовым, как правило, приводится и в общих работах по археологии, и в большинстве учебных пособий. Первоначальный единый пласт длинных курганов по мере их изучения и увеличения источниковой базы был разделен на два крупных массива: смоленские и псковские (или псковско-новгородские) длинные курганы. В литературе также встречается (видимо, чтобы подчеркнуть их территориальную принадлежность) наименование последних как боровичские, псковско-мстинские, мстинские [Малыгин, 2007а, с. 72]. Далее в исследовании будет употребляться наиболее распространенное в настоящее время наименование таких курганов – псковские длинные курганы, а археологической культуры – культура псковских длинных курганов (КПДК). При этом предполагается, что столь обширный массив не был единым, но для его дробления пока недостаточно источникового материала. Необходимо отметить, что на современном этапе исследований к КПДК следует относить не только длинные и удлиненные курганные насыпи, но и округлые, подпрямоугольные и комбинированные, так как раскопки показали их идентичность по остальным признакам обряда [Носов, 1981; Михайлова, 1993].

Анализируемая территория рассмотрена в работах П.Д. Малыгина. Древности культуры длинных курганов он относит к двум регионам (рис. 18): Селигерскому – на оз. Селигер, а также озерах Серемо и Граничное, принадлежащих бассейну Мсты, и Верхневолжскому – на оз. Волго и в бассейне р. Пéсочни, правого притока р. Волги [Малыгин, 1994, рис. 1; 2007а, рис. 1]. В эти регионы КДК включены могильники с удлиненными и высокими («сопки в борах») насыпями. По мнению П.Д. Малыгина, памятники КДК, известные на территории Тверской области, имеют следующие особенности [Малыгин, 2007б, с. 54]:

1) высотное размещение – между 200 и 250 метровыми горизонталями в Балтийской системе высот;

2) почвенная приуроченность – к массивам песчаных и, иногда, супесчаных почв, занятых сосновыми борами;

3) наличие только небольшого процента могильников, расположенных далее, чем в 200 м от воды;

4) наличие в могильниках высоких сопковидных насыпей («сопок в борах»).

Исследователем определена основная проблематика в изучении КДК, остающаяся актуальной и сейчас: выяснение хронологии КДК и границ между псковско-мстинскими (псковско-новгородскими) и смоленскими ДК [Малыгин, 2007б, с. 54, 56]. Не совсем ясной остается проведенная с юго-запада на северо-восток граница ареала сопок: между оз. Стерж и Вселуг и по центральной части оз. Селигер, в том числе

и через о-в Хачин (рис. 19). При этом два пункта с сопками обозначены южнее этой границы: на Селижаровском плесе и оз. Волго [Малыгин, 2007в, рис. 2].

Работы О.М. Олейникова являются единственными на сегодняшний день подробно рассматривающими историю населения озер в верховьях Волги в раннем средневековье [Олейников, 2001; 2002а; 2002б; 2003; 2007]. Общая концепция славянского расселения в верховьях Волги, излагаемая им, это, в определенной степени, синтез гипотез П.Н. Третьякова и В.В. Седова. Исследователем также используются данные естественных наук и собственные наблюдения, сделанные при сборе материалов к каталогу памятников.

В основе концепции О.М. Олейникова лежат несколько предположений: 1) зафиксированные климатические колебания (температура и уровень влажности) в смежном регионе (Усвятский Мох) возможно, напрямую связываются с происходившими культурными изменениями; 2) при увеличении влажности и разрастании болот рассматриваемая территория становится изолированной от всех остальных (*«замкнутая со всех сторон разросшимися болотами»*), и здесь *«произошло становление восточной группы культуры псковских длинных курганов»* [Олейников, 2007, с. 168][1].

По мнению О.М. Олейникова, территория в верховьях Волги до прихода славян была заселена финно-угорскими и балтскими племенами. *В IV – нач. V в. (теплый и сухой период) эти племена проживали в благоприятных условиях «на всей территории региона обнаружены поселения и грунтовые могильники этого периода», население размещалось также, и на низинных участках, окружающих озера* [Олейников, 2007, с. 167, 168]. Какие это памятники, где конкретно они находятся – осталось за рамками работы. Возможно, имелись в виду объекты, находящиеся ниже по течению Волги, а не на озерах в ее верховьях.

«Переселенцы из среднеевропейских областей начинают проникать сюда в кон. IV – нач. V вв.» [Олейников, 2007, с. 169] ... «возникла «новая общность народов» из разноэтничных групп, объединившихся территориально по причине природных катаклизмов». Мнение В.В. Седова о похолодании в этот период не подтверждается климатическим графиком [Олейников, 2007, рис. 1], поэтому О.М. Олейников предлагает другое объяснение причин переселения: *нашествие гуннов перекрыло пути оттока населения на юг, поэтому оно двинулось на Восточно-Европейскую равнину, где была слабая плотность населения. «Начавшееся впоследствии изменение климата лишь только усилило миграцию среднеевропейских переселенцев, пока разросшиеся болота не перекрыли пути их продвижения на восток»* [Олейников, 2007, с. 168]. Таким образом, основным препятствием движения славян на восток стали болота. Но остается неясным, почему не использовались для передвижения крупные реки и зачем было продвигаться земледельческому населению (из бассейна Вислы, Одера и Эльбы) на залесенные территории с малоплодородными песчаными почвами, когда можно было по Волге достичь благоприятных почв в Ржевском регионе и далее – в Ростово-Суздальском ополье?

Во 2-й пол. V – 1-й трети VI вв. (холодный и умеренно влажный период) и местное, и пришлое население перемещается на «возвышенные песчаные места». «Славянский этнический компонент был, по всей видимости, более активным, хотя, возможно, наиболее малочисленным. ...В составе переселенцев не оказалось ремесленников-профессионалов (здесь автор ссылается на весьма спорный тезис В.В. Седова), *что привело к постепенному обеднению носителей КПДК, которые были географически обособлены от внешнего мира на продолжительное время» (основанием служит уменьшение инвентаря в курганах и на поселениях)* [Олейников, 2007, с. 168].

Со 2-й пол. VI в. [Олейников, 2007, с. 169, 171] *и, видимо, до сер. VIII в. (теплый и сухой период, сменившийся теплым и влажным) – это время «расцвета» КПДК, «который ознаменовался окончательным превращением ее в своеобразную замкнутую общность народа со своими культурными и материальными признаками»*. Из текста работы можно выделить признаки этой «общности народа»: *безурновые и безынвентарные погребения, малочисленный инвентарь*. Но такие признаки характерны для многих памятников 3-й четв. I тыс. н.э. Восточной Европы. Полиэтничностью населения объясняется многообразие в типах курганов: *высокие сопковидные, круглые, прямоугольные, «блинообразные», удлиненные, длинные – и разнообразие способов погребения по обряду сожжения*.

[1] Здесь и далее курсивом обозначено мнение О.М. Олейникова.

Поэтому и неоднородна глиняная посуда. *Часть ее имеет местную форму, часть сопоставима с керамикой тушемлинской культуры и памятников Среднего Повисленья* [Олейников, 2002а].

Выдвигаемую концепцию иллюстрируют весьма схематичные карты, где обозначены, скорее, не могильники, а массивы: в верховьях Западной Двины, Волги, на оз. Селигер, в верховьях Шлины, на Верхней Мсте, в Юго-Западном Белозерье (рис. 20) [Олейников, 2002а, рис. 3; 2007, рис. 5].

Представляется, что более аргументированными выводы об этнокультурных процессах в эпоху раннего железного века и раннего средневековья будут звучать после дальнейших полевых исследований и всестороннего анализа, имеющихся конкретных источников.

Характеристика источников

В настоящее время по раннесредневековым древностям района и памятникам предшествующего периода имеется весьма скромная источниковая база. Прежде всего, это отрывочные сведения о раскопках 2-й пол. XIX в. на одном городище и нескольких небольших курганов. Ни отчеты, ни находки не сохранились. Опубликованы результаты работ В.Н. Глазова, В.И. Колосова, С.А. Тараканової.

В отличие от более-менее подробного описания материалов, относящихся к эпохам камня и бронзы, в полевых отчетах Д.А. Крайнова и Н.Н. Гуриной сведения, касающиеся раннесредневековых напластований и находок на раскопанных ими памятниках, весьма лаконичны. В коллекциях материалов со стоянок, исследованных Д.А. Крайновым, привезенных в кон. 80-х гг. XX в. в фонды ТГОМ, содержится, по его словам, «примесь более поздних артефактов» – керамики 2-й пол. I тыс. н.э. Коллекции, сохранившиеся после масштабных работ Н.Н. Гуриной, разобраны пока частично (хранятся в ИИМК РАН). В 2010 г. мною и Г.В. Синицыной были отделены раннесредневековые материалы селища Залесье от керамики одноименных стоянок 1 и 2.

Весьма краткие отчеты о работах на многослойном городище Никола-Рожок находятся в Архиве ИА РАН [Успенская, А-1966; А-1967]. В коллекции массового материала, после первичной обработки, были оставлены единичные обломки венчиков и стенок сосудов с разной внешней поверхностью. Коллекция индивидуальных находок и керамики частично хранится в ГИМ, частично помещена в экспозицию Осташковского филиала ТГОМ.

Небольшое количество находок (в основном – керамики) было получено в результате разведочных работ посл. четв. XX – нач. XXI в. Большинство материалов находится в фондах ТГОМ и доступно для анализа. Здесь же хранятся коллекции из раскопок курганов в Гринино 1 и 2, Тухачёво 1, Девичье 1 и 4, селища Пéски 1 и поселения Тухачёво (четыре фрагмента лепных сосудов помещены в экспозицию Селижаровского муниципального музея), раннесредневековые керамика и большинство вещей селища Подол 3. Материалы селища Подол 3 и селища Пéски 1 опубликованы [Синицына, Исланова, 2009; Волкова, Исланова, 2011].

Материалы разведочных работ для создания проектов зон охраны памятников, проведенных А.С. Дворниковым и Н.В. Левиной, хранятся в г. Твери в Архиве Комитета по государственной охране объектов культурного наследия Тверской области.

Непосредственно на местности автору данной работы удалось ознакомиться со следующими памятниками исследуемого района: курганные группы и поселения у дд. Тухачёво, Девичье, Теплень, Гринино. Детальное обследование памятников производилось мною у д. Колобово и Нечаевщина. В 1990 г. раскапывались курганы совместно с О.М. Олейниковым и И.Н. Черных в могильниках Гринино 1 и 2, а в 2004 г. – с Р.А. Мимоходом в могильнике Колобово 1.

В настоящей работе впервые анализируются и вводятся в научный оборот «забытые» материалы раннего железного века и раннего средневековья с многослойных поселений, исследованных в 60-е – 70-е гг. XX в.: Залесье 1–2[1], Ронское 1 и 3, Тухачёво 1, Никола-Рожок.

Пользуюсь случаем поблагодарить за предоставленную возможность использования материалов работ О.Д. Белякову, М.В. Волкову, А.С. Дворникова, Ю.А. и Е.В. Кобозевых, В.В. Курбатова, Г.А. Лаврову, Н.В. Левину, А.П. Ланцева, А.Д. Максимова, А.В. Мирецкого, О.М. Олейникова, Г.В. Синицыну, И.Н. Черных. Особо следует выразить глубокую признательность зам. директора ТГОМ по археологии И.Н. Черных за ряд ценных замечаний в ходе предварительного рецензирования этой монографии.

[1] Наименование селища «Залесье 1–2» дано в соответствии с лежащими под единым поселением (на разных террасах) стоянками, пронумерованными Н.Н. Гуриной соответственно 1 и 2.

Глава 2
Древности раннего железного века

К поселениям раннего железного века в рассматриваемом регионе можно предварительно отнести не менее 22 объектов. Это нижние слои 9 городищ и напластования на 13 поселениях (рис. 21). Погребальные памятники неизвестны. Предварительная хронология большинства объектов связана с тем, что их датировка устанавливается по найденному единичному подъемному материалу и фрагментам керамики из шурфов. Если фрагменты сосудов с сетчатой поверхностью не вызывают особых сомнений в их принадлежности к раннему железному веку, то гладкостенная лепная керамика (в основном с шероховатой поверхностью и без орнамента) может относиться как к днепро-двинской, так и к раннедьяковской культурам, как к культуре Среднего слоя Тушемли, так и к позднедьяковской. Некоторую информацию дают фрагменты верхних частей сосудов. Например, в днепро-двинской культуре преобладали баночные «непрофилированные» или слабопрофилированные формы сосудов «с отогнутым наружу краем венчика и едва намеченной шейкой» [Короткевич, Мазуркевич, б/г, с. 70].

На современном этапе исследований большинство памятников раннего железного века рассматриваемого региона можно дифференцировать по двум крупным культурно-хронологическим группам: памятники раннего (примерно, до рубежа эр) и позднего (с рубежа эр до сер. I тыс. н.э.) периодов.

К ранней группе (2-я пол. I тыс. до н.э. – рубеж эр) относятся 12 поселений с гладкостенной керамикой и единичными находками фрагментов сетчатой посуды: городища Никола-Рожок, Нечай Городок (илл. 1), Стерж и Казаково, поселения Тухачёво, Дубовец (Пено 3) [Шумкин, 1997, с. 171], селища Ланино 1 [Верещагина и др., 1995, с. 53–54], Зальцо, Поребрица 2 и Залесье 1-2, селище и городище Турская (рис. 21). Сетчатая фактура на посуде представлена т.н. рябчатыми отпечатками, иногда слабо «читаемыми» на их внешней поверхности (рис. 22; 45:7, 9; 61: 2–4). Индивидуальные находки происходят: с городища Никола-Рожок – костяные проколки, с городища Нечай Городок – железный двушипный черешковый наконечник стрелы (рис. 61: 1). Отсутствие поселений с культурным слоем, насыщенным сетчатой керамикой (как, например, в Тверском Поволжье), позволяет предположить, что анализируемая территория тяготела к верхнедвинскому варианту днепро-двинской культуры (рис. 23).

К памятникам позднего этапа можно причислить поселения с находками фрагментов профилированных в верхней части сосудов с изогнутой шейкой и резко отогнутым венчиком и преимущественно орнаментированных нарезками, защипами, отпечатками веревочки (рис. 27: 1–6; 33; 45: 1–6, 8; 52). Аналогичную керамику, найденную севернее – в бассейне Мсты, В.Я. Конецкий называет среднетушемлинской [Конецкий, 1997, с. 217; Шмидт, 1992, с.]. По П.Н. Третьякову, появление такой керамики маркирует позднедьяковский этап культуры [Третьяков, 1966, с. 146]. Время ее распространения (по материалам Верхнего Поволжья) – 1-я треть I тыс. н.э. Поселения бассейна Верхней Мсты с аналогичной по форме и с близким орнаментом посудой выделены мной в особую группу древностей типа Варварина Гора (наименование дано по реперному памятнику) [Исланова, 2007, с. 306–308]. Для кера-

мики поселений типа Варварина Гора характерен орнамент в виде защипов, отпечатков шнура, реже – нарезок; помимо края венчика, часто орнаментировались плечико и/или верхняя часть тулова (рис. 24). Возможно, на этом же этапе (или несколько позже) появляется лощеная посуда, отдельные фрагменты которой происходят с селищ Теплень и Ронское 3, Пéски 1, Залесье 1–2.

К позднему периоду пока можно отнести 5 поселений, которые, судя по керамическому и вещевому материалу, входят в группу древностей типа Варварина Гора: городища Никола-Рожок и Казаково, селища Ронское 3, Залесье 1–2 и Пéски 1 (нижний слой) (рис. 21).

Городище Никола-Рожок занимает вершину моренного холма и расположено на мысу, далеко вдающемся в оз. Селигер (рис. 25, 26). Мыс имел форму рога – отсюда название урочища: «Рожок». Площадка городища подтреугольной формы возвышается на 20 м над уровнем воды. Площадь поселения около 2000 кв. м. Бóльшая часть площадки занята развалинами церкви и кладбищем, обнесенным стеной. С юго-востока – с напольной стороны – прослежены остатки вала, почти полностью разрушенного при строительстве здесь сельской школы.

Памятник в 1966–1967 гг. исследовался А.В. Успенской [Успенская, А-1966; А-1967]. В трех раскопах на мысу и в шурфе в напольной части было вскрыто 400 кв. м. Выяснено, что памятник был многослойным, но слои раннего железного века и раннего средневековья в площади раскопов не сохранились – были разрушены в древнерусское время. Мощность культурного слоя – интенсивно черной супеси – от 0,4 до 1 м. Так как исследования вала не производились, то остается неизвестным, существовали ли укрепления в раннем железном веке.

Из переотложенных и сильно поврежденных в древнерусское время слоев 1-й пол. I тыс. н.э. происходят фрагменты лепных сосудов и вещей. Как уже указывалось, в коллекции из раскопок были, к сожалению, сохранены единичные фрагменты лепной керамики. Среди них – четыре обломка верхних частей сосудов, три из которых орнаментированы по краю венчика вдавлениями штампа (рис. 27: 1, 2, 5). Помимо этого на городище, судя по тексту отчета, были найдены фрагменты, орнаментированные косой насечкой по венчику и с «редким ямочным орнаментом» на стенках [Успенская, А-1967, л. 7]. В коллекции, хранящейся в ГИМ, имеется один фрагмент стенки лепного округлобокого сосуда, орнаментированный отпечатками веревочки или шнура (рис. 27: 3). Поверхность сосудов слабошероховатая, в керамическом тесте – примеси мелких зерен дресвы. Ближайшие аналоги такой посуде известны на городище Варварина Гора в верховьях р. Шлины (рис. 24) [Буров, 2003, рис. 18: 3–17; 30: 34]. Один фрагмент сосуда, орнаментированный по плечику вдавлениями плоской палочки, судя по аналогам орнаменту, возможно, относится к днепро-двинским древностям [Шадыро, 1985, с. 74, рис. 55]. К 1-й пол. I тыс. н.э. можно отнести и тонкостенные фрагменты придонных частей сосудов (рис. 27: 7, 8). Днища подсыпок не имеют.

Хронологию найденного массового материала уточняют обнаруженные в перемешанных слоях индивидуальные находки, имеющие ближайшие аналоги также среди вещевых материалов городища Варварина Гора. Это железный серп «с петлей» (рис. 29: 2; 30: 2). Подобные изделия известны в лесной зоне Восточной Европы преимущественно на памятниках III–V вв. [Минасян, 1978, с. 80–81]. С городищем 1-й пол. I тыс. н.э. (скорее всего, 2-й четв. I тыс. н.э.) связаны фрагменты трех грузиков дьякова типа и одно целое изделие (рис. 28: 3, 4, 7, 8). Грузики отличаются небольшими размерами и имеют орнамент в виде мелких вдавлений. Изделия с определимой формой относятся к типам 1 и 5а по К.А. Смирнову и датируются соответственно II–V вв. н.э. и с I в. до н.э. по III в. н.э. [Смирнов, 1971, рис. 1; 1974, с. 65].

Предположительно с этим же культурно-хронологическим периодом связаны бронзовые подвески: колоколовидная с треугольными прорезями и бутылковидная (рис. 29: 1) [Успенская. А-1967, рис. 22], – а также фрагмент глиняного овального пряслица и крупная глиняная буса или грузило (рис. 28: 6). К слою раннего железного века А.В. Успенской также отнесены два каменных утюжка и две каменные зернотерки [Успенская, А-1967, с. 9]. Два железных ножа с прямой спинкой и пластинчатое кресало с петлей на конце (см. описание ниже, в главе 4) в равной степени могли принадлежать как к рассматриваемому, так и к следующему (сер.–3-я четв. I тыс. н.э.) периодам (рис. 28: 1,2,).

Опираясь на аналоги керамики и вещей, можно говорить о существовании на городище напластований III–IV вв. н.э. По керамическому и вещевому материалам поселение этого времени в культурном плане относится к группе памятников типа Варварина Гора [Исланова, 2007, с. 306–307].

Подобные слои есть и на **городище Казаково** (рис. 32), судя по найденным фрагментам сосудов, украшенным в двух случаях по краю венчика отпечатками веревочки (рис. 33: 1, 6). Городище занимает мыс южного берега оз. Волго. Площадка сильно подмыта озером. Ее сохранившиеся размеры – 25×19 м, высота над водой – 10–12 м [Крайнов, А-1969].

В керамической коллекции с **селища Залесье 1–2** семь фрагментов орнаментированы отпечатками веревочки или шнура (рис. 45: 1–6, 8). Они принадлежат сосудам с резко отогнутым венчиком и мисковидным горшкам. Судя по местонахождению находок, такая керамика (типа Варварина Гора) обнаружена преимущественно на верхней террасе поселения (раскоп 1).

Со слоем с керамикой типа Варварина Гора, который был сильно поврежден раннесредневековыми отложениями, а затем — распашкой, можно связать находку грузика дьякова типа. Форма изделия не известна, так как сведения о нем содержатся только в отчете 1974 г. [Гурина. А-1974, л. 9]. Грузик был обнаружен в верхней части углистого заполнения прямоугольной материковой ямы в кв. 62, 63, 58, 59 (рис. 40). В заполнении этой ямы встречены обожженные камни. Поперечники ямы З–В – 1,4×0,7 м, глубина в материке – 0,5 м, дно – плоское. Назначение ямы неясно. Судя по найденной яме, обожженным камням, керамическим и вещевой находкам, на селище этого времени были расположены какие-то наземные жилые сооружения.

Примерно 2-й четв. I тыс. н.э. датируется нижний слой **селища Пёски 1** (см. описание поселения в главе 4), расположенного на восточном берегу оз. Селигер. Культурный слой состоит из темно-серой супеси мощностью 0,08–0,25 м (рис. 49). С поселением этого времени можно связать остатки постройки № 3 (рис. 48), фиксировавшейся в виде пятна темно-серой супеси с вкраплением коричневой почвенной супеси и мелких углей. Прослеженные размеры пятна постройки – 2,2×2,2–3,2 м. В материке находилась подпольная яма (понижение) с крутыми стенками и уплощенным дном. Глубина ямы-понижения от поверхности материка – 0,2 м. Дно ямы было прорезано столбовыми ямами, связь которых с постройкой неясна.

В материковой яме-понижении найден фрагментированный слабопрофилированный сосуд (рис. 53: 1), близкий по форме керамике, происходящей с памятников Верхнего Подвинья, в частности с селища 2-й четв. I тыс. н.э. Узмень [Лопатин, Фурасьев, 2007а, рис. 111: 6; 112:4; 120: 4; 124: 2; 128: 6; 130: 1]. Однако нельзя исключать и местные корни такой посуды.

Еще одна постройка (№ 4) прослежена по остаткам столбовой канавки (рис. 48). Канавка ориентирована по линии СЗ–ЮВ; ее длина 4,90 м, ширина около 0,4 м, глубина в материке до 0,3–0,5 м. Пятно канавки было раскрыто при зачистке поверхности материка. Заполнение канавки – это слой светло-коричневой почвенной супеси с вкраплением линз серой золистой супеси, мелких углей, рыжего и белесого песка. Канавку образовывали ямы стоявших здесь вплотную столбов диаметром около 0,3 м. Приблизительно в центре канавки, у ее северного края была найдена примыкавшая к ней столбовая яма диаметром около 0,5 м.

Наземная часть постройки № 6 в виде пятна темно-серой с включением углей и крошки пережженных камней супеси выявлена при зачистке слоя серой золистой супеси (рис. 48). Прослеженные размеры части пятна – 3,0×2,25 м; форма была близка к прямоугольнику, вытянутому по линии СВ–ЮЗ. Углубленная в материк подпольная часть имела размеры 0,7–1,1×2 м, глубину в материке 0,18 м. В заполнении подпольной части строения был слой, аналогичный слою пятна. В верхней части заполнения пятна ямы расчищен развал лепного орнаментированного сосуда (рис. 52: 16).

В слое селища найден фрагмент шумящей подвески (рис. 50: 12), аналоги которой известны среди инвентаря городища Орлов Городок на р. Могоче в бассейне Верхней Волги (фонды ТГОМ, раскопки А.Д. Максимова). С этим же слоем можно связать фрагменты сосудов, орнаментированные различными нарезками, защипами, не характерными для посуды 3-й четв. I тыс. н.э. Аналогичная керамика известна в смежном регионе – на позднедьяковском городище Варварина Гора – и происходит из слоя, датированного в основном III–V вв. н.э. [Буров, 2003, рис. 43, 47].

Не менее 11 фрагментов лепных сосудов, которые можно отнести ко 2-й четв. I тыс. н.э., найдены в верхних слоях **поселения Ронское 3**. Это фрагмент венчика, орнаментированный нарезками по краю (рис. 58: 1), восемь подлощенных стенок, две придонные части, а также фрагмент лощеного дна светло-серого цвета. Возможно, к этому же периоду относится и фрагмент сосуда с округлым туловом и наибольшим рас-

ширением в средней части с хорошо заглаженной (подлощенной) внешней поверхностью (рис. 58: 9), аналоги которому происходят с городища Варварина Гора [Буров, 2003, рис. 26: 13, 54, 55].

Остаются неясными культурная принадлежность и хронология некоторых керамических материалов из разведочных работ с селищ Хитино и Зальцо. На последнем обнаружены несколько мелких фрагментов керамики с сетчатой поверхностью — свидетельство существования этого объекта во 2-й пол. I тыс. до н.э. Остальные фрагменты принадлежат слабопрофилированным неорнаментированным сосудам (рис. 33: 7). На селище Теплень известны единичные находки лощеной керамики (рис. 33: 5).

Таким образом, опираясь на немногочисленный материал, можно весьма предварительно говорить о «пограничном» положении региона (в культурном плане) и о возможном тяготении его во 2-й пол. I тыс до н.э. – нач. I тыс. н.э. к древностям верхнедвинского варианта днепродвинской культуры. В III–IV вв. н.э. рассматриваемая территория входит в культурную зону, занятую памятниками типа Варварина Гора, которые возникли, возможно, не без влияния среднетушемлинских древностей, известных в Верхнем Подвинье и Поднепровье.

Глава 3
Раннесредневековые погребальные памятники

В сводных работах последних десятилетий рассматриваемая территория с озерами Волговерховья не входит в основной ареал КПДК. Исключением являются исследования П.Д. Малыгина и О.М. Олейникова. П.Д. Малыгиным курганные могильники распределены по двум регионам (рис. 18): Селигерскому (куда включены также памятники на озерах бассейна р. Шлины) и Верхневолжскому (куда вошли и памятники в бассейне р. Песочни, правого притока р. Волги) [Малыгин, 1994, рис. 1; 2007б, с. 53, рис. 4]. По мнению О.М. Олейникова, памятники КПДК появились в 1-й пол. V в. (Гринино 1) и были длительное время географически обособлены из-за разросшихся болот; а с сер. VIII в., из-за очередного похолодания, население могло переселиться в район Смоленского Поднепровья [Олейников, 2007, с. 169–170].

К сожалению, за пределами этого исследования остались сведения, какие же собственно могильники причислены к КПДК. Нет никаких материалов, подтверждающих мнение О.М. Олейникова о наличии в районе им обозначенных могильников и поселений КСДК кон. VIII – сер. X в. (рис. 63) [Олейников, 2007, рис. 6, 9]. К КСДК им причислены 9 могильников и только одно поселение. Но если следовать предположению О.М. Олейникова, то вблизи каждого такого могильника должно находиться поселение. Раскопки курганов не производились, подтвердить принадлежность их к КСДК невозможно.

Большинство погребальных насыпей, объединенных в культуру псковских длинных курганов, распространенную на обширной территории от Чудского озера на западе до Средней Мологи на востоке, достаточно «узнаваемы» по серии признаков, отличающих их от остальных погребальных древностей. Опираясь на количественный состав погребальных памятников в микрорегионах, выделенных в бассейне Мсты [Исланова, 2006, с. 26–29], территорию с озерами в верховьях Волги можно отнести к отдельному микрорегиону – Селигерскому. За исключением могильников, где проводились раскопки, остальные курганные памятники отнесены к региону КПДК на основании внешних визуальных признаков, выделенных для аналогичных погребальных объектов смежных территорий (рис. 64). Принадлежность курганных могильников к КПДК определяется по сочетанию следующих признаков, характерных для данной культуры.

1. Наличие в курганном могильнике насыпей длинных, удлиненных, округлых подпрямоугольных, реже – комбинированных в основании и сопковидных (высотой более 1,5 м и диаметром более 15 м). При этом возможно наличие в могильнике всех перечисленных или только одной из этих категорий курганов.

2. Размещение в определенном типе почвенного ландшафта ледникового происхождения: на участках зандровых равнин и низин со слабоволнистым рельефом (в т.ч. с озовыми грядами) и с песчаными почвами, занятых (или ранее занятых) сосновыми борами.

3. Расположение курганов внутри могильника «цепью» в один или несколько рядов; удлиненные насыпи сооружены по линии «цепи» курганов. Вытянутость основной массы насыпей и оси длинных и удлиненных курганов со-

ответствует общей ориентировке могильника (рис. 65–68).

4. Скопление из нескольких могильников вытянуто в виде «цепи» могильников.

5. «Цепь» из курганов или из могильников вытянута параллельно береговой линии (по кореннику) или по озовой гряде, расположенным на некотором расстоянии от воды.

6. Отсутствие каменных конструкций в основании курганов и/или под их насыпью (этот признак применим только для восточной области КПДК).

По характеру погребального инвентаря рассматриваемый район находится в пределах выделяемой в настоящее время восточной области КПДК [Михайлова, 2009, с. 12–13]. Восточная область включает бассейны р. Мсты, Верхней Тверцы, Молого-Шекснинское междуречье (в т.ч. Юго-Западное Белозерье) и верховья р. Волги с расположенными здесь озерами. Область отличается по набору погребального инвентаря (прежде всего, по деталям костюма), отражающего, видимо, культурные особенности населения.

Однако не все курганные могильники отвечают «требованиям» КПДК. Поэтому известные на изучаемой территории раннесредневековые памятники были распределены по трем группам (табл. 1–3, рис. 64):

1) курганы, относящиеся к КПДК с большой степенью вероятности (рис. 65–67);

2) курганы, которые предположительно могут быть отнесены к КПДК: это случаи, когда или недостаточно сведений, или присутствуют не все признаки, характерные для КПДК (рис. 68);

3) курганы, культурная принадлежность которых остается под вопросом (рис. 69–71).

По всей видимости, вблизи насыпей КПДК и в их межкурганном пространстве находятся грунтовые захоронения (могильники), что подтверждается работами на могильнике Тухачёво 1 на оз. Волго [Олейников, 2002б, с. 188]. Эта категория погребальных памятников зафиксирована в остальных региона и микрорегионах КПДК [Исланова, 2006, с. 55–57].

К памятникам КПДК Селигерского региона отнесены 68 курганных могильников. Кроме того, 51 могильник, в основном только с округлыми насыпями, включая одиночные сопковидные, отнесен к предполагаемым памятникам КПДК. Не ясно, курган или грунтовое погребение было найдено на о. Дубовец (Пено 3) [Верещагина и др., 1995, с. 45; Шумкин, 1997, с. 171]. Более половины могильников региона находится на берегу водоема (не далее 100 м от него), случаи с расположением курганов далее 500 м от реки или озера – единичны (табл. А).

Этот признак, возможно, характерен только для восточной группы КПДК [Исланова, 2006, с. 30–31], так как детальный анализ приуроченности курганов в иных регионах не производился.

Рассмотрим некоторые черты выделенных объектов КПДК. Для погребальных памятников не характерно большое количество насыпей. Господствуют могильники из одного-двух курганов (табл. Б).

Случаи, когда насыпей более 20, – единичны. Это могильники Волоховщина – 28 курганов, Гринино 1 – 31 курган (рис. 76), Волговерховье – 32 кургана. Удлиненные и длинные курганы в группах малочисленны. Самые длинные насыпи имеют размеры 20×5 м (Тухачёво 1), 35×6 м (Девичье 4); 27×8 м (Лом 2) и 52×8–9,5 м (Колобово 3) (рис. 67; 90; илл. 5). Немногочисленны и прямоугольные насыпи. Больше всех – 8 курганов – их зафиксировано в могильнике Звягино 1. Следует сказать, что истинная (часто не округлая, а прямоугольная) насыпь выявляется,

Таблица А. Размещение могильников КПДК относительно ближайших водоемов

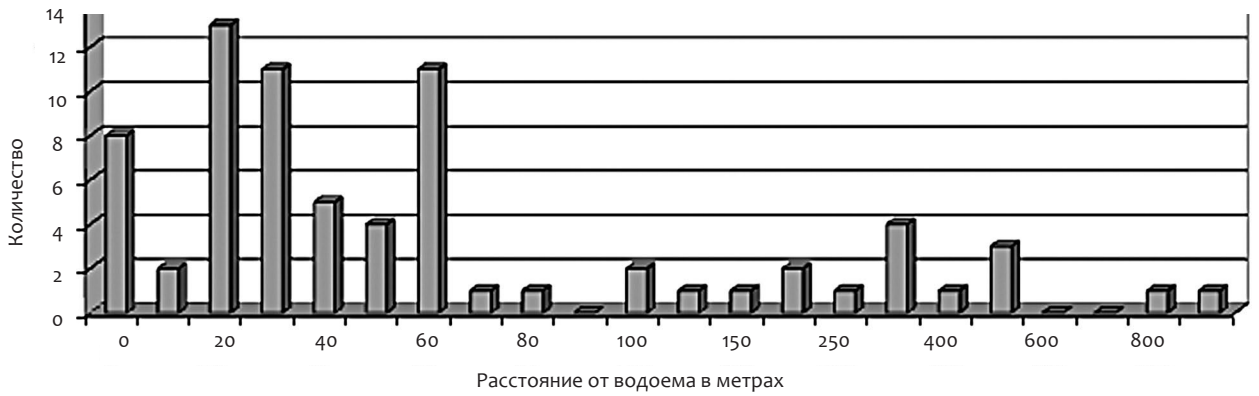
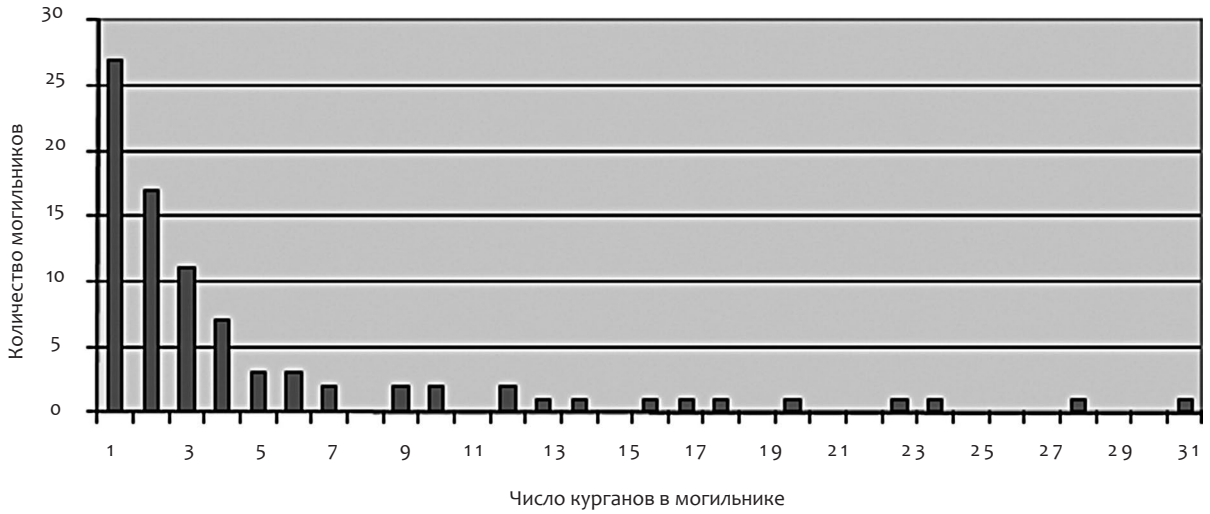


Таблица Б. Количественный состав курганных могильников КПДК



как правило, только после раскопок. Сопковидные курганы («сопки в борах», «высокие курганы КДК» – например рис. 67; 76; илл. 3) достигают в высоту 5 м при диаметре 22–23 м (Тухачёво 4, 5). Эти насыпи расположены в сосновых лесах в могильниках, имеющих в своем составе длинные и удлиненные курганы. Такое местоположение не позволяет причислить высокие курганы к сопкам (классическим высоким насыпям, характерным для культуры сопок).

В Селигерском регионе выделяются 2 скопления (гнезда) памятников КПДК и 5 скоплений, состоящих как из могильников КПДК, так и (преимущественно) из могильников, предположительно отнесенных к КПДК (рис. 72).

Скопление 1. Находится на озерах Березовецкое – Серемо. Состоит из 7 могильников: Гринино 1 и 2, Берёзово 1 и 2, Лом 1, 2, 3. Насчитывает 56 курганов. Преобладают округлые насыпи. В группах Гринино 1 и 2 проводились охранные раскопки, были исследованы 7 курганов [Олейников, 1992а; 1992б]. В это же скопление входит могильник Котчище неясной культурной принадлежности: одна из удлиненных насыпей в нем сооружена перпендикулярно берегу.

Скопление 2. Находится на озерах Селигер – Сабро. Состоит из 9 могильников: Звягино 1, 2, Конец 1–7. Насчитывает 52 кургана. Раскопки не производились. Преобладают округлые насыпи, но, как уже упоминалось, в группе Звягино 1, состоящей из 13 курганов, 8 насыпей были прямоугольными.

Скопление 3. Расположено на участке истоков р. Волги – оз. Поселицы. Состоит из 6 могильников: Волговерховье 1 – 4, Вороново 1, Трестино 2. Здесь насчитывается 59 курганов. В скоплении, помимо округлых, есть удлиненные, сопковидный и подпрямоугольный курганы [Мирецкий, А-2007, А-2008, А-2009; Федотов, А-2009].

Скопление 4. Расположено на озерах Стерж и Вселуг. Состоит из 6 могильников: Новинка 1 и 2, Палиха 1–7, Ширково. Здесь сосредоточено более 47 курганов. В могильниках Новинка 1 и 2 есть сопковидные насыпи, в остальных – преобладают округлые курганы. В скопление входят также могильники Косицкое 1 и 2, отнесенные к КПДК предположительно. Раскопки 4 курганов в могильниках Новинка производились В.Н. Глазовым в 1903 г. [Глазов, 1905, с. 103].

Скопление 5. Находится на оз. Волго (точнее, на берегах оз. Волго до создания бейшлота и в окрестностях этого озера – выше по течению р. Волги). Состоит из 10 могильников: Польки 1 и 2, Колобово 3 и 8, Тухачёво 1–6. Насчитывается 51 курган. В этом скоплении находится самый длинный курган микрорегиона: 52×8–9,5 м (Колобово 3), преобладают округлые насыпи. К этому скоплению можно также причислить 5 могильников, предположительно отнесенных к КПДК (Девичье 18, 19, 21, Казаково (Ручьёво) 1, Колобово 4). На территории скопления также находятся два могильника, культурная принадлежность которых не ясна, а в насыпях обнаружены каменные конструкции. Стационарно исследованы 6 курганов. Это насыпи в двух могильниках Девичье 4, Тухачёво 1 [Олейников, 2001; Олейников, 2002в, с. 188], остатки одного частично и одного полностью разрушенных

курганов (Колобово 1) [Исланова, Мимоход, 2005, с. 148–149]. Еще на одном кургане (Девичье 2) в месте грабительской ямы (в рамках ее доследования и дальнейшей засыпки) был заложен раскоп [Олейников, 2001, с. 108–110].

Скопление 6. Находится на оз. Пено. Состоит из 4 могильников КПДК (Изведово 1–3, Орлино) и 17 могильников, предположительно отнесенных к КПДК (Гора 1–9, Гора, Кобенево 1–5, Кречетово). Вместе с предполагаемыми курганами скопление насчитывает более 42 насыпей, но в Изведовских группах точное количество курганов неизвестно. Более половины могильников состоит из одной насыпи, в трех случаях известны сопковидные курганы (Гора, Гора 3, Кречетово). 4 кургана (Изведово 2 и 3) были раскопаны в кон. XIX – нач. XX в. [Колосов, 1906].

Скопление 7. Находится на Селижаровском плесе оз. Селигер. Состоит из 3 могильников КПДК (Панюки 2, 3; Нижние Котицы 17) и 17 могильников, предположительно относимых к КПДК (Осцы 1, 2, Верхние Котицы 1, 2 и Нижние Котицы 1–13). Здесь насчитывается 57 курганов. Кроме того, в скопление входит еще могильник, культурная принадлежность которого остается неясной: Панюки 1 – 23 кургана. В нем удлиненные насыпи сооружены перпендикулярно водоему и встречено кучное расположение курганов. Раскопки не производились.

Погребальный обряд

Исследователи неоднократно отмечали многообразие приемов сооружения насыпей в могильниках КПДК, способов захоронения и помещения остатков кремации [Седов, 1974а, с. 18, 19; Михайлова, А-2009; Исланова, 2006, с. 52–54]. Основным отличием КПДК от КСДК является способ сооружения насыпи. В КПДК нет характерных для смоленских курганов специальных подсыпок для увеличения насыпи – преимущественно в высоту [Шмидт, 1963, с. 101–103; Енуков, 1990, с. 34]. Разница наблюдается также в вещевом и керамическом материале, что, как считают исследователи, связано не только с отличиями в хронологии, но и в культурной принадлежности.

Развернутую общую характеристику погребального обряда привести невозможно из-за весьма незначительных стационарных исследований в регионе, небольшого объема полученного вещевого и керамического материала. Кроме того, большинство исследований остаются не опубликованными или опубликованы частично. В настоящее время возможны лишь первичная, предварительная, характеристика встреченных и зафиксированных элементов погребального обряда и инвентаря, а также сравнение с древностями более детально изученного смежного Верхнемстинского региона.

Всего в Селигерском регионе раскопано не менее 17 курганных насыпей в 9 могильниках (рис. 72), где было обнаружено свыше 43 погребений по обряду кремации. Выявлены также 3 грунтовых захоронения (без учета сожжений на о-ве Дубовец). По курганам, раскопанным в кон. XIX – нач. XX в., детальные сведения об обряде отсутствуют (Изведово, Новинки) [Колосов, 1906, с. 259–260; Глазов, 1905, с. 103].

Подробное описание исследованных курганов и захоронений опубликовано для могильников Девичье 1 и 4 [Олейников, 2001]. Об остальных исследованных курганах можно судить по тезисной информации в сборниках «Археологические открытия», в Псковском и Новгородском сборниках, по каталогу к кандидатской диссертации О.М. Олейникова [Олейников, 2002б; Олейников, 1992а, с. 106–108; Олейников, 1992б, с. 39–41; Олейников, А-2003, л. 794–796].

В исследованных в кон. XX – нач. XXI в. курганах КПДК обнаружены погребения по обряду сожжения на стороне. Только одно из сожжений (человека и лошади) в Гринино 2, курган № 2, по мнению О.М. Олейникова, было совершено в основании кургана на месте, а затем кости и угли сгребли к центру[1].

Углистые или зольно-углистые прослойки (предположительно от ритуального выжигания растительности на площадке) зафиксированы в четырех курганах: Изведово 3, Новинка, курган № 25 (по В.Н. Глазову [1905, с. 103]), Гринино 1-3, сопковидная насыпь Девичье 2-1.

Некоторые из исследованных насыпей сооружались в два этапа. В нижней насыпи встречалась примесь почвенного слоя с подзолом, а верхняя насыпь сооружалась из материкового песка (Девичье 4-1, Девичье 2-1 – рис. 73–75). В двух случаях погребения были произведены в ровиках первичных насыпей в ямках; затем ровик с захоронениями и склон насыпи засыпался грунтом, из-за чего образовывался еще один ров, около вторичного (досыпанного) кургана (Гри-

[1] Далее в тексте и таблицах № могильника, № кургана и № погребения будут обозначаться цифрами через дефис: например, Гринино 2-2-1.

нино 1-3; Тухачево 1-11) [Черных, Олейников, Исланова, в печати]. Подобный способ сооружения относится ко второму типу по М. Аун, когда курган сооружался путем присыпки грунта к одной или двум сторонам уже имеющейся насыпи с захоронениями [Аун, 1980, с. 45].

Предположительно миниатюрный курган с двумя ровиками-канавками («овальные углубления») находился под основной насыпью кургана Гринино 2-2 (рис. 78). Такая «первичная» насыпь из углистой коричневой супеси была возведена над ямкой с урной, в которых лежали остатки сожжения и погребального инвентаря. Урна была перекрыта обугленными досками. Ровики вокруг миниатюрной насыпи заполнены углями, а северо-северо-восточный ровик – еще и жженными костями.

В одном кургане – округлом или прямоугольном (включая внутренние ровики) – могло насчитываться от одного до шести захоронений. В длинном кургане могильника Тухачёво 1 обнаружены 17 захоронений. Всего имеются сведения по обряду 36 курганных погребений. В курганных рвах также были встречены углистые прослойки.

В Селигерском регионе выделяются следующие способы помещения остатков кремации:

1) кости россыпью на промежуточной площадке (Девичье 4-1, Тухачево 1-11);

2) кости россыпью на вершине кургана (Девичье 4-1; 4-5; Тухачево 1-11; Гринино 1-4 и 1-6);

3) кости в ямке (диаметром 0,35 м, глубиной 0,2 м), выкопанной на вершине промежуточного или окончательного кургана (Гринино 2-1);

4) захоронение во внутреннем ровике россыпью или в ямке? (Гринино 1-3 – погр. 2–6; Тухачево 1-11);

5) кости в материковой ямке в урне (Гринино 2-2-2 – сожжены три человека) или просто в ямке (Гринино 1-4);

6) кости в основании кургана в кучке (Гринино 1-5; Гринино 2-2-3 (в домовине); Гринино 2-2-4, Гринино 2-2-2); по мнению автора раскопок, последнее трупосожжение произведено на месте в основании кургана.

Там, где производились определения остатков кремации, выяснилось, что в одном захоронении могли быть остатки нескольких умерших.

Кости животных встречены вместе с семью захоронениями людей: на первичной насыпи в Тухачёво 1-11 (кости медведя?), в домовине Гринино 2-2 (кости свиньи и лошади), в Гринино 2-2-4 (кости лошади), в Гринино 1-3 (лошадь – в первичной насыпи) и в нескольких погребениях первичного ровика (очищенные кости лошади). Таким образом, чаще всего, встречены сожжения лошадей.

Ближайшие аналоги совместного помещения жженных костей животных и костей человека зафиксированы в КПДК смежного Верхнемстинского региона [Исланова, 2006, с. 49–50].

В курганах КПДК анализируемого региона прослежены **деревянные конструкции** или остатки предполагаемых деревянных конструкций. В основании кургана Гринино 2-2 зафиксирована углубленная в почвенный подзолистый слой своеобразная «домовина», ориентированная примерно З – В (рис. 77). Ее внешние размеры – 1,17×0,76 м, внутренние размеры — 0,77×0,50 м. Судя по следам остатков бревен, конструкция была срубная. Внутри «домовины» в углу находилось скопление жженных костей с инвентарем, лежащее в коричневом песке с углями. «Домовина» была углублена в почвенный подзолистый слой на 0,15 м. Возможно, СВ угол конструкции был затем поврежден впускной ямой с кремацией.

В основании длинного кургана Тухачёво 1-11 следы «домовины» представляли собой «канавки», углубленные в материк на 0,2–0,6 м. Размеры домовины – 1,9×1,9 м. Погребение внутри не обнаружено.

Схожие небольшие «домовины» (0,75×0,65 м, 2,0×0,95 м) известны под насыпями КПДК в Юго-Восточной Эстонии. По размерам они существенно отличаются от остатков довольно крупных деревянных конструкций в верхнемстинских курганах [Исланова, 2006, с. 46–47] и от «домиков мертвых» Молого-Шекснинского междуречья [Башенькин, 1995, с. 9–12]. Внутри этих деревянных конструкций также находились остатки сожжений (рис. 84, 85) [Аун, 1992, с. 126–129] .

Остатки деревянных конструкций могли находиться еще в двух курганах рассматриваемого микрорегиона. Так, в Гринино 1-5 в основании кургана зафиксировано прямоугольное углистое пятно 0,8×0,9 м со жженными костями. В основании кургана Гринино 1-6 расчищены углистые плашки, лежащие по линии З–В.

Грунтовые погребения обнаружены в межкурганном пространстве в трех материковых ямках за пределами длинного кургана в Тухачёво 1. Диаметры ямок – 0,3; 0,45 и 0,7 м, глубина – 0,3–0,4 м. Они были заполнены углистым песком с пережженными костями. Захоронения безынвентарные.

Предположительно грунтовые захоронения найдены при раскопках поселения и **могильника Пено 3 (остров Дубовец)** (рис. 86–89); по другой версии – погребения относились к остаткам кургана [Гурина, А-1970, л. 17; Верещагина и др., 1995, с. 45; Шумкин, 1997, с. 171]. Дело в том, что на участке раскопа «в непосредственной близости от квадратов 13 и 25 просматривалось слабое возвышение (не более 40 см высоты и диаметром более 7 м) округлой формы». Судя по стратиграфии разреза В1–В7 (рис. 87), какая-либо выраженная курганная насыпь и ровики не фиксируются, однако перед повышением дневной поверхности присутствует резкий литологический переход в напластованиях, лежащих под дерном и почвенным слоем: от темно-желтого песка в восточной части к красновато-желтому песку.

Из текста отчета 1970 г. следует, что здесь были зафиксированы не менее двух погребений по обряду сожжения на стороне [Гурина, А-1970, л. 17]. Ни на планиграфических (рис. 88), ни на стратиграфических чертежах места находок жженных костей не отмечены. Приведена лишь фотография части горшка с костями (рис. 89) [Гурина, А-1970, рис. 52].

Первое погребение находилось, видимо, в ямке в кв. 13 в крупной лепной урне баночной формы без орнамента[1]. «Рядом с ним прослеживалось слабое углистое пятно». По-видимому, второе погребение найдено в кв. 10 на глубине 0,29 м (от дневной поверхности ?), где обнаружено скопление раннесредневековой лепной керамики, вблизи которого «встречались мелкие обожженные косточки». Еще одно углистое пятно (следы ямки?), но без костей, прослежено в кв. 7 и 8 (рис. 88).

Если опираться на местоположение обнаруженных погребений (в кв. 10 и 13), то, по моему мнению, эти грунтовые захоронения к прослеженному возвышению-«кургану» (видимо, исследованному в месте последующей прирезки к раскопу – в кв. 19–24) не имеют непосредственного отношения.

Следы еще одного предположительно **грунтового могильника** были зафиксированы в 350 м к северу от курганной группы КПДК **Колобово** 8 (рис. 90, 91). Захоронения по обряду кремации на мысу, вдающемся в оз. Волго, видимо, были перекрыты и разрушены позднесредневековым селищем 2, а также частично уничтожены при размывании берега озером. На бечевнике и в осыпи в западной части мыса найдены жженные кости (не исключено, что единичные невыразительные находки лепной гладкостенной керамики также относятся не к селищу, а к могильнику 2-й пол. I тыс. н.э.) [Исланова, А-2004а]. Остатки сожжений были проанализированы М.В. Добровольской (см. Приложение 2).

В результате проведенного анализа выяснено, что обнаруженные скопления (образцы № 1 и № 2) представлены фрагментами кремированных костей, вероятно, человека. В случае с образцом № 1 – зафиксированы явные дугообразные трещины сожжения. Судя по состоянию фрагмента черепного шва и толщине кости черепа (образец № 3) – индивид был молодого или детского возраста. По мнению М.В. Добровольской, обнаруженное наличие прямых трещин кремации свидетельствует о том, что сжигали скелетированный материал без мягких тканей или с мягкими тканями, потерявшими большую часть воды и жировых веществ. Эти процессы происходят с костной тканью на протяжении первых лет после смерти. В литературе кости с прямыми трещинами кремации интерпретируются, как правило, как результат сожжения не тела, а скелета. В любом случае, по М.В. Добровольской, можно утверждать, что были некие особые условия, которые явились причиной меньшей температуры обжига костной ткани (образец № 3). Температура обжига была невелика – 700–900ºС, что соответствует температуре горения дров в костре, об этом же свидетельствует и величина фрагментов кремированных костей.

При шурфовке селища Колобово 2 в его верхнем слое также найдена жженая кость человека. Кости определены М.В. Добровольской (см. Приложение 2).

Немногочисленные грунтовые захоронения известны во всем ареале КПДК и, видимо, являются характерной особенностью и неотъемлемой частью большинства т.н. курганно-грунтовых могильников этой культуры [см. например, Исланова, 2006, с. 55–57].

Керамика

Керамических находок в исследованных курганах немного. По наблюдениям Н.В. Лопатина, керамические наборы могильников КПДК существенно отличаются от таковых на поселениях [Лопатин, Фурасьев, 2007б, с. 278–279]. Поэтому целесообразно рассмотреть керамику из мо-

[1] Горшок в хранилище ИИМК РАН не найден. В публикации это захоронение ошибочно отнесено к раннему железному веку [Шумкин, 1997, с. 171].

гильников и из селищ раздельно, в соответствующих главах. Для анализа доступна лепная урна из Гринино 2-2. В ней находилась основная масса жженных костей (рис. 81; 82; илл. 4). Урна – крупных размеров и относится к типу 11 по Н.В. Лопатину. Это «раскрытые S-видные сосуды», нередко асимметричные с одной из сторон типов 4, 8, 9. Форма характерна для памятников Двинско-Ловатского – аналоги в могильнике Михайловское (тип Дорохи) – и Валдайско-Мстинского регионов 3-й четв. I тыс. н.э. Такая керамика является, по мнению Н.В. Лопатина, исходной при распространении КПДК (на северо-восток), возникнув «в процессе развития древностей типа Заозерье – Узмень» [Лопатин, Фурасьев, 2007а, с. 41; Лопатин, Фурасьев, 2007б, с. 280, рис. 9: 9]. Эта урна может быть отнесена также к группе 4 Верхневолжского набора керамики, хорошо известной на памятниках, расположенных ниже по течению р. Волги [Исланова, Черных, 2008, с. 171]. Судя по единичной находке, видимо, обряд помещения костей в урны не характерен для микрорегиона.

Целый горшочек обнаружен в ямке диаметром 0,3–0,4 м в насыпи кургана могильника Девичье 4-1 (рис. 112: 3). Сосуд был заполнен «пеплом», который, по мнению автора раскопок, представляет собой полностью сожженные погребения детей (?) [Олейников, 2001, с. 107]. Горшочек можно отнести к профилированному типу 10, по Н.В. Лопатину. Близкие по форме сосуды распространены преимущественно в VIII–X вв., но в единичных случаях известны в 3-й четв. I тыс. н.э., а их прототипы есть в древностях типа Узмень [Лопатин, Фурасьев, 2007а, с. 41, рис. 120: 1].

Фрагменты нескольких сосудов происходят из Тухачево 1-11- погребений №№ 3, 11, 15 [Олейников. 2002в, с. 188]. Судя по верхней части, фрагменты принадлежат трем сосудам, имеющим скругленное ребро в верхней трети, при переходе от плечика к тулову (рис. 112: 1, 2; 113: 7). При этом, в одном случае сосуд асимметричен: с одной стороны – скругленное ребро, с другой – слабая профилировка (чуть намеченное плечо). Такая «ребристая» керамика редко встречается в КПДК и более характерна для памятников посл. четв. I тыс. н.э. Ближайшие аналоги происходят с поселений конца I тыс. н.э. Ржевского течения Волги [Олейников, 2002а с. 528, 532, рис. 10–13]; такие сосуды – частая находка на памятниках культуры сопок смежных регионов [Исланова, 1997, с. 62–63, рис. 98].

В Мстинско-Валдайском регионе сосуды со скругленным ребром в КПДК известны, но форма их несколько иная (могильники Яблонька, Шитовичи, Иваньково) [Исланова, 2006, рис. 88:11, рис. 93:1; 92:1]. Сходная профилировка верхней части встречена у четырех фрагментов сосудов с селища Леонтьево на оз. Мстино, занимающего в культурном отношении промежуточное положение между древностями КПДК и предсопочной группы (Удомельского типа) [Исланова, 2002, с. 90–92].

Прототипы подобной керамики можно искать в древностях типа Узмень [Лопатин, Фурасьев, 2007а, с. 41, рис. 22: 5, 13; рис. 110:1]. В то же время нельзя недооценивать возможные иные прототипы – керамику мощинского круга (удлинение уступа), отдельные находки которой есть также в восточной области КПДК. Подобная керамика отнесена к группе 2 Верхневолжского набора [Исланова, Черных, 2008, с. 170]. Ребристые сосуды в 3-й четв. I тыс. н.э. известны на поселениях типа Подол анализируемого региона (см. главу 4), а также на памятниках, лежащих ниже по течению Волги.

Еще один фрагмент (рис. 113: 6) профилированного S-видного в верхней части сосуда из Тухачёво 1-11-12 можно сопоставить с типом 2 по Н.В. Лопатину [Лопатин, Фурасьев, 2007а, с. 36]. Такие профилированные сосуды редки в КПДК восточной области, к примеру, они встречены на селище Городок 1 (группа 3 по И.В. Ислановой [Исланова, 2006 рис. 73: 9, 11]). Сосуд из Тухачёво, в какой-то степени, близок керамике группы 4 поселений типа Подол (см. главу 4). Но наиболее характерна такая керамика для памятников посл. четв. I тыс. н.э. смежных регионов [Олейников, 2002а, с. 544, 547, 548, рис. 21; Исланова, 1997, рис. 104: 5, 6].

Несколько фрагментов лепной керамики находились в ямке на вершине кургана без погребений Гринино 2-1 и во внутреннем его ровике. Один из фрагментов венчика перемещенного сосуда из Гринино 1-3 напоминает венчики, хорошо известные у сосудов типов 4, 8, 9, 11 по Н.В. Лопатину, датируемые 3-й четв. I тыс. н.э. в лесной зоне Восточной Европы.

Фрагмент сосуда из Гринино 1-3 имел резко отогнутую шейку и орнамент нарезками по шейке и плечику (рис. 83: 3). Ни по профилировке, ни по орнаменту аналогов сосуду в керамике КПДК нет. Подобные орнаментальные мотивы известны на днепро-двинской посу-

де (западнодвинский вариант) [Шадыро, 1985, рис. 46; 54–56] и на позднедьяковской посуде мощинского круга (например, на городище Отмичи [Исланова, 2008, рис. 140: 3]). Возможно, этот фрагмент представляет керамику древностей, существовавших в регионе до появления КПДК.

По рассмотренным единичным находкам из погребальных памятников, можно считать, что керамика из КПДК Селигерского региона в основном вполне сопоставима с керамикой, известной на других памятниках аналогичных древностей. Некоторым «хронологическим особняком» стоит керамика из могильников Тухачёво 1 и Девичье 1, аналоги которой в основном происходят из памятников посл. четв. I тыс. н.э.

Погребальный инвентарь

Погребальный инвентарь немногочислен, как и в большинстве курганов КПДК. Как правило, это фрагментированные, поврежденные огнем предметы. Насчитывается 11 погребений с инвентарем, это 30,6 % погребений, рассматриваемых в работе.

Обломки *бронзовых спиралек* (Гринино 2-2) – частая находка в могильниках КПДК (рис. 79: 3–6) Спиральки могли использоваться или в качестве нашивных украшений на одежду или в составе головных венчиков.

Бляшки-скорлупки – выпуклые бляшки из тонкого бронзового листа, с тыльной стороны которых располагаются парные узкие скобочки, служившие для крепления к ткани или коже. Такие бляшки находились в составе поясного и уздечного наборов, могли нашиваться на одежду. В погребении Тухачёво 1-11-17 найдена одна полусферическая бляшка (рис. 113: 5), в Гринино 2-2 – две аморфные, возможно, трапециевидные бляшки (рис. 79: 13). Полукруглые бляшки являются характерной фурнитурой для КПДК и, по мнению Е.Р. Михайловой, имели более широкий, чем представлялось ранее, хронологический диапазон бытования (от II в. н.э. до кон. I тыс. н.э.) [Михайлова, А-2009, с. 63–64].

Фрагменты двух прямоугольных бронзовых *бляшек-обоймиц* (Гринино 2-2). Орнаментированы несколькими выпуклыми концентрическими кружками (рис. 79: 8, 9). Ближайшие аналоги находятся на селищах Городок (Верхнемстинский регион КПДК) и Юрьевская Горка (Удомельский тип памятников) [Исланова, 1997, рис. 76: 29; Исланова, 2006, рис. 107: 1]. Они относятся к бляшкам-обоймицам группы 1 по Е.Р. Михайловой, возможно, крепившимся на неширокую ленту [Михайлова, А-2009, с. 86], и входят в реконструируемый ею второй набор женского инвентаря, характерный для восточной области КПДК [Михайлова, 2009, с. 10, 12; Башенькин, Васенина, 1993, с. 13, рис. 4].

Украшения рук представлены бронзовыми обломком *браслета* трехгранного сечения и *дротовым перстнем* (Гринино 2-2) (рис. 79: 11, 12). Изделия не имеют каких-либо узких территориальных и хронологических рамок бытования. Нам не известны аналоги найденным в Тухачёво 1-11 двум железным перстням: крученому и с утолщенной центральной частью (рис. 113: 1, 2) [АКР, 2010, рис. 89].

Железная рифленая В-образная пряжка, в основании язычка которой имеется прямоугольный щиток, найдена в могильнике Гринино 1-3 (погребение в первичной насыпи) (рис. 79: 2). Наиболее близкие аналоги происходят из могильников Линдора 1, курган 9 [Шмидехельм, 1965, с. 43] и Млёвский Бор 1, курган 1 [Исланова, 2006, рис. 110: 1]. Несколько отличаются от нее пряжка (рифление язычка) из могильника Усть-Белая IV-6-1 [Башенькин, 1995, рис. 8: 19] и железная пряжка с днепро-двинского городища Лемница в Могилевской области Беларуси [Медведев, 1995, рис. 1: 3].

Й. Вернер предложил датировать появление таких пряжек 2-й пол. V в., а пряжку из Линдоры – около 500 г. н.э. [Werner, 1977; 1981]. Для погребения в Усть-Белой есть дата С14: 1460±30 л.н. (т.е. 2-я пол. V – нач. VI в. н.э.) [Башенькин, 1995, с. 24–25]. С.Ю. Каргапольцев, анализировавший рифленые пряжки, считает, что они появляются в лесной зоне Восточной Европы в 430-х–490-х гг. в результате «сильного импульса с запада от каких-то романизированных варваров» через территорию Пруссии [Каргапольцев, 1997, с. 94]. Е.Р. Михайлова, признавая бытование аналогичных пряжек в V – нач. VI в., предлагает сузить дату до кон. V – 2-я четв. – сер. VI в., а время использования некоторых находок (видимо, без щитка на язычке) продлить по VII в. н.э. [Михайлова, 2009, с. 13–14].

Бронзовая пряжка с гладкой полой В-образной рамкой и трапециевидным щитком в основании язычка, имеющего рифленые

насечки (Гринино 1-3) найдена в том же кургане, но в погребении во внутреннем ровике. Пряжка несет следы ремонта (рис. 79: 7). Видимо, из-за достаточно длительного использования ее язычек отломился и затем был подсоединен изогнутым штырьком к рамке, для чего в щитке в основании язычка было сделано отверстие. Близкие (но не идентичные) пряжки происходят из могильников Бор, курган 2, Липицы, курган 11, погребение 1 [Михайлова, А-2009, рис. 9: 7, 8]. Е.Р. Михайлова склонна относить похожие пряжки ко 2-й пол. VI – VII в., возможно, к более узкому времени: 2-я пол. VI – 1-й пол. VII в. [Михайлова, 2009, с. 13].

Аналоги *железной пряжке с дротовой В-образной рамкой* (Тухачёво 1-11, рис. 113: 4) широко известны как в древностях сер. – 3-й четв. I тыс. н.э., так и в целом во 2-й пол. I тыс. н.э. [АКР, 2010, рис. 89; Седов, 1974а, с. 31].

Пряжка железная одночастная с округлой рамкой и хоботковым язычком (Тухачёво 1-11) не несет каких-либо орнаментированных деталей (рис. 113: 3) [АКР, 2010, рис. 89]. Подобные простые изделия не имеют датирующих признаков.

Фрагмент *бронзовой сбруйной крестообразной (четырехлепестковой) уздечной накладки (бляхи)* найден в погребении в первичном ровике могильника Гринино 1-3 (рис. 79: 1). Ближайший аналог происходит из кургана № 25 КПДК могильника Шихино [Исланова, 2006, рис. 111: 11]. Прототипы подобных блях, по всей видимости, следует искать среди балтских сбруйных украшений римского времени и эпохи Великого переселения народов на территории Пруссии, Литвы, области Сувалки. Подборка близких по форме изделий приведена в работах М.М. Казанского [Казанский, 2008, с. 310, рис. 9: 5–8] и В.И. Кулакова [Кулаков, 2010, рис. 12]. М.М. Казанский считает, что появление крестообразных блях в лесной зоне Восточной Европы – свидетельство проникновения западнобалтских культурных элементов в культуру финнов. По мнению Е.Р. Михайловой, бляхи из Гринино и Шихино датируются 2-й пол. V – 1-й третью VI в. [Михайлова, А-2009, с. 124]

Ременная дугообразная обойма из Гринино 2-2 (рис. 79: 10), по Е.Р. Михайловой, видимо, является деталью конской узды; подобные изделия известны во 2-й пол. I тыс. н.э. [Михайлова, А-2009, с. 124–125].

Из того же Грининского кургана происходят *железные трехкольчатые удила* (рис. 80: 4). Такие удила относятся к «западным» элементам конского снаряжения и широко распространены в эпоху Великого переселения народов у балтских племен, где они известны с римского времени. По мнению М.М. Казанского, подобные удила можно датировать в основном по VI в. н.э., хотя в Карелии такие вещи известны в эпоху викингов [Казанский, 2008, с. 310]. В могильниках других регионов аналогичные удила не найдены, но известны на поселении Подол 3 (рис. 124: 1), на памятниках Удомельского типа [Исланова, 1997, рис. 79: 9] и на т.н. тушемлинских поселениях – городищах Близнаки и Демидовка [Шмидт, 2003, табл. 6: 1, 4].

Железные ножи представлены двумя экземплярами с прямыми спинками (Гринино 1-5, Гринино 1-6) (рис. 80: 5, 6). Подобные ножи относятся, по Р.С. Минасяну, к типу 1, распространенному в лесной зоне Восточной Европы с IV–V по X–XI вв. [Минасян, 1980, с. 69].

Серия фрагментов *костяных орнаментированных изделий* (Гринино 2-2) (рис. 80: 2, 3) может относиться к рукоятям ножей или долотовидных кресал. Некоторые (рис. 80: 1) – к накладкам, например, на гребень. Орнаменты, представленные наклонными двойными врезными линиями, образующими косые кресты, напоминают геометрическую орнаментацию на костяных изделиях иных регионов КПДК [Исланова, 2006, рис. 92: 4].

В двух захоронениях среди жженных костей найдены стеклянные бусы: оплавленные синие (Гринино 2-2-2) и единичная синяя (Гринино 1-3-3). Последняя, по мнению О.М. Олейникова, – ближневосточного производства [Олейников, А-2003, с. 256]. Форма изделия – «куб со срезанными углами». Еще две синие аналогичные по форме бусы хранились в фондах Осташковского филиала ТГОМ. Место обнаружения их неизвестно, но такие изделия – частая находка в погребальных памятниках КПДК и на селищах этой культуры [см., например, Исланова, 2006, рис. 109: 11, 12, 15]. Проанализировав доступный материал, А.В. Мастыкова предполагает, что синие и сине-фиолетовые полиэдрические (14-гранные) бусы являлись излюбленными изделиями населения зоны культуры псковско-новгородских длинных курганов в 3-й четв. I тыс. н.э. [Мастыкова, 2010, с. 349].

Найденные в погребениях Селигерского региона КПДК керамика и вещи подтверждают принадлежность указанных памятников к восточной области этих древностей. Большинство ма-

териалов имеет широкие хронологические рамки – 3-я четв. I тыс. н.э. или 2-я пол. I тыс. н.э. Здесь, как и в других регионах, имеются «раннее» погребение с В-образной рифленой пряжкой и инвентарь, в основном датируемый по аналогам не позднее VI в. (крестовидная сбруйная бляха, трехкольчатые удила); также есть материалы, свидетельствующие о наличии погребений VI–VII вв. (полая В-образная пряжка). По керамике выделяется поздняя группа КПДК (посл. четв. I тыс. н.э.), к которой относятся погребения в могильниках Девичье 1 и Тухачёво 1.

К сожалению, имеющаяся серия радиоуглеродных дат из могильников, скорее, не уточняет, а запутывает хронологию погребений и курганов. В настоящее время большинство исследователей склоняются к мнению о том, что датирование по С14 материалов раннего железного века и раннего средневековья еще не достаточно разработано. Имеется много дат с большим разбросом и существенно не совпадающих с хронологическими (по типологии и другими методами) определениями. Помимо этого, И.Н. Черных – один из авторов раскопок курганов в Гринино 1 – считает, что при идентификации образцов и №№ погребений из кургана Гринино 1-3 произошла путаница. Для одних и тех же образцов (?) из Гринино 1 и 2 в разных публикациях О.М. Олейникова существуют несколько различающиеся даты. Несмотря на спорность и возможную неточность дат, мы приводим ниже все имеющиеся сведения по датированию по С14 курганов Селигерского региона (табл. В).

Таблица В. Даты погребений С14 в курганах КПДК Селигерского региона

Объект	Местонахождение	Дата	Вещевой и керамический материал
Гринино 1-5	Из погребения	850±120 г. н.э. [Олейников, в печати]; 810±120 г. н.э. [Олейников, 1992а]; нач. VII в. н.э. [Олейников, А-2003, с. 794]	Железный нож
Гринино 1-6	Уголь из насыпи	910±130 г. н.э. (Олейников, в печати); VII в. н.э. [Олейников, А-2003, с. 794]; 870± 130 г. н.э. [Олейников, 1992а]	Железный нож
Гринино 1-3-2 (?) или Гринино 1-3-1 (см. ниже)	Погребение в ровике, преобладали кости лошади	610±30 г. н.э. и 2-я пол. V – 1-я пол.VI в. н.э. [Олейников. А-2003, с. 256, 794]; 610±30 г. н.э. – «самое раннее из известных погребений» региона – [Олейников, 2002б, с. 117]	Сбруйная бляха
Гринино 1-3 -(?) или Гринино 1-3-2 (см. выше)	Погребение в насыпи	2-я пол. V – 1-я пол. VI вв. [Попов, 1997, с. 165]	Рифленая пряжка
Гринино 2-2-2	Погребение в урне (вокруг – ровики)	860±70 г. н.э. [Олейников, в печати]	Урна, спирали бронзовые, бусы стеклянные синие оплавленные
Гринино 2-2-4	Погребение в груде в основании кургана	670±125 г. н.э. [Олейников, в печати]; 655±25 г. н.э. [Олейников, А-2003, с. 254, № ГЕО-ГР-3]; 655 ± 5 г. н.э. [Олейников, А-2003, с. 796]	Дужка железная (гривна ?), удила, костяные орнаментированные предметы

Курганные могильники с неясной культурной принадлежностью

К памятникам неясной культурной принадлежности отнесены 8 могильников (рис. 64; табл. 3). Это объекты с нехарактерным для КПДК расположением курганов внутри могильника и с иными деталями погребального обряда. Только в одном могильнике проводились раскопки (Колобово 1), остальные отнесены к этой группе памятников на основании визуальных признаков.

В трех могильниках курганы расположены кучно (Осташков 1 (рис. 71), Панюки 1, Хретень 2). Такое расположение для насыпей в могильниках иных регионов КПДК не характерно и встречается в исключительных случаях. Например, в Верхнемстинском регионе такая структура известна у могильника Шитовичи. Принадлежность к КПДК серии курганов, расположен-

ных в северо-западной части могильника Шитовичи, не вызывает сомнений. Здесь были исследованы два кургана и грунтовое погребение в межкурганном пространстве [Исланова, 2006, с. 56, рис. 25–27, 88]. Этот участок с курганами КПДК и грунтовым захоронением по обряду кремации являлся частью крупного курганного массива – своеобразного смешанного погребального комплекса. Помимо насыпей КПДК, здесь были исследованы также древнерусские курганы и грунтовые захоронения по обряду ингумации [Олейников, А-1998; А-1990]. На этом памятнике, по всей видимости, фиксируется культурная преемственность – переход от эпохи КПДК к древнерусскому времени, и, возможно, без коренной смены населения. Не исключено, что могильники Селигерского региона также могут быть смешанными.

В двух случаях (Залесье 1, Котчище 1) удлиненные насыпи в могильниках были сооружены перпендикулярно берегу водоема (рис. 69, 70). Подобное местоположение удлиненных насыпей, по В.С. Нефёдову, встречается в КСДК [Нефедов, 2007, с. 190]. В.С. Нефёдовым была выделена серия признаков, отличающих памятники КСДК (характеризующих три четверти могильников) [Нефёдов. 2007, с. 190].

Представляется, что собственно к КСДК следует отнести лишь часть из этих признаков, так как некоторые имеют нечеткие критерии и распространены у погребальных памятников других древностей. Речь идет, прежде всего, о признаке: «расположение могильника вблизи поселения». Такое расположение поселений нередко встречается также в восточной области КПДК (в частности, в бассейне Верхней Мсты), а принадлежность именно к этой культуре здесь подтверждена стационарными раскопками (например, комплекс селище Городок 1 – курганные могильники Городок 1 и 8) [Исланова, 2006, с. 62, 64, 65]. Для восточной области КПДК, по моему мнению, наиболее существенными признаками из выделенных В.С. Нефёдовым, отличающими массу КСДК от КПДК, могут быть следующие:

1) расположение вблизи границ ландшафтных районов, приуроченность к конечно-моренным грядам и к хорошо разработанным долинам крупных рек, реже – к районам распространения легких покровных суглинков;

2) отсутствие курганов сложной формы;

3) ориентировка удлиненных насыпей чаще поперек линии берега водоема.

Другая группа признаков, выделенных В.С. Нефёдовым, присутствует также у могильников КПДК восточной и иных областей и, по моему мнению, не может являться особенностью КСДК. Это следующие признаки: памятники тяготеют к берегам водотоков, в т.ч. к берегам современных стариц или древних (ныне пересохших проток, речек и ручьев, заболоченных озер) водоемов, не всегда отмечаемых исследователями при фиксации могильников; могильники часто расположены почти вплотную к синхронным им поселениям, но иногда отделены от них заболоченными низинами, оврагами, ручьями; число курганов в группе не часто превышает 20; в составе могильников абсолютно преобладают округлые в плане насыпи; удлиненные курганы обычно не превышают 20 м по длине (самые длинные находятся только в больших некрополях).

На возможность выявления курганов КСДК на озерах в верховьях Волги указывает П.Д. Малыгин [Малыгин, 2007б, с. 52]. О.М. Олейников относит к КСДК несколько погребальных памятников. Судя по его довольно «слепой» карте (рис. 63), таких могильников в районе не менее девяти [Олейников, 2002а, рис. 18]. Например, к КСДК отнесен и могильник Осташков (рис. 71), но он сооружен не рядом с селищем, а частично на его территории [Олейников, 2007, рис. 7: 1].

Можно предположить, что в восточной области КПДК мы имеем дело не с двумя разными археологическими культурами, а с определенным единым массивом древностей, последовательно изменявшимся во времени. На разных хронологических срезах: сначала V–VII вв., затем – VIII – нач. X в. н.э. – в могильниках фиксируются признаки, связанные в основном с хронологическими, а не с культурными изменениями (что не исключает последние). Следует ли видеть за изменившимися инвентарем и некоторыми элементами в оформлении керамики появление нового населения – вопрос, на который имеющиеся в настоящий день источники не позволяют ответить.

В Селигерском регионе особняком стоят два могильника (Колобово 1 и 2), где находятся курганы с каменными конструкциями в насыпи и под насыпью. Могильники расположены вблизи границы ландшафтных районов (береговая полоса оз. Волго с сосновым бором и песчаной почвой и водораздельное возвышение – с почвами из валунного суглинка) (рис. 90). Для памятников КПДК восточной группы, как уже отмечалось, камни или какие-либо каменные конструкции не характерны.

Помимо конструкций, обнаруженных при раскопках кургана № 2 в Колобово 1, в том же могильнике валуны фиксировались визуально в полах (по углам) подпрямоугольной насыпи № 6 и по всей поверхности насыпи кургана № 24 [Исланова, А-2004б]. В могильнике Колобово 2, расположенном в 500 м к востоку от могильника 1, валуны находились в удлиненной насыпи № 2: в ее СЗ поле, на ЮЗ склоне и в стенке кладоискательской ямы на вершине [Исланова, А-2004б].

В могильнике Колобово 1 на месте разрушенного (№ 1) и частично разрушенного (№ 2) курганов сплошным раскопом было исследовано 600 кв. м (рис. 92–109; илл. 6–8). Визуальная форма кургана № 2 – шаровой сегмент, поперечник в основании – 7,5 м, высота от погребенного дерна – 0,75 м (рис. 100). Основание кургана было подпрямоугольной формы со скругленными углами, ориентировано по линии СЗ–ЮВ. Треть насыпи и верхняя часть СВ ровика были уничтожены при строительных работах до проведения охранных раскопок (см. подробное описание в Приложении 1).

Остатки разрушенного захоронения по обряду кремации на стороне находились в кургане № 2 в виде небольшого скопления жженых костей человека в верхней части насыпи (на краю осыпи) (рис. 102). Инвентарь не найден. В насыпи сразу под дерном были встречены камни, не образующие скоплений, представляющие собой неплотный валунный «панцирь» (рис. 101). Небольшие скопления камней располагались также за пределами насыпи и над юго-западным ровиком. В основании кургана на материке (погребенный дерн здесь отсутствовал) находилась каменная выкладка, видимо, подпрямоугольной формы, из лежащих в 1–2 яруса вплотную друг к другу валунов (рис. 103–106). С северо-востока и частично с юго-востока они не сохранились. Между крупными валунами и над ними находились более мелкие камни. Ширина «стенки» из камней – от 0,7–0,8 до 1,4 м. Целиком сохранившиеся «стенки» имели длину 6 и 6,2 м. Основание кургана окружали три ровика-канавки (с ЮЗ, СЗ и СВ – рис. 93). Параметры наиболее сохранившегося ЮЗ ровика: длина ЗСЗ–ВЮВ 5,7 м ширина от 2,5 до 3,2 м в западной части; наибольшая глубина 0,7 м. По южной стенке рва лежали отдельные крупные валуны (рис. 106; 108; 109; илл. 7–8). Во рвах расчищены остатки ритуальных костров. Датировка и конкретные размеры погребения остались не ясными.

Насыпь другого кургана (№ 1) была полностью уничтожена при строительно-дорожных работах. Дневная поверхность, включая погребенный дерн и древний почвенный слой, были снивелированы. В основании курган был подпрямоугольной формы. Реконструируемые поперечники его основания – 7–8 м. В основании кургана были зафиксированы остатки углубленных в материковый грунт небольших округлых ямок, заполненных мелкими угольками, а в одном случае – мелкими жженными косточками (принадлежность костей неопределима). Предположительно это могла быть нижняя часть погребальной материковой ямки, находившейся почти в центре основания под насыпью (рис. 95–97).

Основание кургана оконтуривали три ровика-канавки овальной формы, длиной от 4,3 до 6,1 м, шириной от 1,4 до 2,8 м, глубиной от 0,3 до 0,54 м (рис. 95–98, илл. 6). Во рвах найдены угли, на дне – единичные валуны. В СЗ рве обнаружены мелкий фрагмент лепного гладкостенного сосуда и 3 мелкие жженные косточки. В верхнем заполнении этого ровика была расчищена подпрямоугольная вымостка из небольших камней (рис. 95), под которой обнаружены половина средневекового кругового горшка XV–XVII вв. (рис. 99) и кости головы коровы. По всей видимости, этот участок ровика был поврежден более поздним перекопом, и не исключено, что с ритуальными целями. Следует отметить, что подобные ритуальные действия отмечены в ровике могильника КПДК в Юго-Восточной Эстонии, где в яме-перекопе была найдена (более поздняя) керамика XII–XIII вв. [Аун, 1992, с. 69].

Аналоги курганам с погребениями по обряду сожжения и с кольцевыми каменными выкладками в основании известны среди восточнолитовских погребальных древностей (рис. 110–111) [Таутавичус, 1959, рис. 131–136; Седов, 1987, с. 392–394; Зверуго, 2001, с. 117–118, рис. 8; Vaitkevičius, 2004, pav. 30, 33]. Для восточнолитовских курганов также характерны крупные продолговатые ямы-ровики. Следует отметить, что в таких курганах, датируемых 2-й пол. I тыс. н.э., также часто встречаются безынвентарные погребения по обряду кремации.

Анализ погребальных памятников изучаемого региона позволяет отметить следующее. Наиболее четко вычленяются могильники КПДК, количество которых, по всей видимости, в ходе дальнейших исследований будет увеличиваться, прежде всего, за счет объектов, предположитель-

но отнесенных к КПДК. Каких-либо конкретных данных о наличии в регионе памятников КСДК нет.

Неожиданным (после стационарных работ) стало выявление памятников, близких в культурном отношении восточнолитовским курганам. Сведения имеются пока по двум могильникам.

Могильники КПДК региона имеют как общие черты с аналогичными древностями восточной области, так и свои особенности. При сооружении длинных насыпей происходит общее увеличение кургана в высоту и/или в длину. В последнем случае – с помощью досыпки грунта к склону первоначальной насыпи. Такая этапность прослежена и для округлых, и для прямоугольных курганов, причем при досыпке выкапывался еще один (внешний) ровик.

В анализируемом регионе захоронения во рвах были выявлены в двух из 10 курганов, раскопанных по современной методике. В иных регионах КПДК погребения в ровиках почти не известны. Например, во мстинских курганах такой случай единичен. Однако, это может быть связано не с особенностями Верхнемстинского региона, а с методикой раскопок курганов в 50-е – 60-е гг. XX в., когда ровики не исследовались.

Многочисленность захоронений россыпью на вершине окончательного и промежуточных курганов – характерная черта для всего ареала КПДК. Отличие исследованных курганов от смежных верхнемстинских – малочисленность захоронений в основании насыпей на (в) материковом или почвенном грунте.

Наличие небольших деревянных конструкций сближает Грининский курган с погребальными памятниками Юго-Восточной Эстонии, где также сооружались небольшие домовины, в отличие от крупных «домиков мертвых», известных в Молого-Шекснинском междуречье [Башенькин, 1995, с. 9–20].

В керамике прослеживаются как общие формы с Верхнемстинским и Верхнедвинско-Ловатским регионами, так и несколько отличные, но сближающие их с памятниками Ржевского течения Волги.

Курганы в исследуемом регионе начинают возводить не позднее кон. V – 1-й пол. VI в. По всей видимости, основная масса курганов КПДК на озерах в верховьях Волги была сооружена в 3-й четв. I тыс. н.э., а какая-то часть – в посл. четв. I тыс. н.э.

Глава 4
Раннесредневековые поселения

Опираясь на данные стационарных работ, подъемный материал и находки из разведочных шурфов, в регионе можно выделить не менее 62 поселений или слоев таковых поселений на многослойных памятниках, относящихся ко 2-й пол. I тыс н.э. (рис. 64). Поселения, где при разведочных работах встречена и лепная (точно не датированная), и раннекруговая керамика, далее мной не рассматриваются, так как подобное соотношение посуды характерно для древнерусских памятников кон. I – нач. II тыс. н.э. Конечно, такая дифференциации памятников весьма предварительна. Не исключено, что при будущих стационарных раскопках и на подобных памятниках могут быть обнаружены более ранние слои и материалы.

Следует указать, что на основании небольших мелких неорнаментированных фрагментов из разведочных работ, когда не ясна форма верхней части сосудов (в нашем распоряжении имеются преимущественно фрагменты стенок), хронология поселений определена также весьма предварительно. Лепная неорнаментированная керамика бытовала и в предшествующий период: в днепро-двинской и позднедьяковской культурах, – а также и в начале древнерусского периода. Поэтому, не исключено, что какая-то часть селищ, помещенных в табл. 4, могла относиться более раннему или к более позднему времени.

К КПДК с определенной степенью вероятности можно отнести не менее 21 селища (табл. 4). Эти поселения расположены в аналогичной ландшафтной и почвенной ситуации, что и погребальные памятники, и недалеко (не более 0,35 км) от курганных могильников и скоплений таких могильников. Столь небольшое количество поселений связано с тем, что в окрестностях большинства могильников не производились специальные целенаправленные работы по выявлению селищ. Дело в том, что культурный слой поселений КПДК часто слабо гумусирован и слабо насыщен керамикой, поэтому не всегда удавалось выявить такой памятник при ограниченных сроках работ.

Поселения КПДК – небольшие; по площади они делятся на две крупные группы: 1) от 850 до 4900 кв. м и 2) от 5000 до 11000 кв. м. Курганные могильники расположены как почти вплотную к селищам (в 0–30 м), так и несколько в отдалении (100–350 м) (табл. 4). По мнению О.М. Олейникова, раннесредневековые поселения находящиеся вблизи курганов, относятся к КСДК, а «в удалении» от курганов – к памятникам КПДК [Олейников, 2003, с. 10, 12]. Для анализируемого региона такая схема «не работает». Это подтверждается и наблюдениями самого автора гипотезы: при девяти могильниках, отнесенных им к КСДК, не обозначено ни одного селища (рис. 63) [Олейников, 2002а, рис. 18]. Приведу еще несколько примеров принадлежности комплексов поселение – могильник КПДК. Поблизости от селищ (в 0–50 м) Новинка 1, 2 находятся курганные могильники, имеющие признаки КПДК: курганы в могильнике сооружены цепью; при раскопках нач. XX в. найдены погребения по обряду сожжения на стороне; есть сопковидная насыпь. На небольшом расстоянии (в 50 и 220 м) от селища Залесье 1–2 известны курганные могильники, но никаких материалов КСДК при раскопках поселения не найдено (см. подробнее ниже).

По видимому, в восточной области КПДК расположение могильников относительно по-

селений было связано не столько с культурными традициями, сколько с «возможностями» той или иной местности, с климатическими и почвенными условиями (например, со стремлением производить захоронения на сухом участке берега). По моему мнению, для КПДК рассматриваемого региона нет четких критериев местоположения поселения относительно могильника, подобная ситуация была зафиксирована и для смежного Верхнемстинского региона [Исланова, 2006, с. 64–65].

Стационарные исследования велись на селищах, предварительно отнесенных к культуре длинных курганов, Залесье 1-2, Пёски 1, Тухачёво.

Селище Залесье 1-2

Многослойное поселение находится в 0,7 км к югу от д. Залесье. Расположено на мысу, образованном двумя заливами Селижаровского плёса оз. Селигер. Мыс имеет «два надпойменных террасовых уровня. Первая терраса широкая (18–40 м) ... высота ее 2–3 м над уровнем воды, высота второй («боровой») террасы достигает 4–4,5 м» [Тимофеев, 1997, с. 107]. Находящийся здесь памятник (из-за местоположения на разных террасах и разной хронологии находок) исследовался как две разные стоянки – Залесье 1 и Залесье 2. Селище перекрывает обе стоянки. Общие размеры поселения, по А.В. Мирецкому, – 160×150 м [Мирецкий, А-2003, л. 7]. Размеры конкретно селища не определялись, но, судя по подъемному материалу, они вряд ли были намного меньше. Прибрежная часть поселения распахивалась с 1972 г. Вторая терраса, поврежденная окопами времен Великой Отечественной войны, поросла лесом. В 2003 г. этот мысовой участок был отдан в частную собственность под строительство.

Поселение было открыто Н.Н. Гуриной в 1971 г. В 1973–1975 гг. ею проводились раскопки [Гурина, А-1971; А-1973; А-1974; А-1975]. Единой площадью было исследовано 852 кв. м. Краткая информация о результатах работ на стоянках публиковалась в сборниках «Археологические открытия», а также при анализе мезолитических и неолитических памятников верховьев Волги [Гурина, 1974, с. 47–48; Гурина, 1976, с. 69–61; Гурина, 1989, с. 63–67; Гурина, 1996, с. 192]. В 90-е гг. XX в. ученики Н.Н. Гуриной опубликовали материалы ее исследований, в том числе и стоянок Залесье 1 и 2 [Верещагина и др., 1995, с. 25–28; Верещагина и др., 1997, с. 107–168]. В этих публикациях содержатся лаконичные сведения о наличии на памятнике средневекового культурного слоя и средневековой керамики. А.Г. Фурасьев и А.В. Плохов, работавшие с частью коллекции, датировали лепную керамику 3-й четв. I тыс. н.э. [Тимофеев, 1997, с. 113]. В 1973 г. был снят план памятника с нанесенными раскопами этого года (рис. 34) [Гурина, А-1973]. На этом плане в 220 м к северо-востоку от раскопов обозначены три кургана, по-видимому, относящиеся к могильнику Залесье 1. Но никакие сведения об этих курганах в отчетах Н.Н. Гуриной не приводятся.

В 1976 г. стоянки у д. Залесье обследовал Ю.Н. Урбан [Урбан, А-1976]. Им был составлен паспорт на единое поселение, названное стоянкой Залесье 7. В 1993 г. в ходе инвентаризации памятников Осташковского района поселение обследовалось А.В. Курбатовым [Курбатов, А-1993]. Спустя десять лет, в 2003 г., работы на поселении вел А.В. Мирецкий. К этому времени на территории памятника было начато строительство жилого дома (заложен фундамент), несогласованное с органами охраны историко-культурного наследия. Был снят инструментальный план поселения, на который с определенной долей приближения нанесен раскоп Н.Н. Гуриной, почти «не читаемый» на поверхности; собран подъемный материал и заложены три шурфа для уточнения размеров памятника (рис. 35) [Мирецкий, А-2003]. Помимо кремневого и керамического материала неолитической стоянки А.В. Мирецким обнаружены керамика раннего железного века и фрагменты лепной посуды 3-й четв. I тыс. н.э. (суммарно 30 экз.), мелкие фрагменты круговой красно- и белоглиняной средневековой посуды и фрагменты горшков XVIII–XIX вв. (27 экз.), железный черешковый нож, датируемый началом II тыс. н.э.

Вскрытая раскопками Н.Н. Гуриной площадь находилась в восточной части поселения (рис. 34–44). Раскоп 1, ориентированный СЗ–ЮВ, был расположен на боровой террасе; к югу от него на первой террасе был заложен раскоп 2, который после прирезок с севера был соединен с раскопом 1 (рис. 38). Как уже упоминалось выше, для обозначения селища я оставляю «сводную» нумерацию стоянок Н.Н. Гуриной – Залесье 1-2. Стратиграфия на верхней и на нижней площадках несколько различалась. Нас интересуют преимущественно верхние напластования, хотя ниже, судя по профилям и разрезам,

иногда фиксируются и отдельные средневековые ямы. На раскопе 1 стратиграфия выглядит следующим образом [Тимофеев, 1997, с. 107, 109]:

1. 0,18–0,2 м – дерн и темный опесчаненый «почвенный слой» – культурный слой раннесредневекового селища;

2. До 0,25 м – мелкозернистый серого цвета пылеватый песок – «лесной подзол»;

3. До 0,5–0,6 м – темно-коричневый, иногда черный (от включения углистых частиц) песок – культурный слой стоянки;

4. Ниже – серо-желтый песок, средне- и крупнозернистый с включениями гальки – материк.

На раскопе 1 к раннесредневековому времени можно отнести два объекта. В процессе исследования над «линзой» ранненеолитического жилища, обнаруженного в 1973 г., было зафиксировано углистое пятно с находками лепной керамики 3-й четв. I тыс. н.э., а в верхнем заполнении материкового углубления этого жилища – мелкие фрагменты аналогичной посуды [Тимофеев, 1997, с. 109]. Кроме того, на разрезе Д2-Г2-В2 «читается» яма, заполненная темно-серым углистым слоем, идущая из-под верхнего селищенского («почвенного») слоя (рис. 44). Яма не попала на планиграфические чертежи отчета. Ее верхний поперечник – 0,6–0,65 м, глубина в материке – 0,4 м, стенки крутые, дно вогнутое.

В хранилище ИИМК РАН выявлены 29 фрагментов лепной раннесредневековой керамики из раскопа 1. Из них 22 фрагмента найдены в верхнем горизонте – культурном слое селища, а 7 фрагментов – в горизонтах 2 и 3; возможно, они происходят из слоя над неолитическим углублением.

Раскоп 2, примыкавший с ЮВ к раскопу 1, был расположен на более низком уровне – на высоте 3 м над водой – и на склоне. Верхняя часть культурных отложений, относящихся в основном к селищу, была повреждена пахотой [Тимофеев, 1997, с. 113]. Мощность распаханного слоя – 0,2–0,25 м. Это сильно гумусированный темного цвета песок с углистыми пятнами в нижней части. Ниже залегал неповрежденный пахотой мелкозернистый песок буровато-желтого цвета мощностью 0,15–0,2 м – культурный слой стоянки. Материк в прибрежной части – мелкозернистый серый песок, в СЗ части раскопа – крупнозернистый красноватый песок с мелким галечником.

На раскопе 2 встречено значительно больше культурных остатков, относящихся к селищу. На сводных планах раскопа особо отмечены остатки очагов и пятна ям, которые определены по отчетам, коллекциям и стратиграфии как средневековые (рис. 38; 40; 42; 43). Пятна, фиксируемые по разрезам, но отсутствующие на планиграфическом чертеже, нанесены на него с определенной долей вероятности.

Наибольшее число ям и пятен (углистых и очажных) отмечено на раскопе 2 1974 г., т.е. в центральной части общего раскопа. Здесь же помимо раннесредневековых остатков обнаружены керамика раннего железного века и грузик дьякова типа – в небольшой прямоугольной яме (кв. 59, 58, 62, 63) – (рис. 40) с углистым заполнением (см. также описание в главе 2). Отделить здесь слой раннего железного века от раннесредневекового не представляется возможным: и тот, и другой залегали над отложениями стоянки и были повреждены (переотложены) пахотой.

Остатки постройки 1. В восточной части раскопа при зачистке нижней части пахотного горизонта (на материке) продолжали фиксироваться следы плужных борозд. В кв. 27–29, 32–35, 47–50, 52–55, 67, 68 отмечено крупное пятно слоя селища. Его размеры по линии С–Ю – 8×7–9 м. На плане «угадываются» СВ и СЗ углы, видимо, первоначально подпрямоугольного пятна (рис. 40). В разрезах по линии Д2–Д6 и Б5–К5 (рис. 43) слой пятна обозначен как темный и «очажный», т.е. насыщенный обожженными камнями. По мере углубления в материк под пятном выявились несколько материковых ям (рис. 42), большинство которых относилось к селищу. Ямы заполнены углистым слоем, а в кв. 26–27 встречены скопления обожженных камней (по разрезу). В материке (по разрезам) фиксируются не менее четырех столбовых ямок (в кв. 34–35, 48–53, 54–55). Их поперечники – 0,2–0,25 м, глубина в материке – от 0,15 до 0,4 м. Остатки очага найдены в яме в кв. 31, 50 (на планиграфических чертежах контур этой ямы не обозначен). Яма – «овальных очертаний», ее поперечники – 0,9×1 м, глубина («ниже нижней границы темного слоя») в материке – 0,2 м. В заполнении встречены угли, обожженные камни, лепная «средневековая керамика» и обломок глиняной льячки (изделие в коллекции не найдено). Судя по размерам пятна, следам очага и находкам, здесь были исследованы остатки наземной раннесредневековой постройки 1, в конструкции которой, возможно, употреблялись столбы.

Остатки постройки 2. В ЮВ части раскопа 2 (работы 1975 г.) встречены остатки, по всей видимости, еще одной наземной постройки с оча-

гом из обожженных камней и подпольной материковой ямой. Верхняя часть углистого пятна в кв. 111, 112, 129, 130 (рис. 42) и, видимо, очага, были повреждены пахотой; «нижняя часть пятна сохранилось непотревоженной» и была зафиксирована на плане горизонта 3. Пятно (и остатки постройки) своей восточной частью уходило за пределы раскопа, но чертежа этой стенки раскопа в отчете нет. Прослеженные поперечники пятна, судя по чертежу, – СВ–ЮЗ – 4 м, СЗ–ЮВ – 3,5–4 м. В темном слое заполнения материковой ямы найдена раннесредневековая лепная керамика [Гурина, А-1975, л. 5].

В тексте отчета 1974 г. при описании селищенского слоя указывается на находки остатков еще нескольких очагов, обожженные камни которых были слегка задеты плугом. В таких скоплениях камней и «интенсивного черного слоя» обнаружена лепная неорнаментированная керамика. В этих местах «мощность темного гумусированного слоя заметно возрастала». Слой этот лежал на материке. Поэтому можно предполагать, что на этом участке были зафиксированы раннесредневековые ямы или углубления, которые прорезали слои стоянки. К сожалению, количество и местоположение таких селищенских очагов остались неизвестными. Судя по тексту отчета, не все обозначенные на планах углистые пятна относились к слою селища.

К слою селища также можно отнести пятна и расположенные ниже материковые ямы в кв. 60, 63–64, 68 (рис. 42). В южной части кв. 60 в темном пятне помимо кремневых изделий были найдены фрагменты раннесредневековой керамики. По всей видимости, средневековая яма повредила комплекс стоянки, из-за чего кремень оказался в более поздней яме.

Остатки постройки 3. «Поздняя керамика» обнаружена в углистом заполнении овальной ямы в кв. 58, 59, 63, 64 (рис. 42), поперечник С–Ю которой – 1,7 м, глубина – 0,2 м. В кв. 68 (связь с остатками описанной выше постройки не ясна) зафиксирована материковая яма поперечником 0,5 м, глубиной 0,3–0,4 м. В верхней части она прослеживалась как «очень интенсивное» очажное пятно. В заполнении найдены угли, кремневые чешуйки и фрагменты лепной раннесредневековой керамики.

С селищем предположительно можно связать еще один «очажный слой» (раскоп 2 1975 г., кв. 102), опираясь на скопление найденной здесь лепной раннесредневековой керамики (63 неорнаментированных фрагмента и 1 лощеный фрагмент). На планиграфическом чертеже (рис. 42) этот «слой» обозначен пятном, форма которого – овальная, поперечник СВ–ЮЗ – 1,8×1,5 м [Гурина, А-1975, рис. 5]. План материковых ям в отчете отсутствует. Нет комментариев к большинству обозначенных пятен, состоящих из «очажного слоя». Поэтому принадлежность их к селищу или стоянке неизвестна.

Таким образом, в общем раскопе были вскрыты остатки не менее трех жилых наземных построек. В двух случаях в их конструкции употреблялись столбы. Отопительные сооружения представлены очагами из камней. В постройках находились подполья – материковые ямы. Назначение некоторых ям неясно. Судя по упоминаемым в отчетах очагам, остатков построек было значительно больше, но отсутствие четкой графической документации не позволяет сказать о них что-либо определенное.

С раннесредневековым поселением можно связать находки «отдельных железных предметов, представленных единичными экземплярами» (раскоп 1 1974 г.) [Гурина, А-1974, л. 15] и фрагмента льячки, упоминание о которых есть только в текстах отчетов. Среди керамики, хранящейся в ИИМК РАН, обнаружены мелкий обломок округлого глиняного пряслица или грузила и фрагмент глиняного биконического лощеного пряслица с черной внешней поверхностью (рис. 46: 1, 2). Судя по «шифру» на последнем изделии, фрагмент пряслица найден в заполнении неолитического жилища (раскоп 1 кв. 71). Дело в том, что на этом участке раскопа находились отвалы из окопов, т.е. поврежденные слои могли быть и в месте жилища. Лощеные пряслица, близкие найденному, встречаются на памятниках сер. – 3-й четв. I тыс. н.э. лесной зоны [Исланова, 2006, с. 107–108].

Основной материал, полученный из культурного слоя селища, – это фрагменты лепной неорнаментированной керамики. Коллекция Залесья 1–2 неоднократно перемещалась по хранилищам, не избежала она и «испытания водой», в результате чего упаковка находится в плохом состоянии. Не всегда можно определить, из какого квадрата происходит фрагмент, так как раннесредневековая керамика, в отличие от неолитической, шифровалась не вся. Только половина раннесредневековых фрагментов при первичной обработке В.И. Тимофеевым общей коллекции была отделена от материалов стоянки. Остальные обломки посуды обнаружены были Г.В. Синицыной и мною в пакетах вместе с неолитиче-

скими. По всей видимости, нами также был обработан не весь материал, найденный в слое поселения, а только сохранившийся до настоящего времени.

Для анализа был доступен 891 лепной неорнаментированный фрагмент[1]. Внешняя поверхность трех экз. – подлощенная, четырех экз. – лощеная, остальные фрагменты имели немного шероховатую внешнюю поверхность. В керамическом тесте встречается примесь небольших зерен дресвы и песка, в лощеных и подлощенных фрагментах – песка. На обломках днищ иногда есть подсыпка из крупнозернистого песка. Распределить находки, опираясь на планиграфию раскопов, невозможно, так как для большинства фрагментов отсутствует информация о номере квадрата. Подавляющая масса фрагментов стенок и венчиков – это мелкие обломки сосудов. Целые формы не реконструируются.

По 17 фрагментам верхних профилированных частей сосудов можно весьма предварительно судить о форме лепных сосудов селища. Малое количество и в основном небольшие размеры керамики не позволяют распределить фрагменты посуды по каким-либо культурным группам. Нет и полной уверенности в одновременности бытования всех форм: они могли употребляться в разное время на протяжении сер. – 3-й четв. I тыс. н.э.

6 фрагментов принадлежат сосудам, имеющим сходство с керамикой мощинского круга и с посудой, являющейся, возможно, развитием такой керамики. Два экз. имеют короткое крутое плечо, причем в одном случае прослеживается бороздка (перетяжка) в месте перехода от шейки к плечику (рис. 46: 5, 6). Такое оформление характерно для сосудов мощинской культуры [Массалитина, 1993, с. 50] У трех фрагментов прослеживается «удлинение» уступа и «превращение» его в плечо с намечающимся ребром в месте перехода в тулово (рис. 46: 4, 7, 8). Следует отметить, что близкая посуда встречена на раннесредневековых поселениях ржевского течения Волги [Исланова, Черных, 2008, с. 170]. За исключением одного подлощенного фрагмента (рис. 46: 5), остальная керамика имеет немного шероховатую поверхность, плотное глиняное тесто с примесью мелкой дресвы. Вся керамика обнаружена в слое горизонта 2 раскопа 2 1975 г., причем известно местонахождение двух фрагментов – это кв. 102 и 120. Первый фрагмент найден в пятне «очажного слоя» (рис. 42).

4 фрагмента (рис. 46: 9, 11, 13; 47: 2) происходят от слабопрофилированных баночных сосудов с немного «сжатой» шейкой. Керамика найдена в раскопе 1 1973 г. и в раскопе 2 1975 года. Один фрагмент ошлакован (рис. 47: 2), внешняя поверхность остальных – немного шероховатая. Керамика с аналогичным оформлением шейки (тип 11 по Н.В. Лопатину) хорошо известна в древностях т.н. культуры псковских длинных курганов Верхнего Помостья [Исланова, 2006, с. 86–87, рис. 68, 69]

4 фрагмента – слабопрофилированных округлобоких сосудов с длинным пологим плечом слабовыраженной шейкой и оттянутым уплощенным или скругленным краем венчика (рис. 47: 3, 4, 5, 7). Три находки обнаружены на раскопе 2 1974 г., еще одна происходит из того же раскопа 1973 г. Внешняя поверхность – шероховатая. Аналогичная форма верхней части встречается у посуды 2-й и 3-й четв. I тыс. н.э. в лесной зоне (типы 7 и 8 по Н.В. Лопатину) [Лопатин, Фурасьев, 2007б, рис. 14, 15]. Близкая посуда выделена в группу 4 Верхневолжского набора [Исланова, 2007, с. 313; Исланова, Мирецкий, Олейников, 2007, с. 140, 145, рис. 8: 1; 12: 2, 4–6].

2 фрагмента можно отнести к т.н. S-видным сосудам (рис. 47: 1, 8). Горшки имеют длинное пологое плечо, наклоненное внутрь. Керамика происходит из раскопа 2 1974 г. Внешняя поверхность – шероховатая, в тесте – крупные зерна дресвы. Хорошо профилированная посуда встречается на памятниках восточной области КПДК и на поселениях ржевского течения Волги [Исланова, Мирецкий, Олейников, 2007, с. 145, рис. 7: 2, 5; 9: 5, 7; 14: 3–6], но не типична для древностей 3-й четв. I тыс. н.э.

Еще один фрагмент имеет также длинное, но прямое плечо и конусовидно сужающееся тулово (рис. 47: 6). Найден в раскопе 2 1975 г., внешняя поверхность хорошо заглажена. Один фрагмент сильно ошлакованного мисковидного сосуда происходит из сборов 2003 г. (рис. 128: 15).

Подводя итоги анализу материалов раннесредневекового селища Залесье 1-2, можно говорить о довольно широких хронологических рамках его функционирования (судя по единичным находкам и фрагментам лепной керамики): сер. – 3-я четв. I тыс. н.э. Скорее всего, поселение относится к КПДК, о чем свидетельствуют его

[1] При этом следует отметить, что какая-то часть такой керамики могла относиться к предшествующему периоду – ко 2-й четв. I тыс. н.э., что сейчас установить невозможно.

ландшафтная приуроченность к боровой террасе и расположенные поблизости два курганных могильника. Следует также подчеркнуть, что среди керамического материала нет фрагментов сосудов, известных на памятниках КСДК.

Второе стационарно изучавшееся поселение КПДК – это селище Пéски 1.

Селище Пéски 1

В 1956 г. при разведочных работах Н.Н. Гуриной вблизи д. Пáчково и между дд. Пéски и Пáчково в нескольких местах были найдены кремневые изделия и «славянская керамика» [Гурина, А-1956, л. 16–19]. В полевом отчете топопланы отсутствуют, а места сбора обозначены как местонахождения (пункты 4, 10 и 16). Судя по общей карте в отчете, одно из местонахождений (пункт 16 ?) располагалось на зафиксированном впоследствии селище Пéски 1.

В 1976 г. Ю.Н. Урбаном вблизи д. Пáчково была обследована неолитическая стоянка, обозначенная как Пéски 2 [Урбан, А-1976]. Памятник обследовался отрядами археологической экспедиции ТГОМ: в 1993 г. – А.В. Курбатовым и в 2004 г. – О.Д. Беляковой [Курбатов, А-1993; Белякова, А-2004]. В 2005 г. А.В. Мирецким, А.С. Дворниковым и Н.В. Левиной во время экспертного осмотра прибрежной территории между дд. Пéски и Пáчково, на стоянке Пéски 2 был зафиксирован слой, относящийся к селищу. В этом же году М.В. Волковой (экспедиция Филиала ГАСК в г. Твери) проведено охранное исследование разрушаемого поселения [Волкова, А-2005].

Многослойное поселение (селище 1 и стоянка 2) находится в 90 м к ЮВ от д. Пáчково и в 1,3 км к ЗЮЗ от д. Пéски. Бóльшая часть территории памятника в настоящее время занята построенной здесь (без согласования с органами охраны культурного наследия) базой отдыха. Селище Пéски 1 расположено на плоском участке первой надпойменной террасы восточного берега Осташковского плеса озера Селигер. Высота площадки над уровнем воды в озере – до 2 м. Поверхность памятника перекрыта наносными песчаными отложениями. Ориентировочно площадь поселения 3920 кв. м.

Вблизи известны погребальные памятники КПДК. К юго-востоку от д. Пáчково находился курганный могильник 1, состоявший из трех насыпей. К югу от исследовавшегося селища были остатки еще одного могильника – Пáчково 2. Это три частично развеянных кургана, предположительно подпрямоугольной формы, на поверхности которых фиксировались единичные пережженные косточки [Волкова, Исланова, 2011].

На селище Пéски 1 (между построенными коттеджами) было исследовано 90 кв. м (рис. 48). Культурный слой был погребен под наносными отложениями и нарушен перекопами, в т.ч. под подземные коммуникации. Напластования селища в месте раскопа имели мощность от 0,2 до 0,75 м (рис. 49). Раннесредневековые материалы начали встречаться уже в «контактном» слое (3), состоящем из песчаных намывных отложений, смешанных с культурным слоем. Примесь намывных отложений (но в меньшем количестве) встречалась и в основном культурном слое. Верхняя часть селищенского слоя (слой 4) состояла из черной углистой супеси мощностью 0,06–0,2 м. Нижняя часть (слой 5) – из темно-серой супеси (мощность 0,08–0,25 м). Последний в культурном плане относится, судя по находкам вещей и керамики, к селищу типа Варварина Гора (см. описание в главе 2).

С раннесредневековыми напластованиями поселения были связаны находки гладкой В-образной пряжки с язычком, украшенным рифлением, железных ножей с прямой спинкой, лезвийной части железного топора и фрагмента тигля (рис. 50: 7, 9–11; 51: 3). По сообщению И.О. Гавритухина, аналогичные пряжки датируются сер. V – сер. VI в. н.э.

Остатки нескольких жилых наземных построек (№№ 1, 5, 7), исследованных (целиком или частично) в раскопе, можно связать с верхним слоем селища (рис. 48). Строения были наземными с заглубленными в материковый грунт подпольными участками и с остатками ям от столбов от несущих конструкций. Подпрямоугольные углистые пятна определяли наземные размеры построек: 3,0–3,7×2,95 м; 2,4×2,80 м. В материке фиксировались подпольные части строений в виде ям подпрямоугольной и овальной форм размерами 1,3×1,7 и 1,1–1,7×2,8 м и глубиной около 0,4 м.

В одной из подпольных ям расчищены остатки печи-каменки размерами 1,2×1,2 м прямоугольной в плане формы, сложенной из плотно подогнанных друг к другу небольших колотых обожженных камней. Края стенок печи плотно примыкали к стенкам ямы, за исключением северного участка конструкции, сложенного из камней, образующих вертикальную стенку. Опущенная в яму печь, видимо, имела обноску из

небольших колышков по периметру склона ямы. Остатки вертикально вбитых в склон ямы горелых колышков диаметром около 0,04 м были расчищены на западном склоне ямы. На дне ямы зафиксированы параллельно уложенные горелые плахи длиной до 0,2 м и поперечником не более 0,07 м. В дно ямы были также вбиты сгоревшие колышки диаметром до 0,05 м.

При раскопках найдено довольно большое количество обломков лепных сосудов – всего 1300 фрагментов (включая посуду селища 2-й четв. I тыс. н.э.). Лепная керамика имела рыхлое тесто, шероховатую поверхность с выступающими зернами дресвы средних и крупных размеров. Бóльшая часть сосудов была слабопрофилированной, с заглаженной поверхностью (86 %). У совсем небольшого количества фрагментов (15 экз.) прослежены следы затертости внешней поверхности (8 %).

Связанная с раннесредневековым культурным слоем неорнаментированная керамика делится на два массива.

Во-первых, это фрагменты сосудов, продолжающих традиции местного населения, – т.е. посуды т.н. мощинского круга (рис. 53: 2, 4; 54: 6, 9). На фрагментах верхних частей горшков прослеживаются или следы сглаживания уступа или, наоборот, – превращения уступа в ребро.

Во-вторых – это фрагменты сосудов с плавной профилировкой (рис. 53: 3; 54: 1–5, 8), близкие к керамике типов 1, 7, 8, 9 по Н.А. Лопатину, характерных для посуды сер. 3-й четв. I тыс. н.э. Верхних Поднепровья, Подвинья и прилегающих более северных территорий [Лопатин, Фурасьев, 2007а, рис. 11, 12, с. 32, 36, 100, 103]. Также встречены 9 фрагментов стенок лощеных сосудов. В целом набор керамики из черной супеси близок наборам с поселений и могильников культуры псковских длинных курганов Верхнемстинского региона, в частности – набору из комплекса селище Городок – могильник Медная Гора [Исланова, 2006, с. 85–91].

Керамическая коллекция и обнаруженный вещевой материал позволяют весьма предварительно говорить о культурной принадлежности жителей исследованного селища. Первоначальное поселение, видимо III–IV вв. н.э., относилось к позднедьяковским памятникам типа Варварина Гора (см. главу 2). Поселение следующего культурно-хронологического этапа близко к древностям культуры псковских длинных курганов и датируется 3-й четв. I тыс. н.э.

На нескольких поселениях (Гринино 1, Тухачёво) обнаружены фрагменты верхних частей слабопрофилированных неорнаментированных лепных сосудов (рис. 62: 2–4; 83: 2). У венчиков фиксируется т.н. сдавленная («сжатая») шейка. Как уже указывалось, подобная форма верхней части горшков типична для КПДК Верхнемстинского (Мстинско-Валдайского, по Н.В. Лопатину) региона и относится к типу 11 по Н.В. Лопатину [Лопатин, 2003, с. 54–55] или группе 2 по И.В. Ислановой [Исланова, 2006, с. 86].

Подробнее остановимся на **селище Тухачёво**, подвергавшемся раскопкам. По всей видимости, при раскопках мезолитической стоянки Тухачёво 4 была затронута периферийная часть селища [Мирецкий, А-1992; А-1994]. Стоянка Тухачёво 4 была выявлена в 1976 г. экспедицией Калининского (ныне Тверского) государственного университета. Памятник находится в 0,1 км к СВ от северной окраины д. Тухачёво (Волга) на южном берегу оз. Волго. В 250–300 м к востоку в сосновом бору расположен могильник КПДК Тухачёво 1. Высота площадки поселения – 3 м над водой, прибрежная часть размывается. В 1992 и 1994 гг. А.В. Мирецким было исследовано 156 кв. м.

В текстах отчетов 1972 и 1974 гг. имеются сведения о находках (помимо кремневого материала) фрагментов круговых средневековых сосудов, двух кальцинированных косточек и ям, связанных с постройками деревни. В коллекции есть 3 фрагмента лепной гладкостенной керамики 3-й четв. I тыс. н.э. Присутствие этой керамики и расположение поблизости могильника КПДК позволяют предположить наличие здесь остатков селища КПДК. К слоям поселений раннего и позднего средневековья мог относиться верхний серый и темно-серый песок мощностью от 0,08 до 0,36 м. При описании стратиграфии этот слой называется «почвенным» [Мирецкий, А-1992] или «паханым подзолом» [Мирецкий, А-1994].

Сложнее обстоит дело с материалами объектов на **острове Дубовец (Пено 3)**. Керамическая коллекция, хранящаяся в ИИМК РАН, в настоящее время недоступна. Поэтому мы не можем судить о культурной принадлежности комплекса, в результате чего в данный раздел он помещен несколько условно. Сведения об исследованиях этого многослойного памятника содержатся в полевых отчетах Н.Н. Гуриной [Гурина, А-1969; А-1970; А-1971; А-1972] и в публикации материалов [Шумкин, 1997]. Если наличие здесь

грунтового могильника 3-й четв. I тыс. н.э. (или, возможно, остатков кургана этого времени) сомнений не вызывает, то существование поселения этого времени следует оставить под вопросом.

Комплекс памятников (первоначально как стоянка) был выявлен в 1955 г. Прибалтийской экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством Н.Н. Гуриной. Он находился к западу от пос. Пено, на острове Дубовец, окруженном с трех сторон заболоченными участками поймы, с четвертой – оз. Пено (рис. 86). По-видимому, до создания плотины (бейшлота) и подтопления озер в верховьях Волги это был возвышенный прибрежный участок, соединявшийся с коренником в местах современной заболоченной поймы. При поднятой плотиной воде урочище Дубовец полностью превращается в остров. Остров вытянут с ЮЗ на СВ. Северо-западная часть разрушалась озером. Высота над водой – 1,5–2 м.

В 1957–1960 гг. на памятнике собирался подъемный материал. В 1969–1972 гг. для изучения мезолитической стоянки здесь были заложены раскопы. Исследованная площадь (вместе с шурфами) составила 344 кв. м.

В процессе работ здесь были также выявлены материалы эпохи бронзы, раннего железного века, раннего средневековья и, видимо, позднего средневековья. По мнению В.Я. Шумкина, различное описание стратиграфии раскопов разных лет (включенных в единую площадь) связано с изменявшейся методикой раскопок [Шумкин, 1997, с. 171], но возможно, это частично отражало и различный характер отложений на острове. Приведем последовательно по годам описание верхних слоев поселения.

Раскоп 1969 г.: 0–0,1 м – дерн; 0,1–0,2 м – сильно гумусированная супесь с гравием.

Раскоп 1970 г.: дерн (без указания мощности); темно-желтый песок до 0,5 м, переходивший в красновато-желтый песок, достигающий по мощности до 0,55 м к востоку (в тексте отчета: опечатка – «к западу»).

Раскоп 1971 г.: дерн; почвенный слой (без указания мощности).

Раскоп 1972 г.: дерн; 0,2–0,4 м – слегка гумусированный песок.

По всей видимости, основная масса интересующего нас раннесредневекового материала была обнаружена в слое под дерном и в основном на раскопе 1970 г. (рис. 86, 88). В.Я. Шумкин приводит сводные подсчеты найденной керамики [Шумкин, 1997, с. 171]:

• керамика лепная (по-видимому, раннесредневековая И.И., в публикации материалов она отнесена к раннему железному веку): гор. (горизонт) 1 – 67 экз., гор. 2 – 90 экз., гор. 3 – 10 экз., гор. 4 и 5 – 3 экз., подъемный материал – 194 экз.; всего 364 экз.;

• керамика дьяковская сетчатая с дресвой: подъемный материал – 2 экз.;

• керамика гончарная средневековая: гор.1 – 1 экз., гор. 2 – 2 экз., подъемный материал – 6 экз; всего 9 экз.

Опираясь на вышеизложенные количественные данные, можно сделать вывод о том, что находки лепной раннесредневековой керамики существенно преобладают над остальными и могут относиться не только к разрушенным трупосожжениям, но и к слою расположенного вплотную к могильнику селища. Однако не исключен иной характер объекта вблизи могильника – культовый. Видимо, также оценивала объект и Н.Н. Гурина: «... верхние два горизонта *(стоянки – И.И.)* оказались слегка нарушенными более поздними посещениями людей (возможно, связанными с ритуальными действиями около погребений)» [Гурина, А-1971, л. 9].

Если обратиться к текстам отчетов, то сведения о раннесредневековых материалах следующие. В отчете 1969 г. о таких находках ничего не сказано. В отчете 1970 г. описываются найденные здесь трупосожжения. Интересны наблюдения, что «фрагменты средневековых лепных сосудов» встречены только «на ряде квадратов» и «иногда залегали скоплениями» [Гурина. А-1970, л. 17]. Это как будто указывает на остатки могильника, но о жженных костях упомянуто только для одного такого скопления (помимо сведений об урне).

В отчете 1971 г. еще раз упоминается о найденных в 1970 г. «гладкостенной лепной керамике и сосуде с костями». Только в 1971 г. указан № квадрата (13), где была найдена урна [Гурина, А-1971, л. 9]. Относительно материалов 1971 г. есть сведения, что в верхней части слоя «встречены отдельные (в полной мере единичные) фрагменты средневековой керамики» [Гурина, А-1971, л. 9].

В отчете 1972 г. еще раз упоминается находка урны в 1970 г. Сведений об иных материалах этого периода за 1972 г. нет. Как уже указывалось выше, на единичных планиграфических и на стратиграфических чертежах в полевых отчетах информация о найденных раннесредневековых артефактах отсутствует.

Поселения типа Подол

К настоящему времени накоплен определенный материал, позволяющий выделить в отдельную группу древностей памятники, расположенные на иных почвах (аллювиальных) и в иных ландшафтных условиях, чем объекты КПДК (нет выраженных зандровых поверхностей с озовыми грядами, отсутствуют сосновые боры). Курганные могильники около поселений и в ближайших их окрестностях неизвестны.

Реперным для этой группы является исследованное поселение Подол 3, материалы которого опубликованы [см.: Синицына, 1996; Фурасьев, 1996; Синицына, Исланова, 2009].

Селище Подол 3

Поселение – многослойное, но материалы селища 3-й четв. I тыс. н.э. достаточно четко отделяются от таковых предшествующих и последующих напластований. Селище Подол 3 расположено в 0,85 км к ЗЮЗ от д. Ланино на северном берегу оз. Волго и занимает узкую прибрежную полосу между озером и коренным берегом вблизи бывш. д. Подол (на месте деревни сейчас находится карьер). Площадь поселения – около 5 тысяч кв. м. Поселение было выявлено в 1990 г. Раскопки велись Верхневолжской неолитической экспедицией под руководством Г.В. Синицыной в 1990, 1993–96 гг. [Синицына, 1996, с. 3]. Раскопом исследовано 166 кв. м (раскоп 1 на стоянке Подол) (рис. 114, илл. 2). Памятник размывается озером и неоднократно подтапливался. Коллекция раннесредневековой керамики и основной массы вещевого инвентаря находится в фондах ТГОМ.

Раннесредневековые находки залегали в слое VI (по нумерации Г.В. Синицыной), представляющем собой черный интенсивно гумусированный песок со щебенкой, сильно обогащенный органическим веществом (рис. 115; 116). Мощность слоя – от 0,2 до 1 м. Выше находился слой VII – темно-серый гумусированный песок с беспорядочно распределенной щебенкой, мощностью до 0,15 м, к которому приурочены обломки железных изделий и фрагменты круговой керамики [Синицына, 1996, с. 18, рис. 11: 6–8]. Здесь обнаружены остатки столбовой постройки с глинобитной печью. Слой VII связан с хозяйственной зоной деревни позднесредневекового, Нового и Новейшего времени.

Слои поселения перекрыты пачкой горизонтально слоистых песков (слой VIII) мощностью до 0,5 м. Это – следы неоднократных затоплений памятника водами озера [Синицына, 1996, с. 19].

С селища происходит гладкостенная раннесредневековая керамика с немного шероховатой или слабошероховатой – заглаженной поверхностью. Основной отощитель – дресва, реже – песок, в единичных случаях встречен шамот. Последняя примесь является традицией более южных, лесостепных, территорий. 5 фрагментов стенок относятся к лощеным сосудам. На дне некоторых горшков зафиксирована подсыпка из песка.

За исключением одного целого миниатюрного сосудика (рис. 121: 7) коллекция состоит из фрагментов керамики. Посуда – неорнаментированная, только один обломок имеет нарезки по шейке и плечику (рис. 117: 1) [Синицына, Исланова, 2009, рис. 7: 1].

О форме сосудов можно судить по 60 профилированным фрагментам их верхней части. Это небольшое количество реконструируемых сосудов дифференцируется по 6 группам. Первые четыре группы входят в Верхневолжский набор керамики, выделенный мною при анализе материалов поселений смежного региона – ржевского течения р. Волги [Исланова, 2007, с. 313–314; Исланова, Черных, 2008; Исланова, Мирецкий, Олейников, 2007, с. 140, 145].

К *группе 1* (17 фр.) отнесена керамика, имеющая прототипы в предшествующих древностях ржевского течения Волги, где были распространены в том числе и сосуды мощинского круга (рис. 118). Посуда этой группы является как бы развитием «местной» керамики. Это фрагмент миниатюрного сосудика без шейки и плечиков (рис. 118: 2), 2 фрагмента горшков с длинной шейкой (рис. 118: 4, 5), 15 обломков сосудов, короткое плечо которых можно, скорее всего, считать уступом или скругленным уступом – характерным элементом посуды мощинского круга.

В *группу 2* (10 фр.) включены ребристые сосуды (рис. 119). Можно предложить две версии их появления: 1) развитие керамики мощинского круга – удлинение уступа; 2) культурный импульс из Верхнего Подвинья (аналоги – в керамике с памятников типа Узмень), где известна посуда с ребром в месте перехода плечика в тулово [Лопатин, Фурасьев, 2007а, рис. 22: 5; 108: 2; 110: 1].

В *группу 3* включены фрагменты сосудов (7 экз.) с коротким плечом и конически сужающимся ко дну туловом (рис. 120: 1–4, 7, 8), аналоги которым известны также на памятниках культуры псковских длинных курганов [Исланова,

2006, рис. 74]. Возможно, прототипы такой посуды следует искать в днепро-двинских древностях [Лопатин, Фурасьев, 2007а, рис. 140: 9, 18, 28]. Необходимо отметить, что близкая по форме керамика известна на дьяковских памятниках тверского течения р. Волги [Исланова, 2008, рис. 115: 2, 5, 6, 10; 116: 4; 118: 6, 8]. Она могла здесь появиться в результате культурного импульса с территории днепро-двинской культуры.

К *группе 4* (14 фр.) отнесены округлобокие сосуды плавной профилировки с небольшим скругленным венчиком. 6 экз. (рис. 121: 1–6) имеют короткую шейку, у 3 экз. она несколько длиннее (рис. 122: 1, 3, 4, 5). Ближайшая схожая посуда известна на памятниках Верхнего Подвинья (типы 7 и 8 по Н.В. Лопатину) [Лопатин, Фурасьев, 2007а, рис. 16: 3, 6, 8; 18: 10, 13, 14; 19: 4, 8, 10, 11]. 1 экз. этой группы близок посуде типа 11 по Н.В. Лопатину и имеет аналоги среди посуды как памятников типа Узмень, так и культуры псковских длинных курганов [Лопатин, Фурасьев, 2007а, рис. 11: 13, 15, 16; 15: 8; 51]. К этой же группе керамики, видимо, тяготеет глиняный диск или сковородка (рис. 123: 8). Подобные изделия распространены в древностях 2-й четв. – сер. I тыс. н.э. лесостепной и южной части лесной зон Восточной Европы [Максимов, Терпиловский, 1993, с. 111].

К *группе 5* (4 фр.) отнесены сосуды, имеющие S-видную профилировку (рис. 120: 5, 6; 121: 7, 8, 9). Они редко встречаются в древностях лесной зоны интересующих нас периодов, в том числе и на памятниках типа Узмень [Лопатин, Фурасьев, 2007а, рис. 125: 4] и КПДК [Исланова. 2006, рис. 73: 8–12].

К *группе 6* (5 фр.) отнесены баночные сосуды (рис. 121: 9; 122: 1), известные в древностях лесной зоны Восточной Европы на протяжении I тыс. н.э.

Выделяемые группы керамики могут быть связаны с разными культурными традициями. Близкие наборы посуды происходят с поселений, расположенных ниже по течению Волги: на городище Осечен, селищах Рогово 2, Усть-Тудовка 8, Суходол 2, Бобронники, Тёплый Ручей 2, Благовещенье [Исланова, 2007, с. 313]. Этот Верхневолжский набор посуды отличается от выделенных Н.В. Лопатиным наборов керамики КПДК [Лопатин, 2003] относительно большой «примесью» ребристых горшков, наличием форм, являющихся развитием местной посуды, а также наличием единичных сосудов S-видной профилировки.

При раскопках раннесредневекового слоя поселения Подол 3 не были выявлены какие-либо хозяйственные объекты. Вещевой материал немногочислен и преимущественно связан с остатками хозяйственной деятельности в Новое и Новейшее время (рис. 124: 2–13).

К раннесредневековому селищу можно отнести железные двусоставные *удила и два серпа* с пяткой, конец которой загнут перпендикулярно плоскости клинка (группа II, подгруппа 1 по Р.С. Минасяну) (рис. 124: 1, 14). Изделия имеют широкие территорию и хронологию бытования. Верхняя дата для таких серпов в смежном регионе – Верхнем Поднепровье – VI–VII вв. н.э. [Минасян, 1978, с. 79]. Ближайший аналог удилам происходит из кургана 2 могильника Гринино 2 (см. главу 3).

Глиняные биконические пряслица (4 экз.) являются массовыми находками на поселениях 2-й и 3-й четв. I тыс. н.э. лесной зоны Восточной Европы (рис. 123: 1, 2, 5, 6).

2 оселка (точильных камня), глиняные пробка и грузило (рис. 123: 3, 7; 125: 3, 4) могли бытовать не только в раннем средневековье, но и значительно позже.

Наибольший интерес представляет обнаруженный *производственный набор*. Это глиняная льячка, фрагмент тигля и две литейные формочки (рис. 123: 9, 10; 125: 1, 2). Последние были впервые опубликованы в 1996 г. [Синицына, 1996, рис. 11: 9, 11]. Одна из них – керамическая с негативом бляшки, другая – из сланца с негативами трехрогих лунниц, бляшек и пластинок (см. подробное описание изображений – [Фурасьев, 1996, с. 49–50]). Аналоги изготавливавшимся предметам известны как в финно-угорских древностях, так и в древностях Центральной Европы, Поднестровья, культуры псковских длинных курганов. Близкие или почти идентичные изображения лунниц на формочках происходят с городища Осечен, расположенного примерно в 60 км ниже по течению Волги [Исланова, Мирецкий, Олейников, 2007, рис. 5: 1]. А.Г. Фурасьев предположил дату формочек с Подола 3: кон. IV–V в. [Фурасьев, 1996, с. 50]. Формочки из Осечена отнесены нами к V–VI вв. О.А. Щеглова склонна датировать появление подобных изделий (формочки типа Бернашёвка-Камно) на Верхней Волге не ранее руб. VI–VII вв. По ее мнению, находки на Верхней Волге из Подола 3 и Осечена (рис. 126) занимают ключевое положение, маркируя пути проникновения с юга по Днепру и Волге на Северо-Запад Восточной Ев-

ропы навыков изготовления в формочках подобных вещей [Щеглова, 2002, с. 145–146].

Для угля, собранного рядом с литейной формой на Подоле 3 (рис. 125: 2), получена радиоуглеродная дата – 1710±110 л.н. (ЛЕ-5174).

Возраст раннесредневекового слоя (VI) определен также на основании спорово-пыльцевого анализа, выполненного Е.А. Спиридоновой (ИА РАН). По образцам №№ 14–17 с глубины 0,25–0,65 м прослежено, что в общем составе заметно возрастает участие пыльцы травянистых растений, как за счет разнотравья, так и культурных злаков (Cerealia). Скорее всего, именно в это время происходило наиболее интенсивное освоение данной территории, что выразилось в создании больших пахотных площадей и в сведении коренных хвойных лесов, так как в палинологических спектрах пыльца березы составляет более 80 % и только в образце 18 чуть более 60 % – свидетельство широкого развития вторичных березовых лесов. По мнению Е.А. Спиридоновой и Г.В. Синицыной, состав спектров в значительной степени отражает локальное своеобразие растительности ограниченной территории, во многом связанное с хозяйственной деятельностью жителей Подола 3, и характеризует завершающий этап голоцена – субатлантический период, что подтверждает датировку залегающего в этих отложениях культурного слоя ранним средневековьем.

Фауна из раннесредневекового слоя была определена И.Е. Кузьминой (ЗИН РАН). Здесь найдены костные остатки как домашних (корова, мелкий рогатый скот, свинья), так и диких (лось, благородный олень) животных.

На особый характер селища Подол 3 обратил внимание А.Г. Фурасьев уже при первой публикации материалов [Синицына, 1996, с. 18]. Исследователь сравнивал материалы Подола с селищем Юрьевская Горка (Удомельский тип памятников, предсопочная культура). К этому следует добавить, что помимо прослеживаемой похожести (но не идентичности) керамических наборов и то, и другое поселения существовали «параллельно» с КПДК, в иных ландшафтах. Погребальная традиция не подразумевала сооружение курганных могильников. Более детальное сопоставление материалов пока невозможно из-за малочисленности вещевой и керамической коллекций селища Подол 3.

Некоторые различия в вещах и керамике обоих поселений связаны с их разным географическим и, видимо, «культурным» местоположением: селище Подол 3 значительно ближе к Верхнедвинскому региону. Имеются также существенные различия в судьбе населения, оставившего эти памятники, что, возможно, напрямую связано с первоначально разной их «культурной наполненностью». Древности Удомельского типа (предсопочная культура), судя по керамическим и вещевым материалам и элементам домостроительства [Исланова, 1997, с. 76, 128–129], «перерастают» и входят составной частью в культуру сопок, которая не известна ни в верховьях самой Волги, ни на озерах в ее верховьях (единичные сведения здесь о «сопках» относятся к сопковидным курганам КПДК).

К выделяемым в Селигерском регионе памятникам типа Подол можно причислить еще 4 поселения, также расположенных в ландшафтах, не характерных для КПДК (курганы поблизости неизвестны). На двух поселениях проводились небольшие раскопки. Это многослойные памятники, где были выявлены интересующие нас слои: Ронское 3, Никола-Рожок. Еще два селища – Горка 1 и Звягино 2 – были обследованы при разведочных работах [Лаврова, А-2005; 2007].

Селище Ронское 3

Поселение находится на мысу у протоки из Ботовского залива оз. Селигер. Материалы селища были обнаружены в верхних слоях одноименной стоянки при раскопках в 1966 г. Д.А. Крайновым [Крайнов, А-1966]. Высота поселения над уровнем воды в 60-е гг. XX в. была 0,5–1 м. Мыс, окруженный водой и заболоченными низинами (?) в различные периоды, видимо, являлся то древним островом, то частью крупного полуострова (рис. 55, 56).

Селище перекрывало стоянку, размеры которой были определены как 80 (З–В)×100 (Ю–С) м. Керамика происходит из раскопа площадью 116 кв. м. Она находилась в «рыжеватом слое» или в «коричневато-рыжеватой почве» (супесь, глина) мощностью 0,2–0,3 м, лежащих под дерном. Если учесть и толщину дерна, то общая мощность верхнего раннесредневекового слоя селища составляет 0,25–0,4 м.

В пользу того, что здесь находился не слой, сползший с холма (на котором был обнаружен «только слой с селищенской керамикой»), свидетельствуют найденные под дерном крупные фрагменты посуды.

Информативны 13 фрагментов лепной керамики (рис. 58, 59). Это обломки верхних ча-

стей сосудов, один из которых, судя по достаточно резкой профилировке и относительно большой толщине стенок, скорее всего, относится к кон. I тыс. н.э. (рис. 59: 10). Поверхность остальных немного шероховата или заглажена; в глиняном тесте – примеси песка и мелкой дресвы. В единичных случаях поверхность сильно бугриста: отмечается примесь крупной дресвы. Обнаруженные лощеные и подлощенные фрагменты (11 экз.) могли относиться и к слоям 2-й четв. I тыс. н.э. (см. описание выше – в главе 2).

Формы многих сосудов узнаваемы по верхним фрагментам. К *группе 2* – ребристым сосудам – можно отнести два фрагмента (рис. 59: 8, 9), один из которых «несет» также черты керамики *группы 1* (оттянутый край венчика). Один фрагмент отнесен к *группе 3* – слабопрофилированные сосуды (рис. 58: 7). Четыре фрагмента – к *группе 5* – округлобокие сосуды (рис. 58: 8-10; 59: 7).

С селищем Ронское 3 также можно связать находки железного ножа с прямой спинкой и обломка ручки глиняной льячки (рис. 57: 1, 2).

Поселение Никола-Рожок

Укрепления городища не изучались, поэтому мы не знаем, существовало ли поселение как городище в раннесредневековое время (см. описание памятника в главе 2). В месте раскопа А.В. Успенской раннесредневековый культурный слой был разрушен в древнерусский период. В коллекции сохранились фрагменты верхних частей трех сосудов, которые можно отнести к группе 4 Верхневолжского набора (рис. 31). С поселением этого же времени можно связать еще две находки: железные серп и пластинчатое кресало (рис. 29: 3; 30: 1; 28: 5) . Серп имеет пятку, загнутую перпендикулярно плоскости клинка, он аналогичен встреченному на селище Подол 3 (рис. 124: 14). Пластинчатое кресало с петлей (рис. 28: 5) было ошибочно отнесено А.В. Успенской к древнерусскому времени [Успенская, 1969, с. 207]. Однако такие кресала известны в пшеворской и липицкой культурах [Славяне и их соседи, 1993, табл. XXI:13, XXXIX: 17]; на ранних памятниках пражской культуры в Припятском Полесье (Скнядин 2 и Бухличский хутор), датированных наиболее ранней фазой этой культуры – IV–V вв. н.э. [Вергей, 2008, с. 238, рис. 2: 7, 8]; на городище Дешевки мощинской культуры [Массалитина, А-1994, рис. 26:3]. К этому слою поселения также можно отнести два железных ножа с прямой спинкой (рис. 28: 1, 2).

Селище Горка 1

Селище, выявленное Г.А. Лавровой в 2005 г., расположено на первой террасе северного берега оз. Сабро на высоте 1–2 м над водой [Лаврова, А-2005, л. 4–7]. Поселение вытянуто вдоль береговой линии на 128 м при ширине 24 м (рис. 127). Культурный слой залегал под наносными отложениями – коричневой супесью или песком – толщиной до 0,5 м. Мощность культурного слоя – черного песка с углями и обожженными камнями – от 0,04 до 0,2 м.

Найденные при шурфовке фрагменты лепных сосудов в основном можно отнести к *группе 4* (рис. 128: 7–9), один фрагмент ребристой миски – к *группе 2* (рис. 128: 12). Здесь обнаружен также обломок миниатюрного сосудика (баночка без плечиков и шейки – рис. 128: 11), который можно связать с местными традициями предшествующей эпохи.

Селище Звягино 2

Поселение, выявленное Г.А. Лавровой в 2005 г., находится на первой надпойменной террасе северного берега оз. Сабро на высоте 2–3 м над водой [Лаврова, А-2005, л. 4–7]. Протяженность вдоль берега по линии З–В – 240 м при ширине до 60 м. Мощность культурного слоя – в среднем 0,35–0,5 м. Это коричневый и темно-серый песок с углями и включениями печины, а в нижней части – с включениями подзола. В верхней части слоя встречена также круговая керамика эпохи средневековья и Нового времени. Из шурфов происходят фрагменты верхних частей лепных сосудов (рис. 128: 1–4). Один фрагмент со скругленным уступом можно отнести к *группе 1* (рис. 128: 6).

Помимо проанализированных, в нашем распоряжении имеются керамические материалы, полученные при разведочных работах на селищах, культурная принадлежность которых не определена: Ронское 1, Лом 1, Дроздово 1, Хитино 1, Шиловка 1. Это фрагменты верхних частей сосудов и обломок сковороды, которые предварительно можно датировать сер. – 3-й четв. I тыс. н.э. (рис. 58: 2–4; 128: 5; 129).

Глава 5
К характеристике культурной ситуации в раннем средневековье

Древности раннего железного века озер Верхневолжья, датируемые 2-й пол. I тыс. до н.э. – нач. I тыс. н.э., остаются практически неизученными. На основании отрывочного материала можно предполагать, что в это время Селигерский регион в культурном плане тяготел к территории, занятой верхнедвинским вариантом днепро-двинской культуры (рис. 23). Во 2-й четв. I тыс. н.э. он находился в зоне распространения памятников типа Варварина Гора, известных, помимо исследуемой, на территории Верхнего Помостья и в юго-западной части Мстинско-Моложского междуречья. Предположительно эти памятники возникают в результате импульса со стороны среднетушемлинской культуры и произошедшего культурного смешения с местными древностями, имевшими и сохранявшими, судя по гидронимии, мощную прибалтийско-финскую подоснову. Наличие серии поселений этого времени свидетельствует в пользу того, что население раннего железного века не покидало прибрежные участки района. Из-за малочисленности материала следует оставить открытым вопрос о еще одном культурном импульсе – со стороны позднедьяковских или мощинских древностей из Ржевского Поволжья.

В начале 3-й четв. I тыс. н.э. территория с Верхневолжскими озерами вошла в ареал т.н. культуры псковских длинных курганов (рис. 130). Культурные процессы, приведшие к возникновению нового типа древностей, появление (почти одновременно) на обширной территории курганного обряда и нового инвентаря остаются предметом дискуссий и различных предположений.

Большинство исследователей склоняются к тому, что курганная традиция в ареал КПДК была привнесена. В раннем железном веке на этой территории погребальные насыпи неизвестны. Одним из наиболее перспективных регионов, откуда могла быть заимствована или принесена с новым населением традиция сооружения погребальных насыпей, является территория с восточнолитовскими курганами [Конецкий, 1997, с. 221; Лопатин, Фурасьев, 2007б, с. 284; Михайлова, А-2009, с. 178–179]. У этих курганов и погребальных памятников КПДК действительно есть общие элементы (округлые и удлиненные насыпи, обряд трупосожжения на стороне, погребения коней). Однако В.Я. Конецкий, считая КДК «многокомпонентным явлением», указывает также на наличие схожих элементов обряда (деревянные конструкции) и в финских погребальных памятниках Молого-Шекснинского междуречья 2-й пол. I тыс до н.э. – нач. I тыс. н.э. [Конецкий, 1997, с. 222–223].

Преждевременно делать какие-либо далеко идущие этнокультурные выводы на основании одного раскопанного кургана с внутренними каменными конструкциями в могильнике Колобово 1 (хронология памятника неясна[1]). Обнаруженные прямые аналоги обряду могильников Колобово 1 и 4 в восточнолитовских курганах могут свидетельствовать не только в пользу вышеизложенной гипотезы появления курганов, но и против. Дело в том, что в большинстве исследованных насыпей КПДК восточной области каменные выкладки не найдены. Но если

[1] Взятые для анализа С14 угли оказались в основном остатками росших здесь в позднесредневековое время деревьев.

отойти от проблемы территории-донора курганного обряда для северо-запада лесной зоны Восточной Европы, то в случае с колобовским курганом появляется доказательство имевшего место (где-то в сер. – 3-й четв. I тыс. н.э.) передвижения населения, принесшего с запада в верховья Волги (видимо, через Верхнее Подвинье) элементы обряда, идентичные восточнолитовским.

Появление нового вещевого набора в ареале КПДК, по М.М. Казанскому [Казанский, 2008, с. 311], могло быть связано с выходцами из западнобалтийской среды. Именно подобные культурные импульсы прослеживаются в анализируемом регионе по найденным в курганах деталям конского снаряжения и В-образным пряжкам. Таким образом, в V–VI вв. н.э. фиксируется продвижение групп населения в северо-восточном направлении, что было отмечено на материалах иных регионов КПДК и хронологически синхронных им древностях. Нельзя не обратить внимание на присутствие в керамическом материале КПДК сосудов, имеющих прототипы в раннеславянских древностях (тип 11 по Н.В. Лопатину). Однако остальная керамика из курганов фрагментарна, малочисленна и разнообразна.

В представленной работе также анализируется новая группа древностей 3-й четверти I тыс. н.э., существовавшая в регионе параллельно (чересполосно) КПДК. Группа названа по реперному поселению – Подол. К настоящему времени имеются материалы с пяти памятников: селищ Подол 3, Ронское 3, Горка 1, Звягино 2 и поселения Никола-Рожок (рис. 130). Погребальные сооружения не известны, но не исключено, что поблизости от поселений могут быть грунтовые могильники с кремацией. Поселения располагаются в иных, чем памятники КПДК, ландшафтных и почвенных условиях – на участках, благоприятных для занятия земледелием: там, где отсутствуют зандровые равнины с сосновыми борами. О наличии земледелия свидетельствуют находки серпов и результаты проведенного спорово-пыльцевого анализа (см. выше, глава 4).

В культурном плане, и прежде всего по керамическому набору и аналогам в инвентаре, «новые» памятники близки поселениям, расположенным в смежном регионе ниже по течению Волги – в Ржевском Поволжье (рис. 130). Опираясь на общие элементы в материальной культуре, данные поселения Селигерского региона и ржевского течения Волги можно объединить в одну группу под единым наименованием – типа Подол.

Формирование керамического набора древностей типа Подол могло происходить частично на той же основе (памятников круга Заозерья – Узмень), что и наборов посуды, выделенных для древностей КПДК Северо-Запада Восточной Европы Н.В. Лопатиным. Однако этот набор отличает от керамики КПДК относительная многочисленность ребристых форм. Помимо этого, на памятниках типа Подол фиксируется существенное присутствие местных форм, продолжающих традиции керамики мощинского круга.

Вполне допустимо, что в 3-й четв. I тыс. н.э. в Селигерский и Ржевский регионы продвигаются группы населения из Верхнего Подвинья, являющиеся носителями варианта киевской культурно-исторической общности (древностей круга Заозерье–Узмень). По мнению ряда исследователей, это – раннеславянское население [Лопатин, Фурасьев, 2007а, с. 105].

Нет сомнения в том, что и аборигенное население оставалось на месте, и поэтому по массовому керамическому материалу фиксируются процессы смешения в материальной культуре. Возможно, с этим связано и многообразие элементов в погребальном обряде. Следует отметить относительную многочисленность памятников КПДК и расположение их не только на магистральных путях (с Верхней Двины на Верхнюю Волгу), но, главным образом, в «глубинке» – на малых водоемах, входящих в общее озерное ожерелье. Размещение могильников в регионе и некоторые признаки обряда позволяют говорить о доминировании в КПДК не раннеславянского, а местного (смешанного балтского и прибалтийско-финского) компонента. Ярким свидетельством этого являются обнаруженные в захоронениях пластинчатые бляшки-обоймицы от головных венчиков – характерного элемента женского убора.

Несмотря на немногочисленный раннесредневековый материал, имеющийся к настоящему времени в нашем распоряжении, можно говорить, что «культурное развитие» рассматриваемого региона находится в общем русле процессов, протекавших в сер. – 3-й четв. I тыс. н.э. в крупной области, занимающей бассейны Верхней Двины, Волги и Мсты. Возможно, начало «культурного единства» было положено еще в раннем железном веке. В сер. – 2-й пол. V в. здесь возникают древности КПДК восточной об-

ласти, имеющие некоторые отличия от остальных территорий КПДК.

Также как и в бассейне Мсты, здесь фиксируется культурная многокомпонентность: чересполосное существование двух групп древностей – КПДК и памятников типа Подол. Эти группы занимают разные экологические ниши (поселения находятся в разных ландшафтных и почвенных условиях), что косвенно свидетельствует о разном экономическом укладе населения. А отличия в погребальном обряде (наличие с одной стороны и отсутствие – с другой курганных могильников), видимо, подтверждают принадлежность населения к разным культурным группам.

Приложение 1

Результаты стационарного изучения остатков курганов 1 и 2 могильника Колобово 1 в Селижаровском районе Тверской области

В 2004 г. при обследовании земельного отвода «Усадьба Волго» Подмосковной экспедицией ИА РАН были зафиксированы разрушения курганного могильника Колобово 1 при прокладке дорог. Насыпь кургана № 1 (сведения о находившемся здесь кургане сохранились на плане паспорта на могильник) была полностью уничтожена; курган № 2 поврежден на треть. В этом же году здесь были проведены стационарные исследования. В месте разрушенного и полуразрушенного курганов был заложен единый раскоп площадью 600 кв. м (рис. 90, 92, 93).

Курган № 1

Остатки кургана 1 выявлены в северной части раскопа — по линии квадратов И–О 14–19 (рис. 93, 95, 96). Так как насыпь кургана не сохранилась, приводим стратиграфию напластований около ЮЗ и СВ ровиков кургана – на неповрежденных техникой участках (рис. 94).

Дерн имел мощность преимущественно 0,02–0,04 м, но в восточной части составлял до 0,1–0,15 м; иногда дерн перекрыт отвалом, появившимся во время строительства дороги.

Серый песок (почвенный слой) имел мощность в основном 0,1–0,15 м.

Материк в северной части раскопа представлял собой желтый, светло-желтый и красноватый (ожелезненный) песок с пятнами коричневого и серого песка. Эти пятна – следы корневой системы росших здесь ранее деревьев. В раскопе, в пределах проложенных дорог, в материке продолжали фиксироваться следы работы экскаватора. Неровности поверхности, вскрытой в раскопе, как раз связаны с тем, что сильно поврежденные участки разбирались до плотного неповрежденного материкового грунта.

В СЗ части раскопа под дерном или под отвалами прослеживались повреждения почвенных слоев, видимо, совсем недавнего времени, когда прокладывалась дорога. В кв. П 16 раскоп задел края трех относительно крупных ям (рис. 93; 94). Южная яма – поздний перекоп, идущий сразу из-под дерна. «Центральная» яма перекрыта выбросом из южной ямы – линзой рыжего суглинка, заполнена темно-серым песком с углями, в СВ части лежал крупный валун (скорее всего, переотложенный). Прослеженные поперечники ямы СВ–ЮЗ – 0,55×0,45 м, глубина – до 0,2 м. Северная яма перекрыта погребенным дерном. Заполнена темно-серым песком с включениями рыжего суглинка. Глубина в материке – 0,12 м.

Остатки разрушенной курганной насыпи не обнаружены (по-видимому, этот грунт был вывезен). Судя по зафиксированным нижним частям ровиков кургана, насыпь имела подпрямоугольную форму со скругленными углами и была ориентирована СЗ–ЮВ. Примерные размеры основания насыпи: ЮЗ–СВ – 7–7,5 м, СЗ–ЮВ – 7–8 (?) м. Судя по стратиграфии восточной стенки раскопа к востоку от кургана, материк при строительстве дороги здесь был снят на глубину 0,15–0,2 м.

Ровики (рис. 93; 95–98; илл. 6). Насыпь кургана № 1 с трех сторон (с юго-запада, северо-запада и северо-востока) была окружена тремя ровиками-канавками. Ровики располагались под прямым углом друг к другу, образуя не замкнутый на юго-востоке прямоугольник. Форма ровиков близка к овальной, края повреждены росши-

ми здесь деревьями; кроме того, верхняя часть ровиков была разрушена при строительстве дороги, поэтому прослеженные размеры их несколько меньше, чем были на самом деле. Восточный край СВ ровика не удалось вскрыть из-за росшей здесь сосны.

Юго-западный ровик (рис. 93, 95–97). Длина ЮВ–СЗ – 4,3 м ширина – до 2,8 м, наиболее глубокая юго-восточная часть достигала глубины 0,3 м; стенки крутые, дно вогнутое, имевшее небольшой наклон с северо-запада на юго-восток. Верхнее заполнение ровика – темно-серый песок. Наибольшая толщина этого слоя над глубокой частью – до 0,16 м. Нижнее заполнение – черный слой из крупных углей. Толщина этого слоя – 0,02–0,08 м. Под нижнем слоем лежал белый песок: подзол с угольками, толщиной 0,01–0,1 м. На дне ровика в наиболее глубокой части расчищены два крупных валуна (поперечниками до 0,5 м) и еще несколько небольших камней. Еще один крупный валун зафиксирован по северо-западной стенке ровика.

Северо-западный ровик (рис. 93, 95–97). Длина ровика ЮЗ–СВ 5 м, ширина от 1,4–1,6 м до 2,2 м в центральной части, глубина от 0,30 м в юго-западной части до 0,54 м в северо-восточной части; стенки крутые, дно в основном конусовидное, а в северо-восточной – наиболее глубокой части – уплощенное. В центре ровика на дне лежал крупный валун, рядом на краю рва – еще один крупный валун. Верхнее заполнение ровика состояло из темно-серого гумусированного песка толщиной до 0,15 м. Нижнее заполнение – из черного углистого слоя толщиной до 0,10 м. Ниже, над красно-желтым ожелезненным материковым песком, фиксировался слой подзола – белого песка с редкими угольками; толщина подзола – от 1 до 14 см.

Верхнее заполнение ровика в северо-восточной части и материк к северо-востоку от ровика были сильно повреждены техникой при прокладке здесь дороги (в материке фиксировались колеи от автотранспорта, заполненные темно-серым суглинком). После разборки переотложенных напластований здесь, в ровике, была расчищена вымостка из относительно небольших камней (поперечниками от 0,10 до 0,25 м), исключение составлял крайний с запада крупный валун (его поперечники – 0,3×0,5 м). Камни лежали в один ярус в углистом слое, почти вплотную друг к другу, образуя прямоугольник, ориентированный длинными сторонами по направлению ровика, размеры вымостки по линии ЮЗ–СВ – 1,2–1,3×1 м. Вымостка пронизана корнями росших здесь деревьев.

Под вымосткой в темно-сером песке с включениями крупных углей (или обугленной коры ?) найден крупный фрагмент кругового средневекового горшка (рис. 99). Фрагмент – коричневого цвета с темно-серым пятном в центральной части тулова, глиняное тесто – с примесью песка, край венчика обточен. Рядом с этой половиной горшка и до дна ямы прослеживались непережженные кости головы коровы (определение остеолога М.Е. Ланцевой). В центральной части ровика к востоку от фрагмента сосуда лежали 2 небольших камня. По мнению к.и.н. Т.В. Сергиной, фрагмент сосуда может относиться к XV или к последующим (XVI–XVII) векам.

Под этой, видимо, «тризной» в северо-восточной части ровика расчищено овальное углубление (на 0,04–0,1 м ниже основного дна ровика) поперечниками 1,1×0,8 м. Не исключено, что углубление было сделано позже (или значительно позже) функционирования ровика.

В желто-сером песке с углями, залегавшем по юго-западной стенке северо-восточной части ровика, были найдены три мелкие (неопределимые) пережженные косточки и фрагмент стенки лепного сосуда (поверхность шероховатая, глиняное тесто – с дресвой). Эти находки к остаткам т.н. тризны отношения не имели, так как обнаружена непосредственно в заполнении рва. Скорее всего, описанное углубление и его заполнение связаны с поминальными действами позднесредневекового населения на более ранней курганной группе.

Северо-восточный ровик (рис. 93, 95–98). ЮВ край рва не был исследован из-за росшего здесь дерева, СЗ край поврежден при прокладке здесь дороги (после выборки переотложенного темного грунта в материке следы края рва не фиксировались). Прослеженная длина рва СЗ–ЮВ – 6,1 м ширина – 2,2–2,6 м, глубина – до 0,45 м, стенки крутые, дно вогнутое с овальными углублениями, видимо, от корней деревьев.

Верхнее заполнение – темно-серый песок толщиной до 0,24 м, нижнее – черный углистый слой толщиной до 0,1 м. На дне и по стенкам ровика фиксировался слой подзола с примесью материкового песка (белый и красновато-желтый песок), толщиной до 0,1–0,15 м. В центральной части ровика на дне находились два крупных валуна (поперечниками до 0,15 и 0,2 м) и крупный валун (0,7×0,5×0,68 м), лежавший в юго-

западной стенке; рядом расчищены еще два камня поменьше. Других находок нет.

К западу от юго-западного края ровика в кв. О 16 и О, Н 17 (рис. 93; 95; 96) зафиксированы две подовальные *ямки*, поперечниками С–Ю 0,45×0,26 м и 0,37×0,26 м, с крутыми стенками и уплощенным дном, глубиной 0,22 и 0,13 м в материке. Ямка в кв. О 16 заполнена сверху (0,08 м) темно-серым углистым песком, на дне – темно-серым песком. Возможно, ямка – столбовая и была связана с курганным ритуальным комплексом. Ямка в кв. О, Н 17 заполнена темно-серым с желтым и белым песком. Скорее всего, ямка – след корня дерева.

Под разрушенной насыпью кургана в материке были зафиксированы предположительно *остатки захоронения* по обряду кремации на стороне (рис. 95; 96). Погребение, видимо, было произведено в основании кургана, в его юго-западной части, в материке. В кв. Л 15 была зафиксирована округлая ямка диаметром до 0,60 м, глубиной в материке до 0,30 м, с крутыми стенками и вогнутым дном. В центре ямка заполнена коричневым песком с включениями темно-серого песка, мелких угольков и мелких пережженных косточек. Гумусированное пятно имело диаметр до 0,45 см и прослежено на глубину 0,12 м. По северной стенке сверху лежал валун поперечником до 0,13 м, к северо-востоку от него на материке найдены еще два камня (связь обнаруженных камней с погребением проблематична). Остальное заполнение ямки следующее: на дне и по стенкам – желтый песок с ожелезнением и единичными мелкими угольками.

По М.В. Добровольской, обнаруженные в этой ямке девять мелких кремированных костей определению не подлежат.

С долей вероятности остается предполагать, что под дорожной насыпью удалось зафиксировать самую нижнюю часть захоронения по обряду кремации на стороне, помещенного в ямку под курганом. Керамика (за исключением мелкого фрагмента в СЗ ровике) и инвентарь не обнаружены.

Курган № 2

Курган № 2 находился примерно в 18 м к юго-востоку от кургана № 1, на пологом склоне коренного берега оз. Волго (рис. 90; 92; 93). Как уже сказано выше, северная часть насыпи и часть материка под ней были уничтожены при строительстве дороги. Остальная часть насыпи и участок, примыкающий к ней, сильно поросли лиственными деревьями. Сохранившаяся часть насыпи имела полусферическую форму; визуально прослеживалось овальное основание кургана, ориентированное по ширине С–Ю или ЮЗ–СВ, поперечник основания насыпи – около 7–8 м.

Насыпь возвышалась над дневной поверхностью на 0,4 м (к югу от кургана) и на 0,8 м (к юго-западу). Курган сооружен на неровной площадке, имеющей понижения к северу и западу. В результате раскопок определены истинные размеры кургана. Высота насыпи в центральной части (над погребенным дерном) – 0,75 м (рис. 100). Основание было подпрямоугольной формы со скругленными углами. Ширина площадки основания СЗ–ЮВ без каменной обкладки – 3,6–4 м, с каменной обкладкой – около 6 м. Примерная длина площадки основания ЮЗ–СВ без каменной обкладки была 5 м, с учетом обкладки (в том числе и уничтоженной в северной части) – около 7,5 м (рис. 106).

Участок, примыкающий к западной поле кургана, также был разрушен дорогой. На западной поле (на современном дерне) лежали три крупных валуна. По всей видимости, это были переотложенные камни, относящиеся к данному кургану, но сдвинутые сюда при разрушении северной его части.

Структура насыпи (рис. 100). На кургане и рядом с ним длительное время росли деревья, в результате чего происходило перемещение грунта корнями. Насыпь была задернована. Мощность дерна и лежащего под ним темно-серого почвенного слоя (который, видимо, образовался уже после сооружения кургана) – 0,1–0,2 м, а там, где недавно росли деревья – до 0,25 м.

Верхняя часть насыпи (0,1–0,25 м, в центре – до 0,4 м) состояла из более светлого грунта. Это был преимущественно желтый и желто-серый песок. Нижняя часть насыпи (0,2–0,35 м) состояла из более темного слоя: серого песка или серой, серо-коричневой ожелезненной супеси с включениями светло-желтого и желтого песка. Между этими слоями (главным образом, в ЮВ секторе) фиксируются «переходные напластования» – прослойки серо-желтого или светло-желтого песка. Наиболее светлые (большая примесь желтого песка) встречены в нижнем слое центральной части насыпи. Ожелезненные темные песок и супесь преобладали в нижнем слое восточной части насыпи. Разница состава нижнего слоя связана с грунтом, находящимся за

пределами кургана к востоку, западу юго-западу от него и пошедшим на сооружение насыпи.

В центральной части кургана под насыпью залегала прослойка погребенного дерна толщиной от 0,02–0,03 до 0,1–0,14 м (рис. 100). Это серо-желто-коричневый песок с углями, иногда небольшими пятнами крупных углей. Прослойка погребенного дерна понижалась с ЮВ на СЗ, соответственно общему наклону местности. Материк под курганом – это желтый, светло-желтый песок с ожелезнениями и пятнами серого или коричневого песка (следами корней деревьев).

По краям насыпи, где отсутствовала прослойка погребенного дерна, фиксировался серо-желтый песок, иногда сверху перекрытый коричнево-желтым песком.

Каменные конструкции (рис. 101, 103-106, илл. 7-9)

Под дерном в насыпи кургана были зафиксированы отдельные небольшие камни, не образующие каких-либо скоплений. Основное скопление небольших камней располагалось за пределами насыпи: над ровиком и понижением местности около кургана. Несколько крупных валунов находились в северо-восточной части исследованной насыпи – в верхнем ее слое. Камни лежали широкой (0,4–0,5 м) полосой, вытянутой по линии ЮЗ–СВ на 2,4 м. Именно на глубине залегания этих камней (+130 – +145 см от репера) около них и в основном к северу и западу от них были зафиксированы остатки погребения – жженные косточки.

Основная каменная выкладка ограничивала площадку под насыпью кургана и, видимо, насыпь кургана с трех исследованных сторон (СЗ, ЮЗ и ЮВ). Вполне возможно, что выкладка была и с четвертой (СВ), разрушенной, стороны кургана. В основании конструкции находились крупные гранитные валуны, лежащие (поставленные?) в один-два ряда почти вплотную друг к другу. Между и над крупными камнями были помещены более мелкие. Наибольшую сохранность имела юго-восточная «стенка» из камней, часть камней юго-западной «стенки» сдвинулась в процессе оплывания насыпи кургана. Ширина полосы камней была от 0,7–0,8 до 1,4 м. Целиком исследованные сохранившиеся «стенки» имели длину 6 и 6,2 м.

Основание крупных валунов находилось на материковом грунте или в слое серо-желтого песка, заполнявшего искусственное понижение в материке; погребенный дерн здесь отсутствовал; камни были засыпаны серым с включениями желтого, серо-желтым и, иногда сверху, коричнево-серым песком. В засыпке и под камнями встречены линзы темно-серого песка (предположительно переотложенные куски погребенного дерна). Описание заполнения под камнями дается по разрезу – бровке З–В – со стороны дороги. На остальных участках (из-за планируемой последующей консервации) грунт вместе с выкладкой не разбирался.

На неповрежденных строителями участках около кургана к валунам с внешней стороны примыкал грунт, состоящий из серого или серого с мелкими угольками гумусированного песка; а там, где за камнями находились ровики, – из темно-серого с углями песка (слоя ровика).

Остатки *погребения* (рис. 102). Остатки разрушенного при строительстве дороги погребения по обряду сожжения на стороне были обнаружены под дерном и в верхнем слое насыпи. Жженные косточки зафиксированы на площади 2,5×1,3 м на глубине +144 – +133 см от репера в желтом песке и в пятне серого слабогумусированного песка в северной части кургана, в основном под оставленными здесь бровками. По определению М.В. Добровольской, здесь присутствовали кости взрослого человека. По-видимому, погребение также повредили росшие на кургане деревья, так как жженные кости были найдены и в 1 м к СЗ от основного скопления на глубине +121 – +89 см под корнями.

Не исключено, что встреченные под дерном к ЮЮЗ и к В от основного скопления единичные жженые кости также относятся к этому погребению. На глубине +131 – +146 см почти сразу под дерном было расчищено подовальное гумусированное пятно из серого песка. Его поперечники – 0,4×0,2–0,3 м, толщина – 0,07 м. В разрезе линза была похожа на ямку с крутыми стенками и уплощенным дном. Она оконтурена слоем серо-желтого и желтого с редкими вкраплениями серого песка. В ямке и рядом с ней найдены мелкие неопределимые кремированные кости – 14 экз. (кв. Г, В 3, 4). Единичность находок костей не позволяет считать ямку погребальной.

Как уже было сказано выше, к востоку от скопления костей на той же глубине были зафиксированы несколько камней, возможно, связанных с погребальным обрядом. Судя по встреченным в осыпи кургана жженным костям, центральная

часть погребения могла быть уничтожена при строительстве здесь дороги. Керамика и погребальный инвентарь не найдены.

Ровики и участки с внешней стороны каменной выкладки

К западу, югу и востоку от курганной насыпи в дерне толщиной 0,06–0,1 м и под дерном было расчищено большое количество камней (их поперечники – от 0,1×0,1 до 0,15–0,25 м). Камни перекрывали сплошным слоем в один ярус ровики и понижения местности около насыпи (рис. 101). Несколько меньше камней лежало к западу от насыпи, но, возможно, это связано с тем, что дневная поверхность здесь была повреждена при строительстве дороги. Камни фиксировались в почвенном слое серого песка или в серо-коричневой супеси. Мощность этих слоев – от 0,15 до 0,3 м. Ниже (там где не было ровиков) находился материк, а в южной части раскопа – предматериковый слой толщиной 0,1–0,12 м из серо-желтого ожелезненного песка. Материк в восточной и юго-восточной частях раскопа – светло-желтый суглинок с пятнами рыжего суглинка, в южной части – светло-желтый песок или рыжий суглинок с ожелезнением.

К югу от насыпи в нижней части слоя серого песка был найден фрагмент стенки кругового, видимо, позднесредневекового сосуда.

Ровики (рис. 106–109) окружали курган с трех сторон: с ЮЗ, СЗ и СВ. Наиболее четко фиксировался хорошо сохранившийся ЮЗ ровик. От СЗ ровика прослежена только юго-западная половина, северо-восточная – уничтожена при прокладке дороги. От СВ ровика под дорогой сохранился участок наиболее глубокой нижней его части.

К юго-востоку от курганной насыпи в нижней предматериковой части серого песка и серо-коричневой ожелезненной супеси с примесью желтого песка фиксировались пятна крупных углей. Это пятно подпрямоугольной формы (0,8–1,0×2,5 м) в кв. А, Б 2, ориентированное длинной осью по линии З–В. Под пятном толщиной 0,01–0,03 м находилась прослойка подзола толщиной до 0,01 м. В западной части пятна лежал крупный валун. При разборке пятна найдена мелкая жженная косточка.

В кв. А, Б 3 в предматериковом слое желтого с темно-серым суглинком, углями, желтым песком и с мелкими камнями зафиксировано прямоугольное пятно крупных углей поперечником 0,4×0,3 м) мощностью 0,04 м. В кв. Б 1 расчищено прямоугольное пятно серо-коричневого песка поперечниками 0,45×0,2–0,25 м. Под этим пятном обнаружена прямоугольная материковая ямка, заполненная темно-серым песком с мелкими угольками и пятнами углей на дне. Размеры ямки по линии З–В – 0,52×0,34 см, глубина в материке – 0,1–0,12 м, стенки крутые, дно вогнутое. Возможно, это столбовая ямка. Кроме того, на материке к юго-востоку от насыпи кургана встречены отдельные крупные камни. Самый крупный плоский камень (поперечниками 1,3×0,6 м, в кв. Б 3), видимо, связанный с материковой мореной, лежал вплотную к каменной выкладке, окружавшей насыпь, но ниже нее. При зачистке поверхности материка также встречались мелкие камни, не связанные с обрядом, а входившие в состав материкового грунта.

ЮЗ ровик (рис. 106, 108, 109) расположен за каменной выкладкой «стенкой» в кв. Г, Е 1, 2. Форма ровика овальная, края (за исключением северо-западного) нечеткие из-за естественного понижения местности на этом участке. Прослеженная длина ровика ЗСЗ–ВЮВ – 5,7 м, ширина – от 2,5 до 3,2 (в западной части) м. Стенки в восточной части пологие, в западной – крутые; дно уплощенное, понижается с востока на запад, где фиксировалась наибольшая глубина рва в материке – 0,7 м. По южной стенке рва лежали отдельные крупные валуны.

В заполнении ровика зафиксированы два основных слоя. Верхний слой – темно-серый песок с редкими угольками, вкраплениями красновато-желтого ожелезненного песка. В нем фиксировались отдельные пятна темно-серого песка с углями, иногда с включениями желтого песка. Толщина верхнего слоя в западной части достигала 0,3–0,4 м. В восточной части этот слой был сильнее насыщен углями. Здесь встречены отдельные камни, не образующие каких-либо скоплений. При разборке бровки, оставленной в ровике, в верхнем слое была найдена мелкая жженая косточка. Еще одна мелкая косточка найдена среди углей, залегавших по внутренней стенке ровика.

Нижний слой ровика светлее верхнего. По внешним стенкам находился серо-желтый песок с мелкими угольками или желтый и темно-серый песок с примесью серого (озоленного?) грунта. По внутренней стенке – светло-желтый с красноватым или красноватый (ожелезненный) с включениями серого песок. По всей видимости, это слой оплывания по стенкам ровика материково-

го грунта, имевший примесь грунта, заполнявшего пространство внутри каменной выкладки-«стенки». На дне находился светло-серый (озоленный?) песок с вкраплениями мелких угольков, темно-серого и желтого песка. Толщина нижнего слоя была до 0,15–0,25 м.

На дне в западной части ровика лежал крупный валун. В этой наиболее глубокой части рва материком являлся рыжий суглинок; по стенкам ровика и в восточной части материк представлен желтым песком.

СЗ ровик (рис. 100; 106) сохранился частично: там, где техникой не производилась нивелировка материка. Форма ровика, видимо, была овальной, ориентировка – ЮЮЗ–ССВ. Ровик фиксировался по черному углистому слою, лежащему сразу под дерном. Прослеженные длина с ЮЮЗ на ССВ – до 5 м, ширина – 1,5–1,8 м, глубина в материке – 0,1–0,16 м. Стенки пологие, дно вогнутое, неровное. Верхнее заполнение – углистый слой толщиной 0,08–0,1 м. Здесь расчищены отдельные камни, не образующие скоплений. Нижний слой – серо-желтый и желто-серый песок с отдельными пятнами темно-серого песка с углями или желтого песка. Общая мощность нижних напластований – 0,1–0,22 м. По западной стенке фиксировались пятна серого озоленного ? (или подзола) песка. Около внешней восточной стенки расчищены два крупных валуна.

Между ЮЗ и СЗ ровиками фиксировалась материковая перемычка. К ЮЗ от ЮЗ края СЗ ровика в материке прослежено овальное? (западный край срезан при строительстве дороги) углубление, ориентированное по линии ЮВ–СЗ. Длина углубления – 1,8 м, ширина – 0,7 м, глубина в материке – до 0,19 м, стенки пологие, дно вогнутое. Углубление было заполнено серым и желтым песком с пятнами из крупных углей и темно-серого песка с углями.

СВ ровик (рис. 107, 108), точнее, его остатки, был зафиксирован под слоями строительства дороги в кв. В, Г 6, 7. Пятно из крупных углей расчищено сразу под плотным темно-серым суглинком – переотложенным почвенным слоем, образовавшимся здесь после проезда техники. Вблизи углистого пятна также находилось скопление крупных камней, часть камней лежала в пятне.

Из-за того, что материк на данном участке был поврежден, прослежена только нижняя (самая глубокая) часть ровика. Форма его близка к овалу, ориентированному по линии З–В, длина – ок. 3,4 м, ширина – ок. 1,4 м, стенки пологие, дно вогнутое, прослеженная глубина – до 0,2 м от современного уровня материка. В западной части было расчищено углубление, видимо, от росшего когда-то дерева. В заполнении ровика прослежены два слоя. Верхний – темно-серый песок с крупными углями; по стенкам лежал серый или желтый песок с углями. Толщина верхнего слоя – до 0,1 м. В придонной части находился нижний слой – серо-желтый песок. Его толщина в основном 0,02–0,03 м. Найденные поблизости камни (сдвинутые при прокладке дороги), видимо, были связаны с этим ровиком.

Приложение 2

Экспертиза кремированных остатков из памятников у д. Колобово

М.В. Добровольская

1. *Подъемный материал, Колобово, селище 2 со стороны стоянки 10.* Фрагменты кремированных костей (вероятно, человек) с явными дугообразными трещинами кремации. Масса скопления – 7 г.

2. *Колобово, селище 2.* Мелкие фрагменты кремированных костей (возможно, человек). Судя по состоянию фрагмента черепного шва и толщине кости черепа, – индивид молодого или детского возраста. Наличие прямых трещин кремации свидетельствует о том, что кремировали скелетированный материал без мягких тканей или с мягкими тканями, потерявшими большую часть воды и жировых веществ.

3. *Колобово, курганый могильник 1, курган 1, ямка в центре.* 9 мелких неопределимых кремированных фрагментов размерами менее 1 см. Масса – 1 г.

4. *Колобово, курганный могильник, курган 2, кости в верхней части насыпи, бровка Ю–С и З–В.* Скопление кремированных костей различных отделов скелета человека (череп, кости конечностей, позвонки). Выражены незначительные дугообразные трещины кремации и прямые трещины кремации. Судя по состоянию фрагмента проксимальной фаланги кисти 2–3 луча, останки принадлежат взрослому индивиду в возрасте 30–50 лет. Возможно, присутствуют кости животного. Масса скопления костей – 49 г.

Выводы

Форма трещин кремации позволяет предполагать, что состояние костной ткани при кремации индивидов, останки которых представлены в образцах № 3 и № 19, было неодинаковым. Состояние кремированных костей индивида из верхней части насыпи кургана 2 соответствует процедуре кремации тела сразу после смерти, о чем свидетельствуют дугообразные трещины кремации. Наличие прямых трещин в кремированных фрагментах другого индивида (образец № 3) свидетельствует об обезвоженности костной ткани и утрате ею значительной доли жировых веществ. Эти процессы происходят с костной тканью на протяжении первых лет после смерти. В литературе кремированные кости с прямыми трещинами кремации интерпретируются, как правило, как результат кремирования не тела, а скелета. Также есть указания на то, что значительное количество жировых отложений повышает температуру кремации и увеличивает количество дугоообразных трещин и плавных пластических изменений формы костей. Можно предположить, что слабое развитие мышечной и жировой тканей могут способствовать понижению температуры кремирования и влиять на формирование более сглаженных трещин кремации. В любом случае можно утверждать, что были некие условия, которые явились причиной более высокотемпературного горения костной ткани из скопления образца № 19 и меньшей температуры обжига костной ткани из образца № 3. В обоих случаях температура обжига была невелика – 700–900˚С, что соответствует температуре горения дров в костре, об этом же свидетельствует величина фрагментов кремированных костей.

В скоплениях костей присутствуют фрагменты различных отделов скелета, избирательность не выражена. Судя по незначительной массе скоплений кремированных костей (менее 5 % средней массы кремированных останков взрослого человека), погребения сильно разрушены.

Таблицы

Таблица 1. Курганные могильники КПДК

№	Наименование	Число насыпей	Форма основания			Размеры удлиненных насыпей м	Размеры сопковидных насыпей м	Расстояние до водоема м
			Круглая	Прямоугольная	Удлиненная			
147	Берёзово 1	2	2					60
147а	Берёзово 2	4	3		1			30
1	Волговерховье 1	32	30		2	5×10; 6×10	Д 12, В 4	800
2	Волговерховье 2	2	2					
3	Волговерховье 3	2	1	1				
4	Волговерховье 4	1	1					
103	Волоховщина 1	28	26	2		6×3,5; 8–9×4		
104	Волоховщина 2	2		2				
184	Вороново 1	4	4					
44	Гора 2	3	2		1	5×12		60
140	Гринино 1	31	24	2	5			100
141	Гринино 2	7	6		1	8×20		300
71	Девичье 1	2	2				Д 14, В 2	30
72	Девичье 2	2	1		1		Д 11×18 В 1,8	40
73	Девичье 4	12	10		2	6×35; 6×12		30
74	Девичье 5	2	1		1	3×5		0
75	Девичье 6	16	16					50
76	Девичье 7 (8)	3	2		1	9×13		40
77	Девичье 8 (10)	5	4	1		10×12		4-5
78	Девичье 9 (13)	2						50
82	Девичье 20 (11)	1	Разр.					0
178	Заполье (Заполёк) 1	20	20					
179	Заполье (Заполёк) 2	1	1					
123	Звягино 2	2	1		1	4×11		50
38	Изведово (Пено) 1	4	4					
39	Изведово (Пено) 2	?	?	2			20 саж.	
40	Изведово (Пено) 3	?	?	1			8 саж.	
85	Колобово 3	16	15		1	52×8–9,5		30
87	Колобово 8	7	5		2	6×13; 8×14		3

Таблица 1 (окончание)

№	Наименование	Число насыпей	Форма основания			Размеры удлиненных насыпей в м	Размеры сопковидных насыпей в м	Расстояние до водоема, м
			Круглая	Прямоугольная	Удлиненная			
112	Конец 1	12	8	4		9×17		400
113	Конец 2	3	3					500
114	Конец 3	18	15		3	18×27; 12×22		60–70
115	Конец 4(к1)	1	1					400
116	Конец 5(к2)	1	1					
117	Конец 6(к3)	1	1					500
118	Конец 7(к4)	1	1					
137	Лом 1	6	4		2	10×15		60
138	Лом 2	4	3		1	8×27		30
139	Лом 3	2	2					120
108	Неприе 1	1	1				Д 15, В 3	
13	Новинка 1	9	9				Д 15, В 3	100
14	Новинка 2 (к2)	1	1				Д 16, В 2,1	30
59	Орлино 1	9	8		1	5×15		600
20	Палиха 1	3	2		1	4×8		50-69
21	Палиха 2	3	3					120
22	Палиха 3	5						
23	Палиха 4	11				11×14; 9×12		
24	Палиха 5							
25	Палиха 6	6	5	1				
26	Палиха 7							
156	Панюки 2	10 (37)	37					
157	Панюки 3(к1)	1	1					
130	Па́чково 1	3	3					30
131	Па́чково 2	3		2	1			50
91	Польки 1	2	2					50-60
92	Польки 2	1	1					30
127	Сабро (Жабье) к1 (сопка)	1	1				Д 20, разр.	
181	Старый Сиг 1	4	4					20
182	Старый Сиг 2	14	14					
6	Трестино 2	18	14	4		13×9; 11×7		100
64	Тухачёво 1	18	16	2		10×8,5; 20×5; 13×8,5		15
65	Тухачёво 2	1	1					
66	Тухачёво 3	3	2	1		11,3×7		
67	Тухачёво 4 (2)	1	1				Д 23, В 5	
68	Тухачёво 5 (3)	1	1				Д 22, В 5	
69	Тухачёво 6 (5)	1	1					
27	Ширково	10	?		?			

Сокращения для табл. 1–6: В – высота; Д – диаметр основания; саж. – сажень, разр. – разрушен; дл. – длина; К – курган; в скобках даны иные известные названия и номера объектов.

Примечание: в скобках дана иная нумерация объекта в археологической литературе; № памятника дан по общему списку в табл. 6.

Таблица 2. Погребальные памятники, предположительно отнесенные к могильникам КПДК

№	Наименование	Число насыпей	Форма основания			Размер удлиненных насыпей м	Размер сопковидных насыпей м	Расстояние до водоема м
			Круглая	Прямоугольная	Удлиненная			
93	Белый Плав 1	2	2					60
94	Белый Плав 2	2	2					20
94а	Белый Плав (к 1)	1	1					
160	Верхние Котицы 1	6	6				В до 2,5 м	
161	Верхние Котицы 2	2		?				
42	Гора (1)	4						
52	Гора (в д. Гора)	1	1				Д 18, В 4	
43	Гора 1	2	2				?	20
45	Гора 3	1	1				Д 20	500
46	Гора 4	1	1					
47	Гора 5	3	3					
48	Гора 6	1	1					40
49	Гора 7	1	1					30
50	Гора 8	1	1					300
50а	Гора 9	1	1				?	500
98	Городец 1	1						50
79	Девичье 18 (к9)	1	1					30
80	Девичье 19 (к10)	1	1					
81	Девичье 21 (к12)	1	1					23
150	Залесье 2	3	3					
99	Казаково (Ручьево), к1	2	2					60
100а	Картунь	2	1					20
53	Кобенево 1	2	2					
54	Кобенево 2	1	1					300
55	Кобенево 3	1	1					
56	Кобенево 4	1	1					
57	Кобенево 5	1	1					
180	Конево 1	1	1					50–60
31	Косицкое 1	3	3					60
60	Кречетово 1 (сопка)	1	1				Д 22, В 3, 5	
165	Нижние Котицы 1	4	4					150
166	Нижние Котицы 2	2	2					
162	Нижние Котицы 3	4	4					
163	Нижние Котицы 4	5	5					25
167	Нижние Котицы (к5)	1		1		13×19		
168	Нижние Котицы 6 (к1)	1	1					20
169	Нижние Котицы 7 (к2)	1	1					100

Таблица 2 (окончание)

№	Наименование	Число насыпей	Форма основания			Размер удлиненных насыпей м	Размер сопковидных насыпей м	Расстояние до водоема м
			Круглая	Прямоугольная	Удлиненная			
176	Нижние Котицы 8 (к3)	1	1					
164	Нижние Котицы 9 (к4)	1	1					
170	Нижние Котицы 10 (к5)	1	1					600
171	Нижние Котицы 11 (к6)	1	1					600
172	Нижние Котицы 12 (к7)	1	1					600
174	Нижние Котицы 13 (сопка)	1	1				Д 35, В 3,5	0
173	Нижние Котицы 13 (к8)	1			1	14×7		600
154	Осцы 1	5	5					30–40
155	Осцы 2 (Рогожа)	7	7					200
131а	Пачково 3 (сопка)	1	1				Д 20, В 3	
5	Трестино 1	2	2					400
7	Трестино 3	3	3					130
8	Трестино 4	8	8					160
9	Трестино 5	3	3					300

Таблица 3. Погребальные памятники не ясной культурной принадлежности

№	Наименование	Число насыпей	Форма основания			Размер удлиненных и прямоугольных насыпей м	Размер сопковидных насыпей м	Расстояние до водоема м
			Круглая	Прямоугольная	Удлиненная			
151	Залесье 1	10	3		6?	6×12;6×18; 8×14; 6×12; 5×14; 10×12		0
84	Колобово 1	24	22	2		10×7		15–20
86	Колобово 4	4	3	1		16,5×7,5	Д 15, В 2,3	20–30
139а	Котчище 1.	2	1	1		15×7		1
95	Ланино	1	1					5
149	Осташков 1	28	22	6		8×25, 10×15		
156а	Панюки 1	23	22		1	9×17		
105	Хретень 2	11	?	?		10×15		

Таблица 4. Раннесредневековые селища

№	Культура	Наименование	Размеры м	Погребальные памятники
158		Алкатово	25×55	
143		Берёзово 1	20×50	
144		Берёзово 2	30×85	
145		Берёзово 3	20×50	
146	КПДК	Берёзово 4	80×100	Курганы в 200 м
110	КПДК?	Ветла 1	70×160	Курганы в 10–15 м
111	КПДК?	Ветла 2	60×140	Курганы в 10–15 м
36		Вселуг 2	40×120	
17		Высокое 1	25×70	
18		Высокое 4	20×65	
41	КПДК?	Гора	70×70	Курганы рядом
97	КПДК?	Городец	60×100	Курганы в 200 м
142	КПДК	Гринино 1	10×85	Курганы в 250 м
70	КПДК	Девичье 2	Дл. 80	Курганы в 5 м
128		Сабро (Жабье)	30×60	
99		Жалыбня	20×80	
152	КПДК?	Залесье 1–2	160×150	Курганы в 50 м
152а	КПДК?	Залесье 1	50×280	Курганы в 10 м
177		Заполье	5×75	
35		Заречье	40×90	
89		Заручье	50×110	
121	КПДК	Звягино	65×130	Курганы в 150 м
124	Подол	Звягино 2	240×60	
15		Ивановское 1	45×70	
100		Картунь	25×60	
102		Климова Гора	20×125	Курганы в 200 м
83	КПДК	Колобово 2	50–100×100	Курганы в 10–20 м
148а		Лежнево 2	45×120	
134		Лом 1	60×75	
135	КПДК	Лом 2	30-60×100	Курганы в 100 м
136		Лом 3	60×75	
61		М. Ильинское 1	12×45	
62		М. Ильинское 2	15×55	
37		Нечаевщина	40×60	
175	КПДК?	Нижние Котицы 1	70×100	
11	КПДК	Новинка 1	20×55	Курганы в 20 м
12	КПДК	Новинка 2	35×75	Курган (1) в 30 м
33		Орлинка 1	55×75	
34		Орлинка 2	35×60	
58	КПДК	Орлино 1	40×90	Курганы рядом
148	КСДК?	Осташков 1	20×20	Курганы 0 м
133		Острицы	25×50	
153	КПДК?	Осцы 2	95×65	Курганы КПДК?
129	КПДК	Пески		Курганы КПДК в 50 м

Таблица 4 (окончание)

№	Культура	Наименование	Размеры м	Погребальные памятники
96	Подол	Подол 3		
90	КПДК	Польки	35×120	Курганы КПДК в 200–250 м
120		Ронское 1		
119	Подол	Ронское 3		
159		Семёново Село 1	40×60	
28		Синцово 1	20×60	
29		Синцово 2	25×45	
30		Синцово 3	10–20×60	
15а		Сосново	50×80	
63		Тухачёво 1	60×80	
63а	КПДК	Тухачёво		Курганы КПДК в 100 м
183		Хитино		
106		Хретень 1	35×35	
107		Хретень 2	35×55	
101		Шиловка 1	35×85	
126	Подол	Горка 1	128×24	
125		Дроздово 1	90×43	
132		Зальцо		

Таблица 5. Общий алфавитный список раннесредневековых памятников

№	Наименование	Характер памятника
158	Алкатово	Селище
143	Берёзово 1	Селище
144	Берёзово 2	Селище
145	Берёзово 3	Селище
146	Берёзово 4	Селище
147а	Берёзово 1	Курганный могильник
148	Берёзово 2	Курганный могильник
93	Белый Плав 1	Курганный могильник
94	Белый Плав 2	Курганный могильник
94а	Белый Плав (к1) 3	Курганный могильник
160	Верхние Котицы 1	Курганный могильник
161	Верхние Котицы 2	Курганный могильник
110	Ветла 1	Селище
111	Ветла 2	Селище
1	Волговерховье 1	Курганный могильник
2	Волговерховье 2	Курганный могильник
3	Волговерховье 3	Курганный могильник
4	Волговерховье 4	Курганный могильник
103	Волоховщина 1	Курганный могильник
104	Волоховщина 2	Курганный могильник

Таблица 5 (продолжение)

184	Вороново	Курганный могильник
36	Вселуг 2	Селище
17	Высокое 1	Селище
18	Высокое 4	Селище
41	Гора	Селище
42	Гора (1)	Курганный могильник
52	Гора (в д. Гора)	Курганный могильник
43	Гора 1	Курганный могильник
44	Гора 2	Курганный могильник
45	Гора 3	Курганный могильник
46	Гора 4	Курганный могильник
47	Гора 5	Курганный могильник
48	Гора 6	Курганный могильник
49	Гора 7	Курганный могильник
50	Гора 8	Курганный могильник
51	Гора 9	Курганный могильник
126	Горка 1	Селище
97	Городец	Селище
98	Городец 1	Курганный могильник
142	Гринино 1	Селище
140	Гринино 1	Курганный могильник
141	Гринино 2	Курганный могильник
70	Девичье 2	Селище
71	Девичье 1	Курганный могильник
72	Девичье 2	Курганный могильник
73	Девичье 4	Курганный могильник
74	Девичье 5	Курганный могильник
75	Девичье 6	Курганный могильник
76	Девичье 7(8)	Курганный могильник
77	Девичье 8 (10)	Курганный могильник
78	Девичье 9 (13)	Курганный могильник
79	Девичье 18 (к9)	Курганный могильник
80	Девичье 19 (к10)	Курганный могильник
81	Девичье 21 (к12)	Курганный могильник
82	Девичье 20 (к11)	Курганный могильник
125	Дроздово	Селище
185	Дубовец	Грунтовый могильник ?
99	Жалыбня	Селище
152	Залесье 1–2	Поселение
152а	Залесье 1	Селище
151	Залесье 1	Курганный могильник
150	Залесье 2	Курганный могильник
132	Зальцо	Селище
177	Заполье	Селище
178	Заполье (Заполёк) 1	Курганный могильник
179	Заполье (Заполёк) 2	Курганный могильник
35	Заречье	Селище

Таблица 5 (продолжение)

89	Заручье	Селище
121	Звягино 1	Селище
124	Звягино 2	Селище
122	Звягино 1	Курганный могильник
123	Звягино 2	Курганный могильник
15	Ивановское 1	Селище
38	Изведово (Пено) 1	Курганный могильник
39	Изведово (Пено) 2	Курганный могильник
40	Изведово (Пено) 3	Курганный могильник
88	Казаково (Ручьёво) (к1)	Курганный могильник
100	Картунь	Селище
100а	Картунь	Курганный могильник
102	Климова Гора	Селище
53	Кобенево 1	Курганный могильник
54	Кобенево 2	Курганный могильник
55	Кобенево 3	Курганный могильник
56	Кобенево 4	Курганный могильник
57	Кобенево 5	Курганный могильник
19	Коковкино 2	Селище
83	Колобово 2	Селище
84	Колобово 1	Курганный могильник
85	Колобово 3	Курганный могильник
86	Колобово 4	Курганный могильник
87	Колобово 8	Курганный могильник
180	Конево 1	Курганный могильник
112	Конец 1	Курганный могильник
113	Конец 2	Курганный могильник
114	Конец 3	Курганный могильник
115	Конец 4 (к1)	Курганный могильник
116	Конец 5 (к2)	Курганный могильник
117	Конец 6 (к3)	Курганный могильник
118	Конец 7 (к4)	Курганный могильник
31	Косицкое 1	Курганный могильник
32	Косицкое 2 (к1)	Курганный могильник
139а	Котчище	Курганный могильник
60	Кречетово 1	Курганный могильник
95	Ланино 1 (к1)	Курганный могильник
148а	Лежнево 2	Селище
134	Лом 1	Селище
135	Лом 2	Селище
136	Лом 3	Селище
137	Лом 1	Курганный могильник
138	Лом 2	Курганный могильник
139	Лом 3	Курганный могильник
61	Малое Ильинское 1	Селище
62	Малое Ильинское 2	Селище
108	Неприе 1	Курганный могильник

Таблица 5 (продолжение)

37	Нечаевщина	Селище
175	Нижние Котицы 1	Селище
165	Нижние Котицы 1	Курганный могильник
166	Нижние Котицы 2	Курганный могильник
162	Нижние Котицы 3	Курганный могильник
163	Нижние Котицы 4	Курганный могильник
167	Нижние Котицы 5	Курганный могильник
168	Нижние Котицы 6 (к1)	Курганный могильник
169	Нижние Котицы 7 (к2)	Курганный могильник
176	Нижние Котицы 8 (к3)	Курганный могильник
164	Нижние Котицы 9 (к4)	Курганный могильник
170	Нижние Котицы 10 (к5)	Курганный могильник
171	Нижние Котицы 11 (к6)	Курганный могильник
172	Нижние Котицы 12 (к7)	Курганный могильник
173	Нижние Котицы 13 (к8)	Курганный могильник
174	Нижние Котицы 13 ("сопка")	Курганный могильник
109	Никола-Рожок	Городище
11	Новинка 1	Селище
12	Новинка 2	Селище
13	Новинка 1	Курганный могильник
14	Новинка 2 (к2)	Курганный могильник
33	Орлинка 1	Селище
34	Орлинка 2	Селище
58	Орлино 1	Селище
59	Орлино 1	Курганный могильник
148	Осташков 1	Селище
149	Осташков 1	Курганный могильник
133	Острицы	Селище
153	Осцы 2	Селище
154	Осцы 1	Курганный могильник
155	Осцы 2 (Рогожа)	Селище
20	Палиха 1	Курганный могильник
21	Палиха 2	Курганный могильник
22	Палиха 3	Курганный могильник
23	Палиха 4	Курганный могильник
24	Палиха 5	Курганный могильник
25	Палиха 6	Курганный могильник
26	Палиха 7	Курганный могильник
156а	Панюки	Селище
156б	Панюки 1	Курганный могильник
156	Панюки 2	Курганный могильник
157	Панюки 3 (к1)	Курганный могильник
130	Па́чково 1	Курганный могильник
131	Па́чково 2	Курганный могильник
131а	Пачково 3 ("сопка")	Курганный могильник
129	Пе́ски 1	Селище
96	Подол 3	Селище

Таблица 5 (окончание)

90	Польки	Селище
91	Польки 1	Курганный могильник
92	Польки 2	Курганный могильник
120	Ронское 1	Селище
119	Ронское 3	Селище
127	Сабро́ (Жабье) (к1)	Курганный могильник
128	Сабро́	Селище
159	Семёново Село 1	Селище
28	Синцово 1	Селище
29	Синцово 2	Селище
30	Синцово 3	Селище
15	Сосново	Селище
181	Старый Сиг 1	Курганный могильник
182	Старый Сиг 2	Курганный могильник
5	Трестино 1	Курганный могильник
6	Трестино 2	Курганный могильник
7	Трестино 3	Курганный могильник
8	Трестино 4	Курганный могильник
9	Трестино 5	Курганный могильник
10	Трестино 6	Курганный могильник
156	Тростино 2	Курганный могильник
63	Тухачёво	Селище
63а	Тухачёво 1	Селище
64	Тухачёво 1	Курганный могильник
65	Тухачёво 2	Курганный могильник
66	Тухачёво 3	Курганный могильник
67	Тухачёво 4	Курганный могильник
68	Тухачёво 5	Курганный могильник
69	Тухачёво 6	Курганный могильник
106	Хретень 1	Селище
107	Хретень 2	Селище
105	Хретень 2	Курганный могильник
101	Шиловка 1	Селище
27	Ширково	Курганный могильник

Таблица 6. Общий список раннесредневековых памятников

№ п/п	**Наименование**	**Характер памятника**
1	Волговерховье 1	Курганный могильник
2	Волговерховье 2	Курганный могильник
3	Волговерховье 3	Курганный могильник
4	Волговерховье 4	Курганный могильник
5	Трестино 1	Курганный могильник
6	Трестино 2	Курганный могильник
7	Трестино 3	Курганный могильник
8	Трестино 4	Курганный могильник
9	Трестино 5	Курганный могильник

Таблица 6 (продолжение)

10	Трестино 6	Курганный могильник
11	Новинка 1	Селище
12	Новинка 2	Селище
13	Новинка 1	Курганный могильник
14	Новинка 2 (к2)	Курганный могильник
15	Ивановское 1	Селище
15а	Сосново	Селище
17	Высокое 1	Селище
18	Высокое 2	Селище
19	Коковкино 2	Селище
20	Палиха 1	Курганный могильник
21	Палиха 2	Курганный могильник
22	Палиха 3	Курганный могильник
23	Палиха 4	Курганный могильник
24	Палиха 5	Курганный могильник
25	Палиха 6	Курганный могильник
26	Палиха 7	Курганный могильник
27	Ширково	Курганный могильник
28	Синцово 1	Селище
29	Синцово 2	Селище
30	Синцово 3	Селище
31	Косицкое 1	Курганный могильник
32	Косицкое 2 (к1)	Курганный могильник
33	Орлинка 1	Селище
34	Орлинка 2	Селище
35	Заречье	Селище
36	Вселуг 2	Селище
37	Нечаевщина	Селище
38	Изведово (Пено) 1	Курганный могильник
39	Изведово (Пено) 2	Курганный могильник
40	Изведово (Пено) 3	Курганный могильник
41	Гора	Селище
42	Гора (1)	Курганный могильник
43	Гора 1	Курганный могильник
44	Гора 2	Курганный могильник
45	Гора 3	Курганный могильник
46	Гора 4	Курганный могильник
47	Гора 5	Курганный могильник
48	Гора 6	Курганный могильник
49	Гора 7	Курганный могильник
50	Гора 8	Курганный могильник
51	Гора 9	Курганный могильник
52	Гора (в д. Гора)	Курганный могильник
53	Кобенево 1	Курганный могильник
54	Кобенево 2	Курганный могильник
55	Кобенево 3	Курганный могильник
56	Кобенево 4	Курганный могильник

Таблица 6 (продолжение)

57	Кобенево 5	Курганный могильник
58	Орлино 1	Селище
59	Орлино 1	Курганный могильник
60	Кречетово 1	Курганный могильник
61	Малое Ильинское 1	Селище
62	Малое Ильинское 2	Селище
63	Тухачёво	Селище
63а	Тухачёво 1	Селище
64	Тухачёво 1	Курганный могильник
65	Тухачёво 2	Курганный могильник
66	Тухачёво 3	Курганный могильник
67	Тухачёво 4	Курганный могильник
68	Тухачёво 5	Курганный могильник
69	Тухачёво 6	Курганный могильник
70	Девичье 2	Селище
71	Девичье 1	Курганный могильник
72	Девичье 2	Курганный могильник
73	Девичье 4	Курганный могильник
74	Девичье 5	Курганный могильник
75	Девичье 6	Курганный могильник
76	Девичье 7(8)	Курганный могильник
77	Девичье 8 (10)	Курганный могильник
78	Девичье 9 (13)	Курганный могильник
79	Девичье 18 (к9)	Курганный могильник
80	Девичье 19 (к10)	Курганный могильник
81	Девичье 21 (к12)	Курганный могильник
82	Девичье 20 (к11)	Курганный могильник
83	Колобово 2	Селище
84	Колобово 1	Курганный могильник
85	Колобово 3	Курганный могильник
86	Колобово 4	Курганный могильник
87	Колобово 8	Курганный могильник
88	Казаково (Ручьёво) (к1)	Курганный могильник
89	Заручье	Селище
90	Польки	Селище
91	Польки 1	Курганный могильник
92	Польки 2	Курганный могильник
93	Белый Плав 1	Курганный могильник
94	Белый Плав 2	Курганный могильник
94а	Белый Плав 3	Курганный могильник
95	Ланино (к1)	Курганный могильник
96	Подол 3	Селище
97	Городец	Селище
98	Городец 1	Курганный могильник
99	Жалыбня	Селище
100	Картунь	Селище
100а	Картунь	Курганный могильник

Таблица 6 (продолжение)

101	Шиловка 1	Селище
102	Климова Гора	Селище
103	Волоховщина 1	Курганный могильник
104	Волоховщина 2	Курганный могильник
105	Хретень 2	Курганный могильник
106	Хретень 1	Селище
107	Хретень 2	Селище
108	Неприе 1	Курганный могильник
109	Никола-Рожок	Городище
110	Ветла 1	Селище
111	Ветла 2	Селище
112	Конец 1	Курганный могильник
113	Конец 2	Курганный могильник
114	Конец 3	Курганный могильник
115	Конец 4 (к1)	Курганный могильник
116	Конец 5 (к2)	Курганный могильник
117	Конец 6 (к3)	Курганный могильник
118	Конец 7 (к4)	Курганный могильник
119	Ронское 3	Селище
120	Ронское 1	Селище
121	Звягино 1	Селище
122	Звягино 1	Курганный могильник
123	Звягино 2	Курганный могильник
124	Звягино 2	Селище
125	Дроздово 2	Селище
126	Горка 1	Селище
127	Сабро (Жабье) (к1)	Курганный могильник
128	Сабро	Селище
129	Пески 1	Селище
130	Пачково 1	Курганный могильник
131	Пачково 2	Курганный могильник
131а	Пачково 3 ("сопка")	Курганный могильник
132	Зальцо	Селище
133	Острицы	Селище
134	Лом 1	Селище
135	Лом 2	Селище
136	Лом 3	Селище
137	Лом 1	Курганный могильник
138	Лом 2	Курганный могильник
139	Лом 3	Курганный могильник
139а	Ко́тчище	Курганный могильник
140	Гринино 1	Курганный могильник
141	Гринино 2	Курганный могильник
142	Гринино 1	Селище
143	Берёзово 1	Селище
144	Берёзово 2	Селище
145	Берёзово 3	Селище

Таблица 6 (окончание)

146	Берёзово 4	Селище
147	Берёзово 1	Курганный могильник
147а	Берёзово 2	Курганный могильник
148а	Лежнево 2	Селище
148	Осташков	Селище
149	Осташков	Курганный могильник
150	Залесье 2	Курганный могильник
151	Залесье 1	Курганный могильник
152	Залесье 1–2	Поселение
152а	Залесье 1	Селище
153	Осцы 2	Селище
154	Осцы 1	Курганный могильник
155	Осцы 2 (Рогожа)	Селище
156	Панюки 2	Курганный могильник
156а	Панюки	Селище
156б	Панюки 1	Курганный могильник
157	Панюки 3 (к1)	Курганный могильник
158	Алкатово	Селище
159	Семёново Село 1	Селище
160	Верхние Котицы 1	Курганный могильник
161	Верхние Котицы 2	Курганный могильник
162	Нижние Котицы 3	Курганный могильник
163	Нижние Котицы 4	Курганный могильник
164	Нижние Котицы 9 (к4)	Курганный могильник
165	Нижние Котицы 1	Курганный могильник
166	Нижние Котицы 2	Курганный могильник
167	Нижние Котицы 5	Курганный могильник
168	Нижние Котицы 6 (к1)	Курганный могильник
169	Нижние Котицы 7 (к2)	Курганный могильник
170	Нижние Котицы 10 (к5)	Курганный могильник
171	Нижние Котицы 11 (к6)	Курганный могильник
172	Нижние Котицы 12 (к7)	Курганный могильник
173	Нижние Котицы 13 (к8)	Курганный могильник
174	Нижние Котицы 13 ("сопка")	Курганный могильник
175	Нижние Котицы 1	Селище
176	Нижние Котицы 8 (к3)	Курганный могильник
177	Заполье	Селище
178	Заполье (Заполёк) 1	Курганный могильник
179	Заполье (Заполёк) 2	Курганный могильник
180	Конево 1	Курганный могильник
181	Старый Сиг 1	Курганный могильник
182	Старый Сиг 2	Курганный могильник
183	Хитино	Селище
184	Вороново 1	Курганный могильник
185	Дубовец	Грунтовый могильник ?

Иллюстрации

Рис. 1. Валдайская возвышенность. Верховья р. Волги.

Рис. 2. Ландшафты в верховьях Волги

1 – приподнятые дренируемые моренные-эрозионные равнины Московского возраста с чехлом покровных лессовидных суглинков; 2 – возвышенные дренируемые крупнохолмистые моренные равнины Московского возраста преимущественно на суглининстых почвах; 3 – приподнятые и возвышенные дренируемые холмисто-грядовые с многочисленными озерными котловинами моренных равнин Валдайского времени на почвах разного механического состава; 4 – приподнятые замедленно дренируемые зандровые равнины Московского и Валдайского возрастов, преимущественно на суглинистых почвах; 5 – низменные замедленно дренируемые зандровые равнины Московского и Валдайского возрастов на песчаных почвах; 6 – низменные не дренируемые плоские песчаные и песчаноглинистые озерно-ледниковые равнины; 7 – разновысотные замедленно дренируемые полого-волнистые морено озерно-ледниковые равнины; 8 – разновысотные замедленно дренируемые с участками холмистого рельефа морено-зандровые равнины; 9 – низменные плоские песчано-суглинистые аллювиальные зандрово-аллювиальные равнины на почвах разного механического состава; 10 – болота; 11 – долинные ландшафты; 12 – границы провинций; 13 – границы районов.

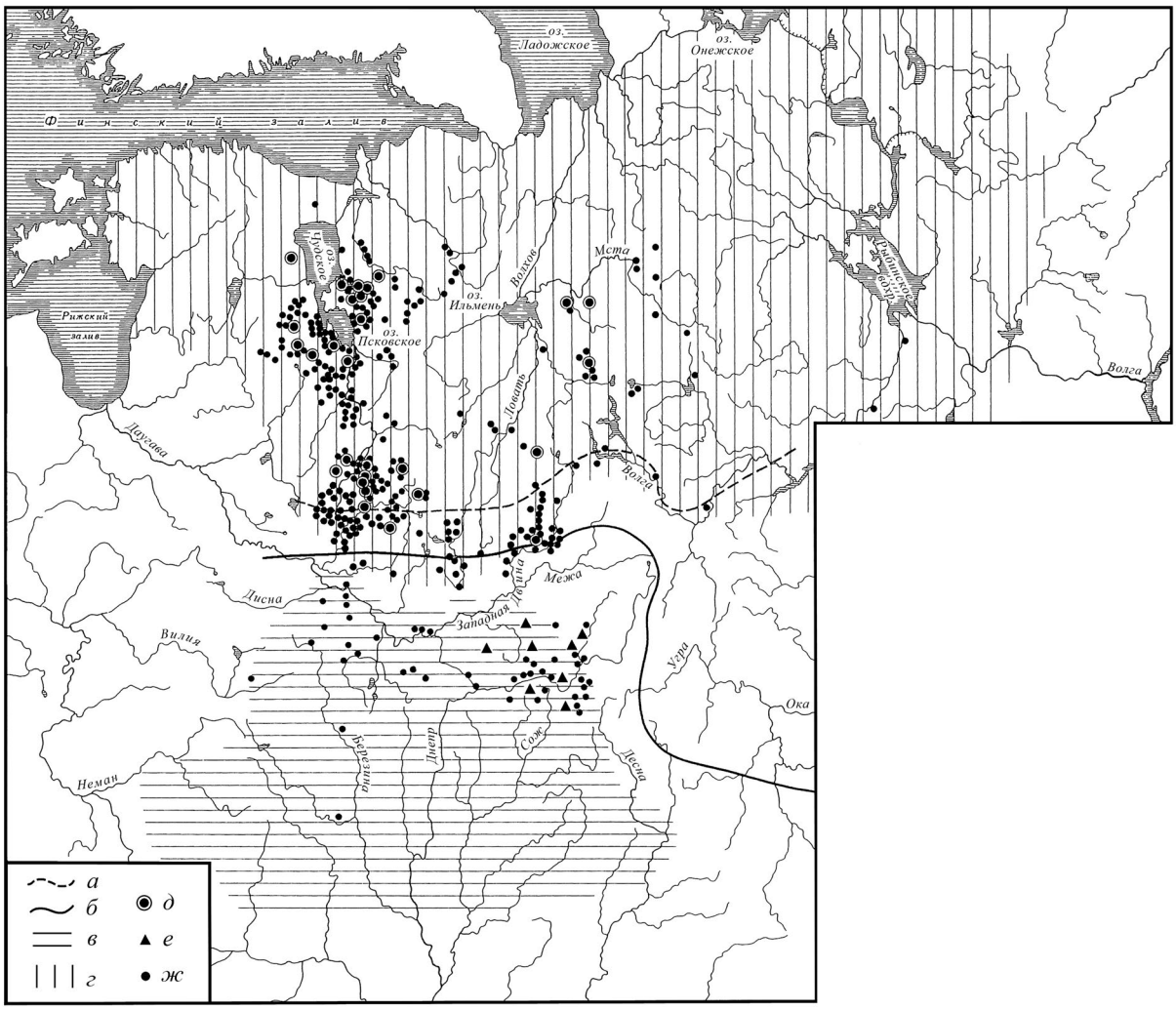


Рис. 3. Субстратные древности (по В.В. Седову, 1974а)

а – северная граница балтской гидронимики; б – южная граница финно-угорской гидронимики; в – ареал памятников типа Тушемли – Банцеровсшины; г – ареал памятников с текстильной керамикой; д – длинные курганы с зольно-угольной прослойкой в основании; е – длинные курганы с находками остатков вайнаг, пластинчаных височных колец, биэсовидных и полусферических подвесок и костяных птичек; ж – прочие могильники с длинными курганами.

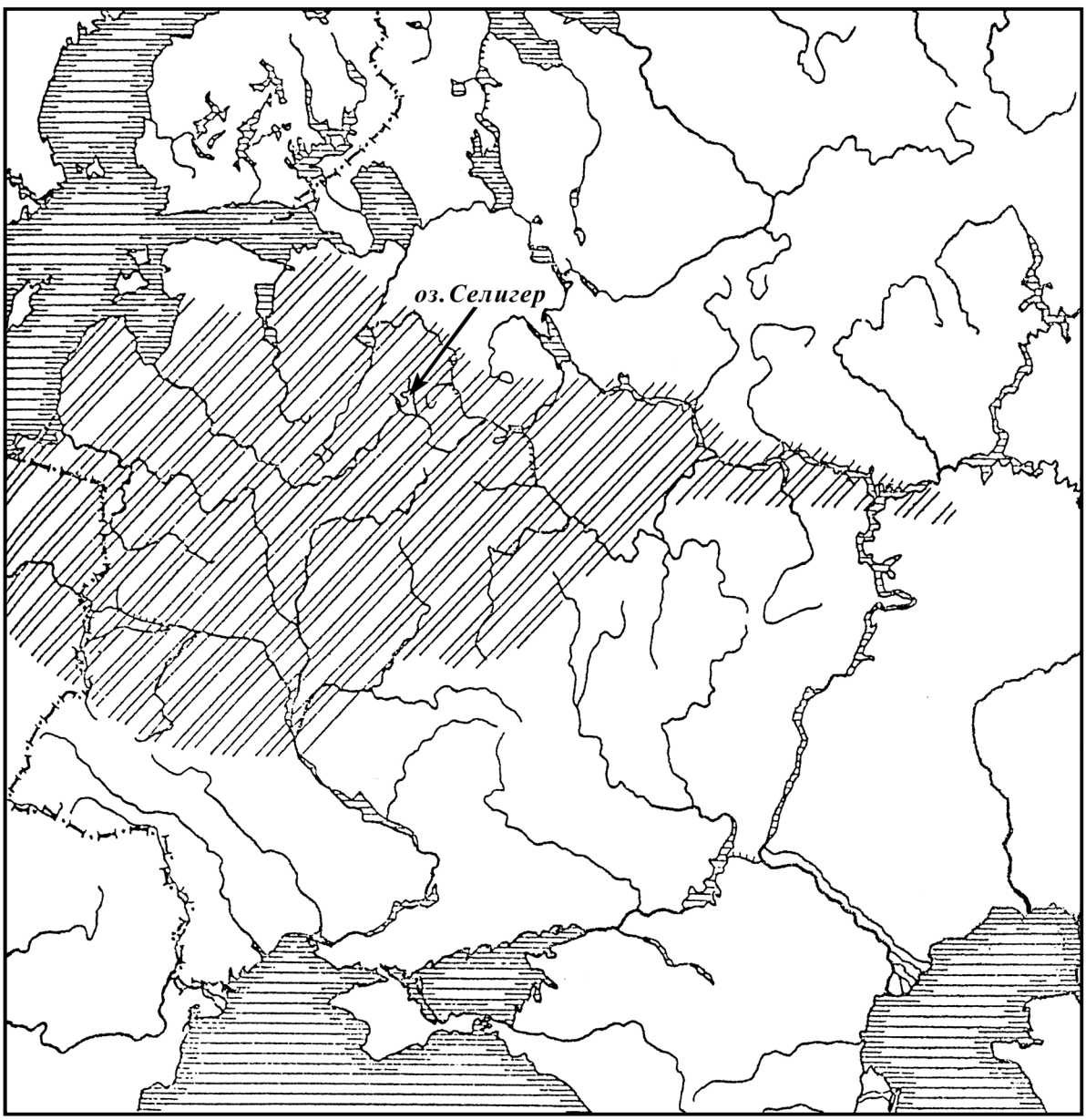
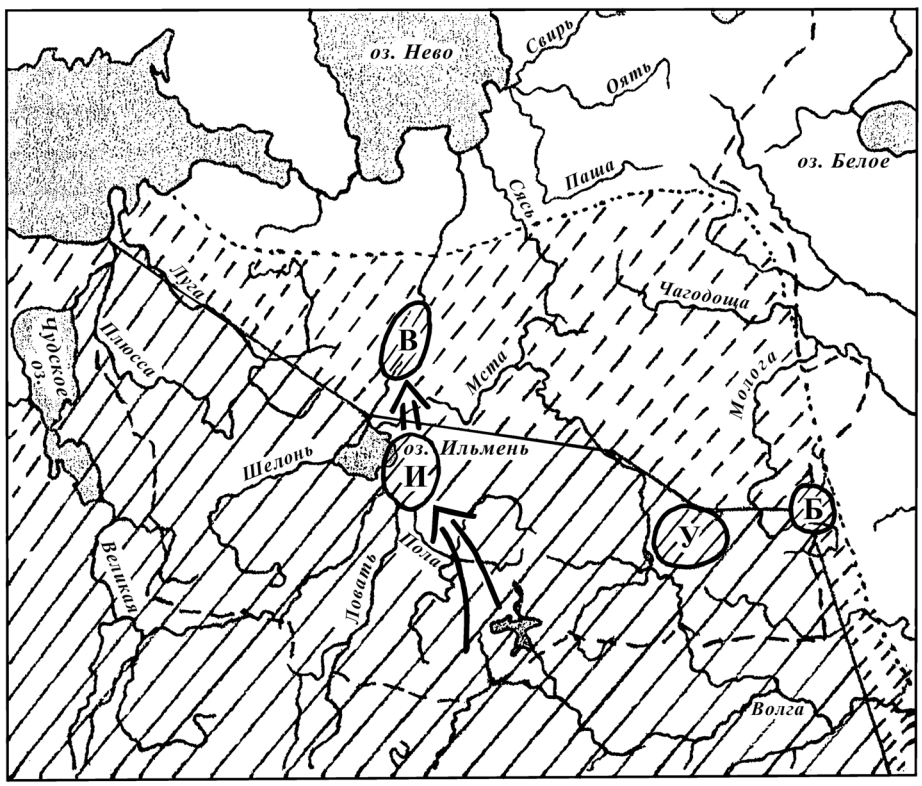


Рис. 4. Гидронимия балтийского типа (по Р.А. Агеевой, 1985, рис.2).



– схематизированная граница max (максимального распространения на север, северо-восток и восток балтийской топонимии)

– условная линия max (количественного преобладания балтийского топонимического элемента над финно-угорским)

– преимущественный путь проникновения древних балтов на Ильмень и Волхов

– выявленные балтийские анклавы (скопления балтийской топонимии):
Б – Бежецкий, **В** – Волховский, **И** – Ильменский, **У** – Удомельский

Рис. 5. Древнебалтийская топонимия в регионе Новгородской земли (по В.Л. Васильеву, 2007).

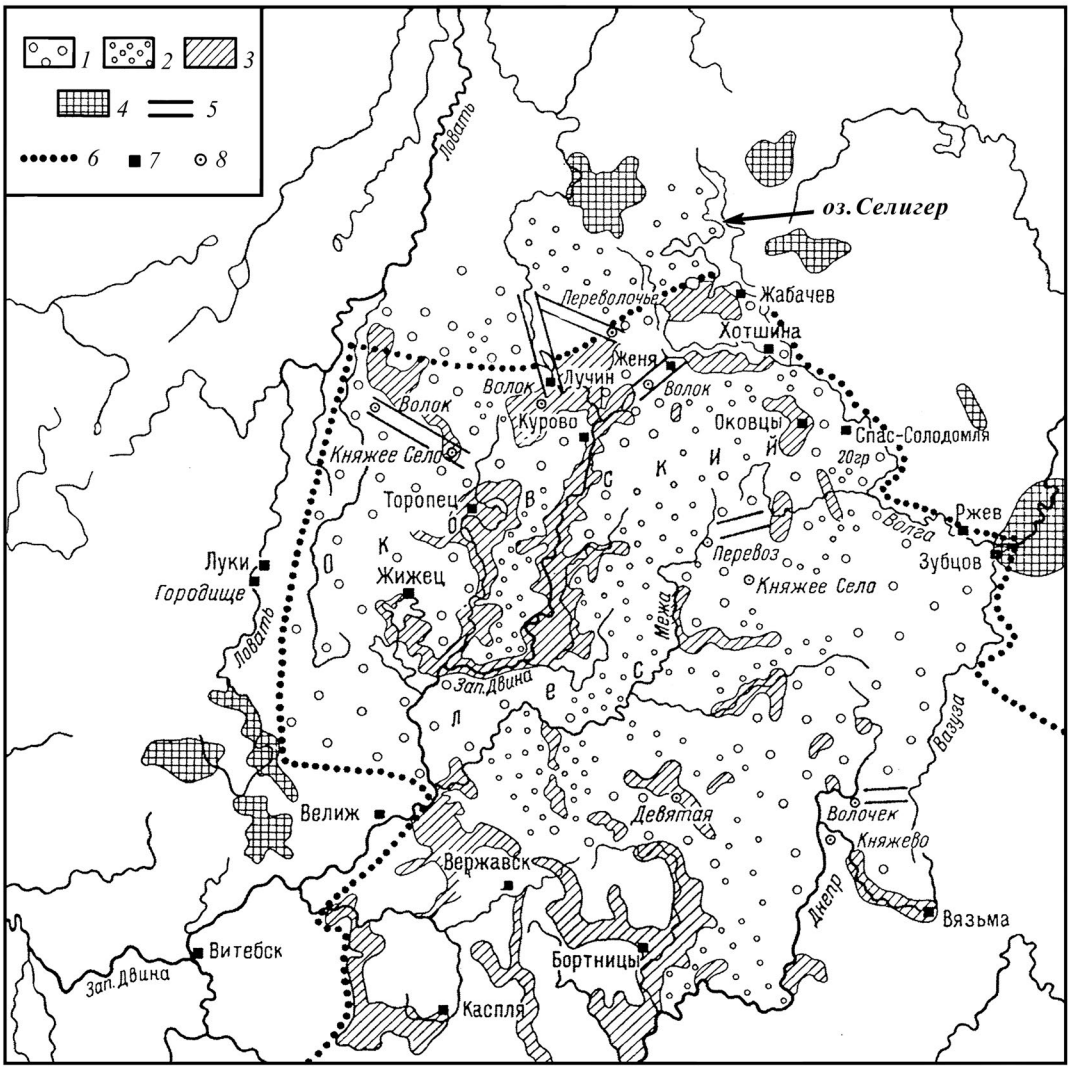


Рис. 6. Территория Оковского леса (по Л.В. Алексееву, 1974)

1 – реконструируемая часть Оковского леса; 2 – рудименты Оковского леса, сохранившиеся в XIX в. 3 – скопления поселений Смоленской земли; 4 – скопления несмоленских поселений; 5 – реконструкция волоков Оковского леса; 6 – граница Смоленской земли (по А.Н. Насонову); 7 – феодальные центры Смоленской земли с укрепленными поселениями; 8 – современные топонимы Смоленской земли.

Рис. 7. Граница Ржевской земли (по В.Л. Янину и Л.А. Бассалыго, 1998).

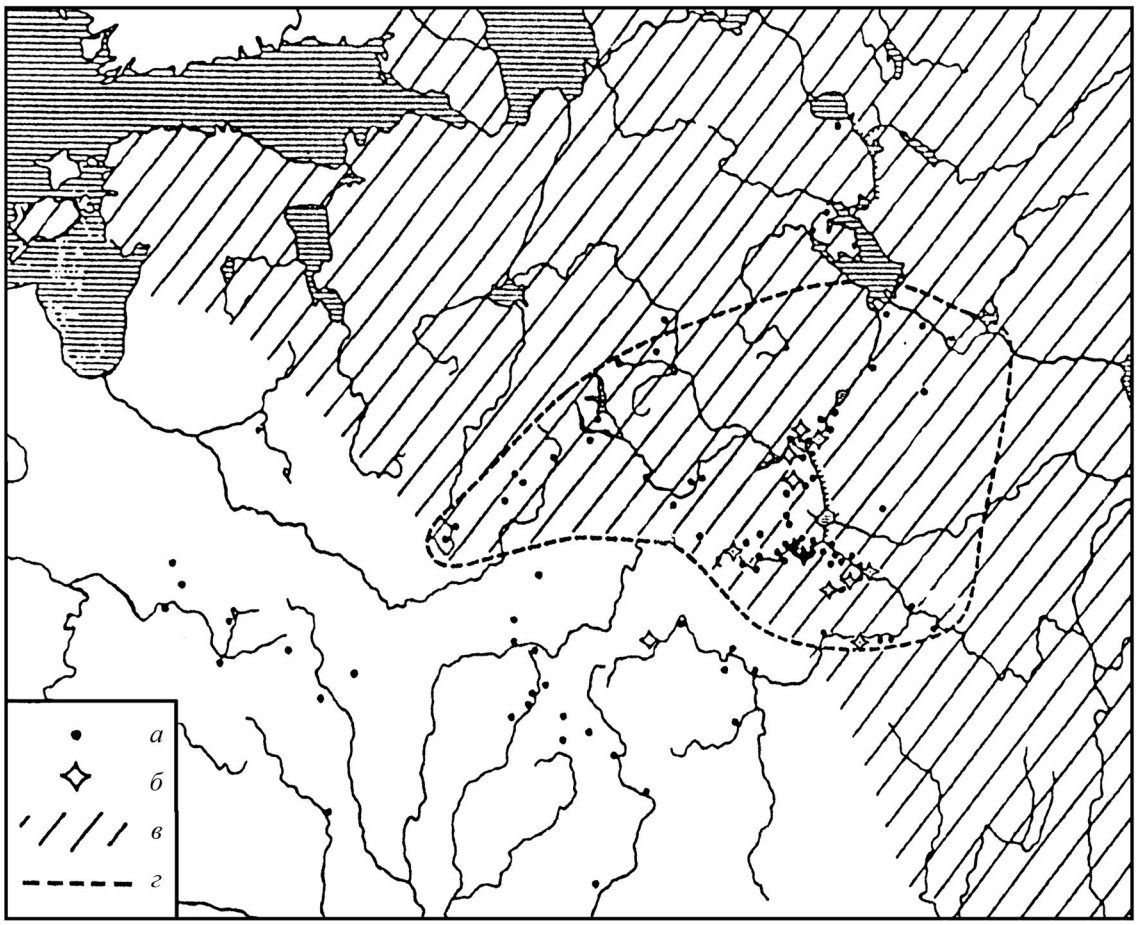


Рис. 8. Карта распространения предметов, характерных для дьяковской культуры (по К.А. Смирнову, 1974)

а – местонахождение грузиков Дьякова типа; б – местонахождение дьяковских украшений; в – территория распространения посуды с сетчатой поверхностью; г – граница дьяковской культуры.

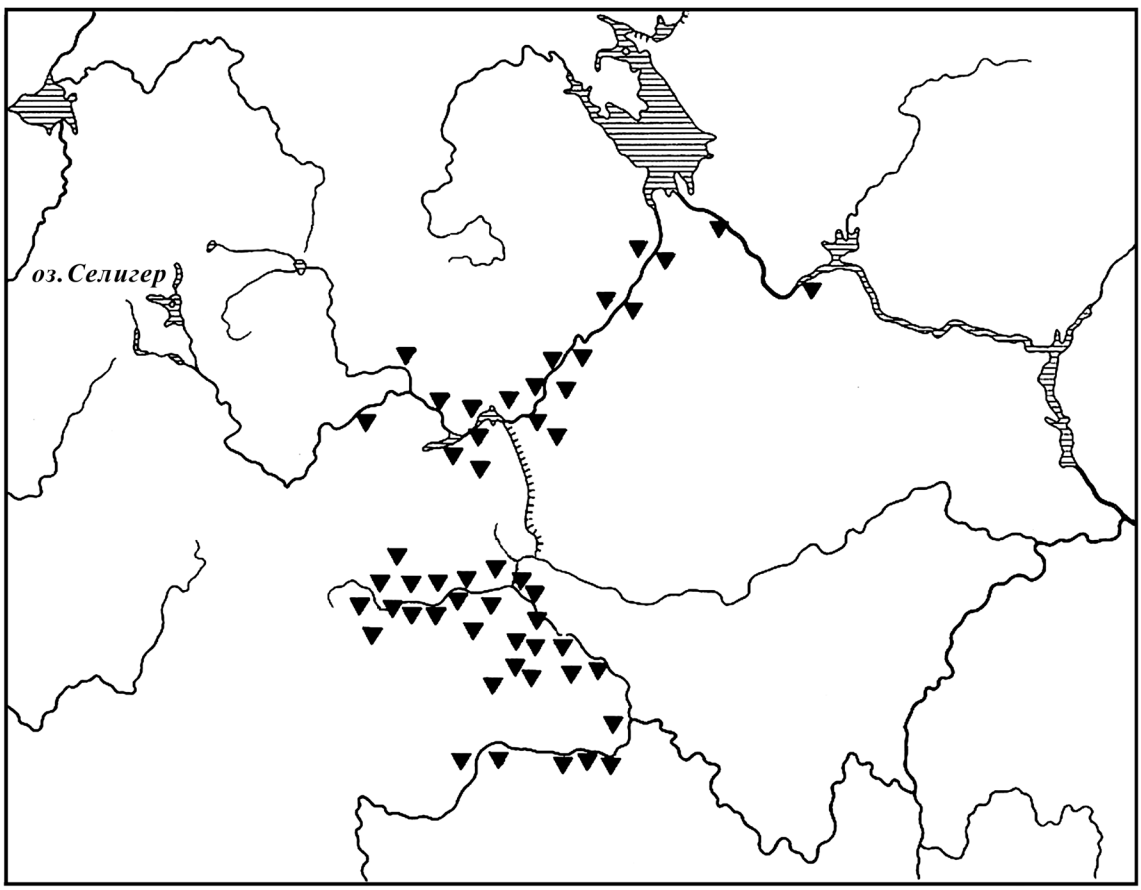


Рис. 9. Памятники второго этапа (IV в. до н.э. – III в. н.э.) дьяковской культуры (по И.Г. Розенфельдт, 1974, рис. 45).

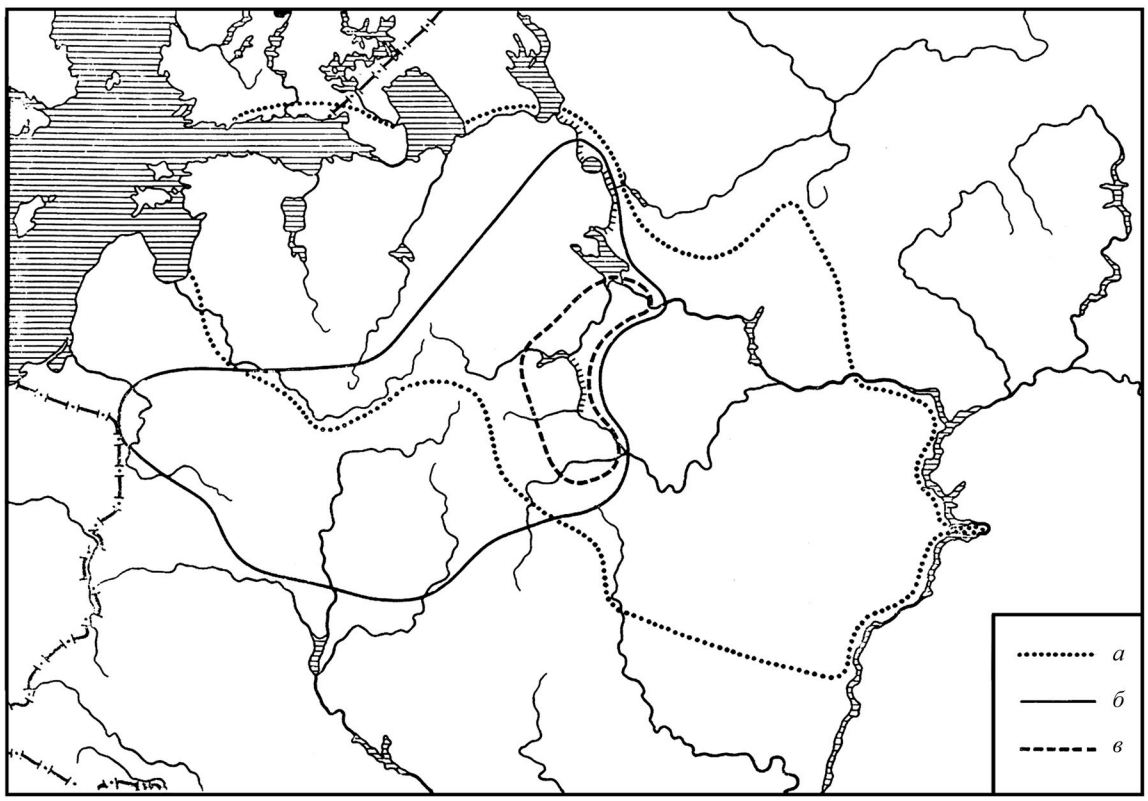


Рис. 10. Ареалы сетчатой керамики(а), грузиков Дьякова типа (б) и памятников дьяковской культуры (в) – (по И.Г. Розенфельдт,1974, рис. 48).

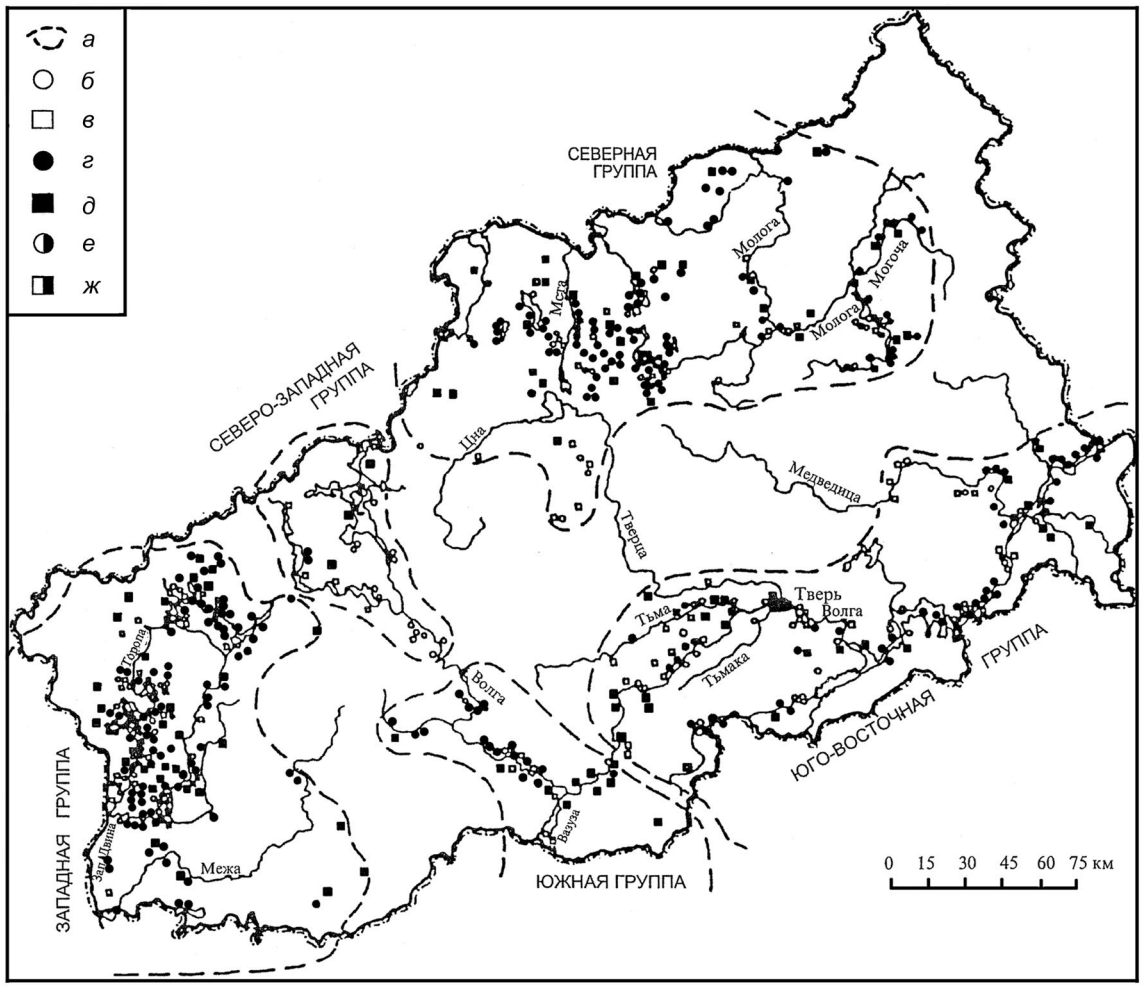


Рис. 11. Памятники раннего железного века Тверской области (по А.Д. Максимову, 1994, рис. 1)
а – границы территориальных групп памятников; б – селище VIII–VII вв. до н.э. – II–III вв. н.э.; в – городище VIII–VII вв. до н.э. – II–III вв. н.э.; г – селище III–VII вв.н.э. ; д – городище III–VII вв. н.э.; е – селище VIII–VII вв. до н.э.; ж – городище VIII–VII вв. до н.э. – VI–VII вв. н.э.

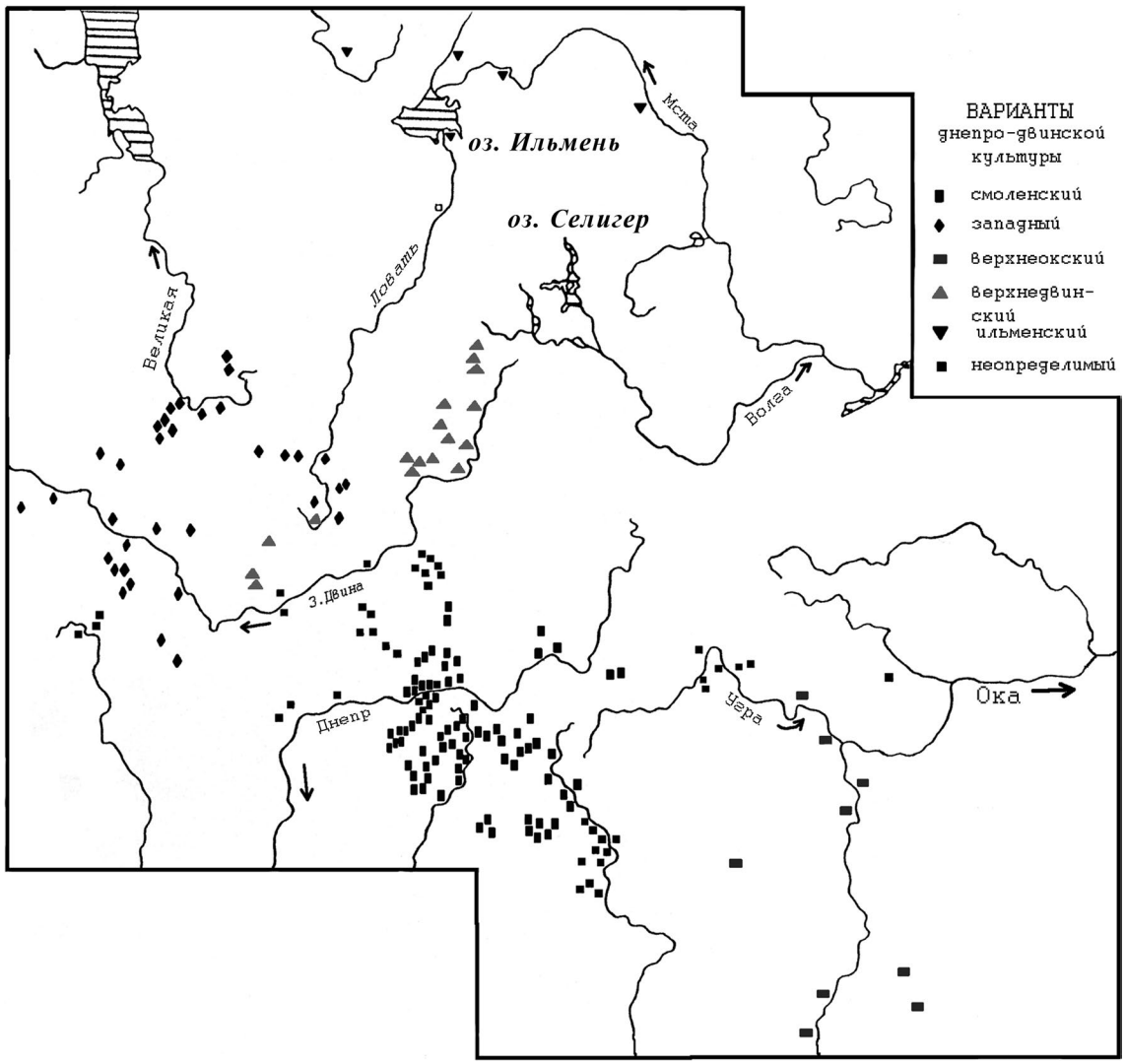


Рис. 12. Памятники вариантов днепро-двинской культуры (по Б.С. Короткевичу и А.Н. Мазуркевичу).

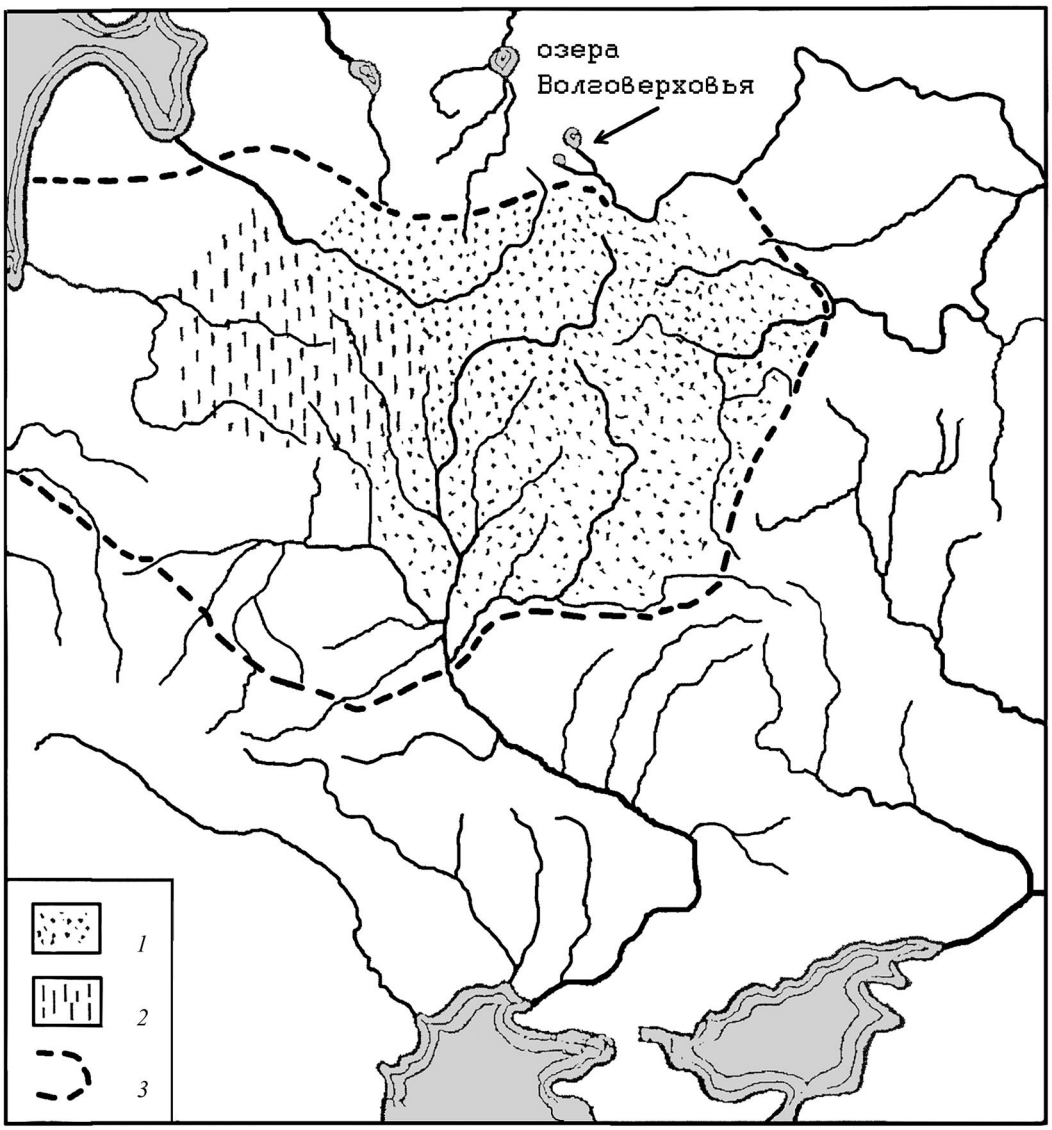


Рис. 13. Верхнее Поднепровье и Подвинье в начале н.э. (по Е.А. Шмидту, 1992, с. 204)
1 – область распространения профилированной керамики типа среднего слоя городища Тушемля; 2 – область штрихованной керамики; 3 – граница распространения балтской топонимики.

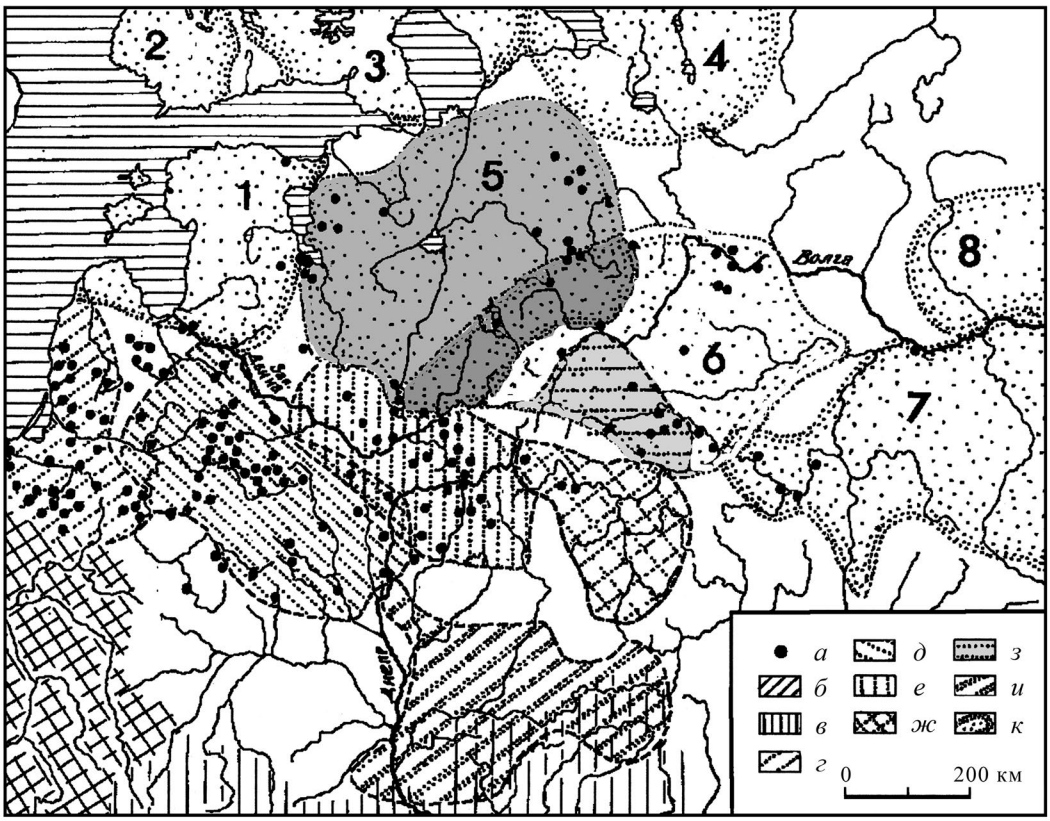


Рис. 14. Археологические культуры римского времени и расселение среднеевропейского населения (по В.В. Седову, 1999, рис. 23)

а – памятники с находками среднеевропейских провинциальноримских типов; б – ареал провинциальноримских культур в Средней Европе; в – черняховской культуры; г – западных балтов; д – культуры штрихованной керамики; е – днепро-двинской культуры; ж – мощинской культуры; з – москворецких городищ; и – киевской культуры; к – ареалы культур финно-угорских племен; (1 – культура эсто-ливских каменных могильников; 2 – финских каменных могильников; 3 – лууконсаари; 4 – позднекаргопольская; 5 – ильменская; 6 – дьяковская (по К.А. Смирнову); 7 – городецкая; 8 – азелинская).

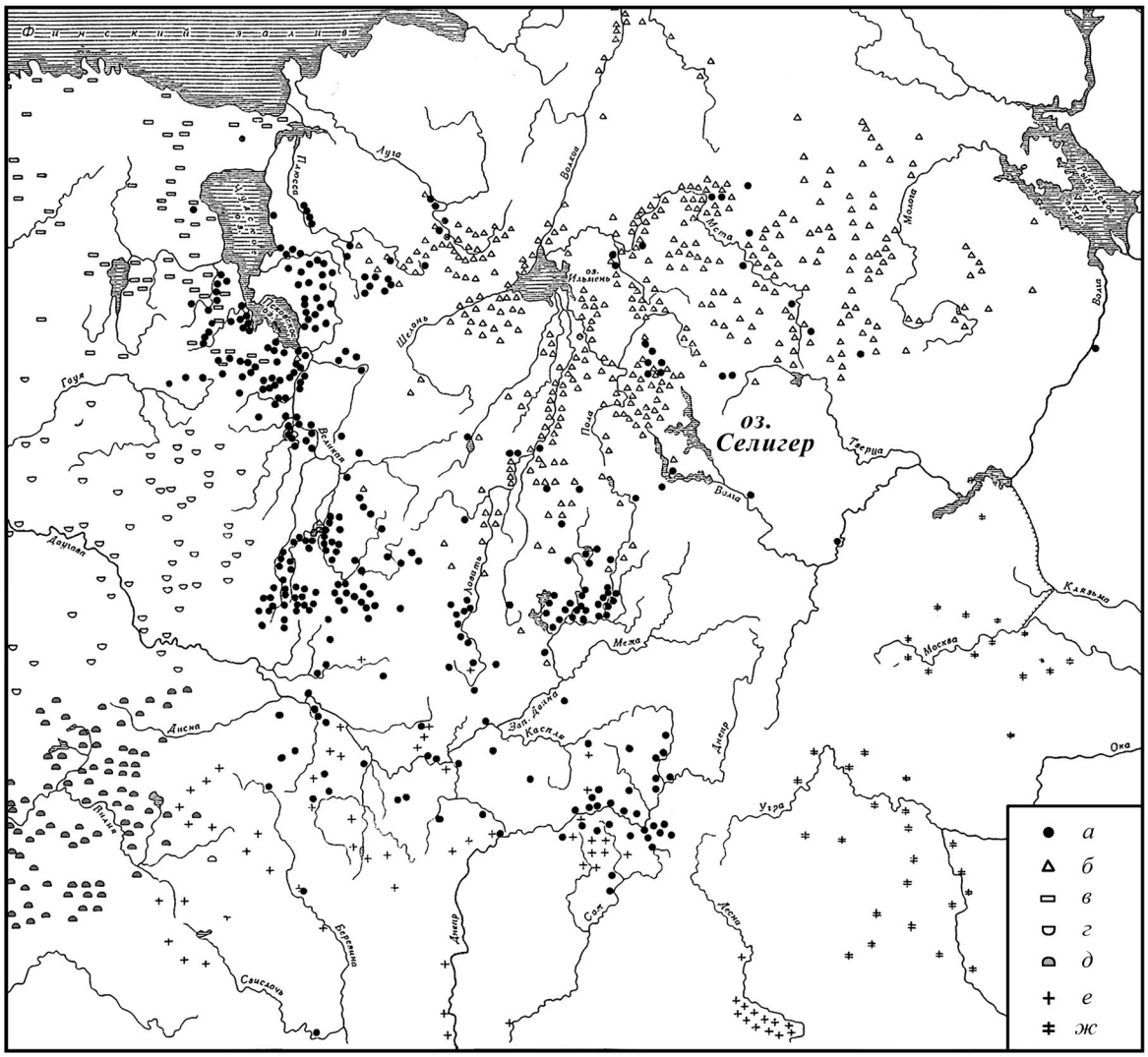


Рис. 15. Длинные курганы и синхронные памятники соседних племен
(по В.В. Седову, 1970, табл. 3)

а – могильники с длинными курганами; б – сопки; в – каменные могильники эсто-ливского типа; г – латгальские могильники; д – восточнолитовские курганы, е – поселения и могильники днепровских балтов (типа Тушемли – Банцеровщины); ж – памятники мощинского типа.

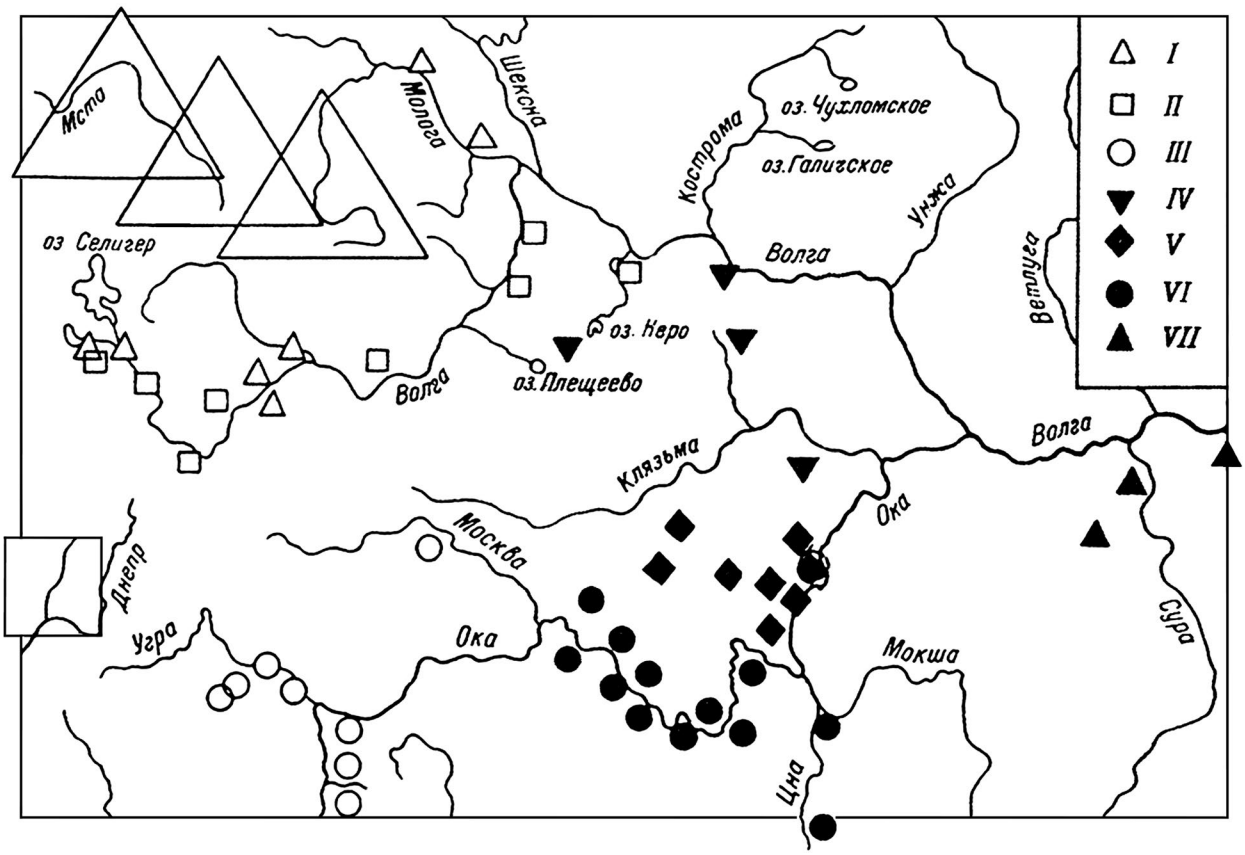


Рис. 16. Схема расположения древностей 2-й пол. I тыс. н.э. в пределах Волго-Окского междуречья (по П.Н. Третьякову, 1966)

I – сопки славян новгородских; II – длинные курганы кривичей; III – курганы верхнеокского типа; IV – мерянские могильники; V – муромские могильники; VI – мордорские могильники; VII – финно-угорские могильники на реках Суре и Цивиле.

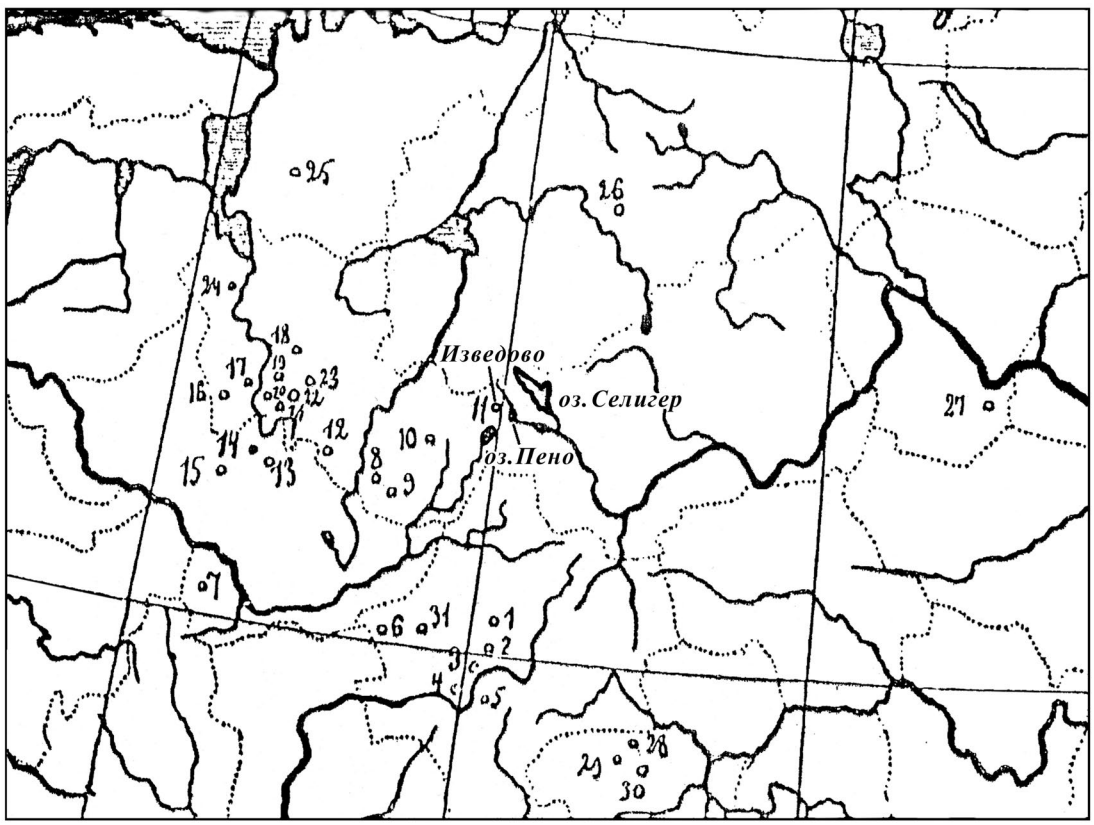


Рис. 17. Длинные и удлиненные курганы (по А.А. Спицыну, 1903 г., рис. 5)
11 – Изведово.

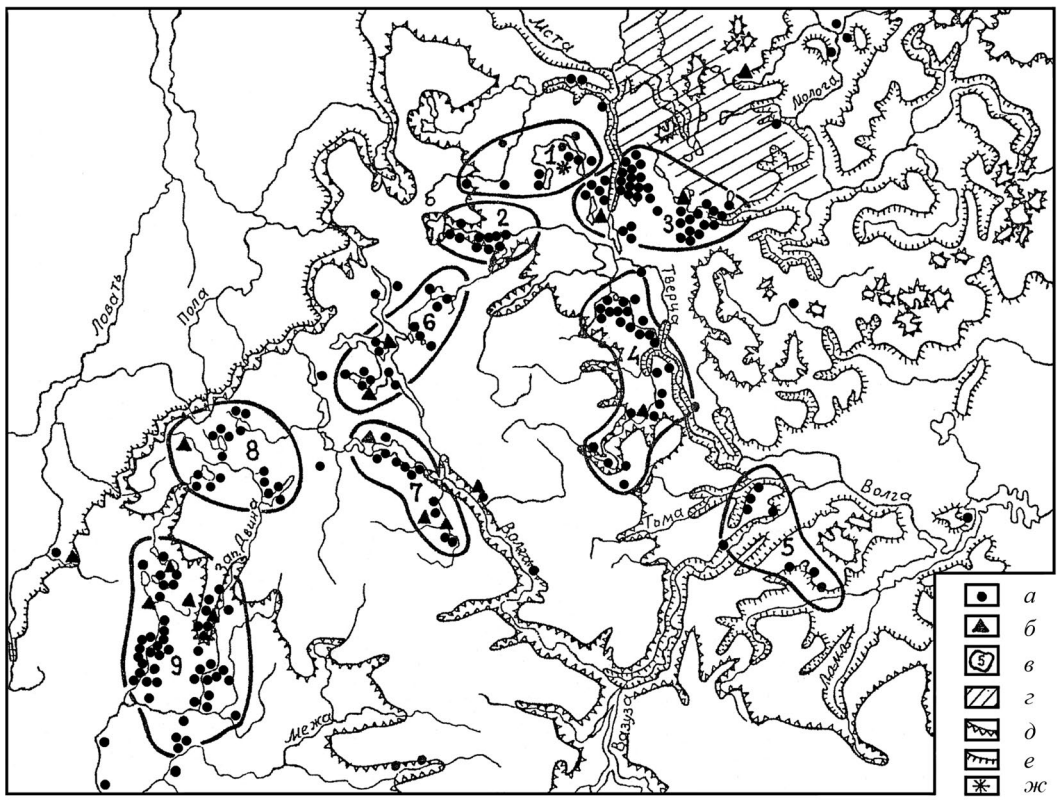


Рис. 18. Памятники культуры длинных курганов в Верхневолжье и в Верхнем Подвинье (по П.Д. Малыгину, 1998, рис. 1)

а – курганные могильники; б – высокие насыпи в группах («сопки в борах»); в – выделенные микрорегионы КДК (1. Бологовский; 2. Шлинский; 3. Верхнемстинский; 4. Тверецкий; 5. Волжско-Шошинский; 6. Селигерский; 7. Верхневолжский ; 8. Водораздельный; 9. Подвинский); г – территория Удомельского Поозерья; д – горизонталь 250 м над уровнем Балтийского моря; е – горизонталь 200 м над уровнем Балтийского моря; ж – погребальный комплекс КДК Подол 1.

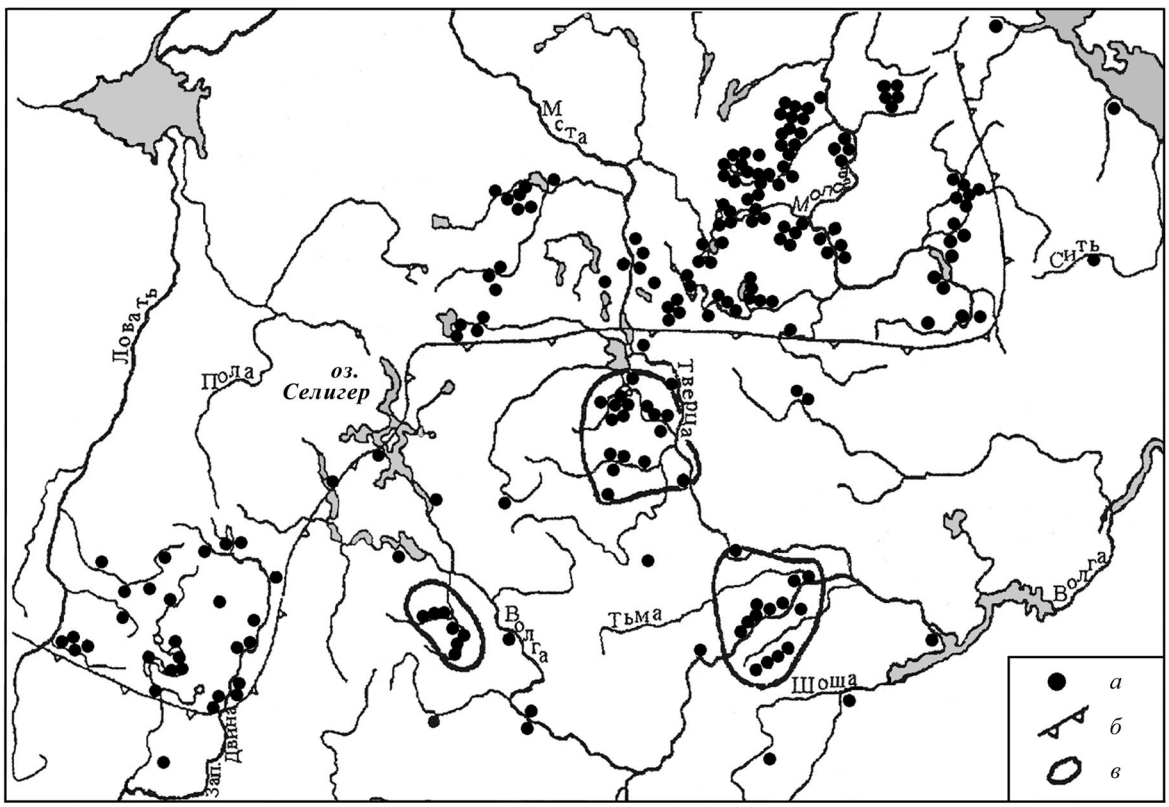


Рис. 19. Погребальные памятники культуры сопок на территории Тверской области (по П.Д. Малыгину, 2007в, рис. 2)
а – погребальные памятники; б – граница основного ареала культуры сопок;
в – выделенные регионы.

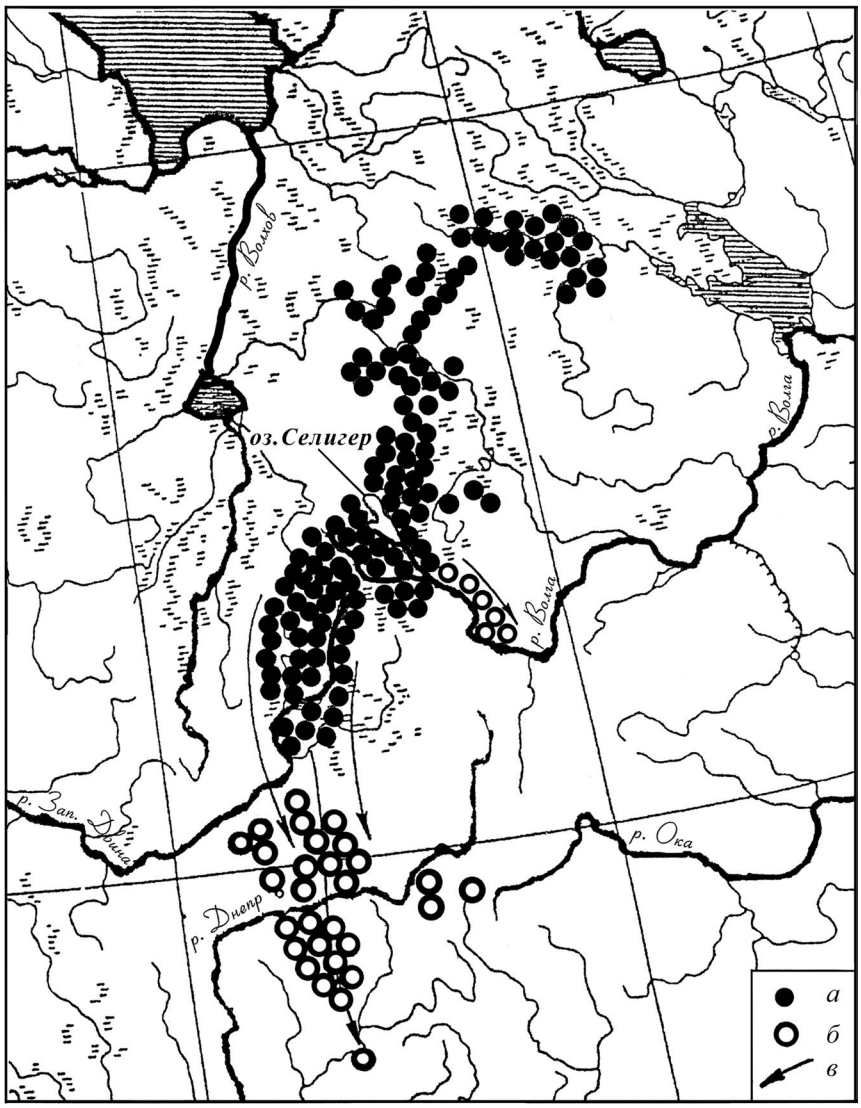


Рис. 20. Карта могильников восточной группы КПДК V–2-й пол. VIII вв. н.э.
(по О.М. Олейникову, 2007, рис. 5)
а – могильники КПДК, функционировавшие с V в. н. э.; б – могильники КПДК VII – 2-й пол. VIII вв. н.э.; в – направление продвижения носителей КПДК в VII – 2-й пол. VIII вв. н.э.

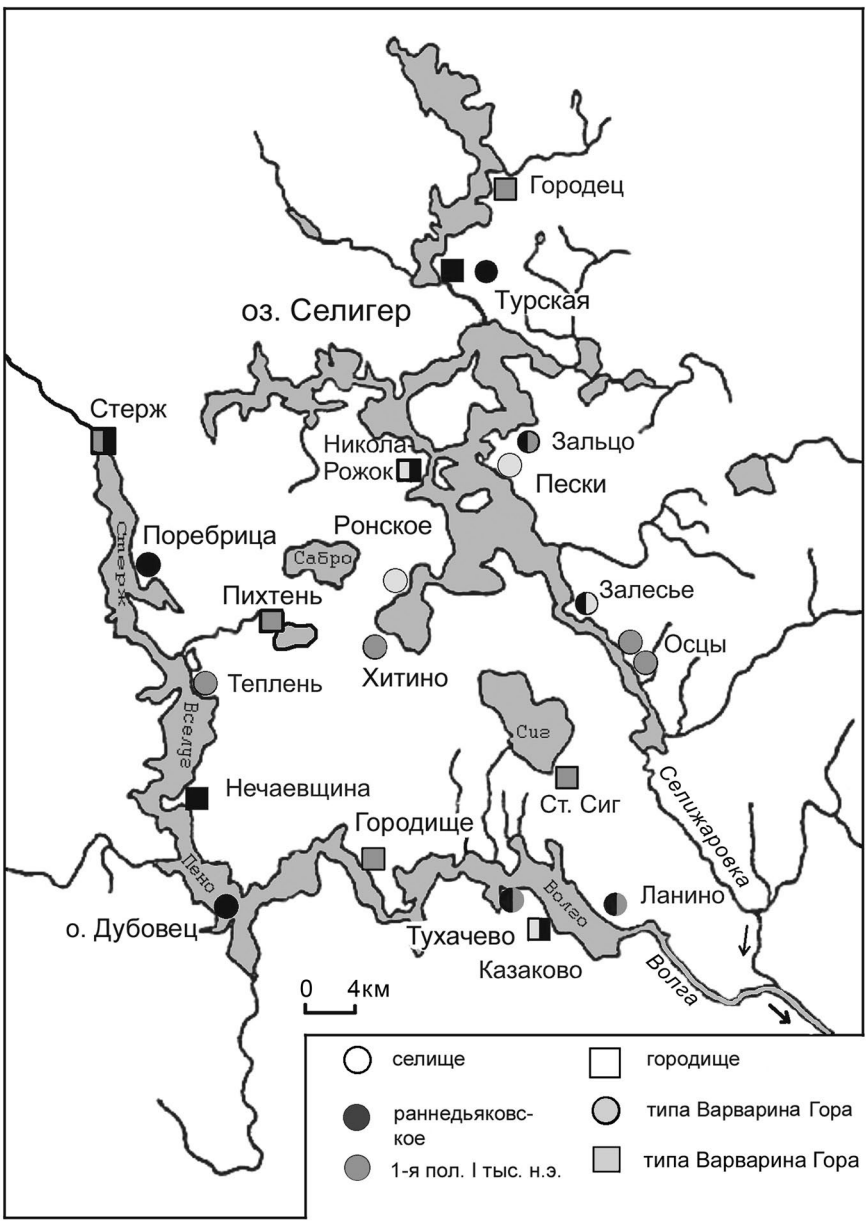


Рис. 21. Поселения раннего железного века на озерах в верховьях Волги.

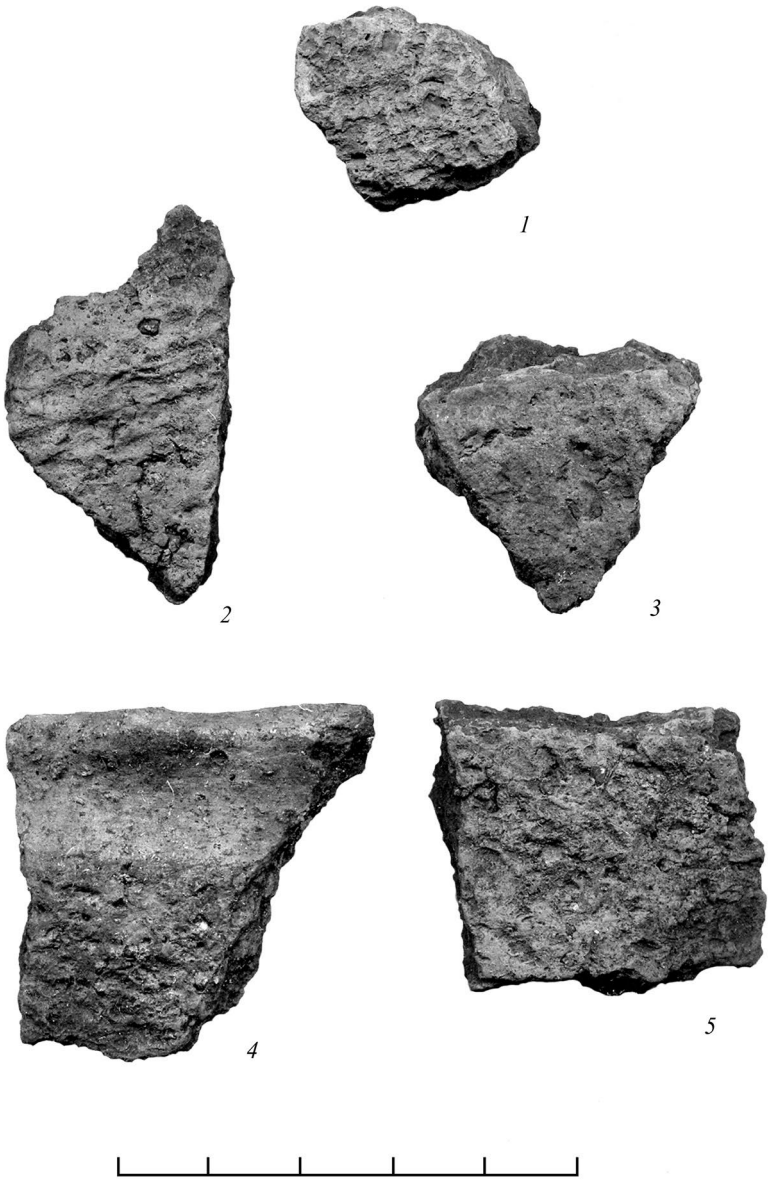


Рис. 22. Лепная керамика раннего железного века с сетчатой поверхностью с селища Залесье 1-2.

Рис. 23. Ареал раннедьяковской культуры и смежные древности.

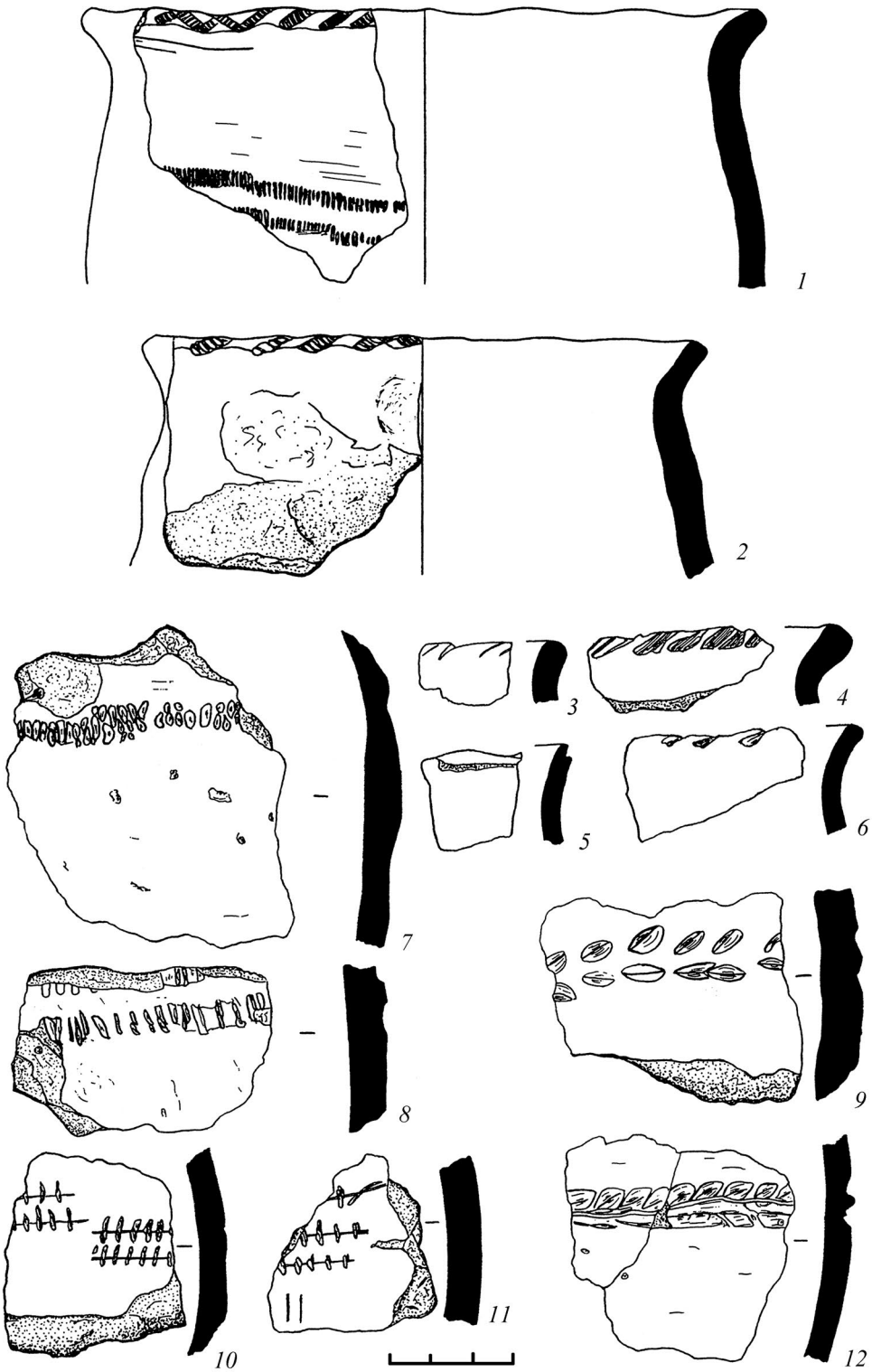


Рис. 24. Орнаментированная лепная керамика с Городища Варварина Гора (по В.А. Бурову, 2003).

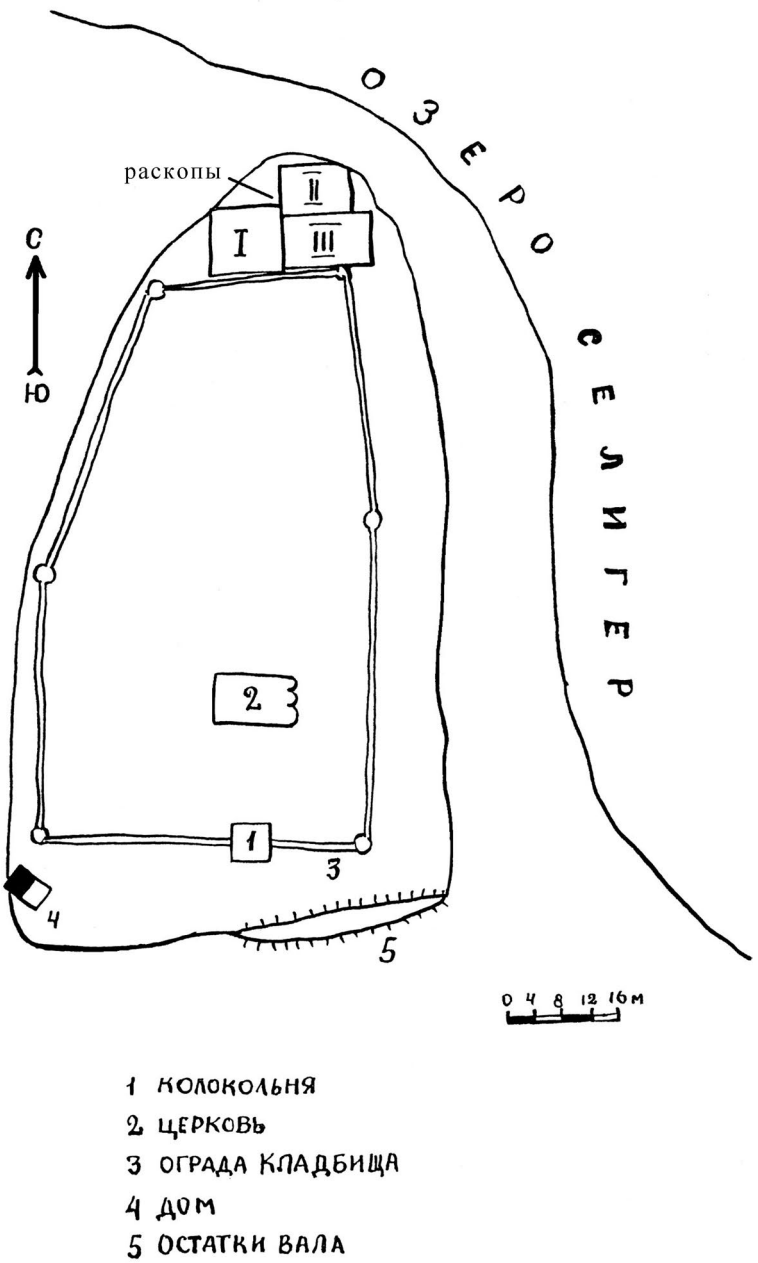


Рис. 25. План городища Никола-Рожок (по А.В. Успенской).

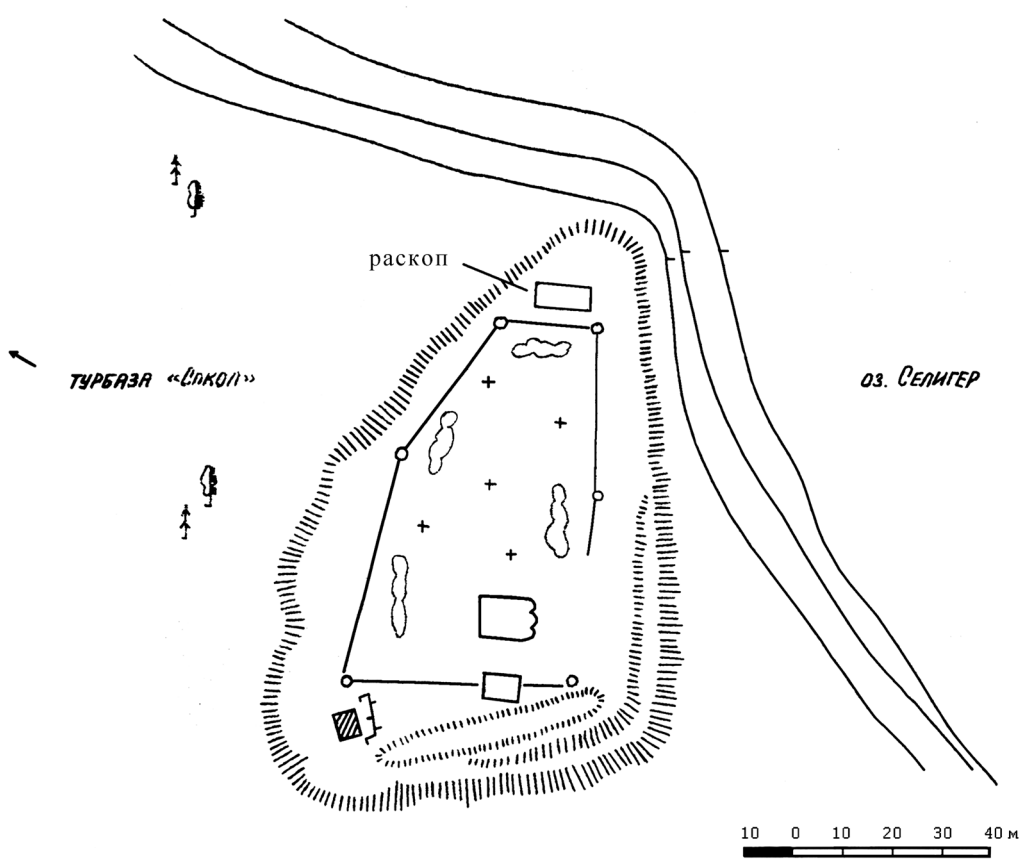


Рис. 26. План городища Никола-Рожок (по паспорту).

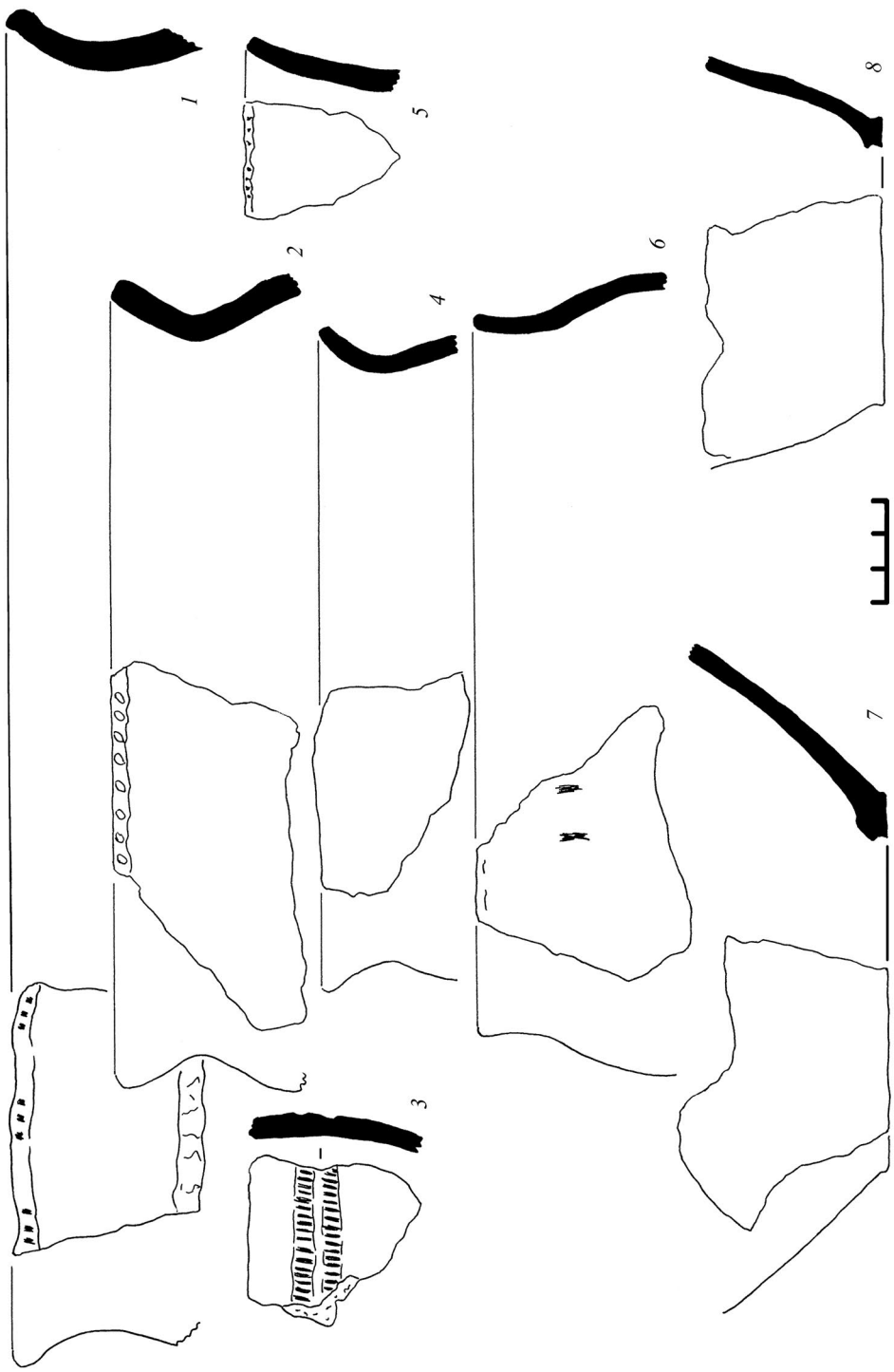


Рис. 27. Лепная керамика раннего железного века с городища Никола-Рожок.

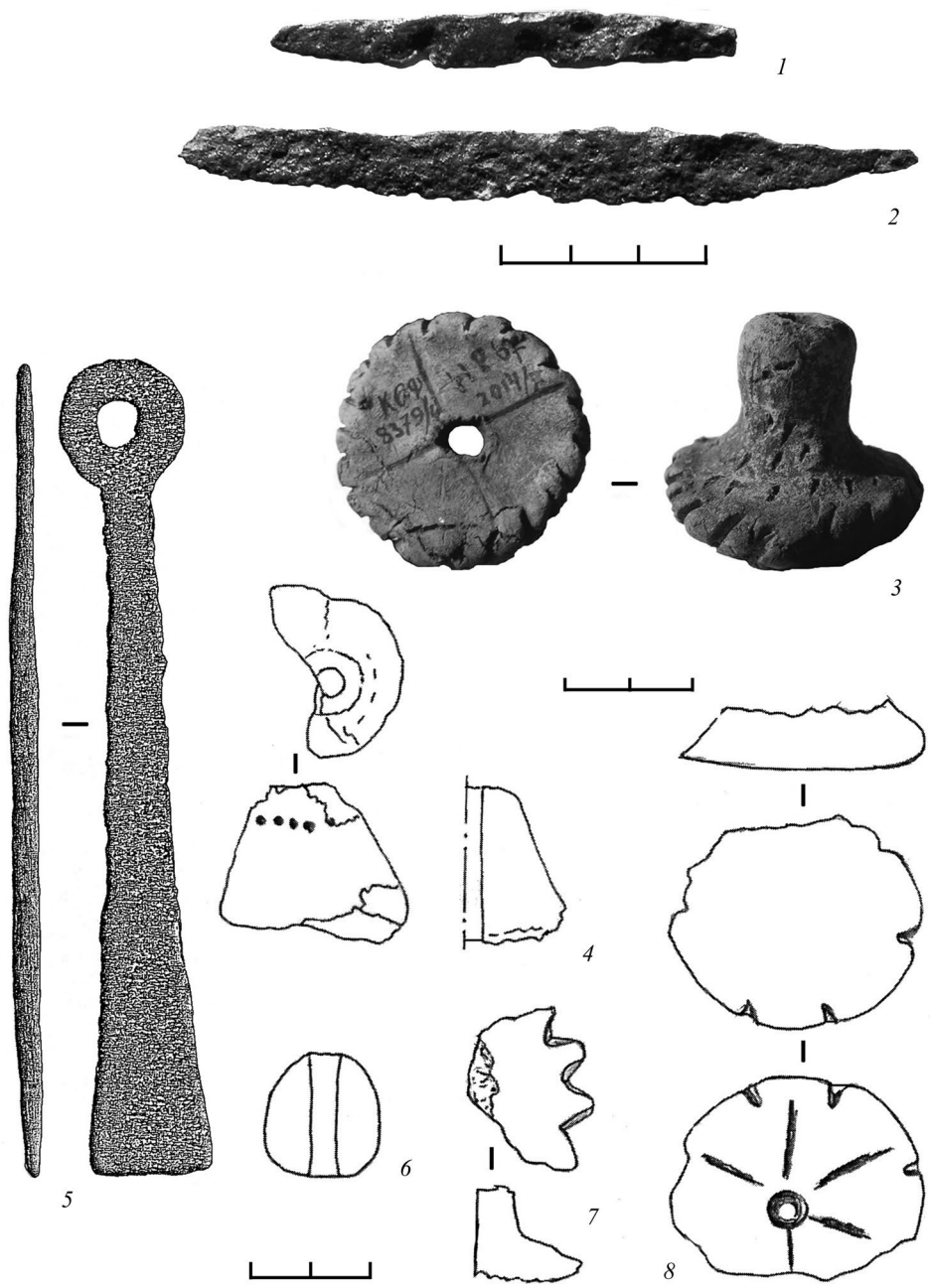


Рис. 28. Находки раннего железного века и раннего средневековья с городища Никола-Рожок
1, 2 – ножи; 3, 4, 7, 8 – грузик дьякова типа и фрагменты грузиков дьякова типа; 5 – пластинчатое кресало; 6 – грузило (1, 2, 5 – железо; 3, 4, 6-8 – глина).

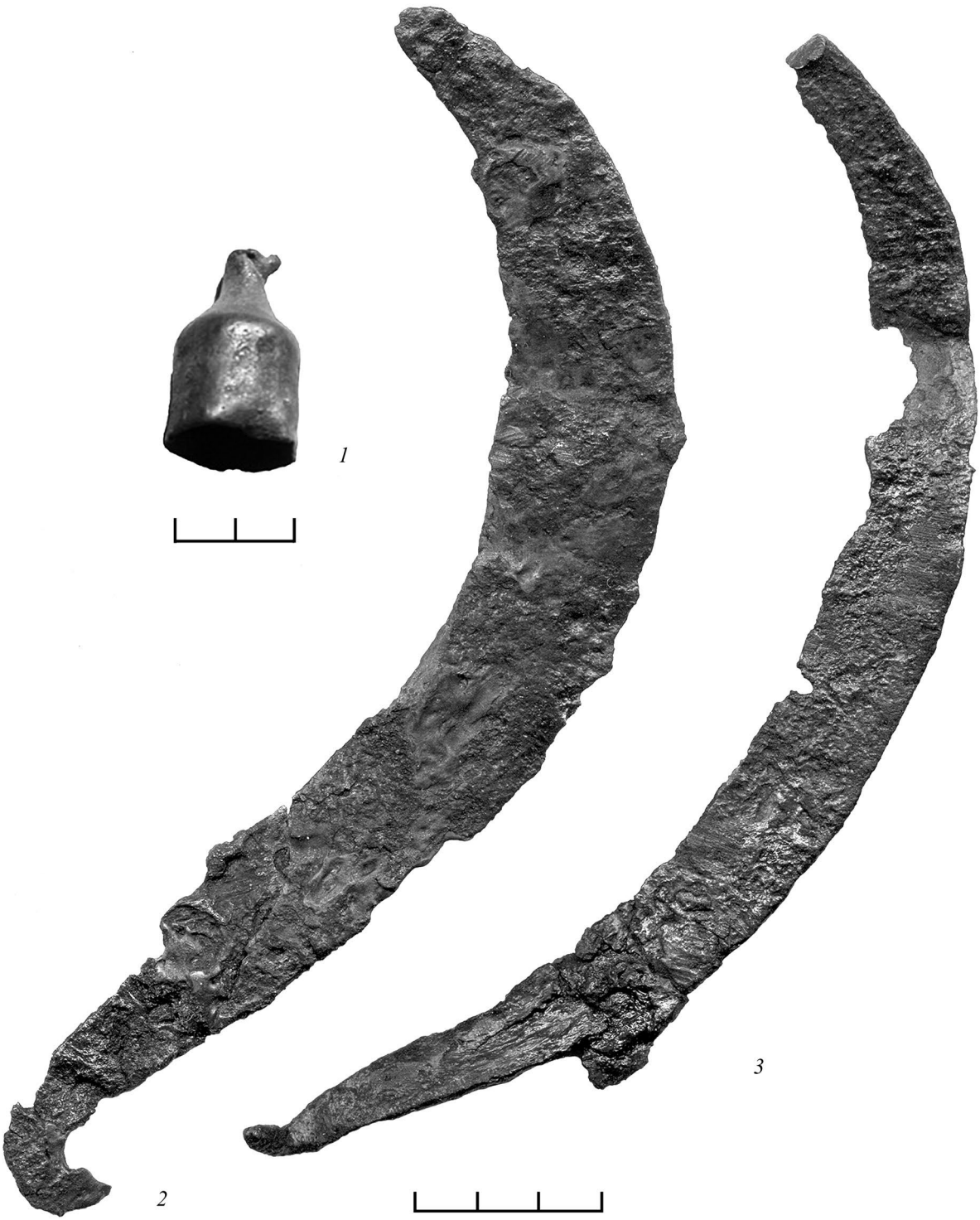


Рис. 29. Находки раннего железного века и раннего средневековья с городища Никола-Рожок
1 – бутылковидная подвеска; 2, 3 – серпы (1 – цветной металл, 2, 3 – железо).

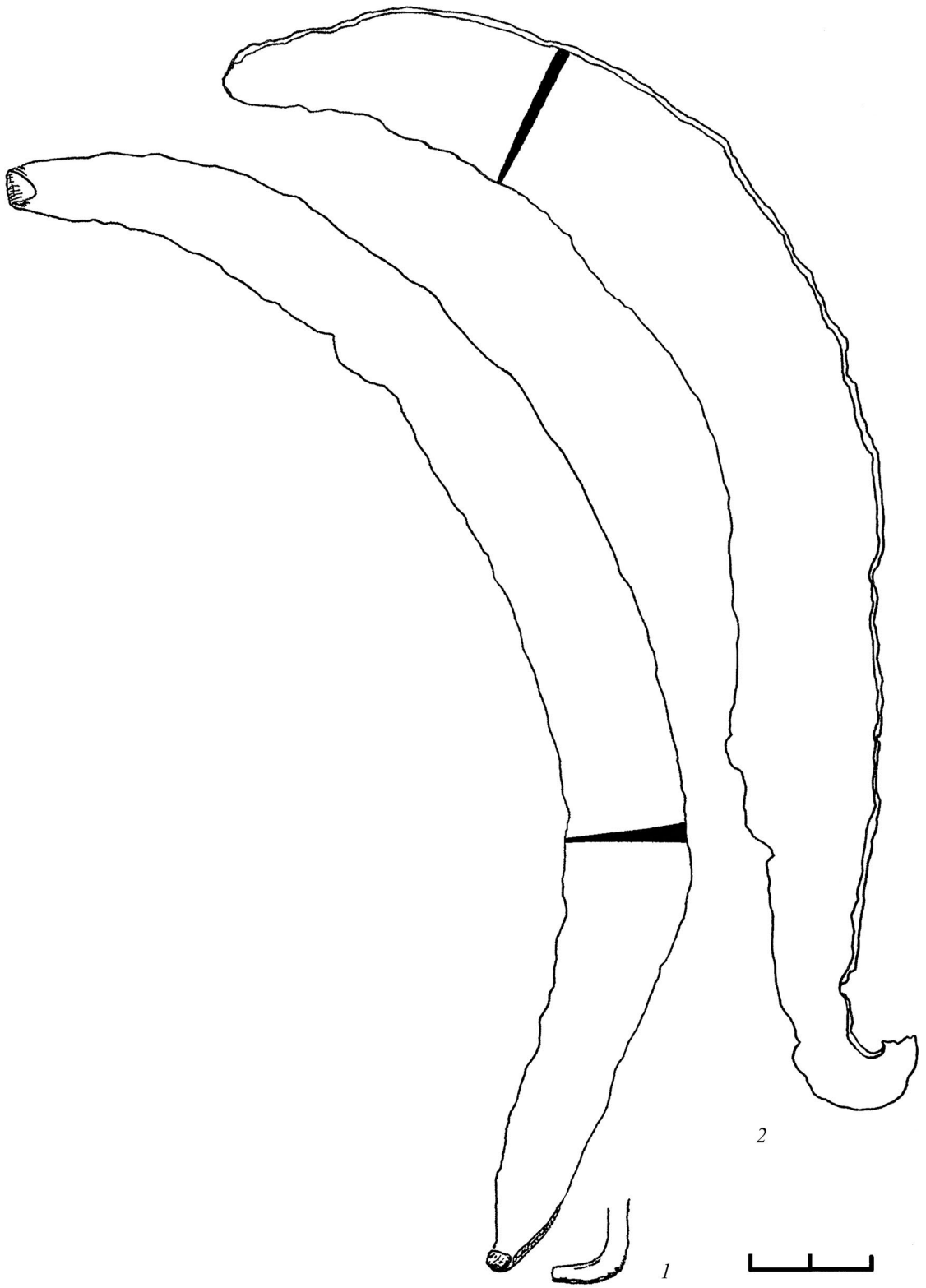


Рис. 30. Находки железных серпов с городища Никола-Рожок (прорисовка до реставрации).

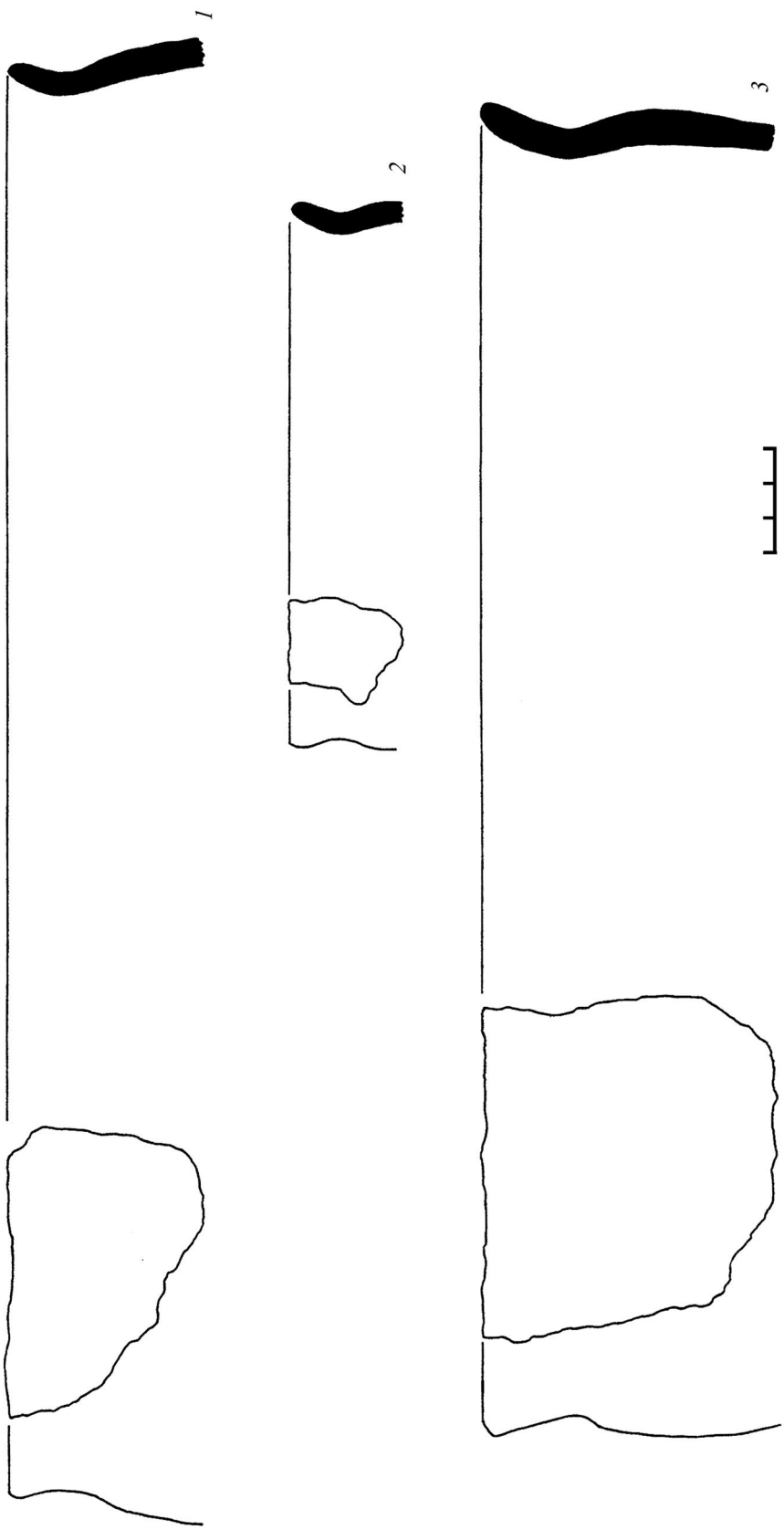


Рис. 31. Лепная раннесредневековая керамика с городища Никола-Рожок.

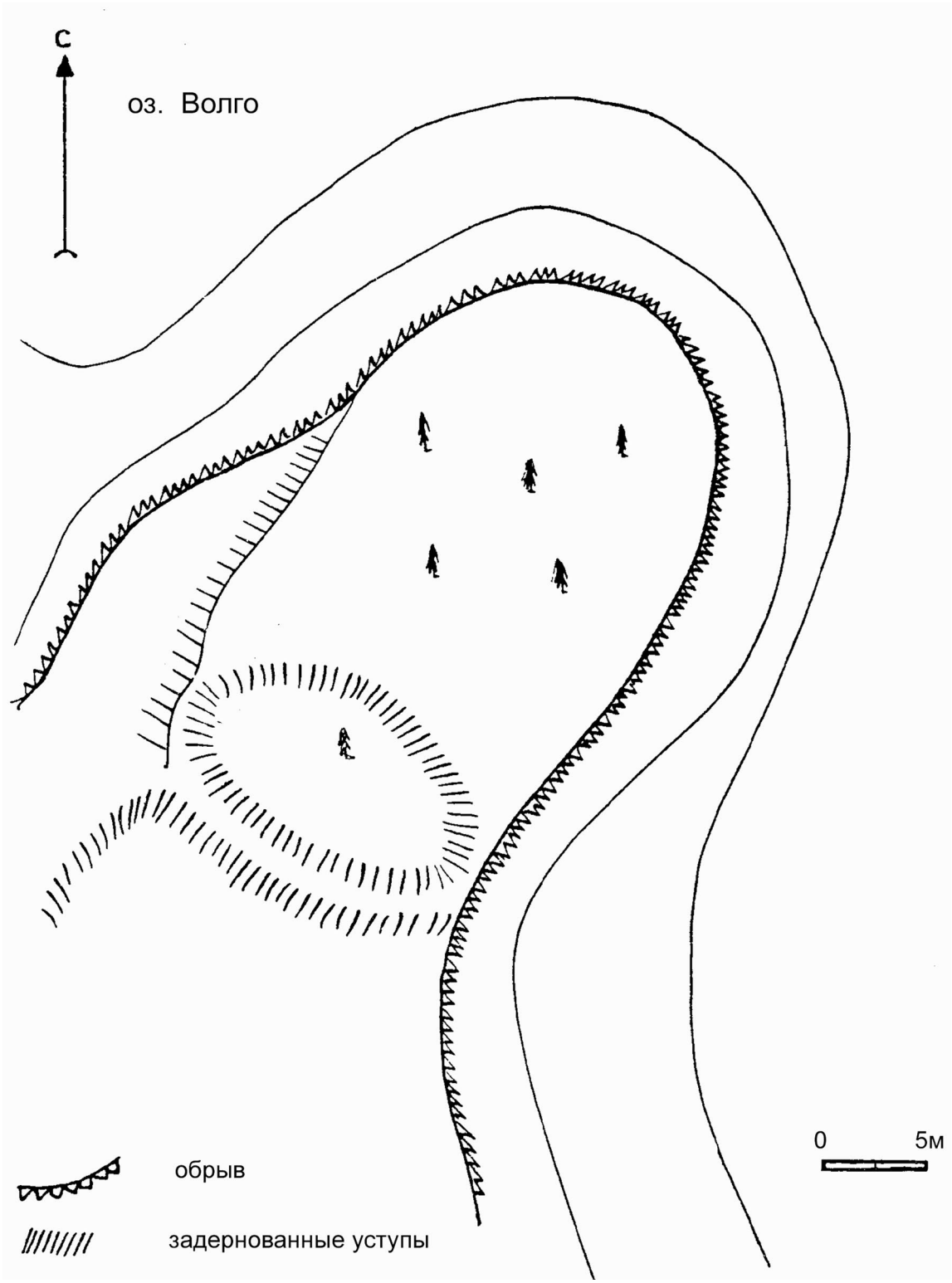


Рис. 32. План городища Казаково (по Д.А. Крайнову).

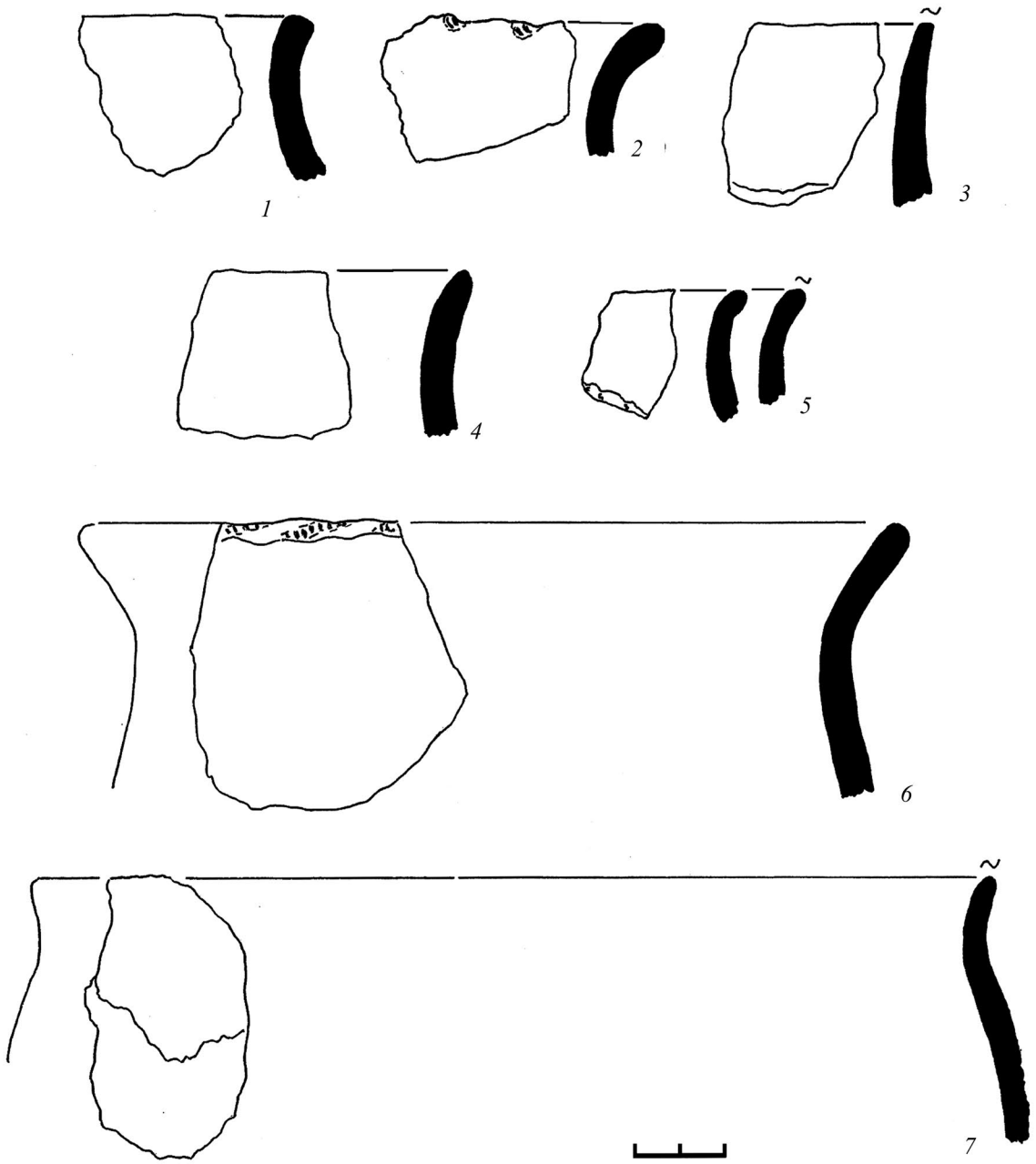


Рис. 33. Лепная керамика раннего железного века с поселений на озерах в верховьях Волги
1-4, 6 – городище Казаково; 5 – селище Теплень, 7 – селище Зальцо.

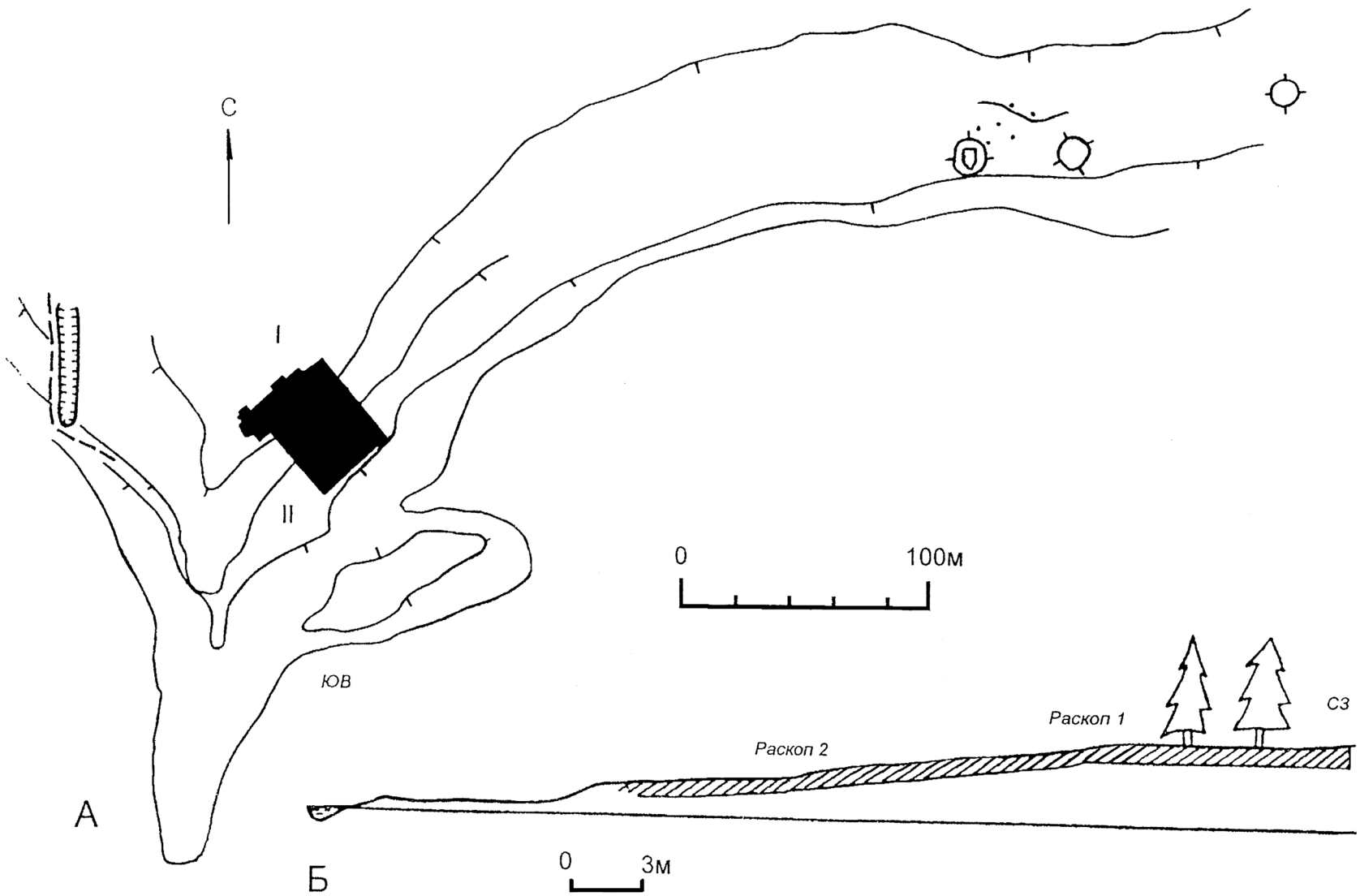


Рис. 34. План поселения Залесье 1-2 с раскопом (по Н.Н. Гуриной).

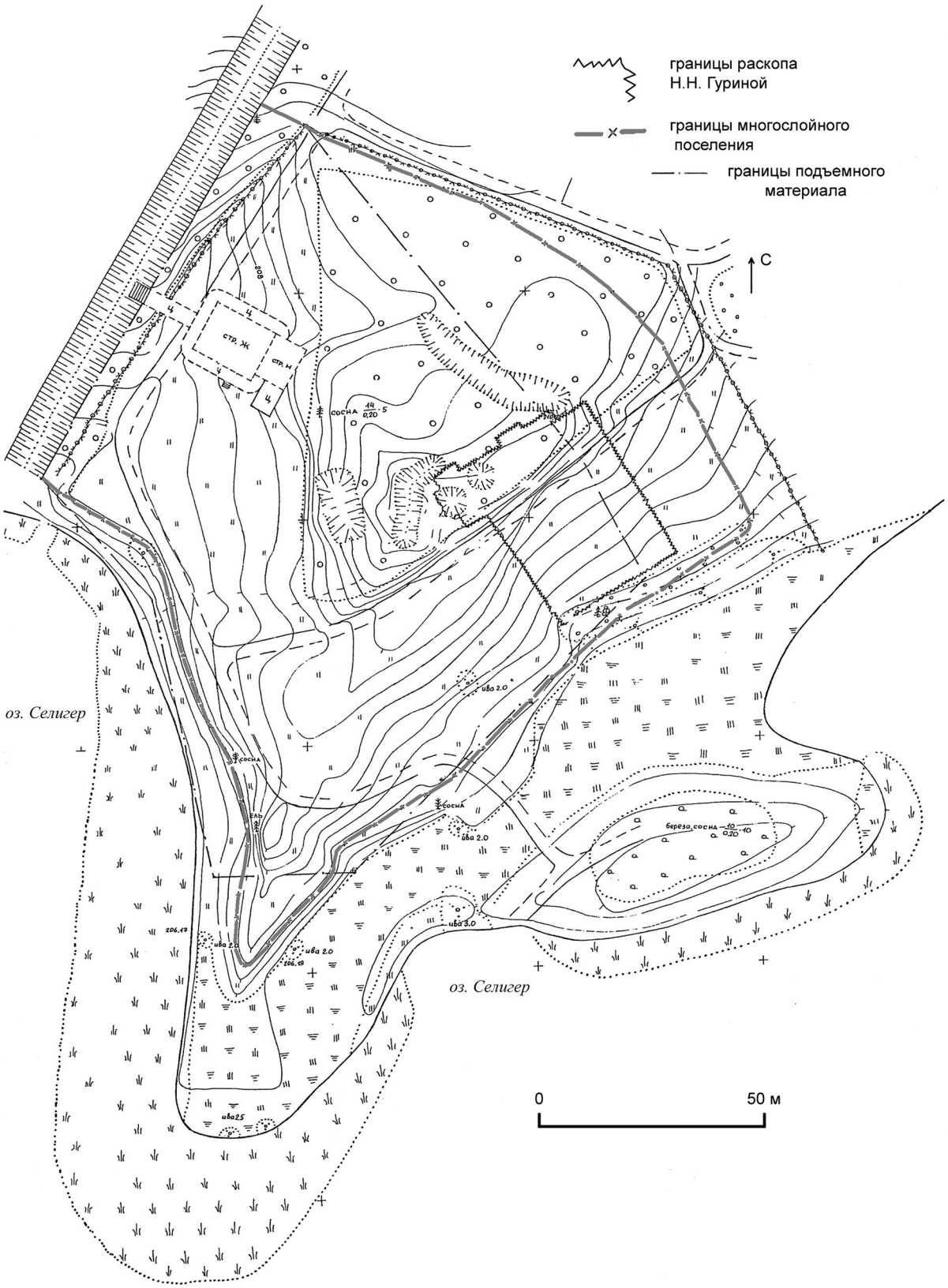


Рис. 35. Топоплан поселения Залесье 1-2 (по А.В. Мирецкому).

Рис. 36. Поселение Залесье 1-2. Раскоп и экспедиционный лагерь, вид с севера, 1975 г. (по Н.Н. Гуриной).

Рис. 37. Поселение Залесье 1-2. Вид на раскопы 1 и 2, 1974 г. (по Н.Н. Гуриной).

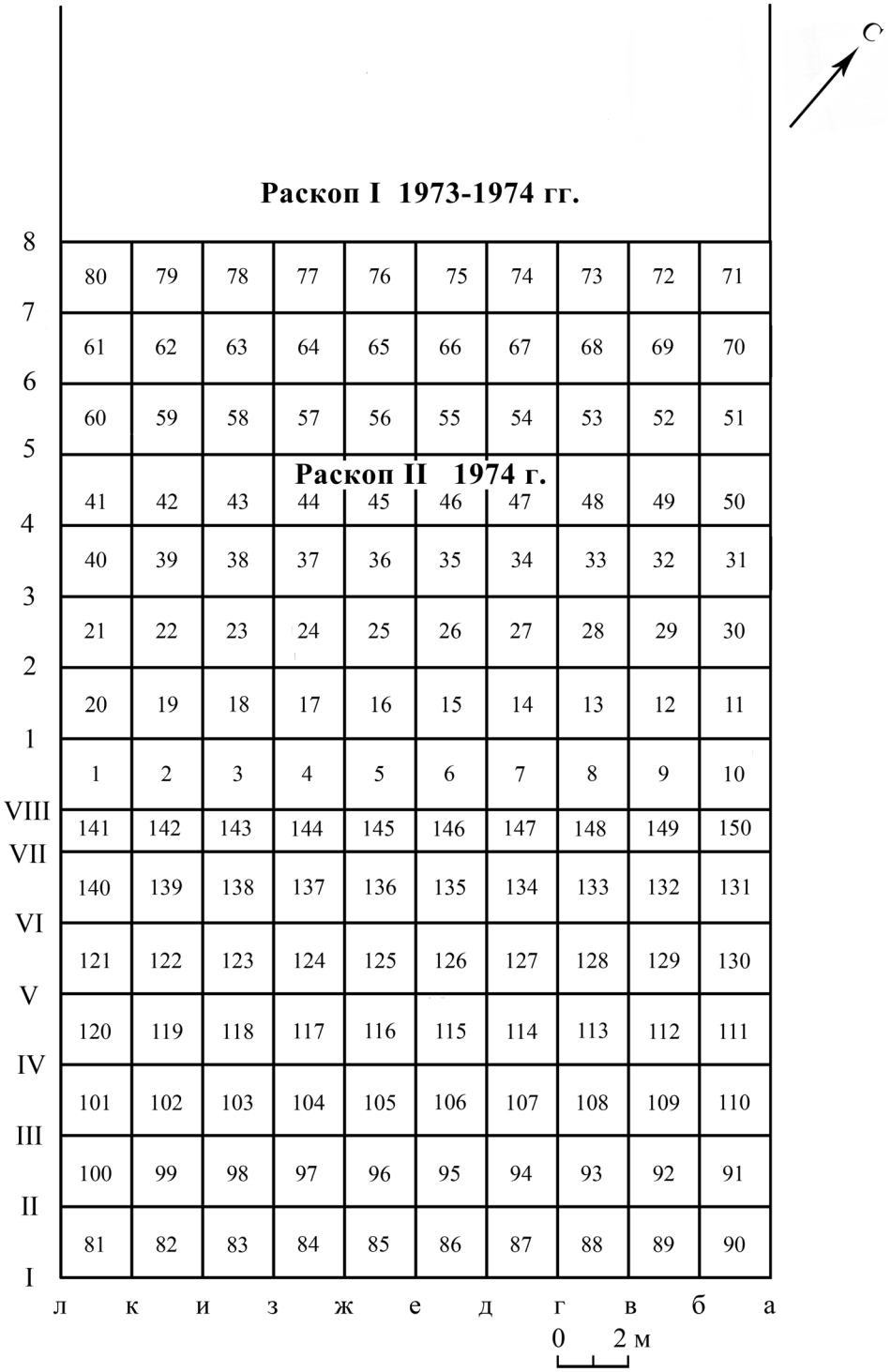


Рис. 38. Поселение Залесье 1-2. Сводный план раскопа 2.

Рис. 39. Разборка слоя «вертикальной зачисткой» на поселении Залесье 1-2, 1975 г. (по Н.Н. Гуриной).

Рис. 40. Поселение Залесье 1-2. Пятна в нижней части слоя пахоты на раскопе 2, 1974 г.

0 – пятна с раннесредневековым слоем; 1 – темные полосы на красноватом или желтоватом песке, образовавшиеся от вспашки; 2 – темные пятна; 3 – галька с красноватым песком; 4 – деревья, оставшиеся на раскопе; 5 – темный культурный слой; 6 – очень темный культурный слой с примесью углей; 7 – буровато-красноватый слой.

Рис. 41. Поселение Залесье 1-2. Разборка культурного слоя на раскопе 1, 1975 г. (по Н.Н. Гуриной).

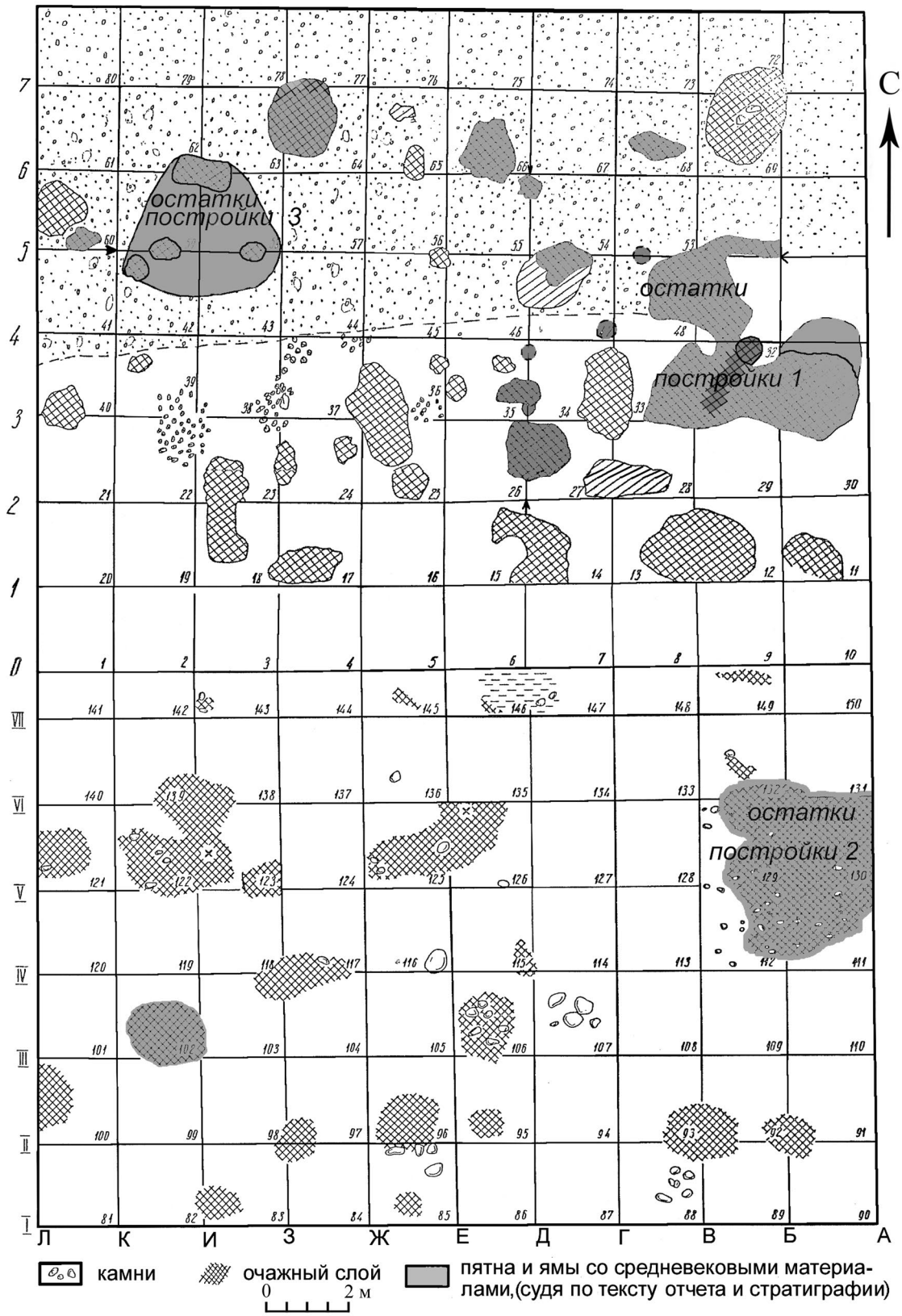


Рис. 42. Поселение Залесье 1-2. Пятна материковых ям на раскопе 2.

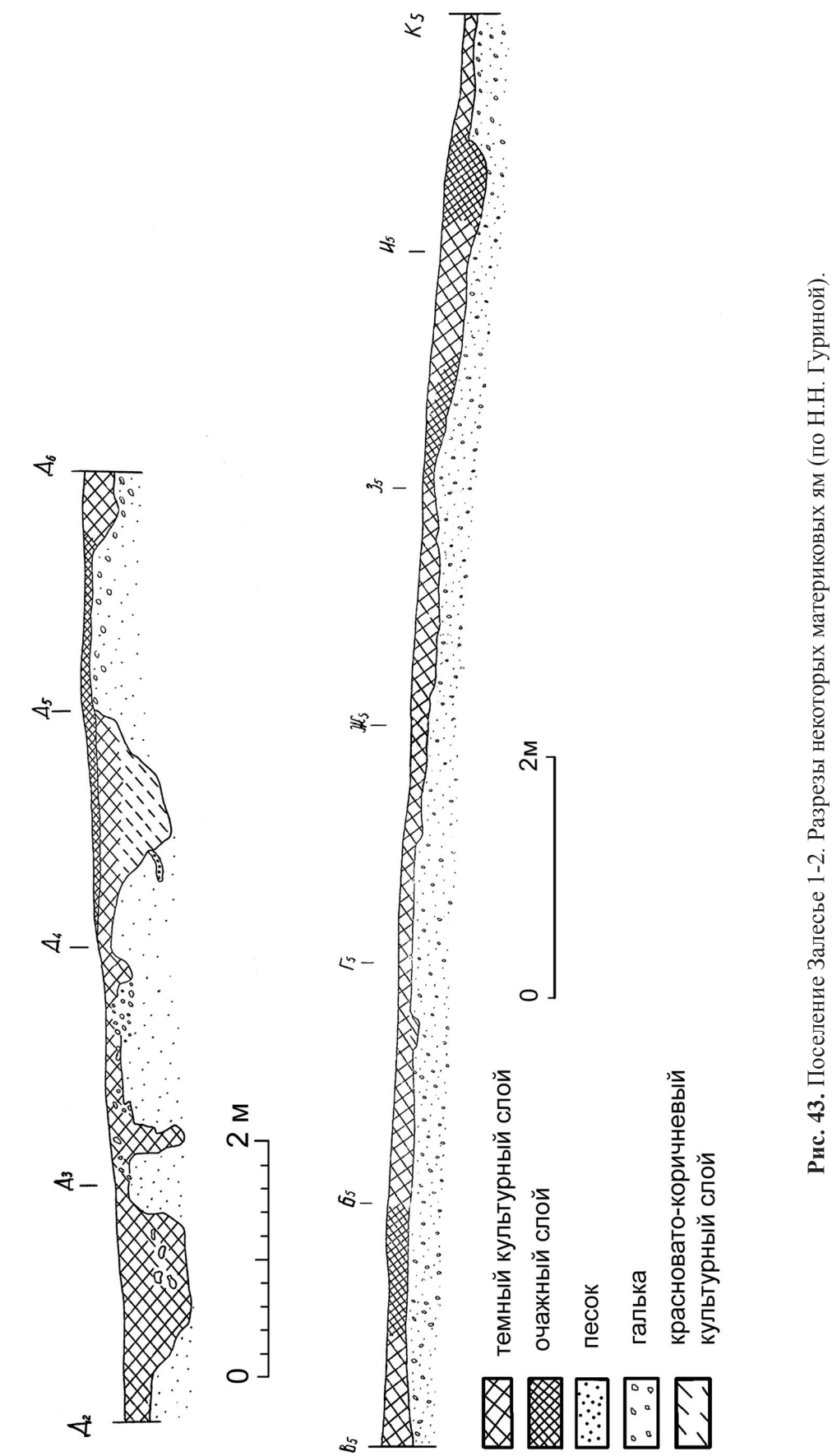


Рис. 43. Поселение Залесье 1-2. Разрезы некоторых материковых ям (по Н.Н. Гуриной).

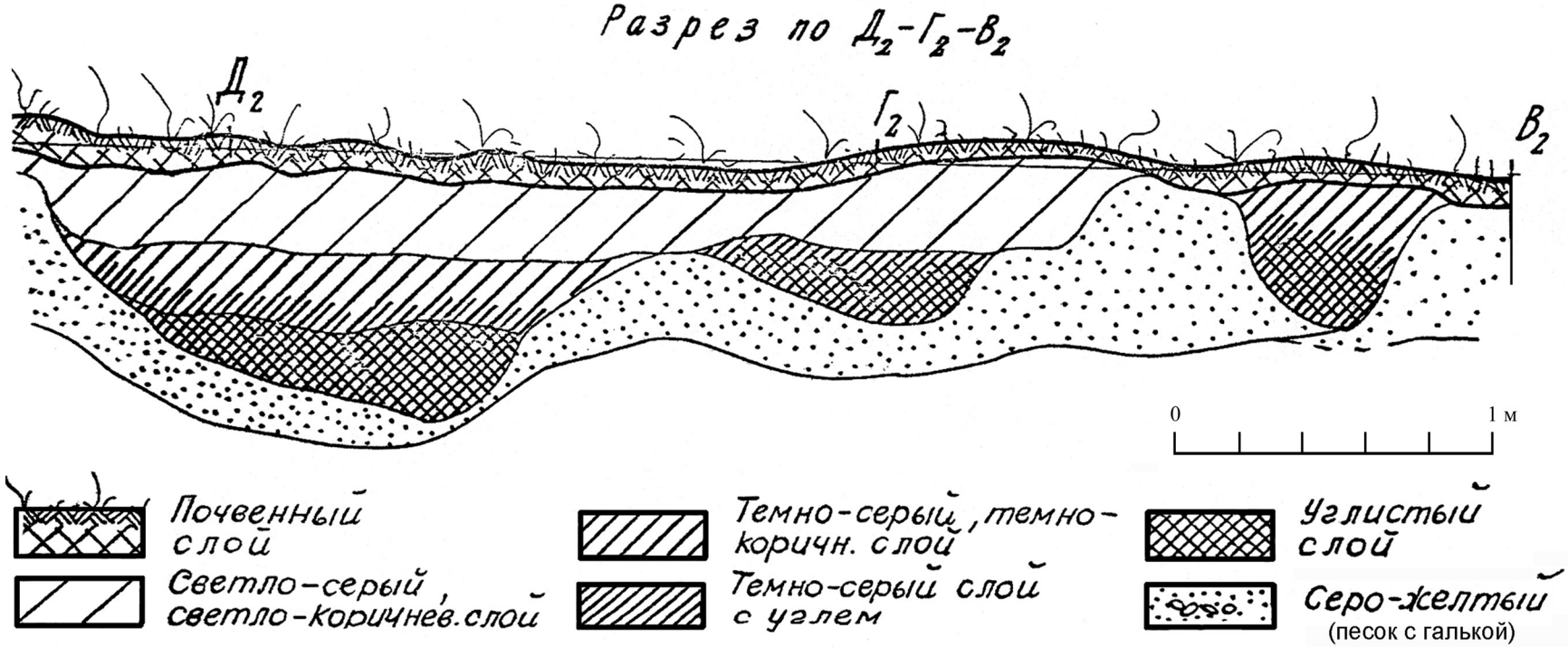


Рис. 44. Поселение Залесье 1-2. Разрез Д2 – Г2 – В2 (по Н.Н. Гуриной).

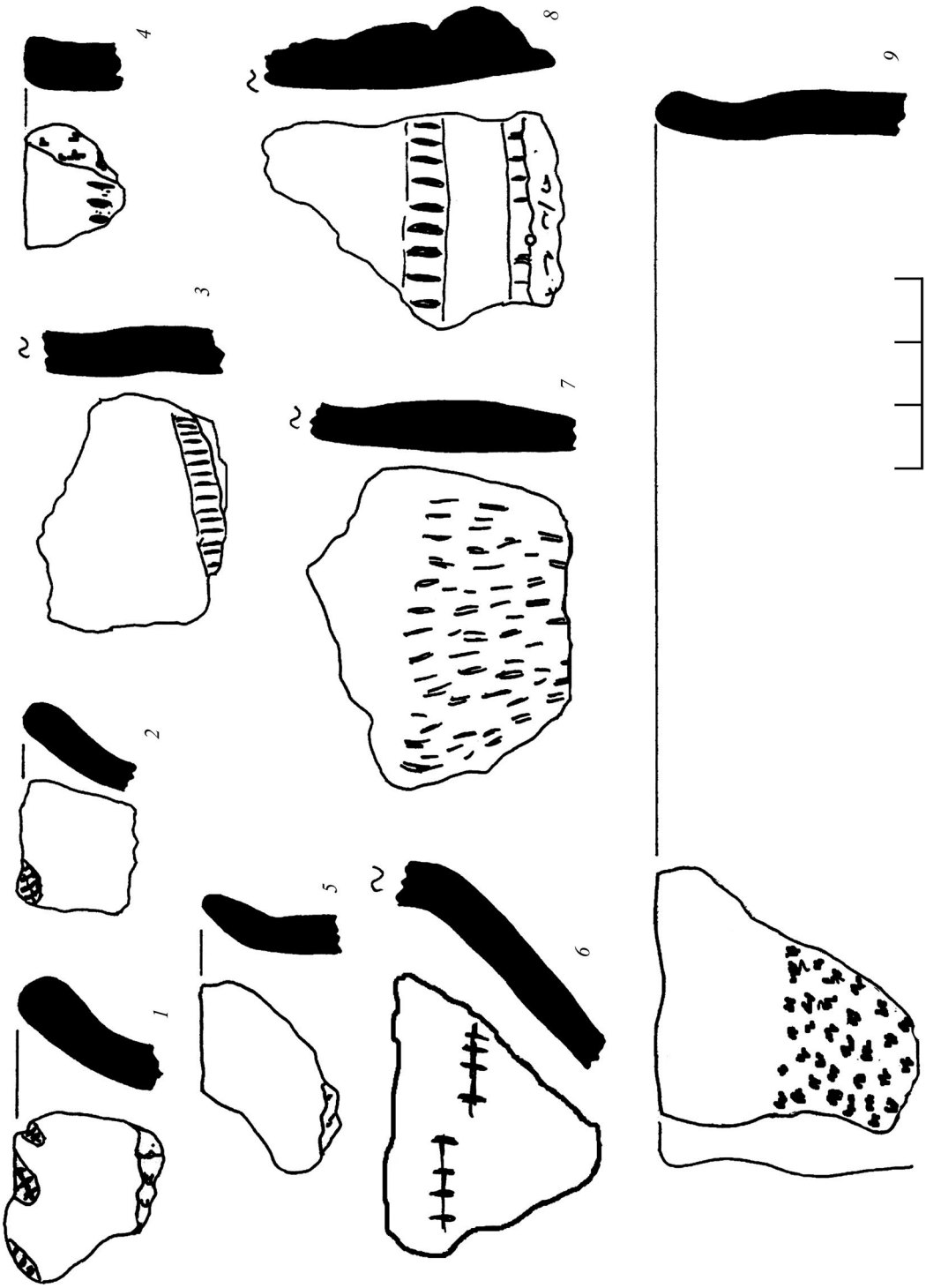


Рис. 45. Поселение Залесье 1-2. Лепная керамика раннего железного века.

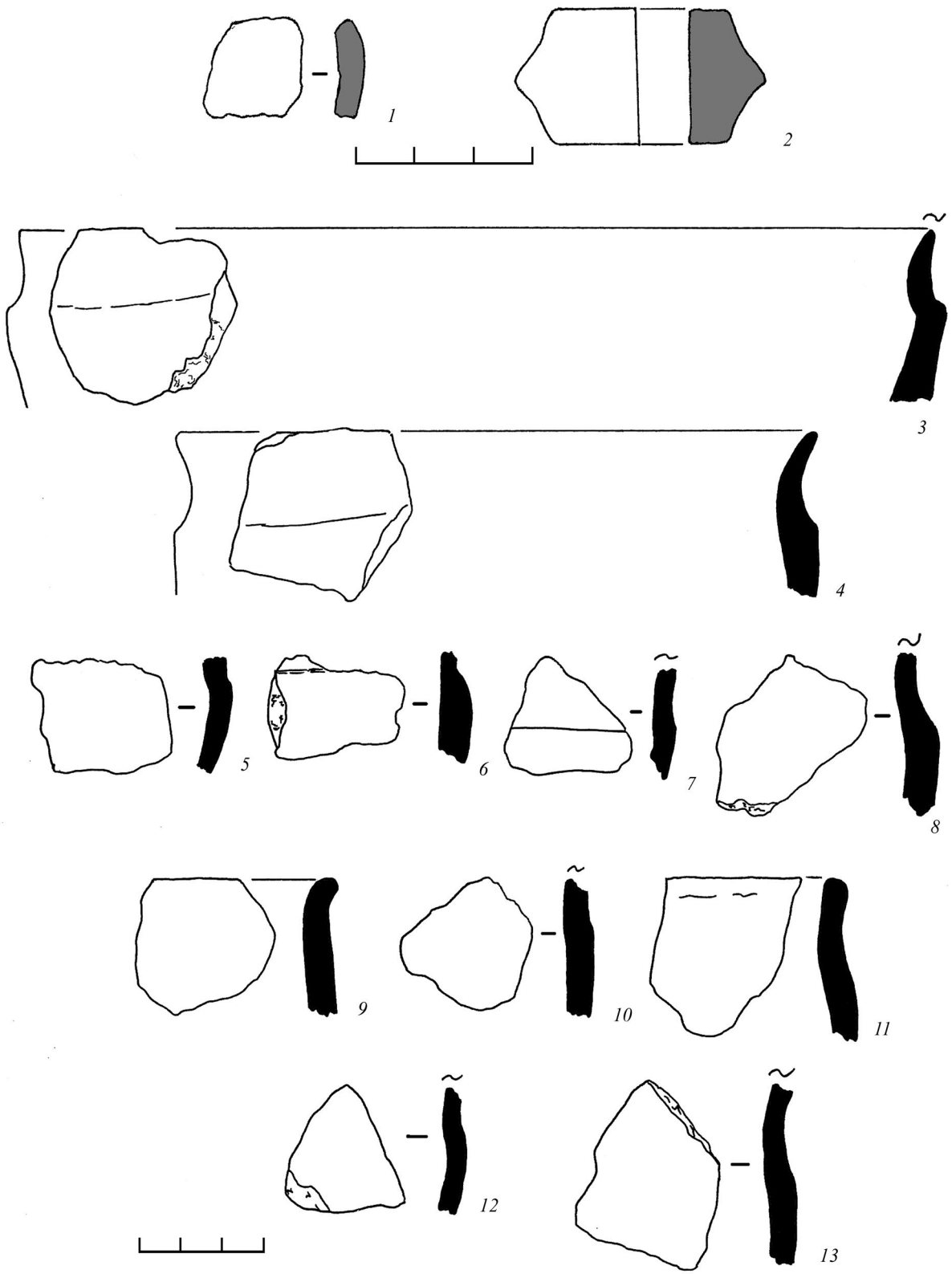


Рис. 46. Поселение Залесье 1-2. Глиняные изделия и раннесредневековая лепная керамика
1 – фрагмент пряслица или грузила; 2 – пряслице.

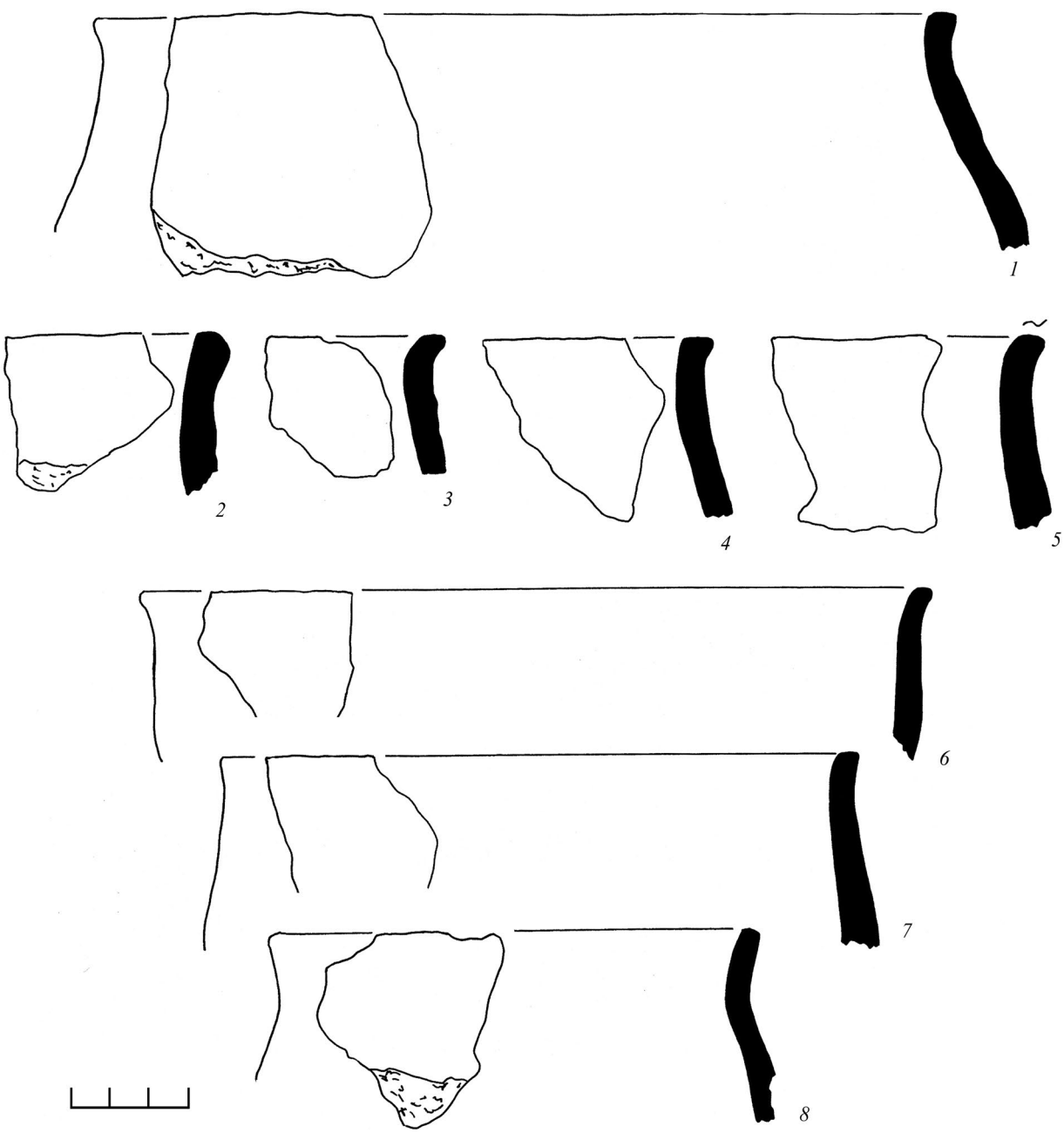


Рис. 47. Поселение Залесье 1-2. Раннесредневековая лепная керамика.

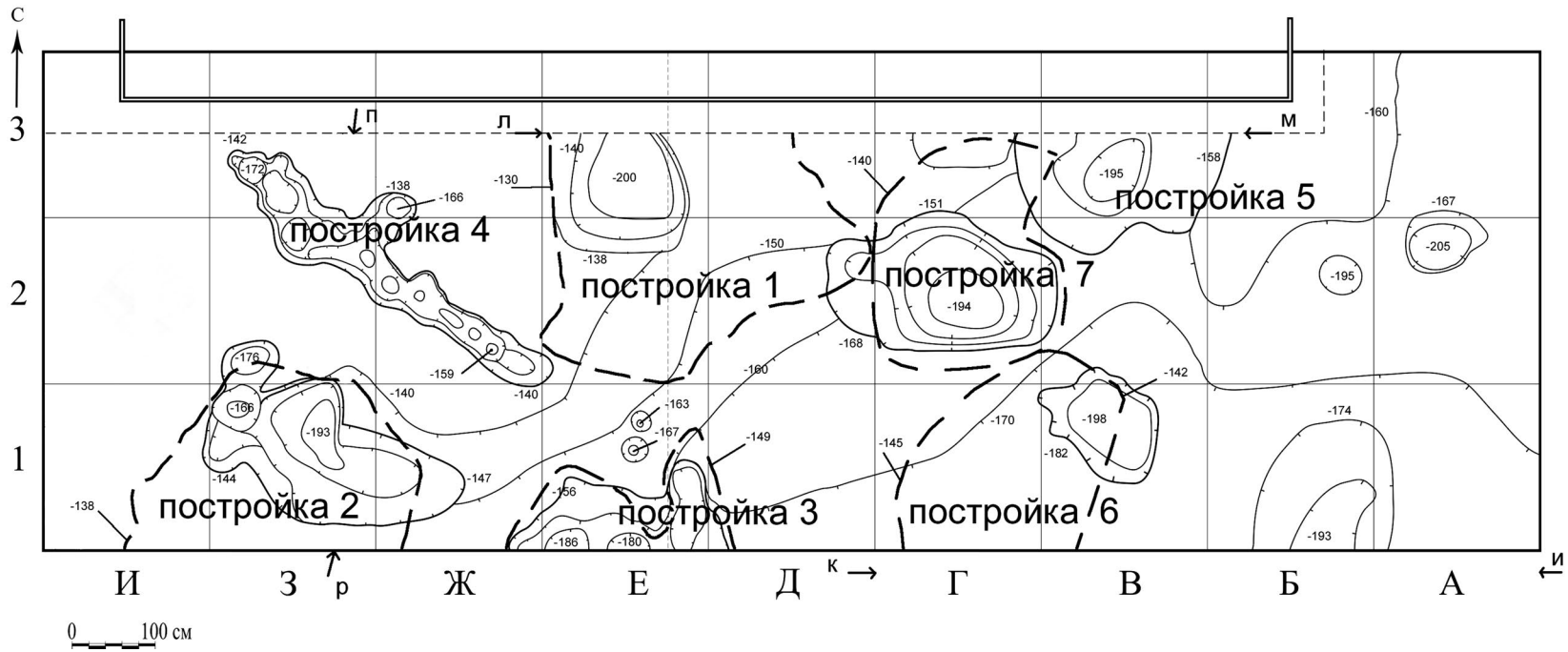


Рис. 48. Селище Пески 1. Местоположение обнаруженных остатков построек на раскопе. Материковые ямы и гумуссированные пятна на материке (по М.В. Волковой).

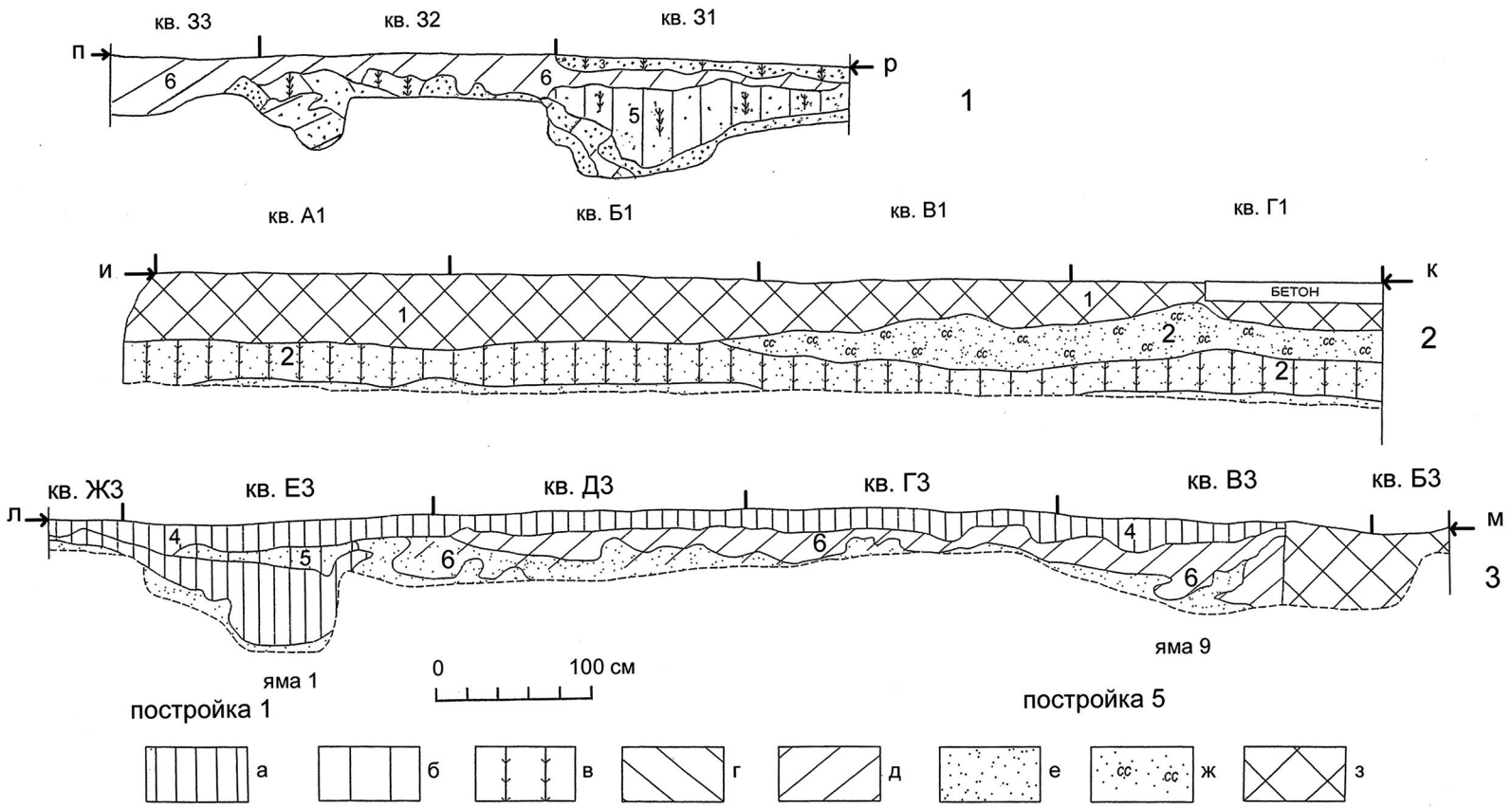


Рис. 49. Селище Пески 1. Схема культурных напластований и залегания условных слоев (по М.В. Волковой)
1 – стратиграфия дополнительной бровки, вид с З; 2 – стратиграфия части южной стенки раскопа, вид с С; 3 – стратиграфия северной стенки части раскопа, вид с Ю; а – черная супесь, б – темно-серая супесь; в – коричневая и темно-коричневая супесь; г – серая супесь; д – белёсая супесь, е – желтый песок; ж – светло-серый песок; з – переотложенный грунт.

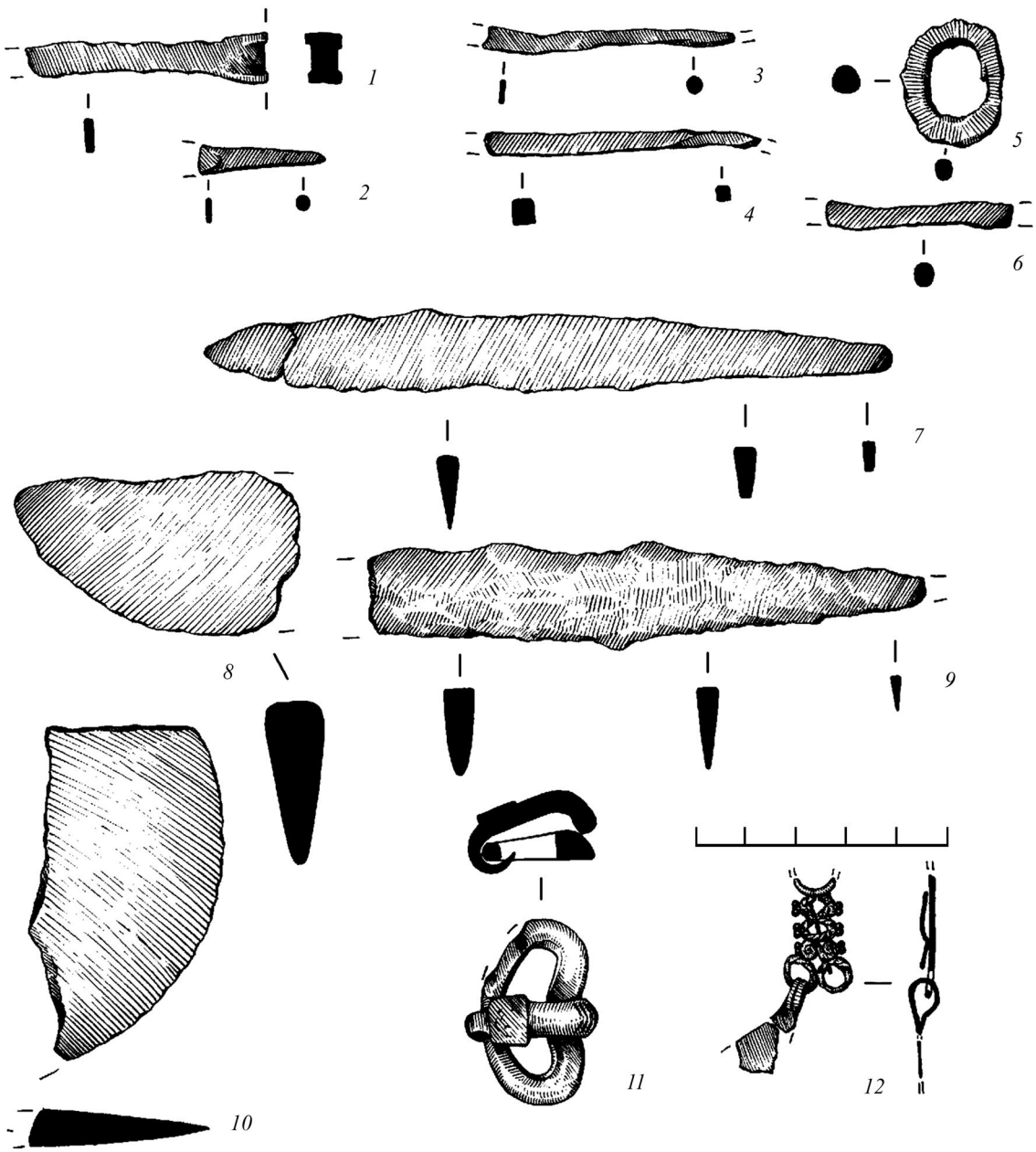


Рис. 50. Селище Пески 1. Вещевые находки (по М.В. Волковой)
1 – черенок ножа; 2-4, 6 – неопределимые предметы; 5 – пряжка; 7, 9 – ножи; 8 – лезвийная часть ножа; 10 – фрагмент лезвия топора; 11 – пряжка; 12 – фрагмент подвески с привеской (1-11 – железо; 12 – цветной металл).

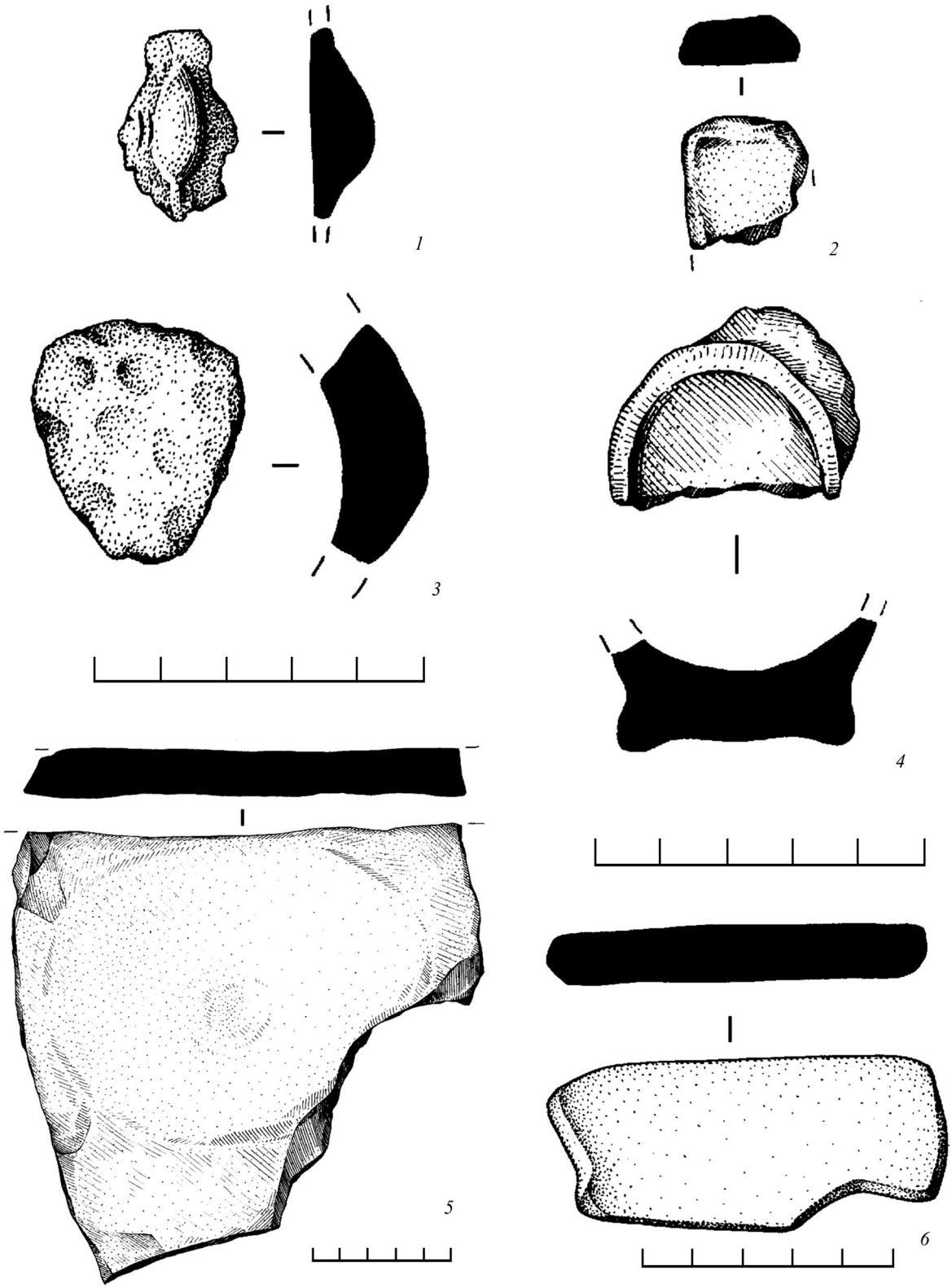


Рис. 51. Селище Пески 1. Вещевые находки (по М.В. Волковой)
1, 2 – неопределимые предметы; 3 – фрагмент тигля; 4 – камень-тёрочник; 6 – оселок (1-4 глина; 5, 6 – камень).

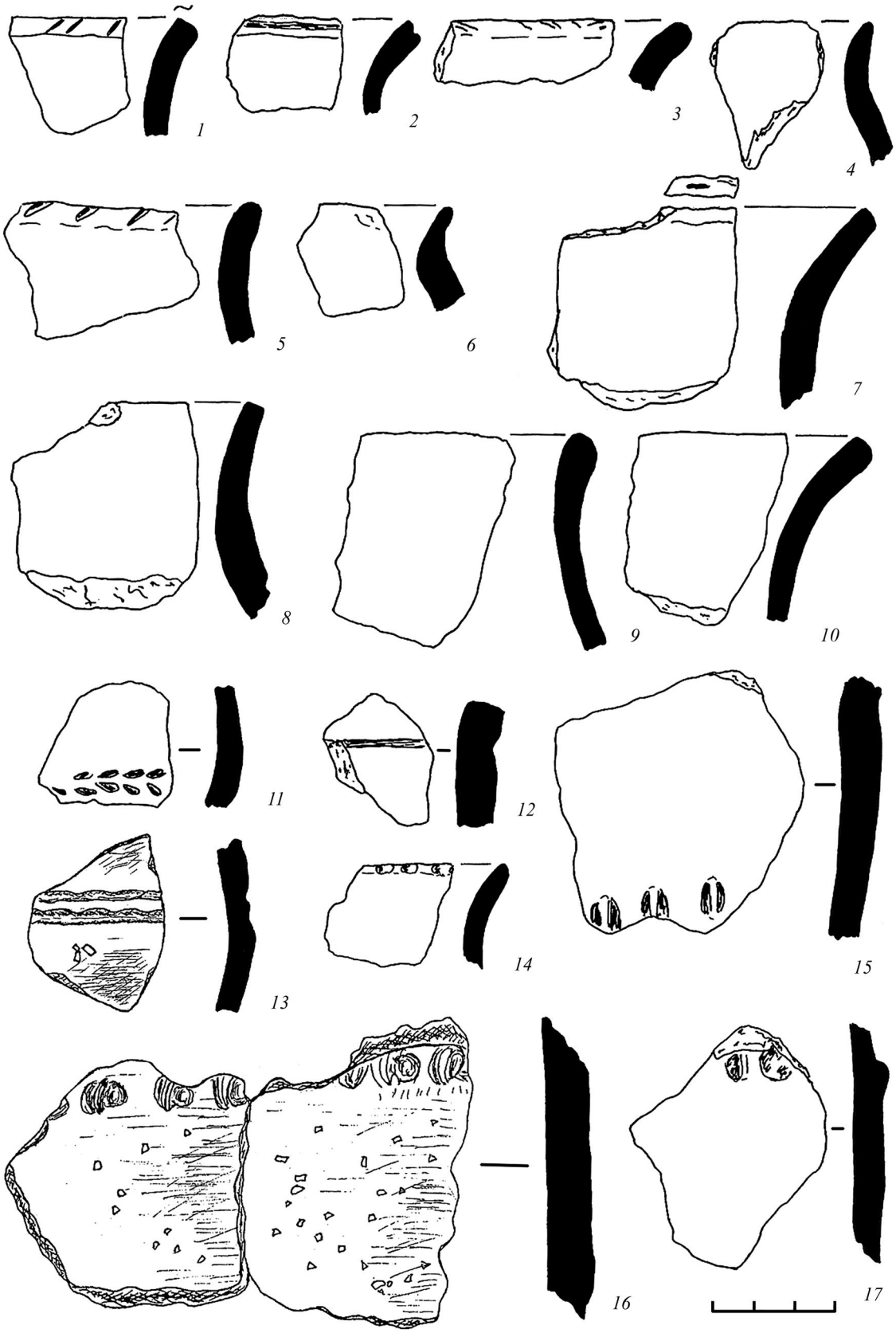


Рис. 52. Селище Пески 1. Лепная керамика раннего железного века.

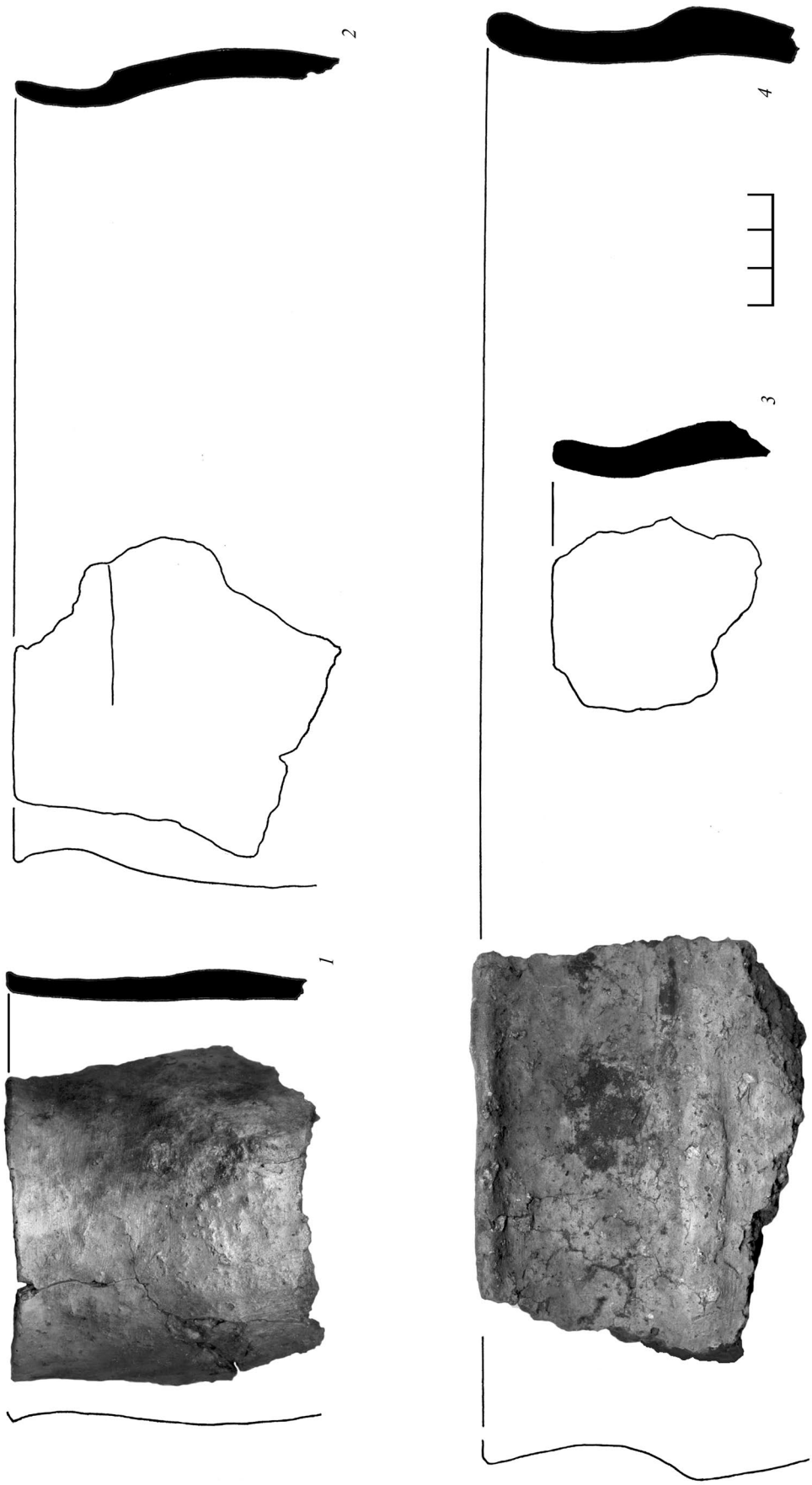


Рис. 53. Селище Пески1. Лепная керамика.

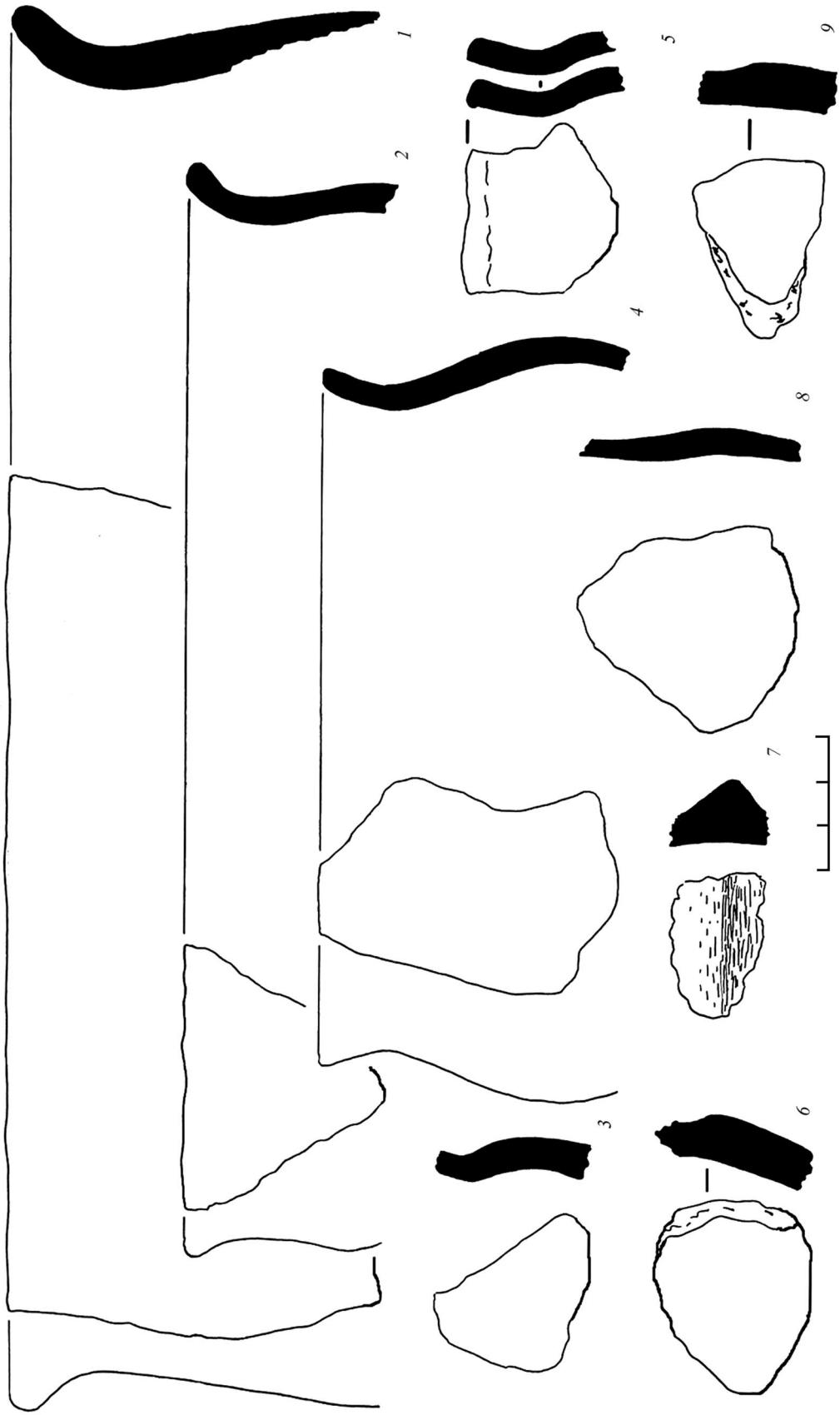


Рис. 54. Селище Пески1. Лепная раннесредневековая керамика.

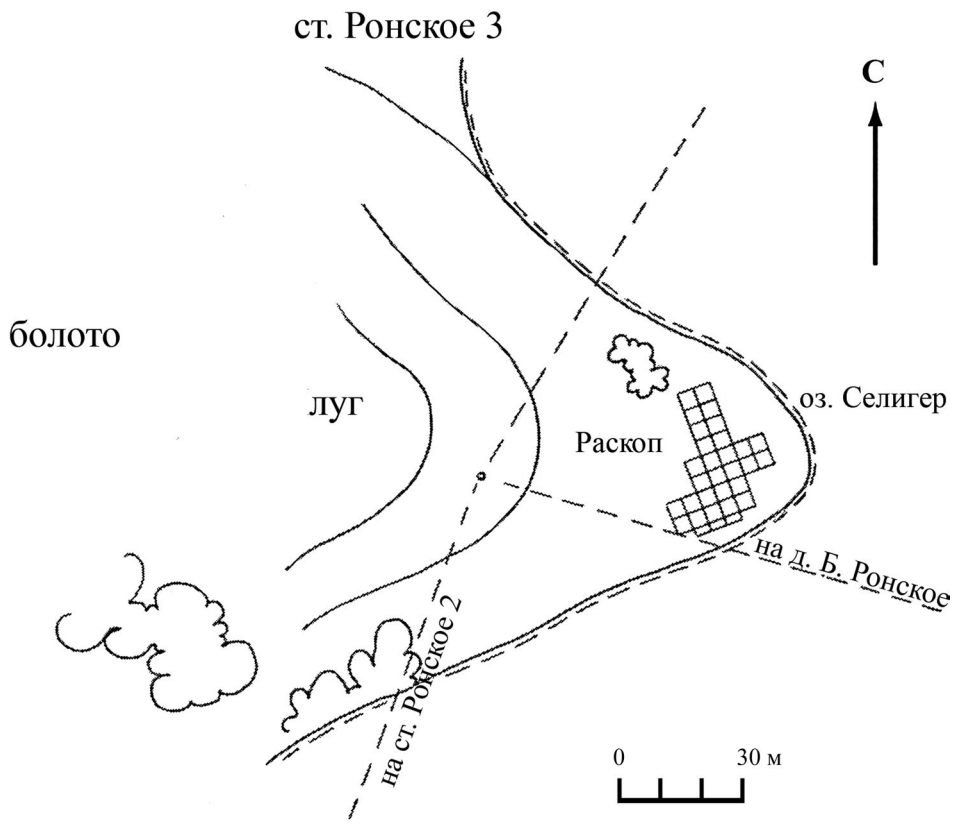


Рис. 55. Поселение Ронское 3. Раскоп (по Д.А. Крайнову).

Рис. 56. Вид от д. Ронское на поселения 1, 2, 3, 4 (по Д.А. Крайнову; нумерация на фото – римскими цифрами).

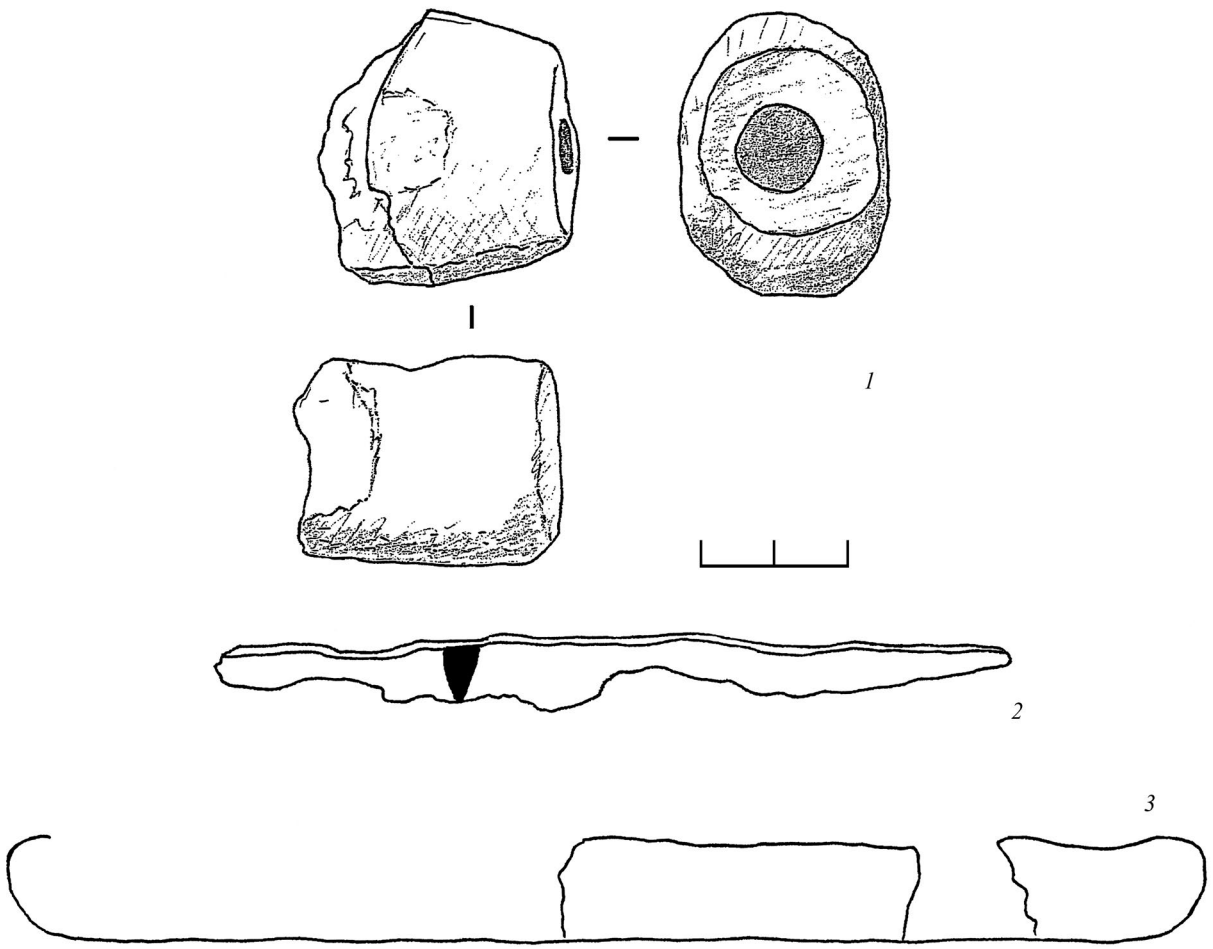


Рис. 57. Раннесредневековые находки с поселения Ронское 3
1 – фрагмент глиняной льячки; 2 – нож железный; 3 – фрагмент глиняной сковороды.

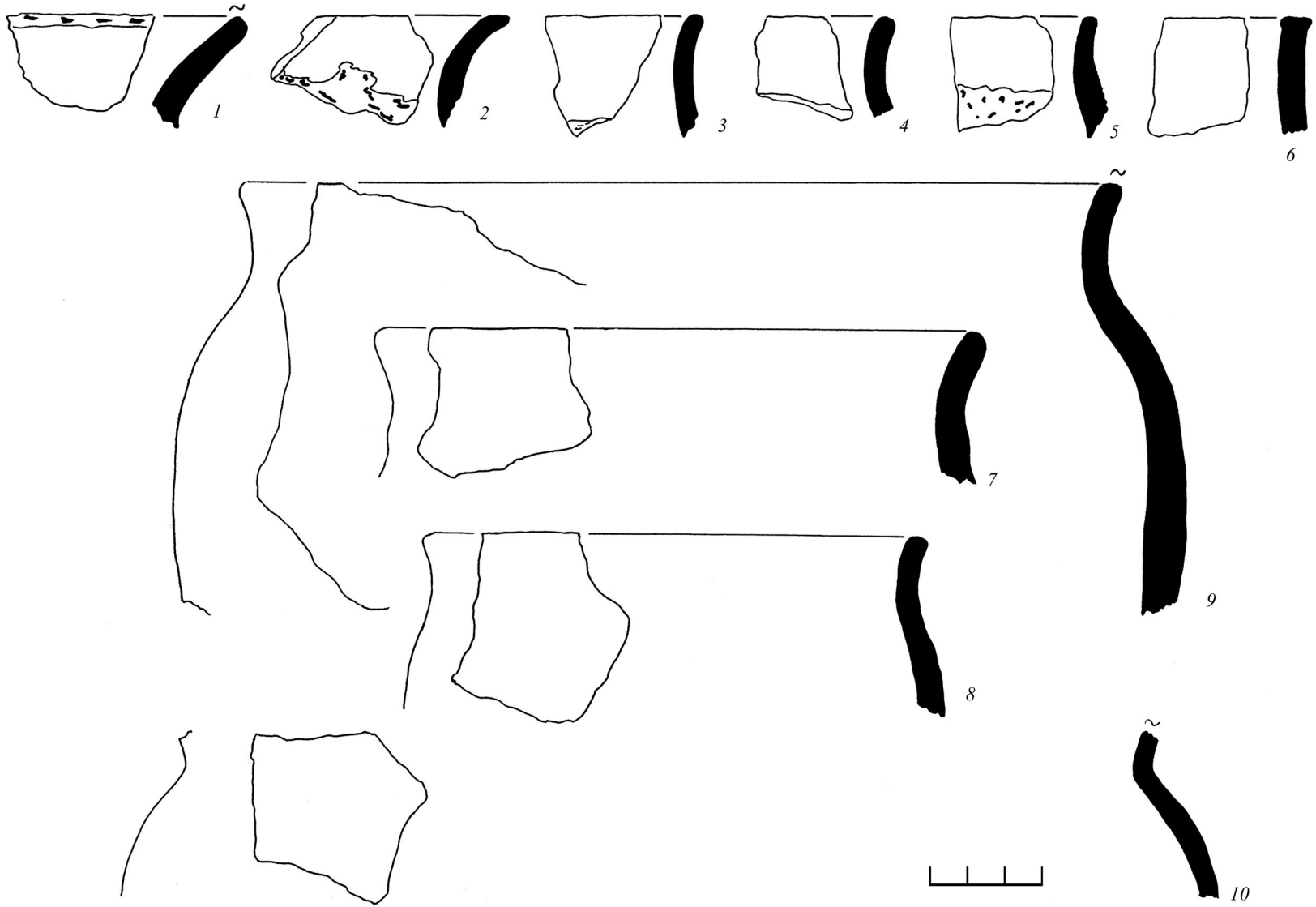


Рис. 58. Лепная керамика
1, 5-10 – поселение Ронское 3; 2-4 – поселение Ронское 1.

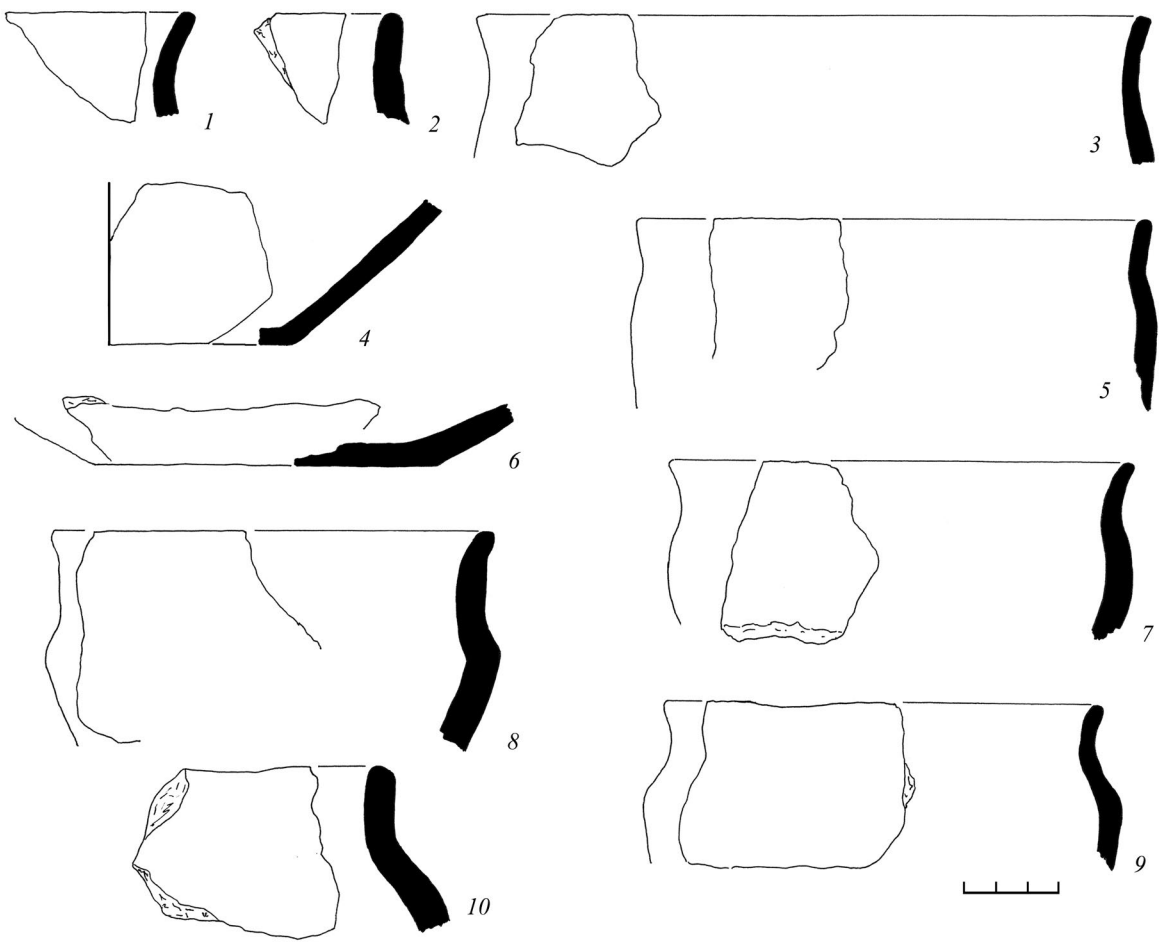


Рис. 59. Поселение Ронское 3. Лепная раннесредневековая керамика.

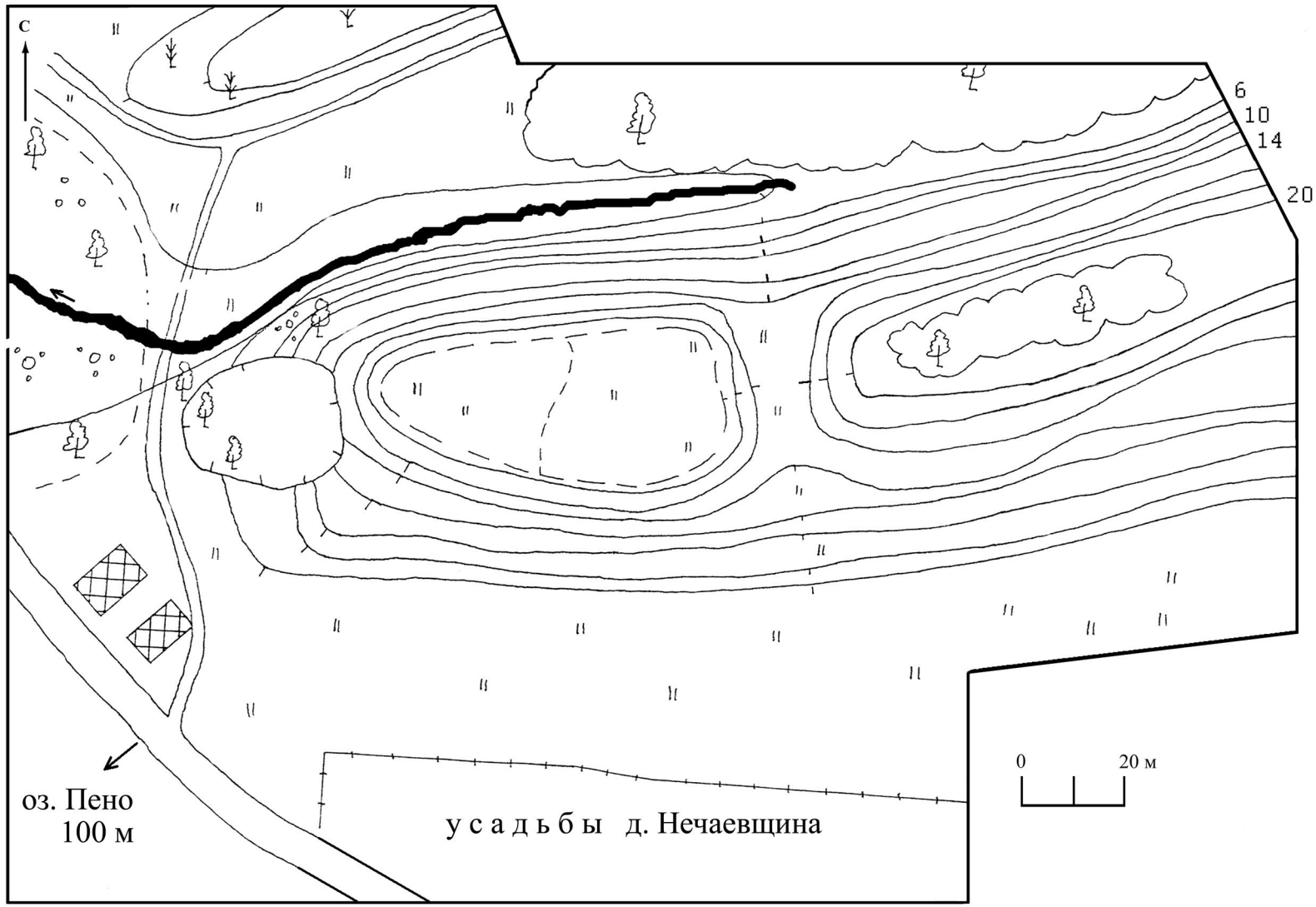


Рис. 60. Городище Нечаевщина (Нечай Городок). Глазомерный план.

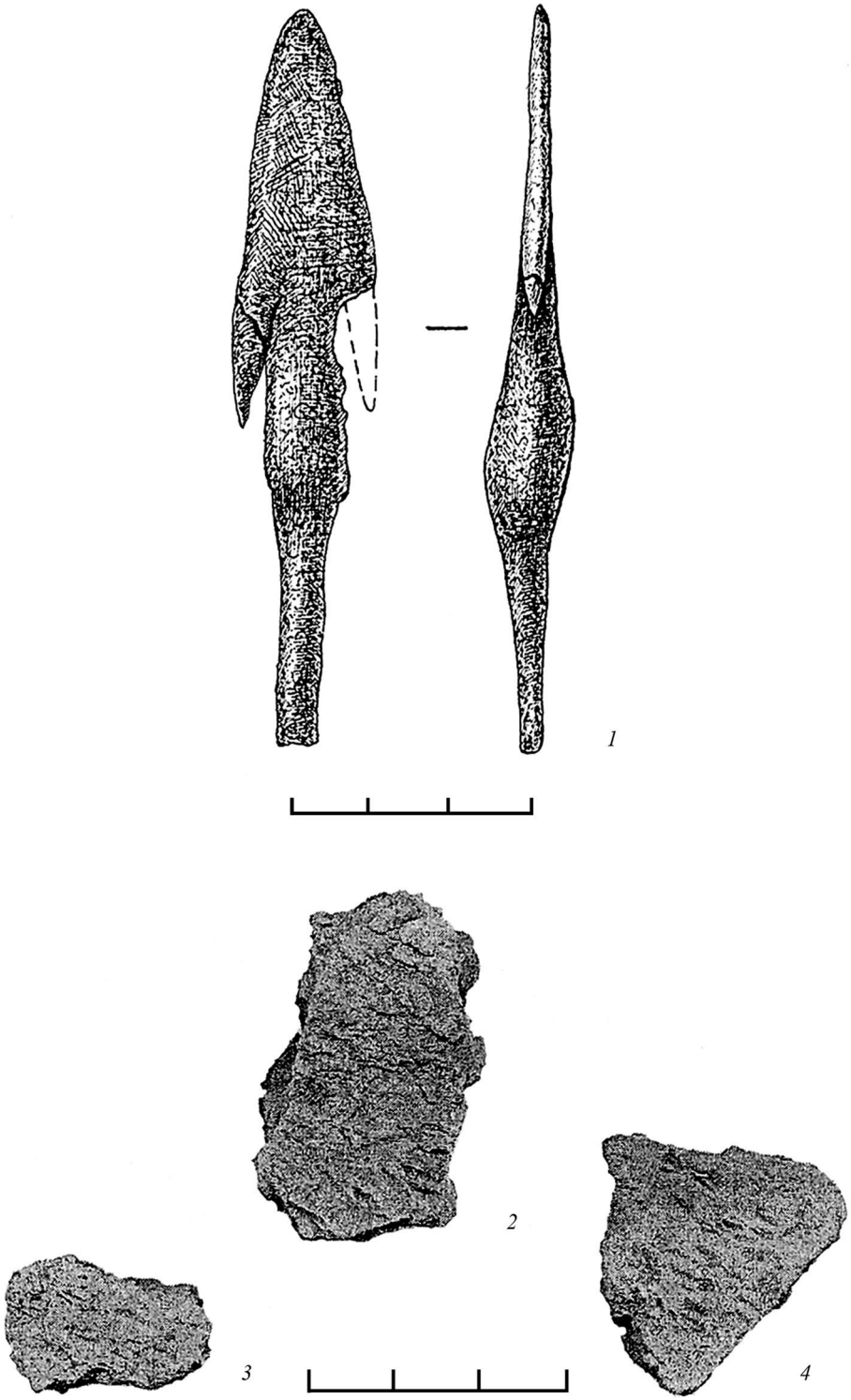


Рис. 61. Находки из нижнего слоя городища Нечаевщина
1 – железный наконечник дротика; 2-4 сетчатая керамика.

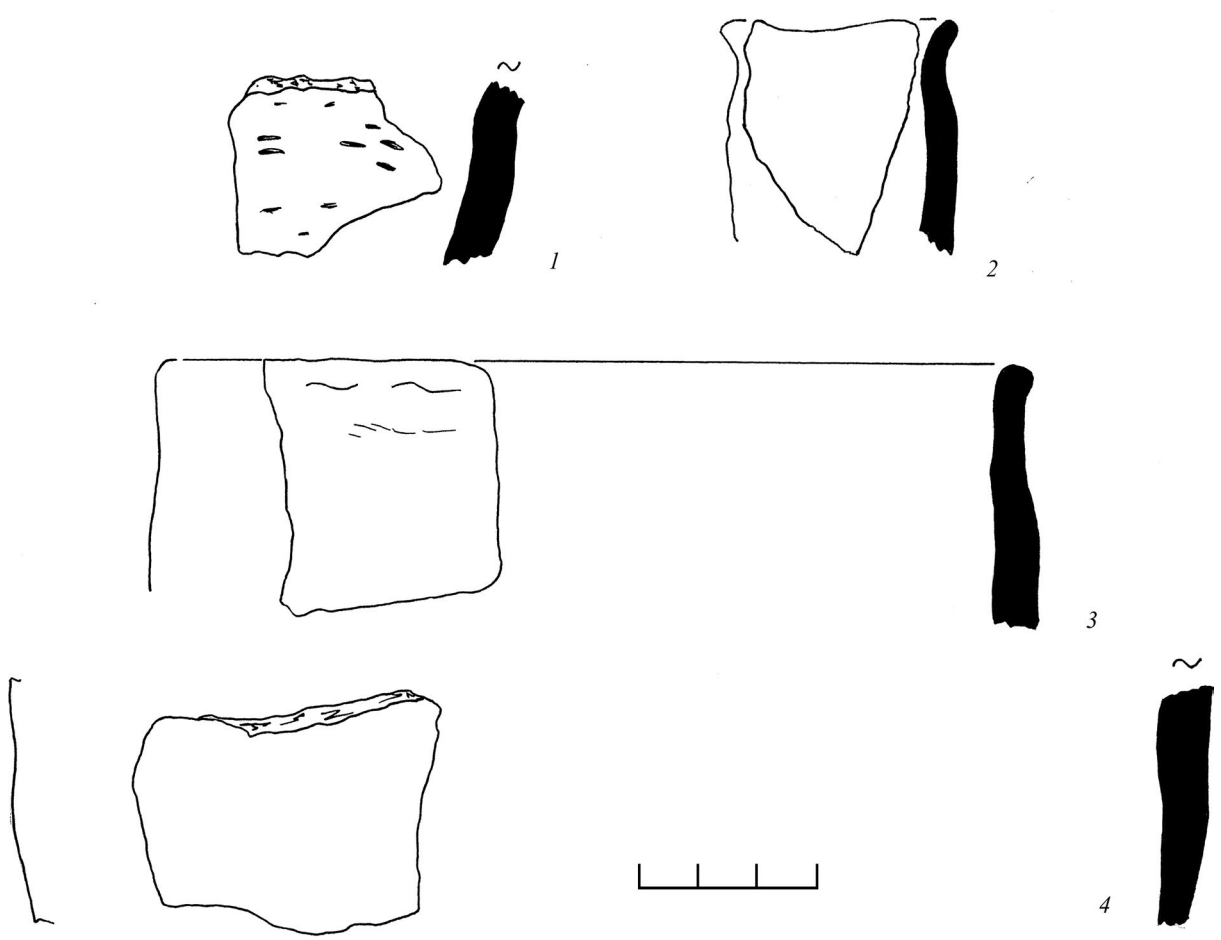


Рис. 62. Керамика поселения Тухачево
1 – сетчатая, 2 – 4 – гладкостенная.

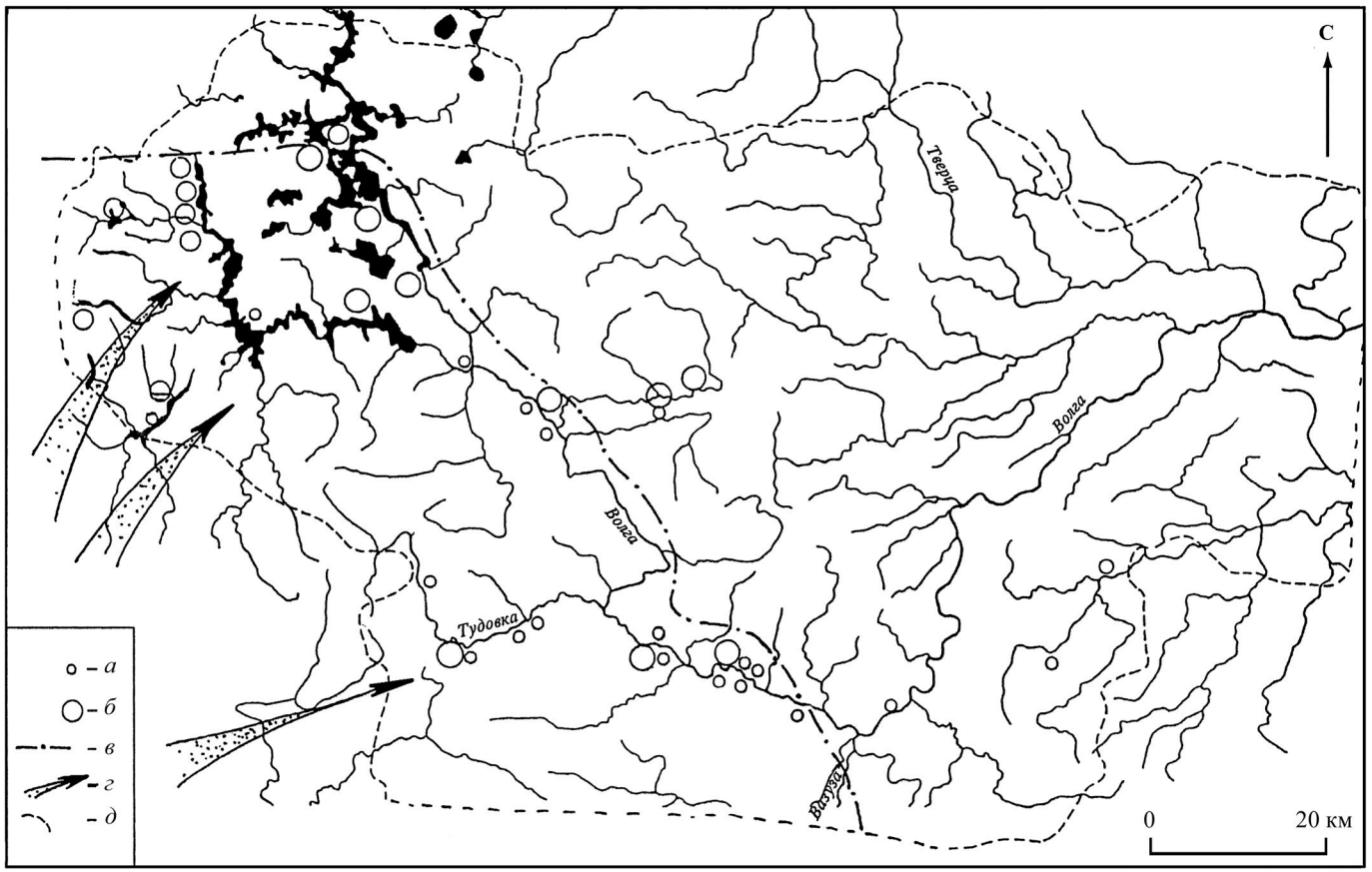
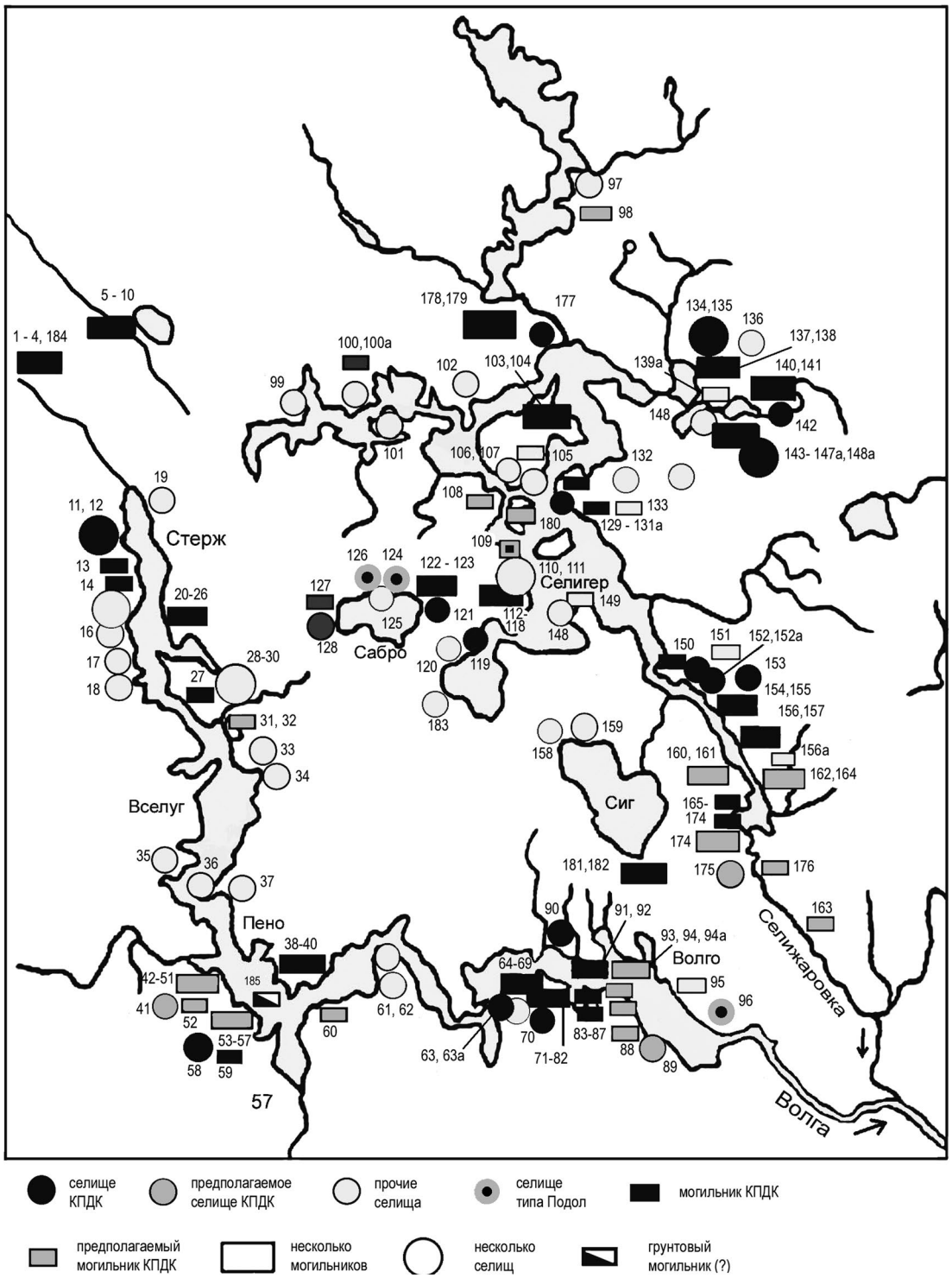


Рис. 63. Карта памятников КСДК (КСПДК – культуры смоленско-полоцких длинных курганов) в Верхневолжье (по О.М. Олейникову. 2002, рис. 18)

а – поселения конца 1 тыс. н.э.; б – курганные могильники; в – граница Смоленской земли («по А.Н. Насонову»); г – направление проникновения носителей КСПДК; д – граница анализируемой О.М. Олейниковым территории.



селище КПДК | предполагаемое селище КПДК | прочие селища | селище типа Подол | могильник КПДК

предполагаемый могильник КПДК | несколько могильников | несколько селищ | грунтовый могильник (?)

Рис. 64. Раннесредневековые памятники на озерах в верховьях Волги (нумерация – см. табл. 5, 6).

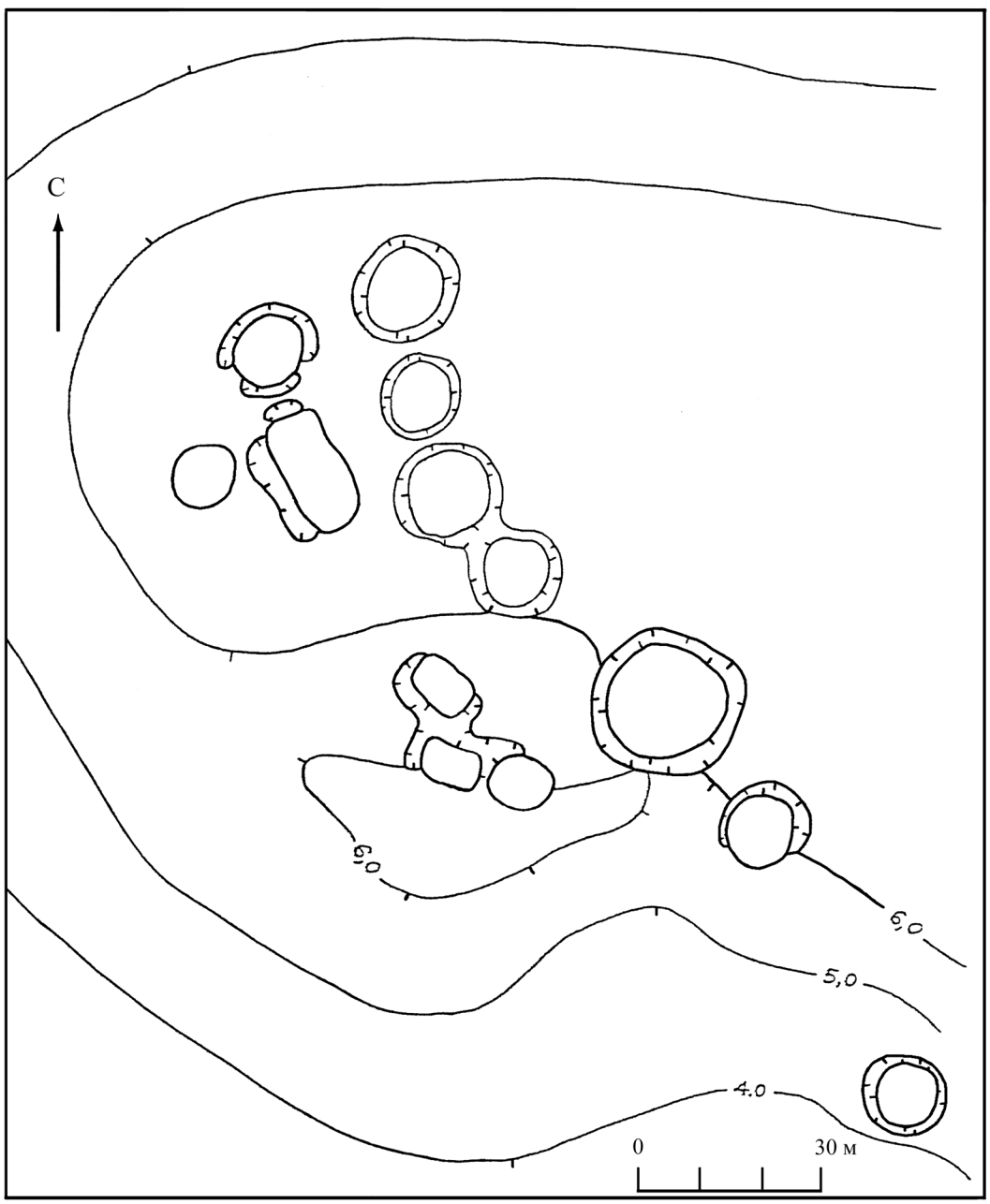


Рис. 65. Курганный могильник Конец 1 (по паспорту).

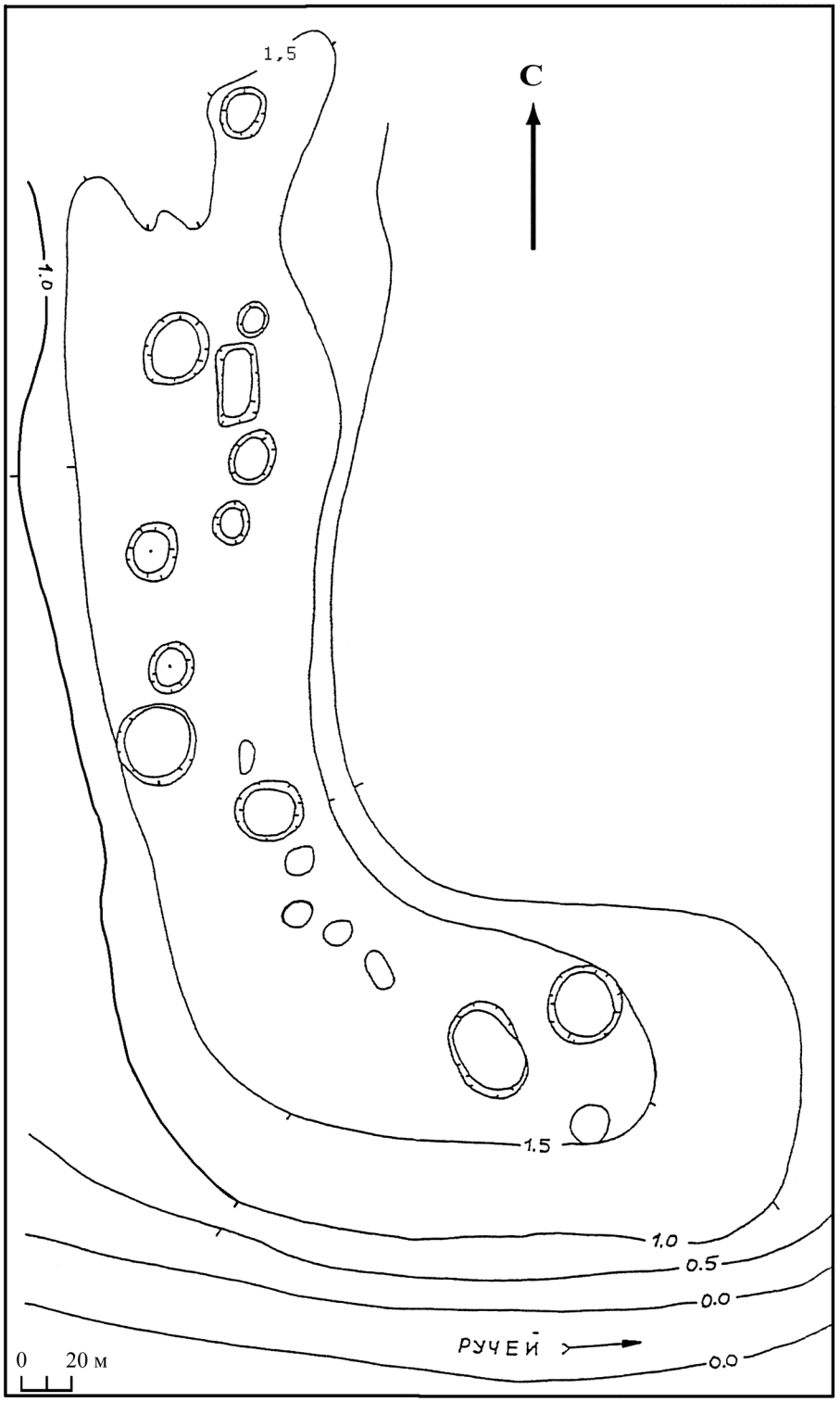


Рис. 66. Курганный могильник Конец 3 (по паспорту).

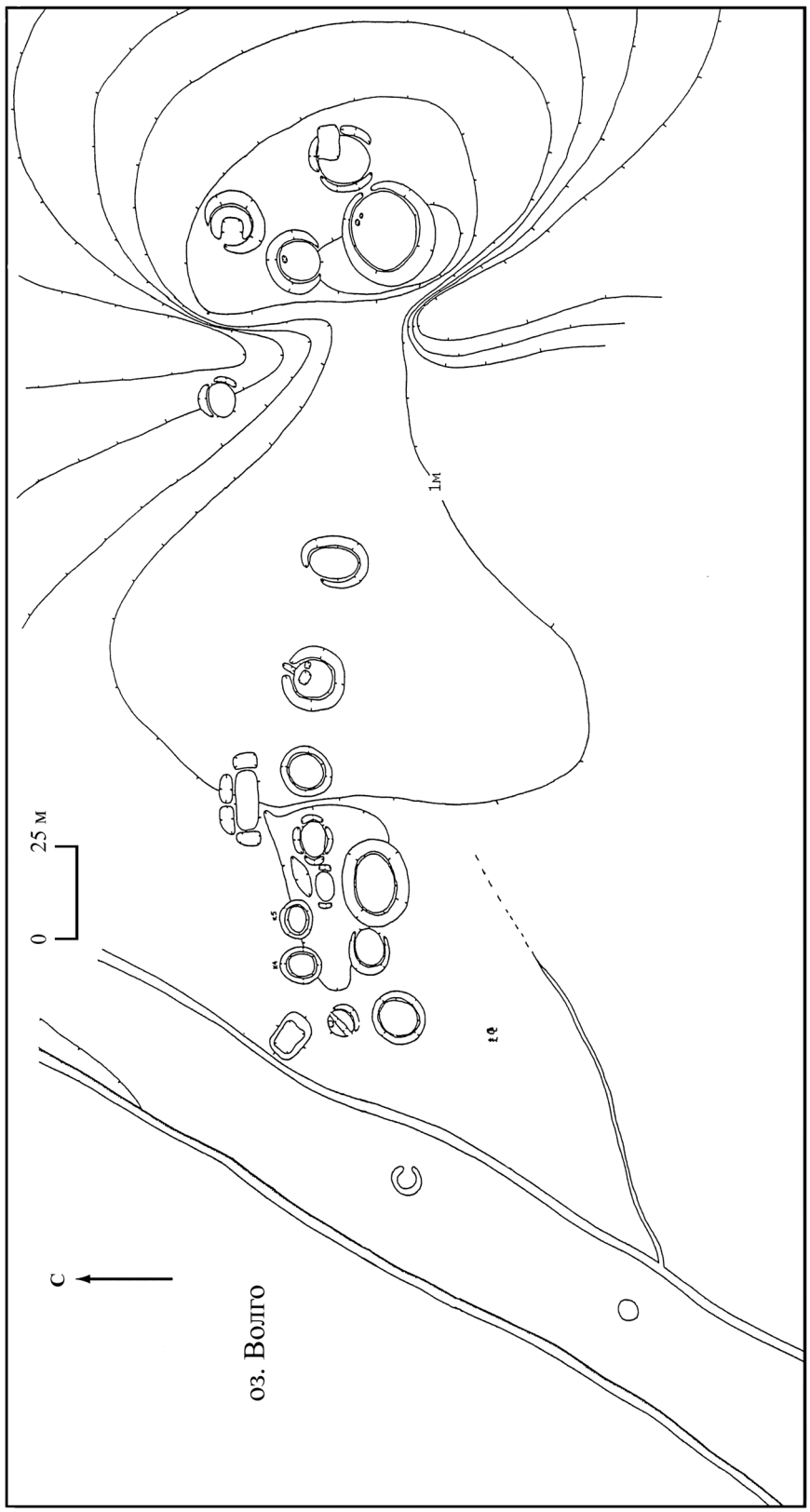


Рис. 67. Курганный могильник Тухачево 1 (по Е.А. Романовой).

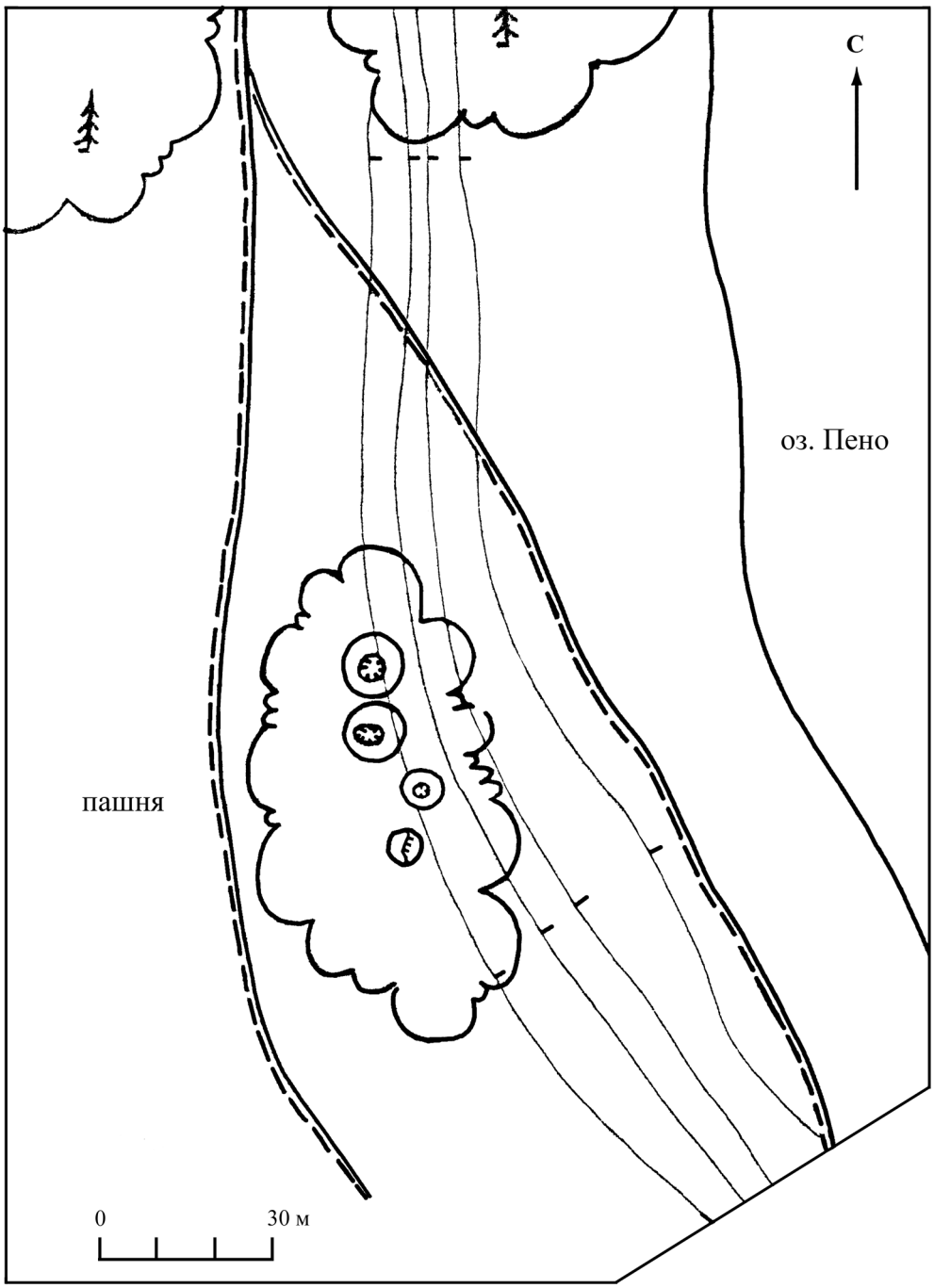


Рис. 68. Курганный могильник Гора (по паспорту).

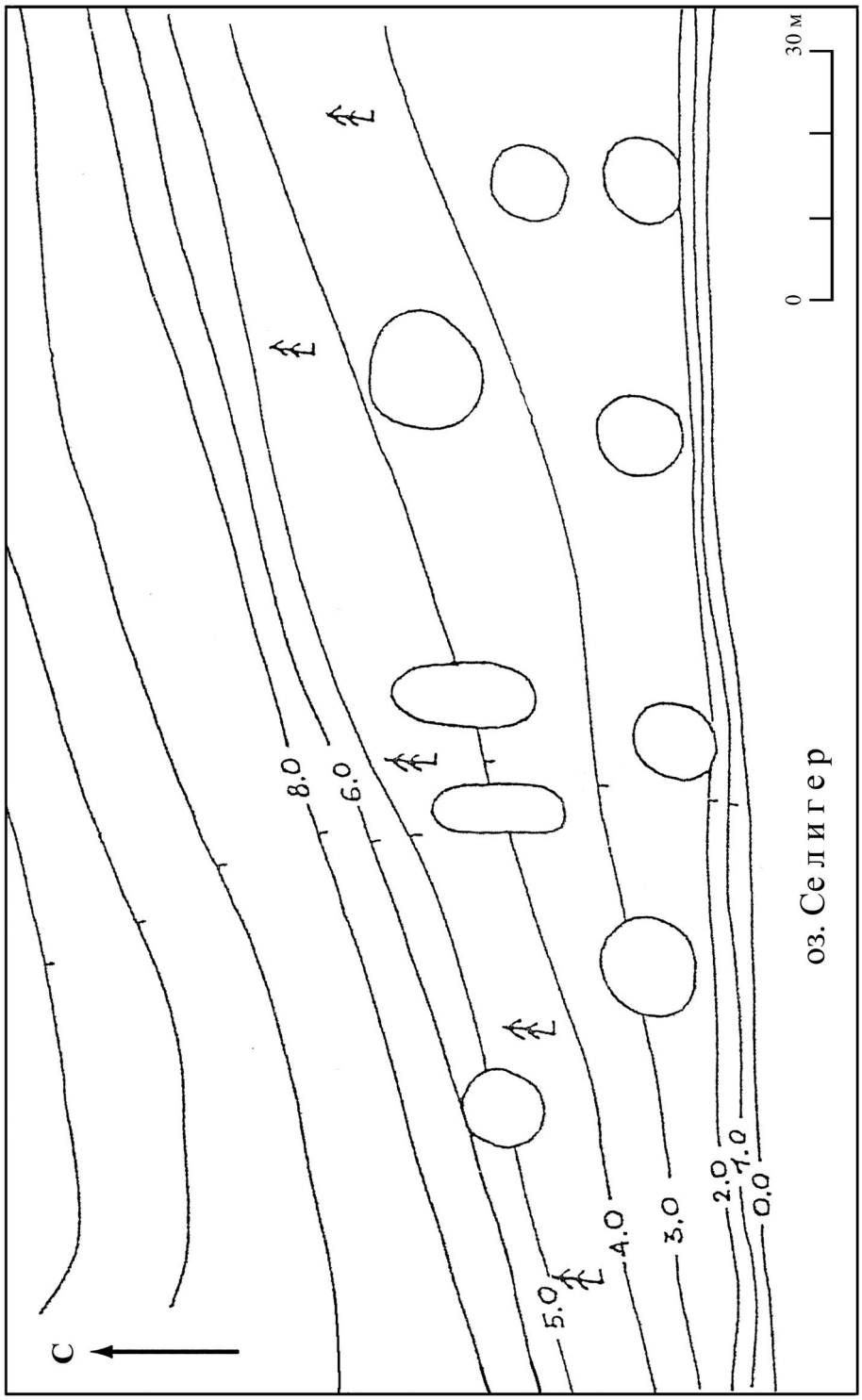


Рис. 69. Курганный могильник Залесье 1 (по паспорту).

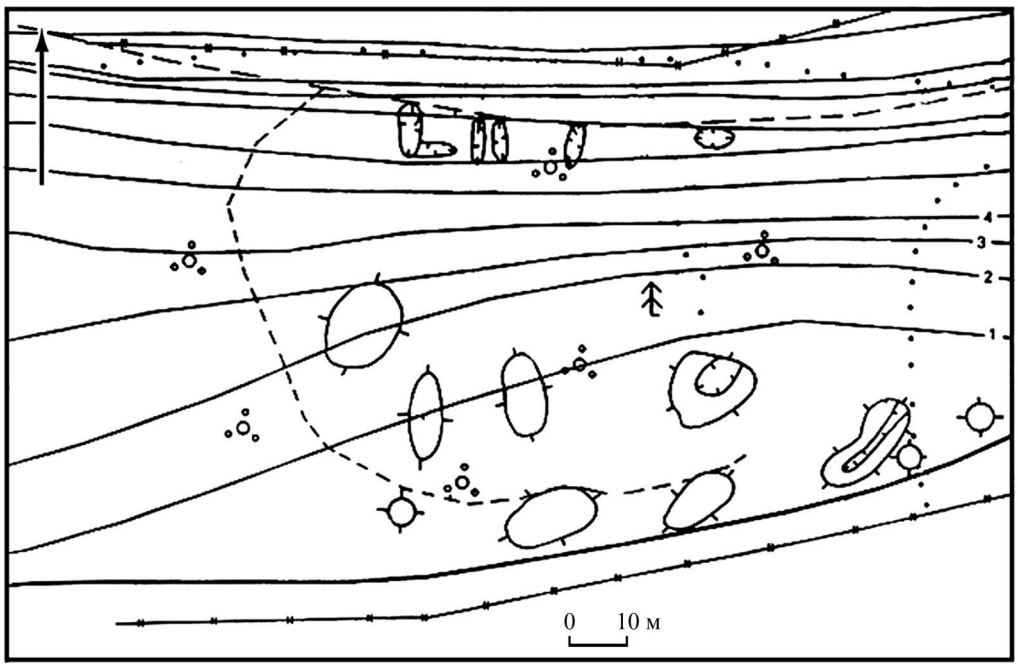


Рис. 70. Курганный могильник Залесье 1 (по А.Б. Сиволаповой).

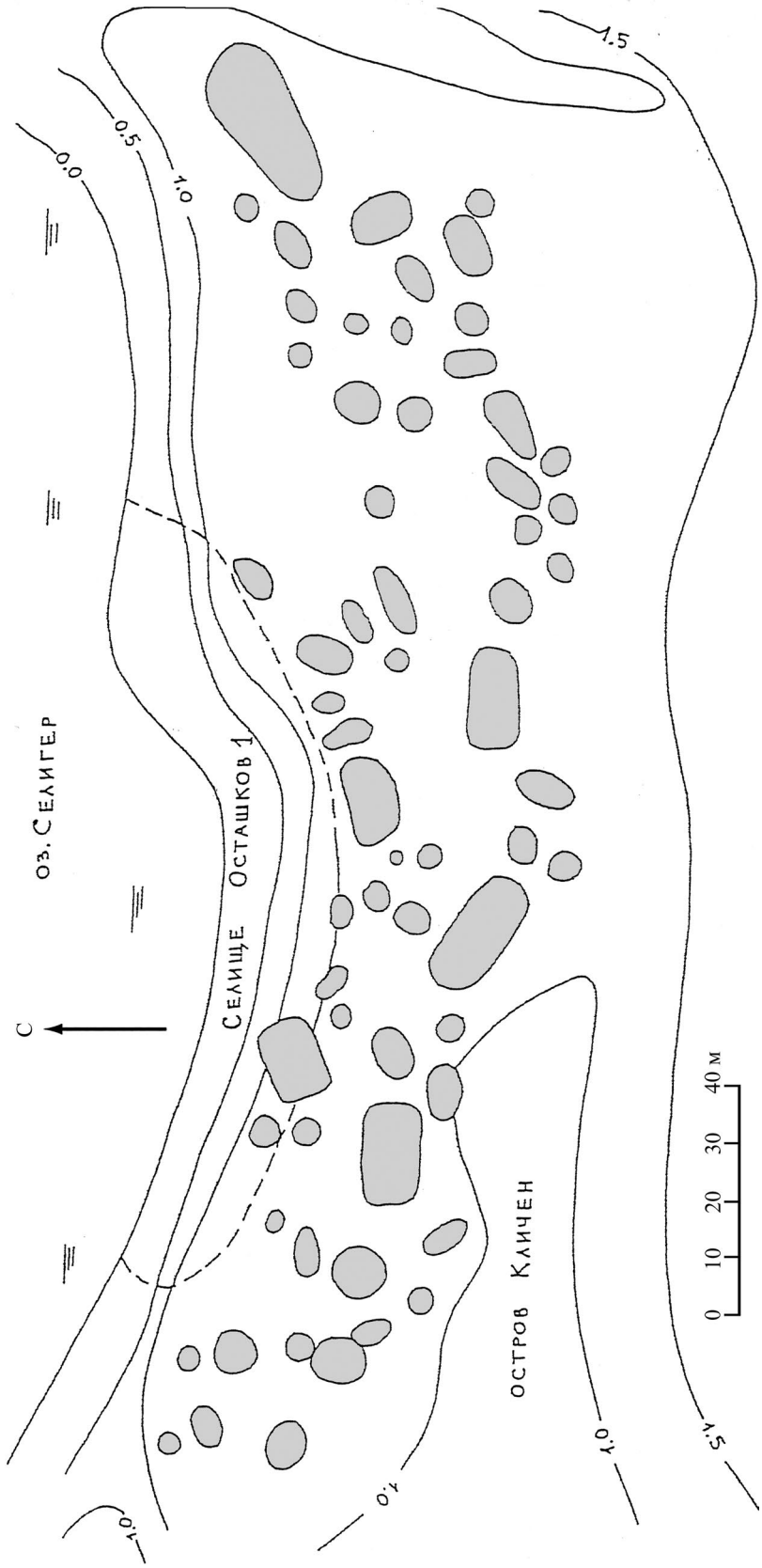


Рис. 71. Курганный могильник и селище Осташков.

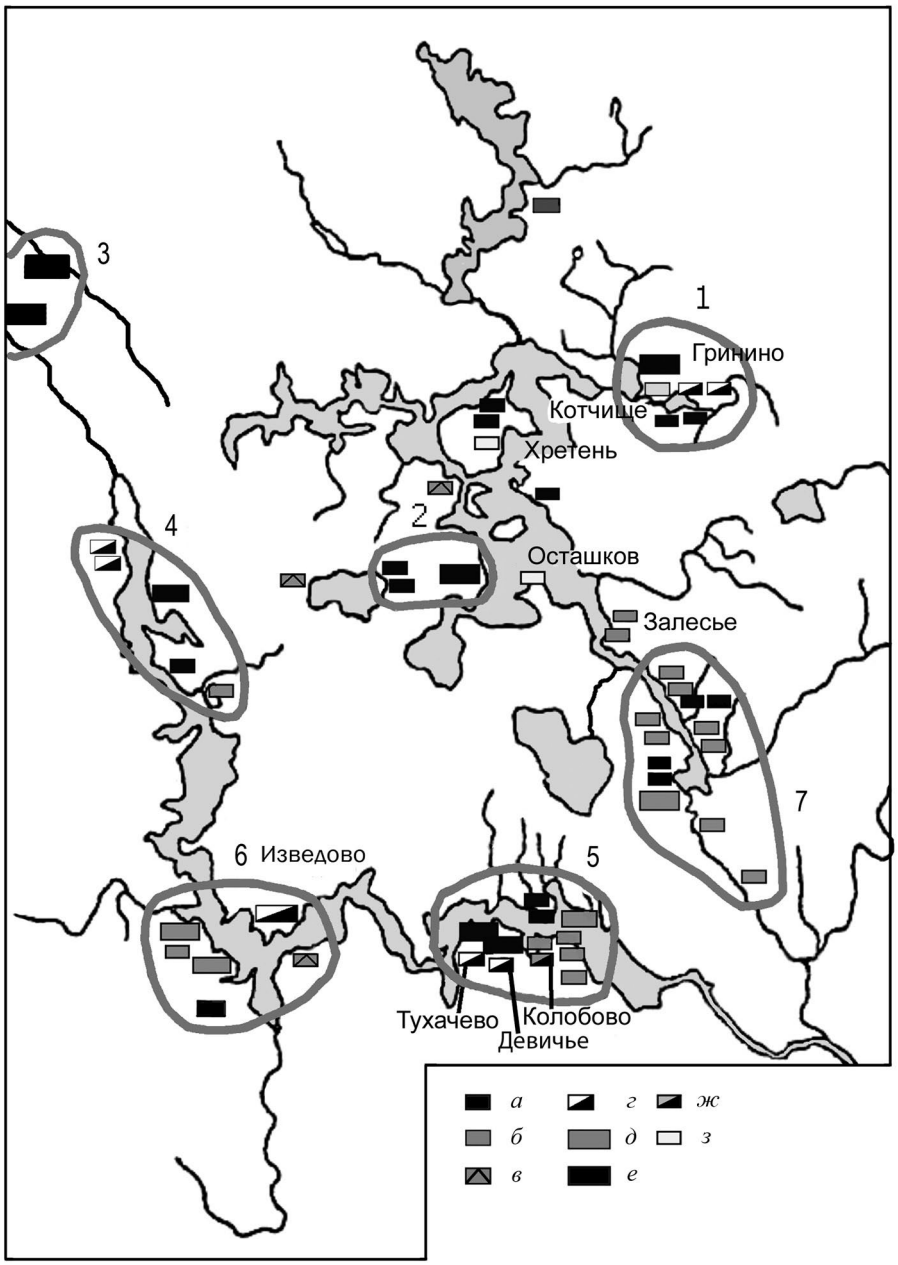


Рис. 72. Скопления курганных могильников, их культурная принадлежность и исследованные памятники

а – КПДК; б – предположительно отнесенные к КПДК; в – сопковидные курганы; г – производились раскопки; д, е – несколько могильников; ж – раскопанный курган с каменной конструкцией; з – могильники с неясной культурной принадлежностью.

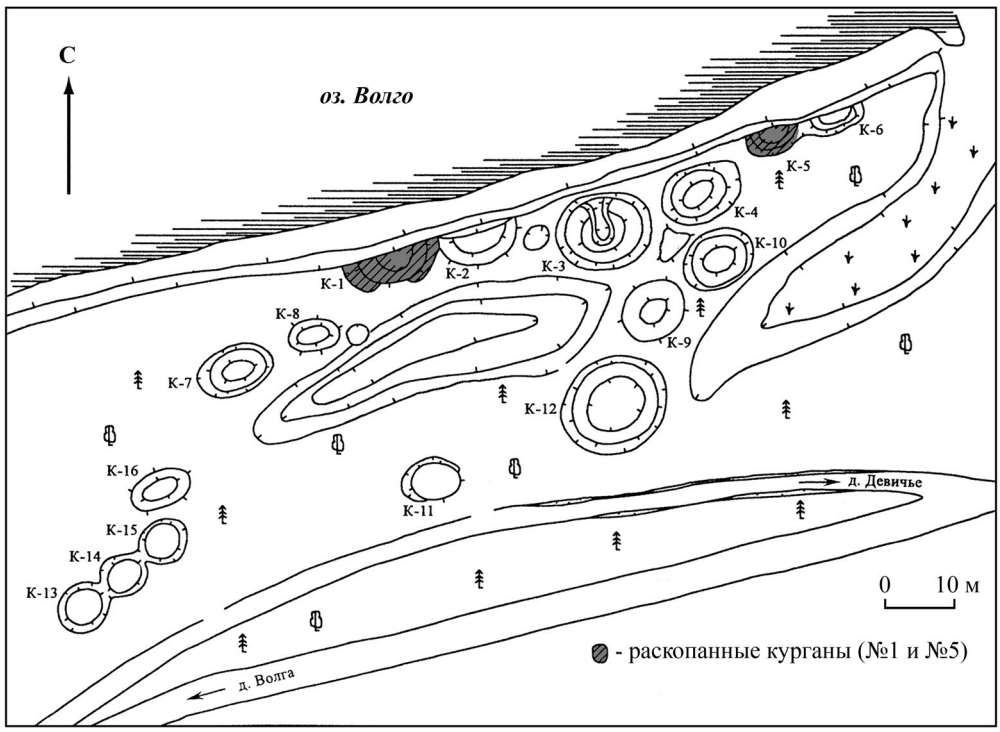


Рис. 73. Курганный могильник Девичье 4 (по О.М. Олейникову).

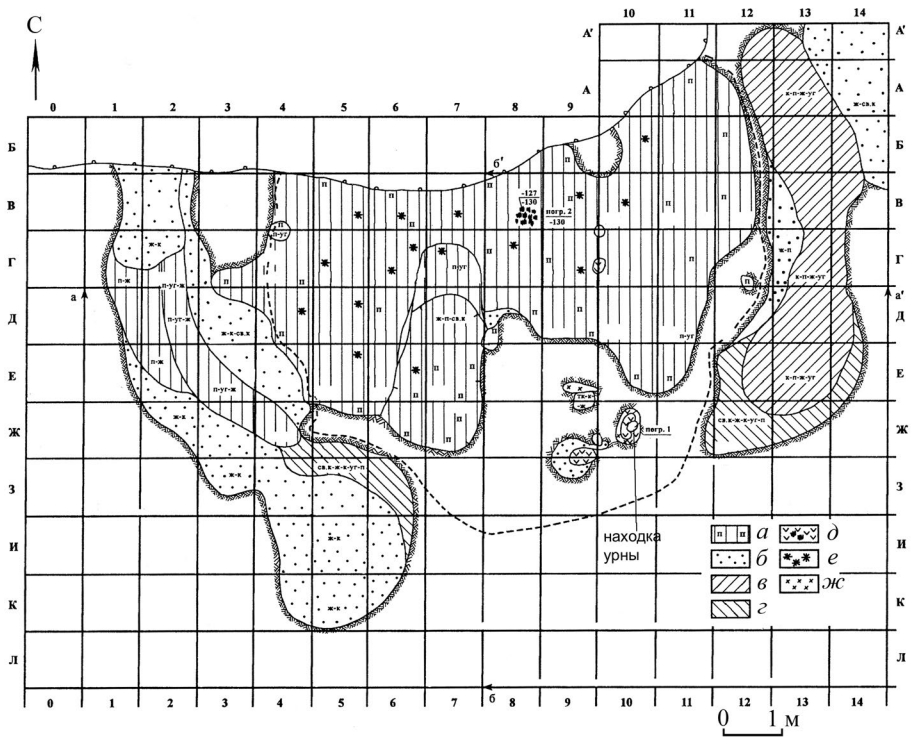


Рис. 74. Курганный могильник Девичье курган 1.
План на уровне предматерика (по О.М. Олейникову)
а – подзол; б – желтый песок; в – коричневый песок; г – светло-коричневый песок;
д – уголь; е – жженые кости; ж – кремневые отщепы.

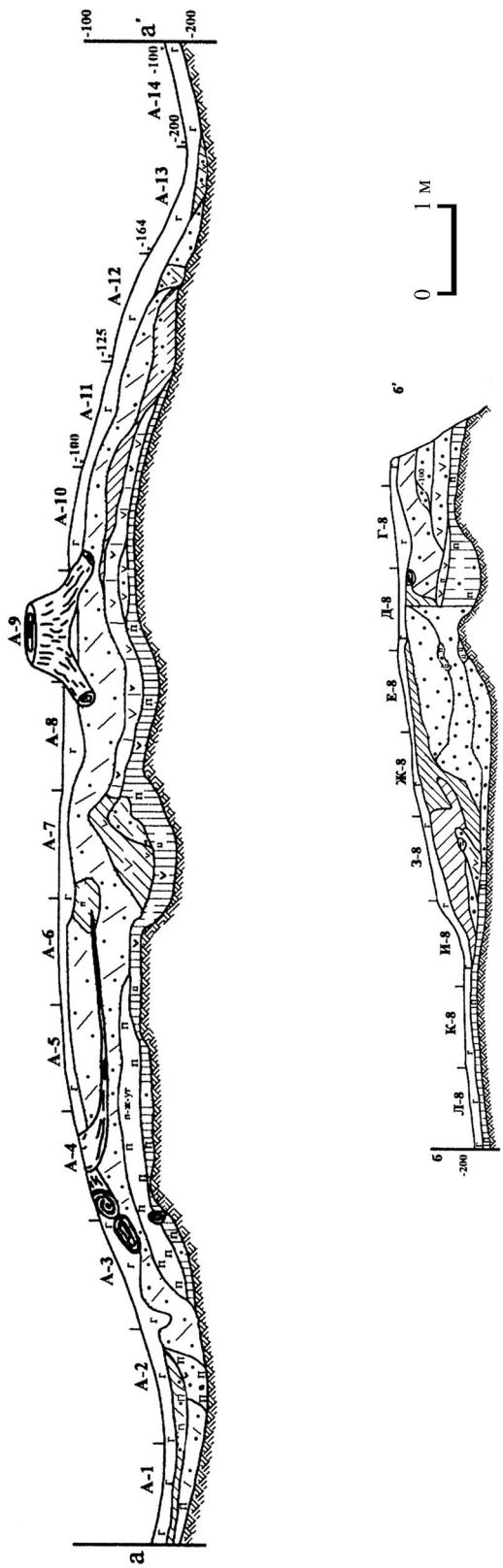


Рис. 75. Курганный могильник Девичье курган 1. Стратиграфические разрезы.

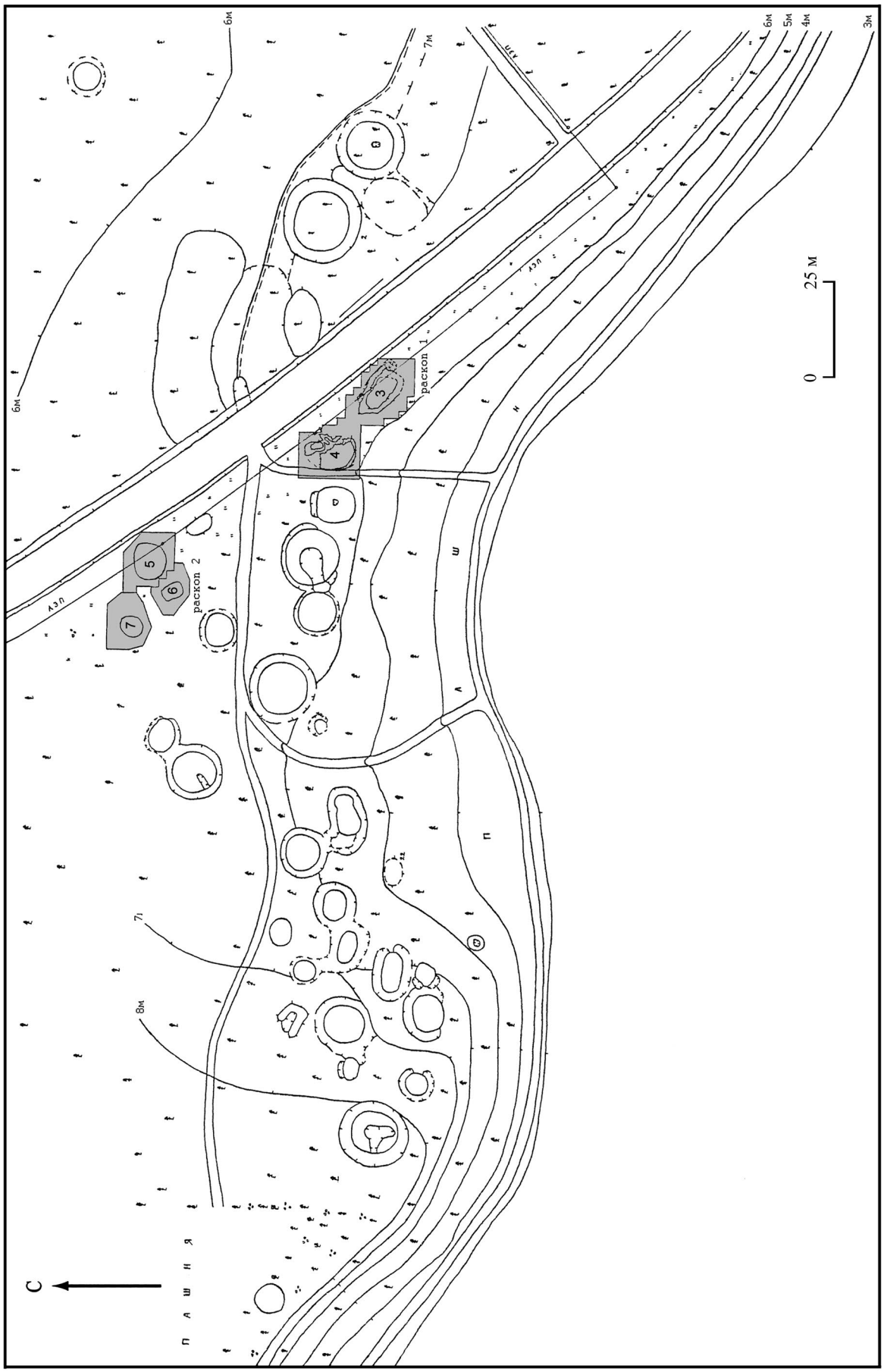


Рис. 76. Курганный могильник Гринино 1 с раскопами (по И.В. Исламовой).

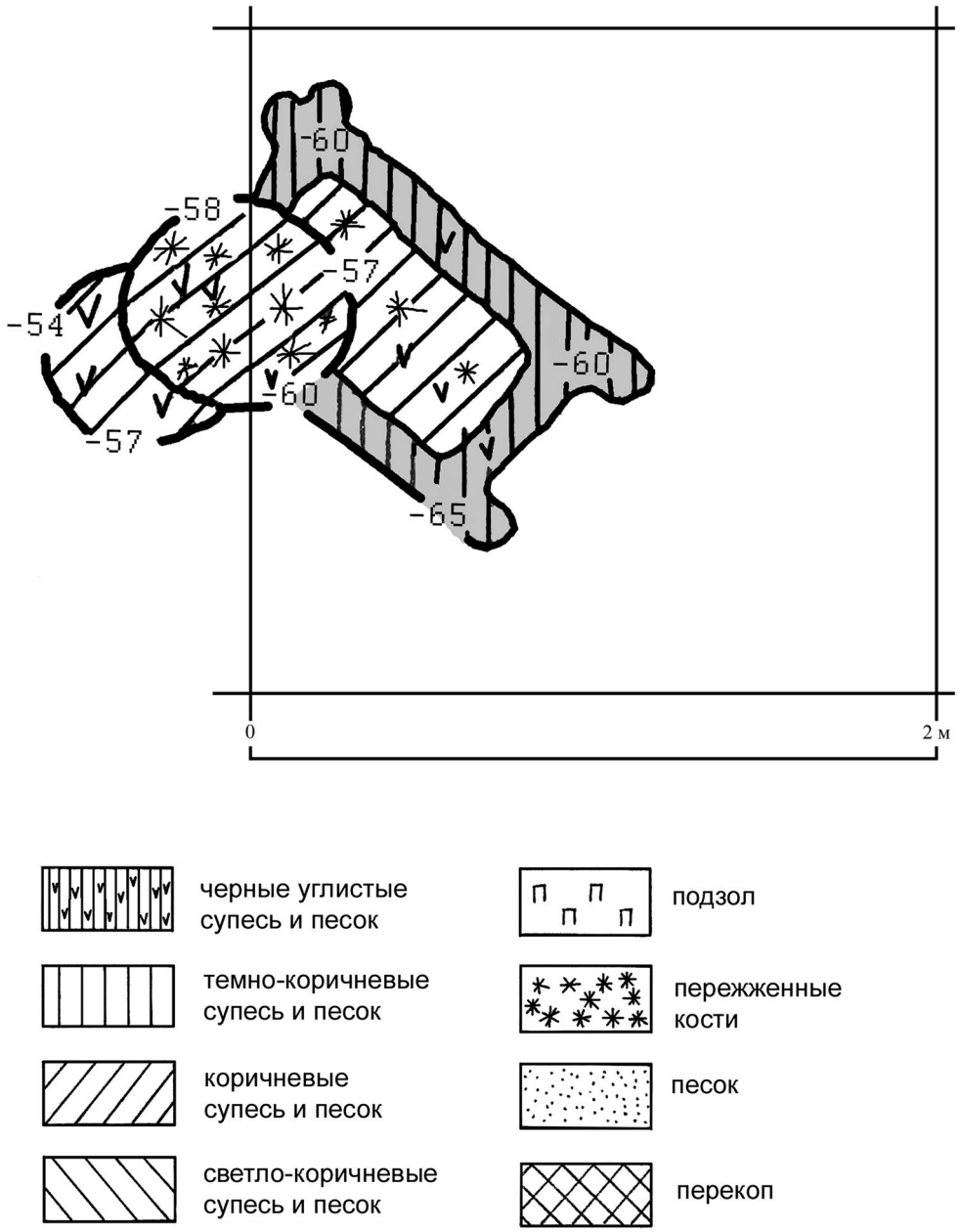


Рис. 77. Курганный могильник Гринино 2.
Остатки деревянной конструкции и захоронений по обряду сожжения (по О.М. Олейникову).

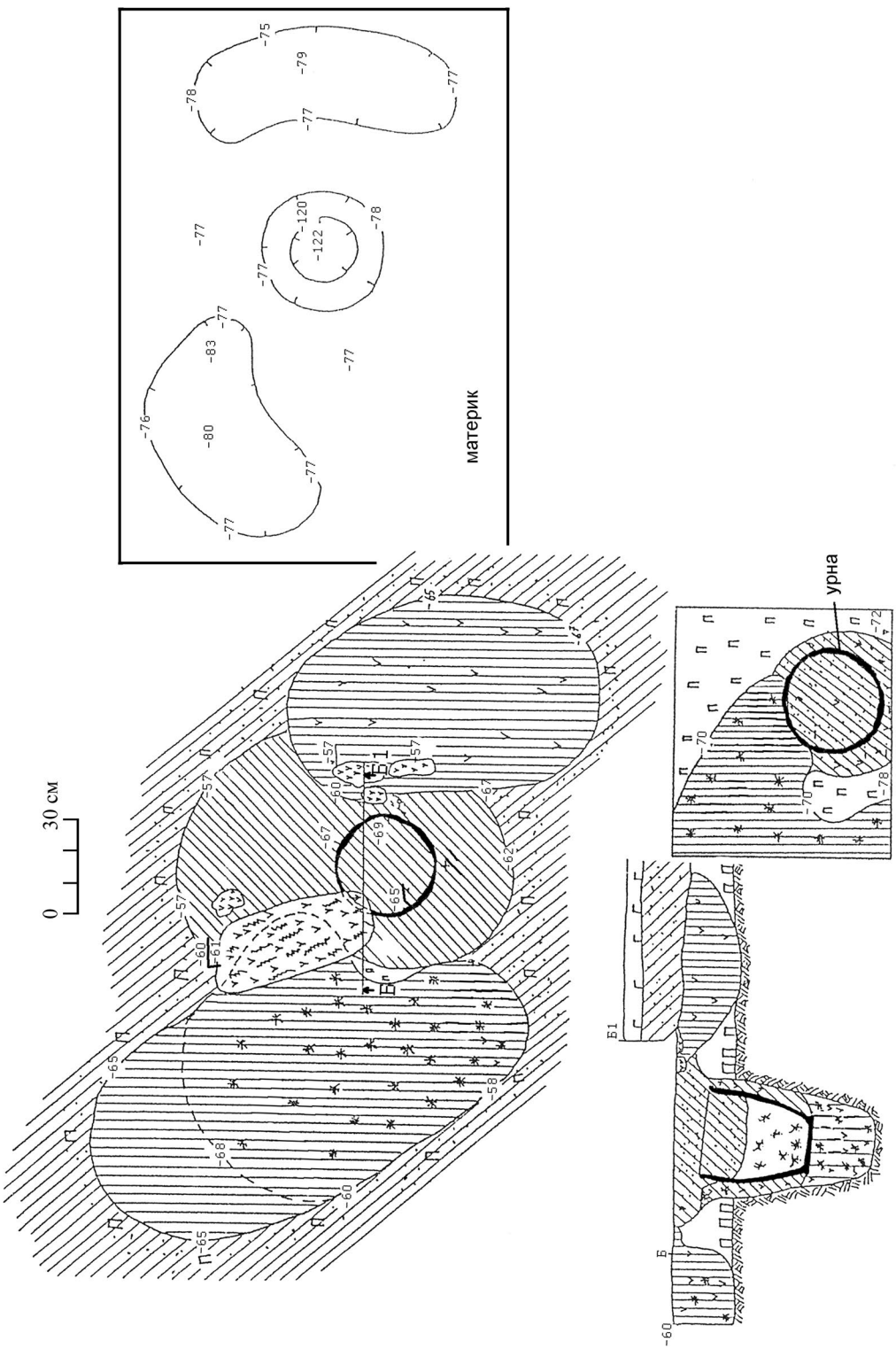


Рис. 78. Курганный могильник Гринино 2. Курган 2, погребение с урной (по О.М. Олейникову).

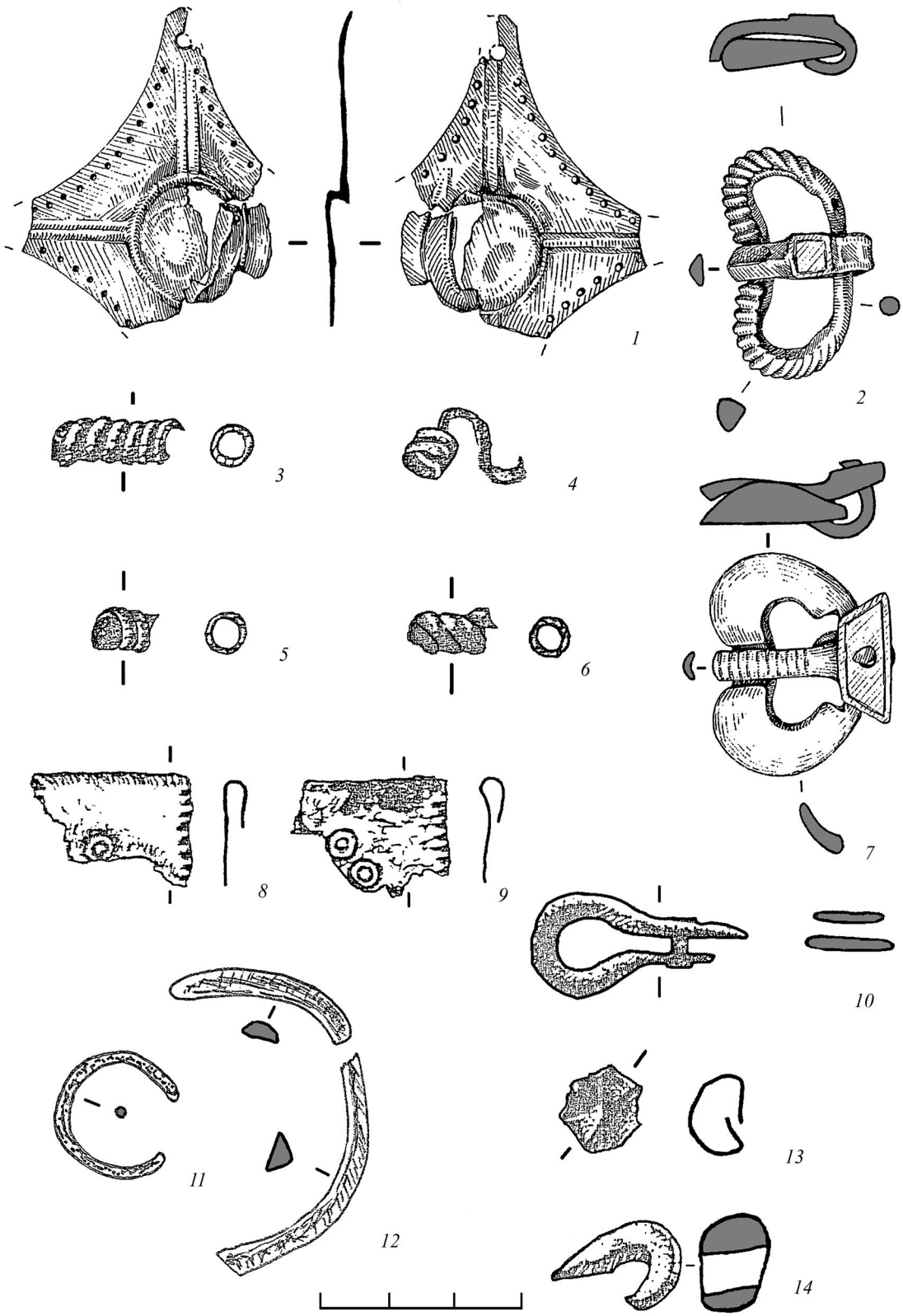


Рис. 79. Курганные могильники Гринино 1 и 2.
Погребальный инвентарь из цветного металла (по И.Н. Черных и О.М. Олейникову)
1 – сбруйная крестовидная бляха Гринино 1 курган 3; 2, 7 – пряжки Гринино 1 курган 3; 3-6 – спиральки Гринино 2 курган 2 погребение 2; 8, 9 – фрагменты бляшек-обоймиц Гринино 2 курган 2 погребение 2; 9, 14 – обойма и фрагмент обоймы Гринино 2 курган 2 погребение 2; 11 – перстень Гринино 2 курган 2 погребение 3; 12 – фрагмент браслета Гринино 2 курган 2 погребение 3; 13 – бляшка Гринино 2 курган 2 погребение 2.

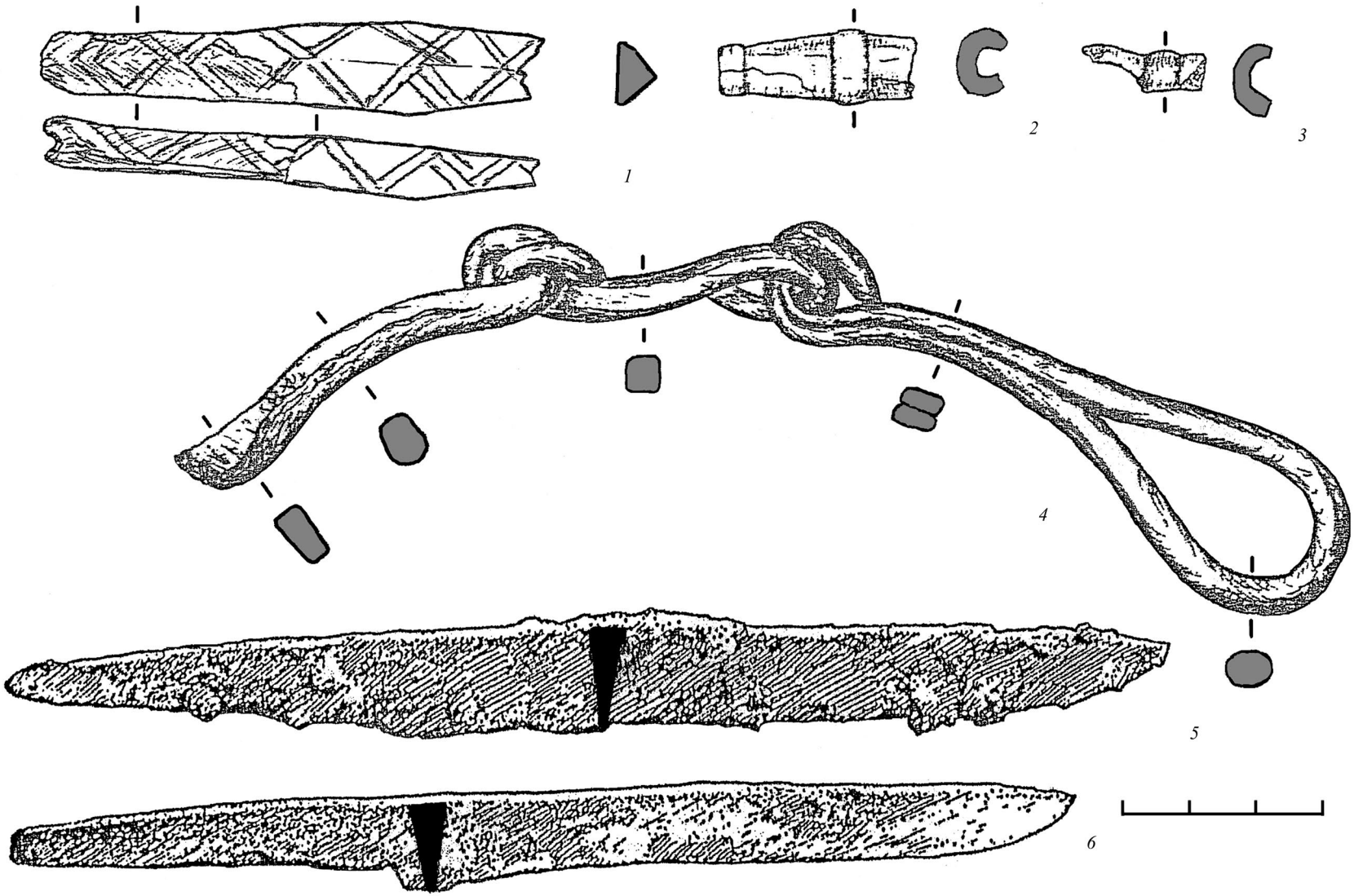


Рис. 80. Курганные могильники Гринино 1 и 2. Погребальный инвентарь
1-3 – кость; 4-6 – железо; 1 – 3 – фрагменты изделий Гринино 2 курган 2 погребение 4; 4 – удила Гринино 2 курган 2 погребение 4; 5 – нож Гринино 1 курган 6; 6 – нож Гринино 1 курган 5.

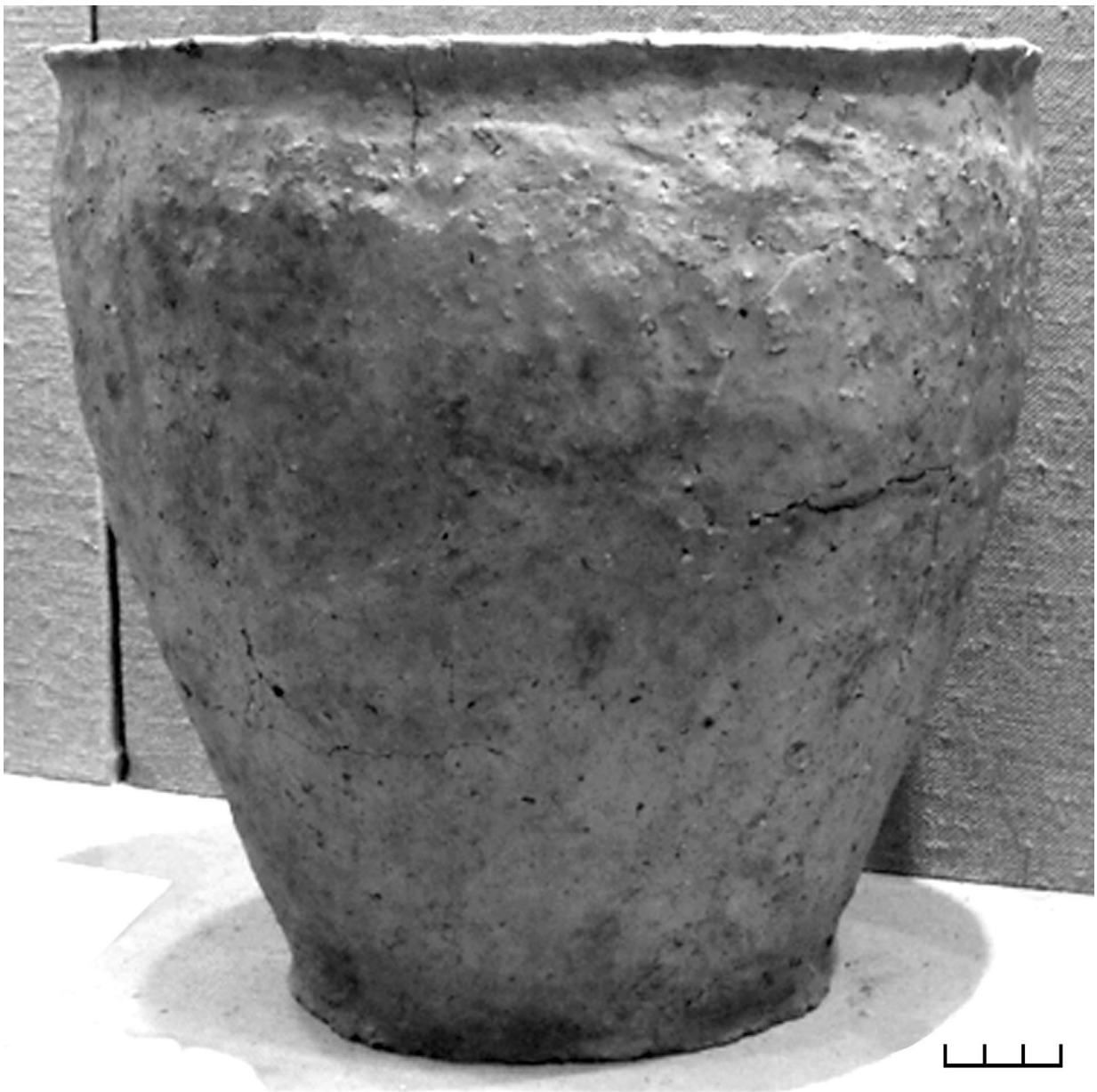


Рис. 81. Курганный могильник Гринино 2 курган 2. Лепная урна (фото А.Н. Пичугиной).

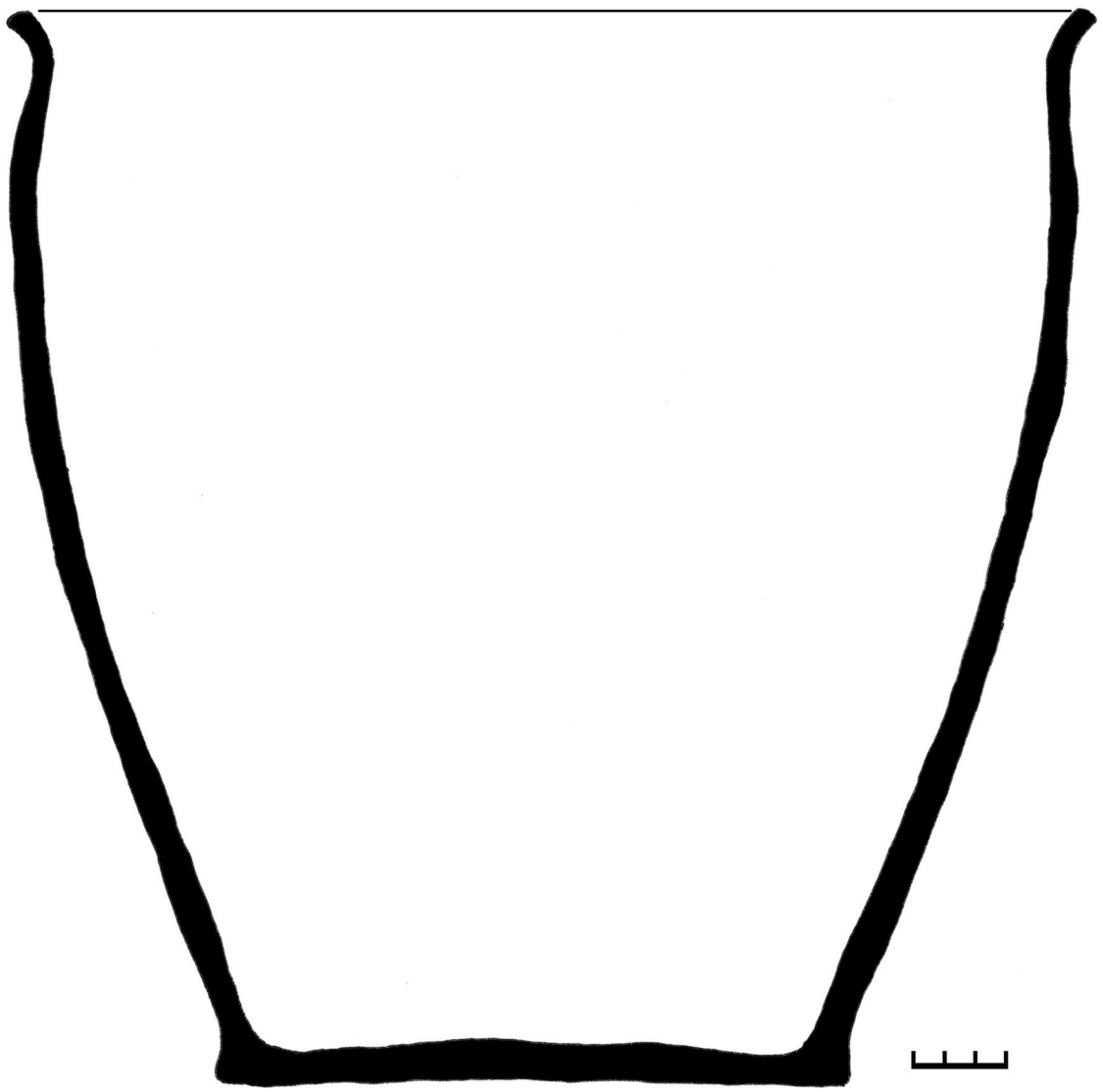


Рис. 82. Курганный могильник Гринино 2 курган 2. Лепная урна (прорисовка Н.В. Лопатина).

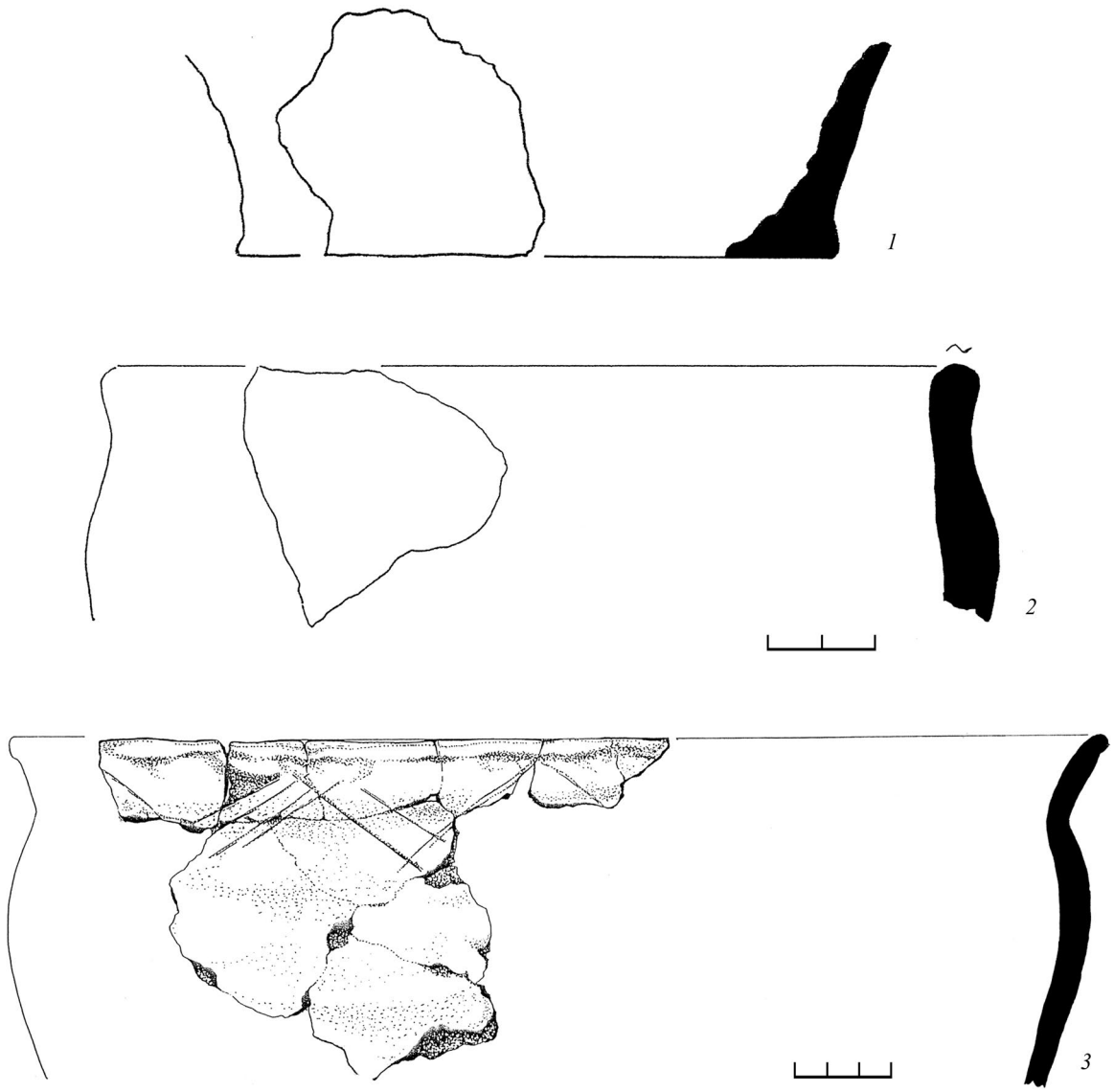


Рис. 83. Керамика из курганного могильника Гринино 1 и селища Гринино 1
1, 2, 4 – курган 3; 3 – селище Гринино 1.

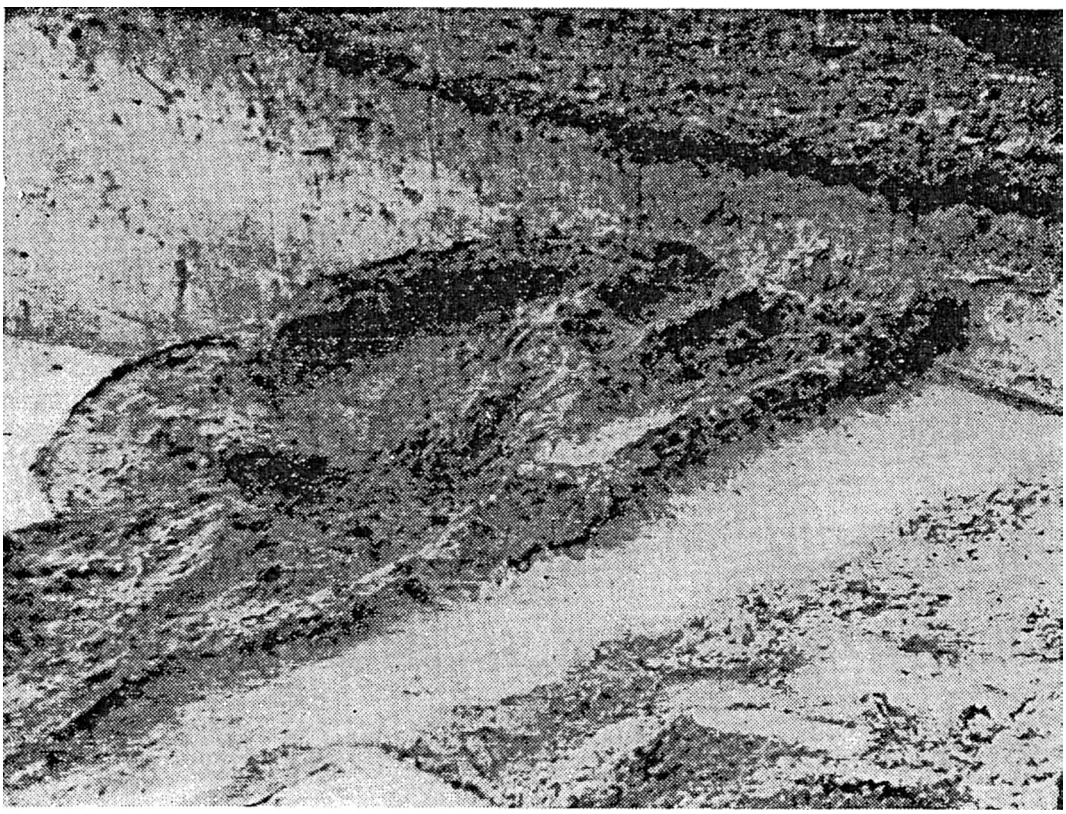


Рис. 84. Курганный могильник Рысна-Сааре I.
Горелые остатки деревянного сооружения в длинном кургане 1, вид с ЮВ (по М. Аун, 1998).

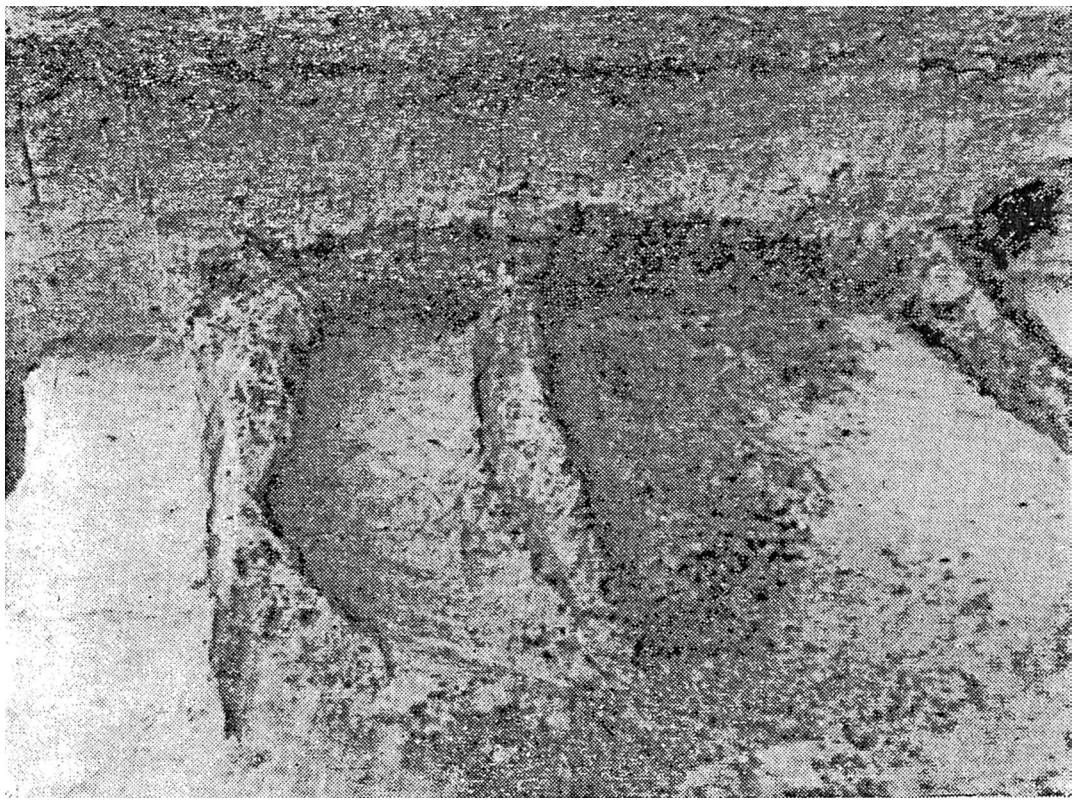


Рис. 85. Курганный могильник Рысна-Сааре II.
Северная часть деревянного сооружения в длинном кургане 1, вид с ЮВ (по М. Аун, 1998).

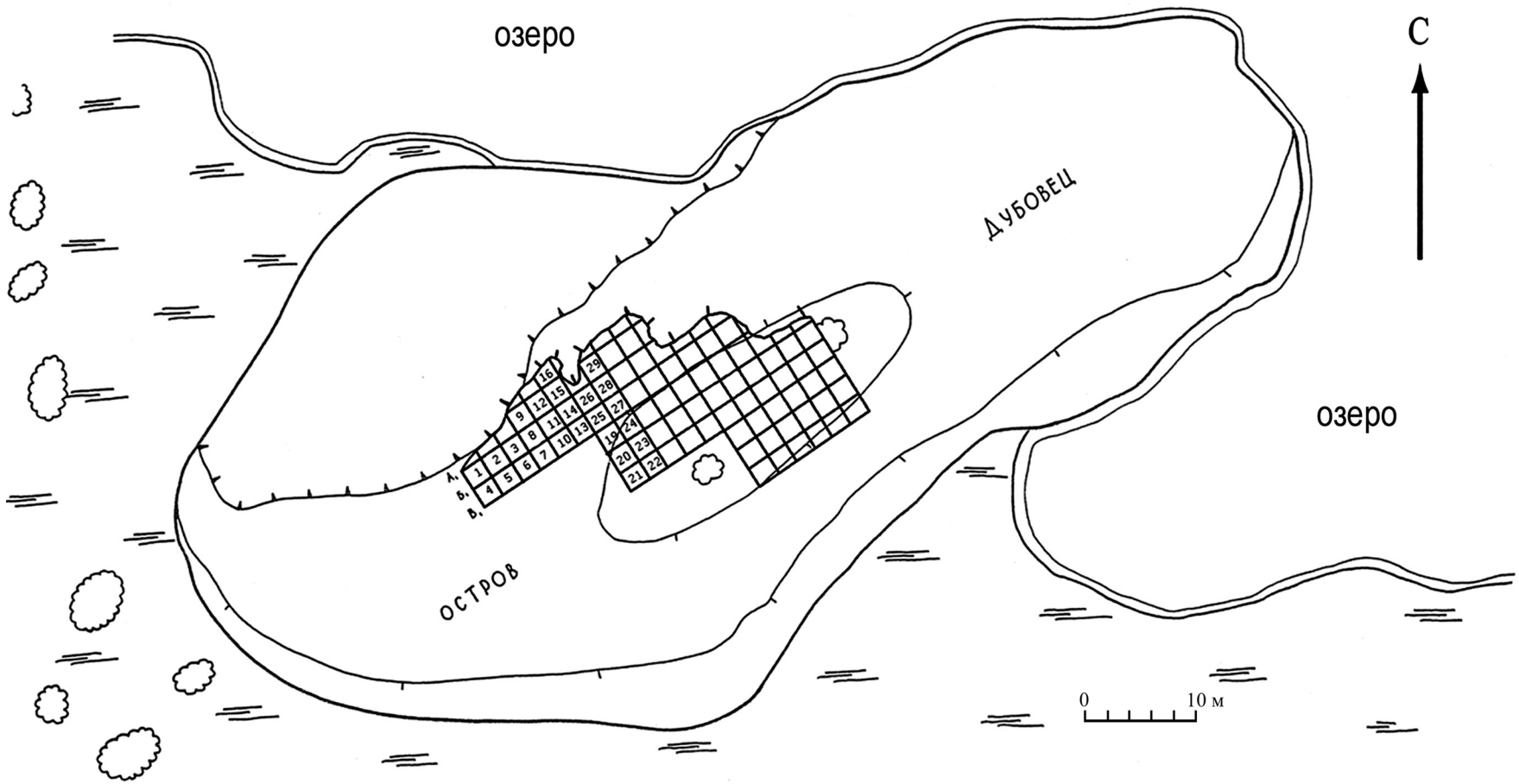


Рис. 86. Раскоп на поселении Дубовец (по Н.Н. Гуриной).

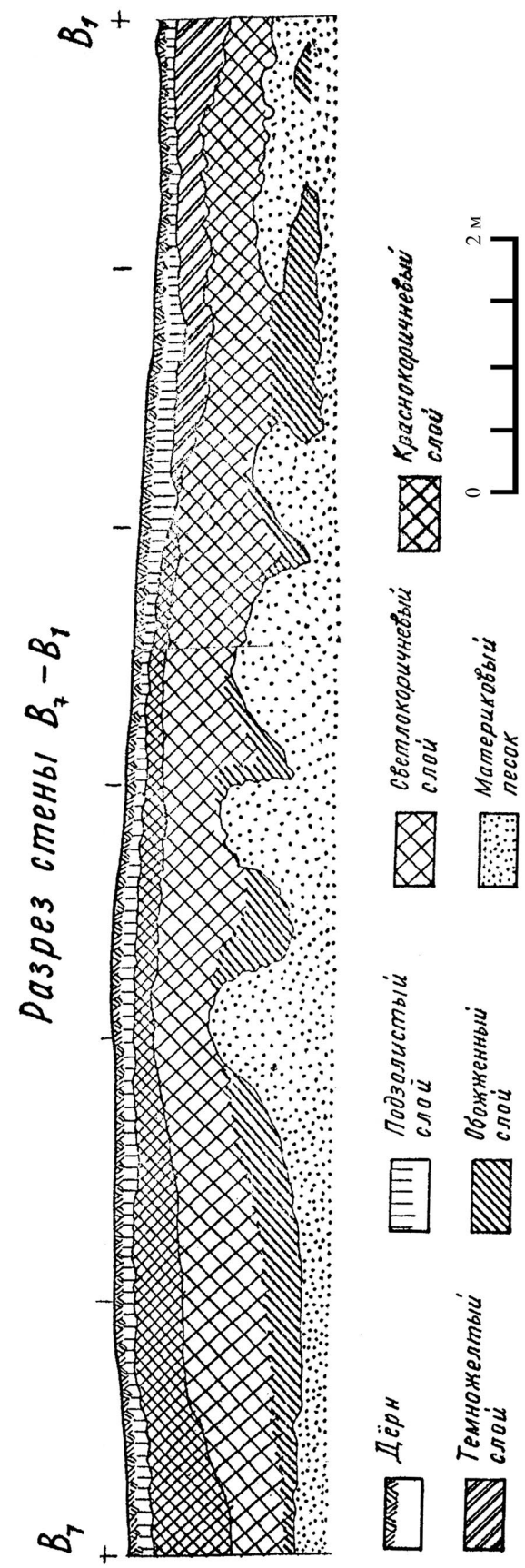


Рис. 87. Стратиграфия северо-западной стенки раскопа на поселении Дубовец (по Н.Н. Гуриной).

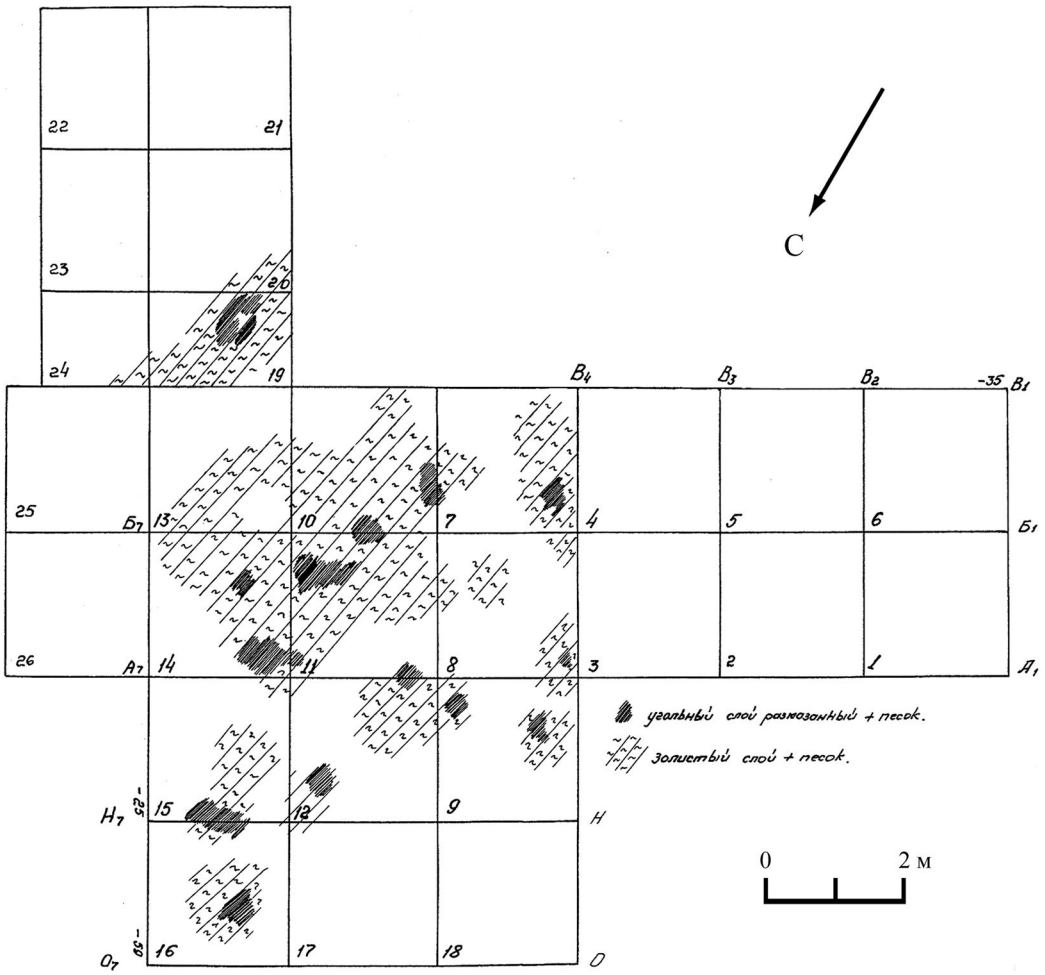


Рис. 88. Поселение Дубовец. Участок раскопа (по Н.Н. Гуриной), где были найдены остатки кремации.

Рис. 89. Поселение Дубовец. Расчистка урны с остатками кремации (по Н.Н. Гуриной).

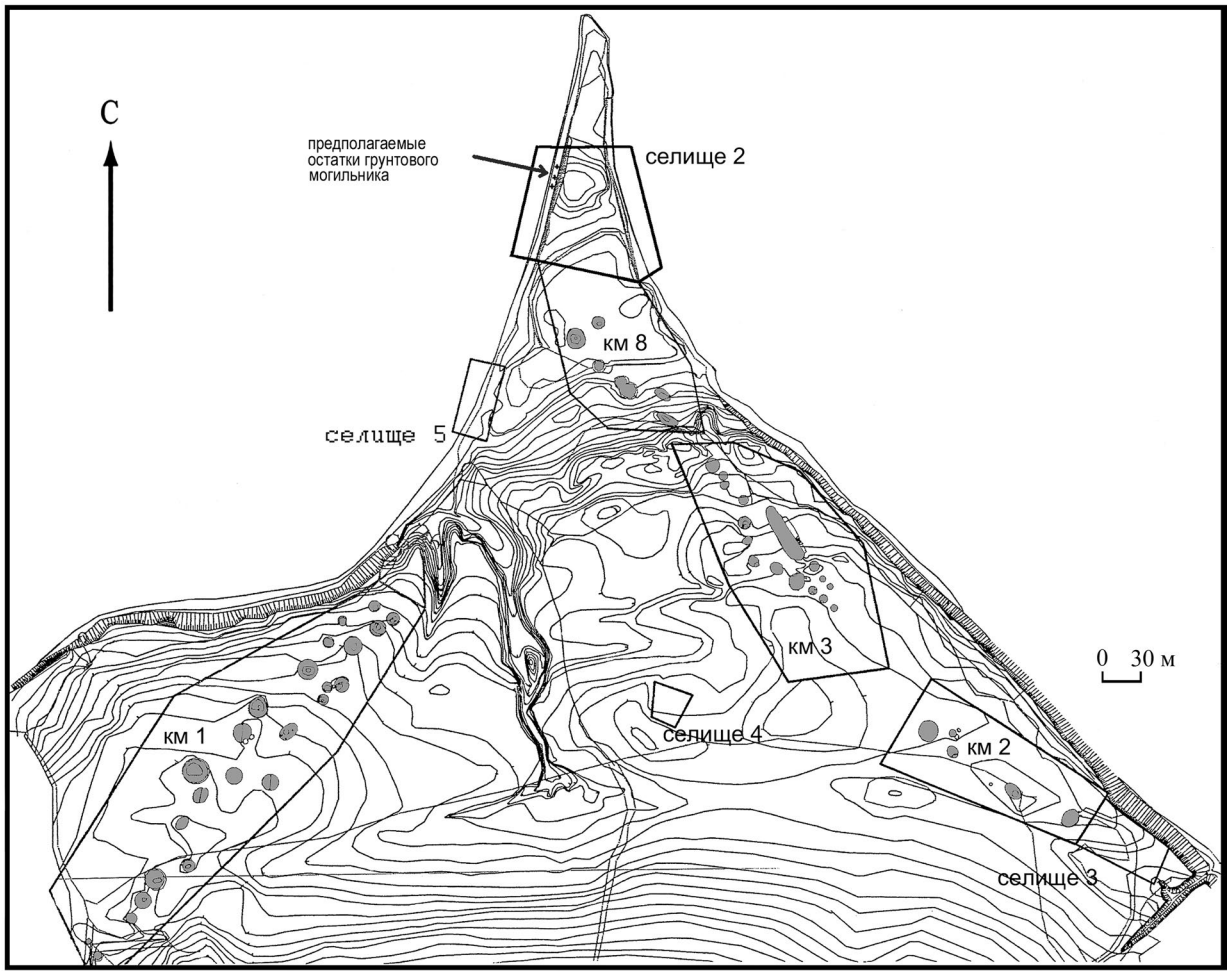


Рис. 90. Археологические памятники у д. Колобово (по И.В. Исланової и Р.А. Мимоходу)
КМ – курганный могильник.

Рис. 91. Вид с юга на разрушающееся селище 2 и грунтовый могильник Колобово.
Сбор подъемного материала в оз. Волго (стоят слева – направо А.В. Энговатова и Р.А. Мимоход; фото И.В.Исламовой).

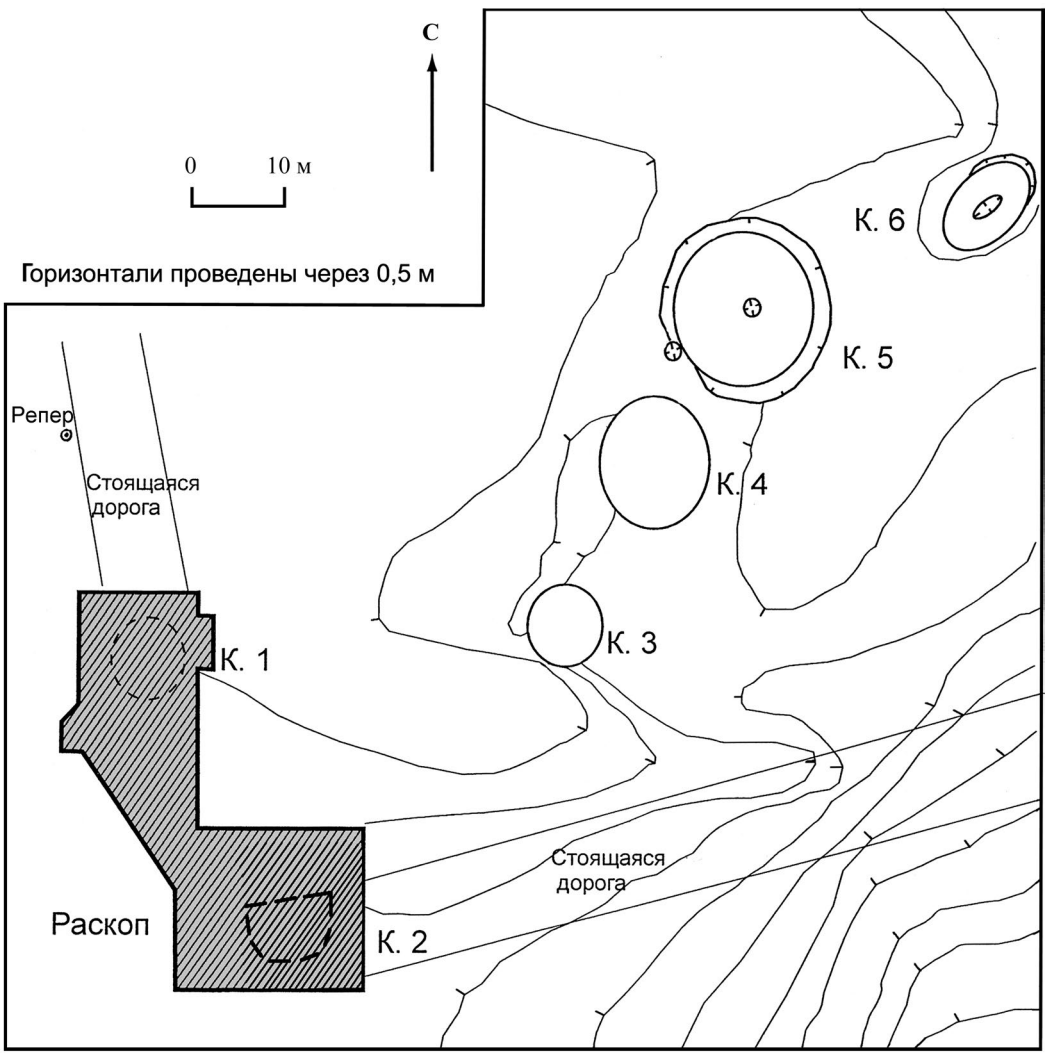


Рис. 92. Местоположение раскопа в юго-западной части курганного могильника Колобово 1 (по Р.А Мимоходу).

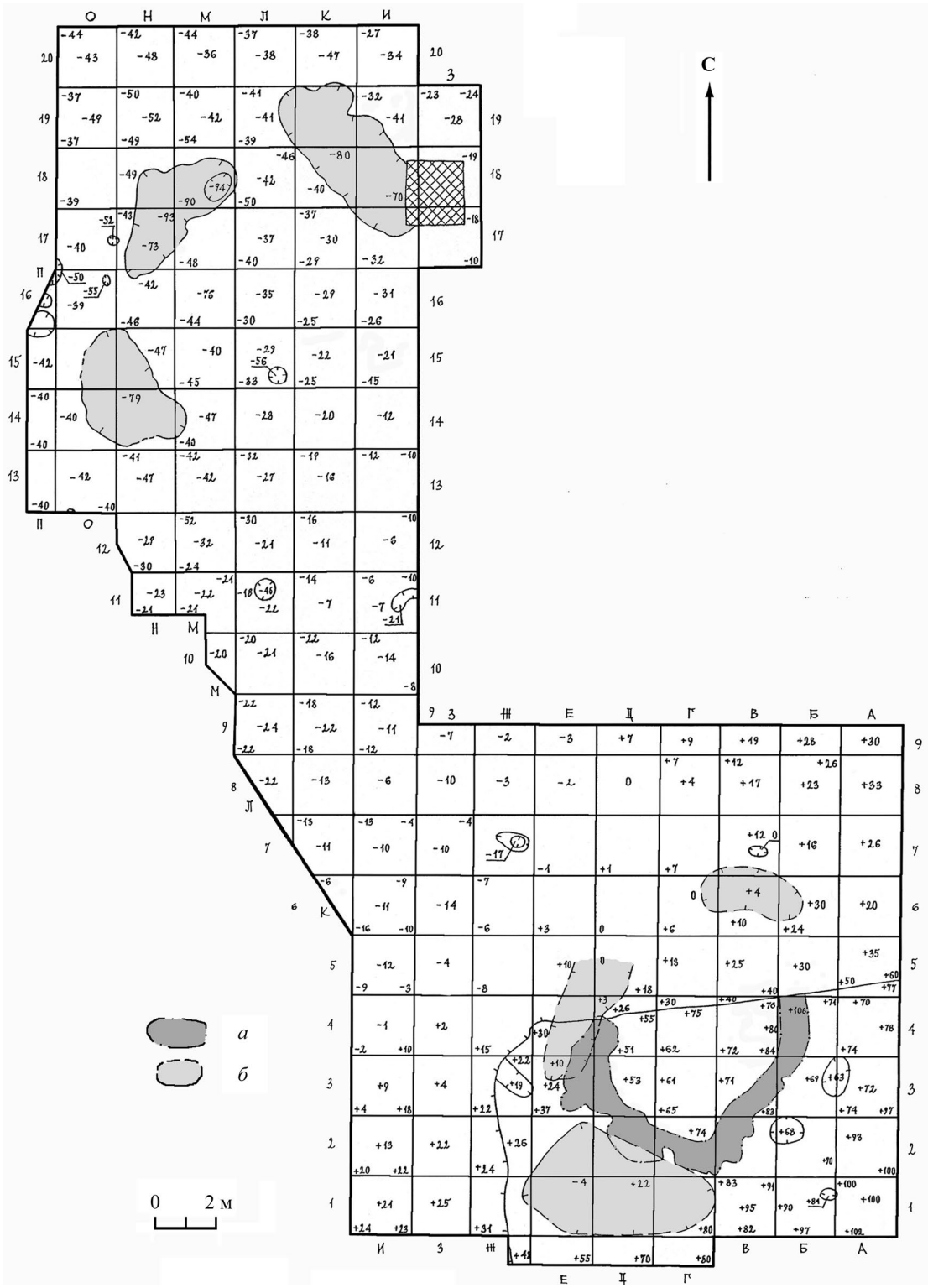


Рис. 93. Курганный могильник Колобово 1.
Раскоп 2004 г. в месте уничтоженной насыпи кургана 1 и полуразрушенной насыпи кургана 2
а – конструкция из валунов; б – остатки курганных ровиков.

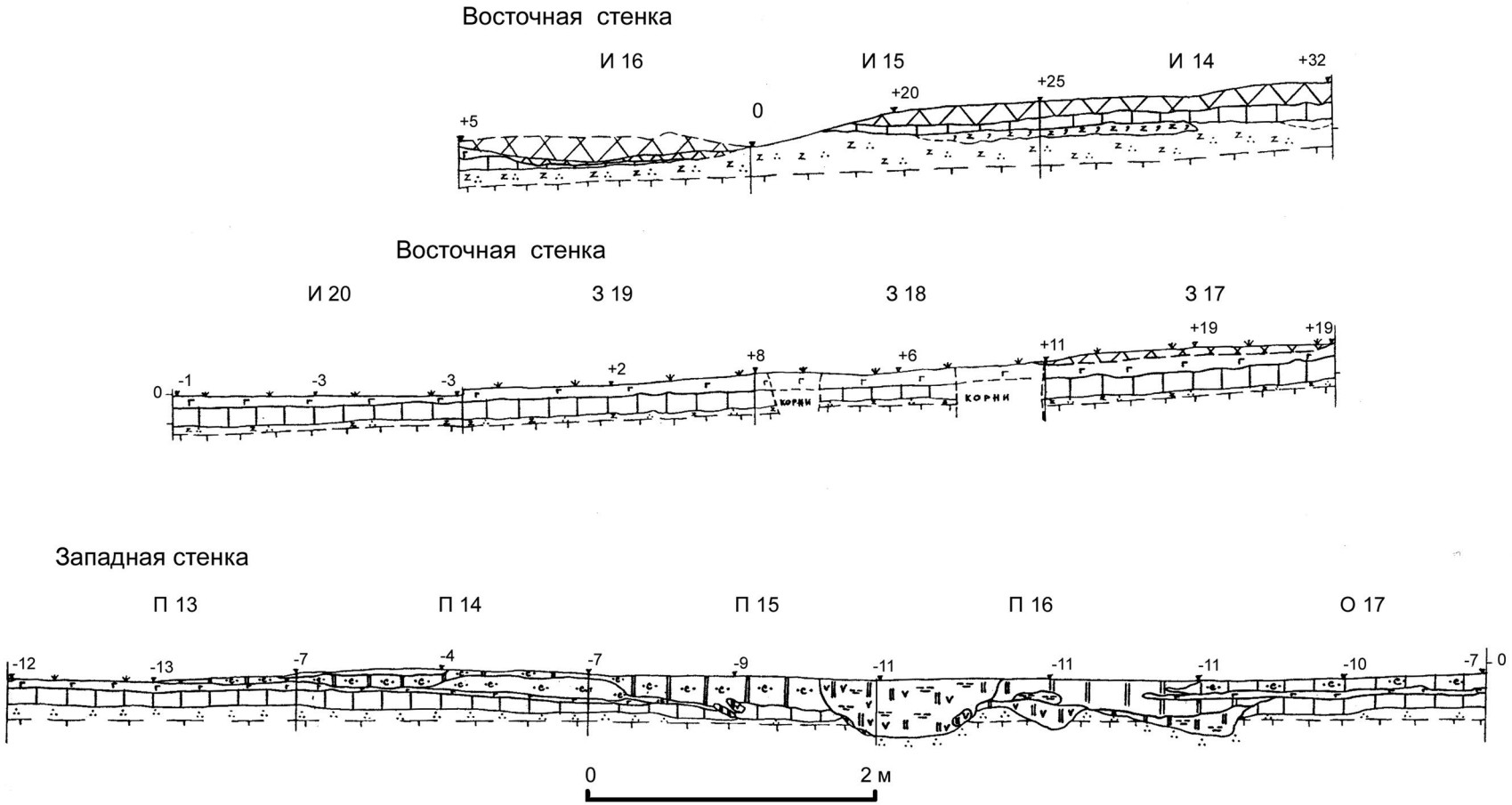


Рис. 94. Курганный могильник Колобово 1. Стенки раскопа вблизи остатков кургана 1 (условные обозначения см. рис. 102).

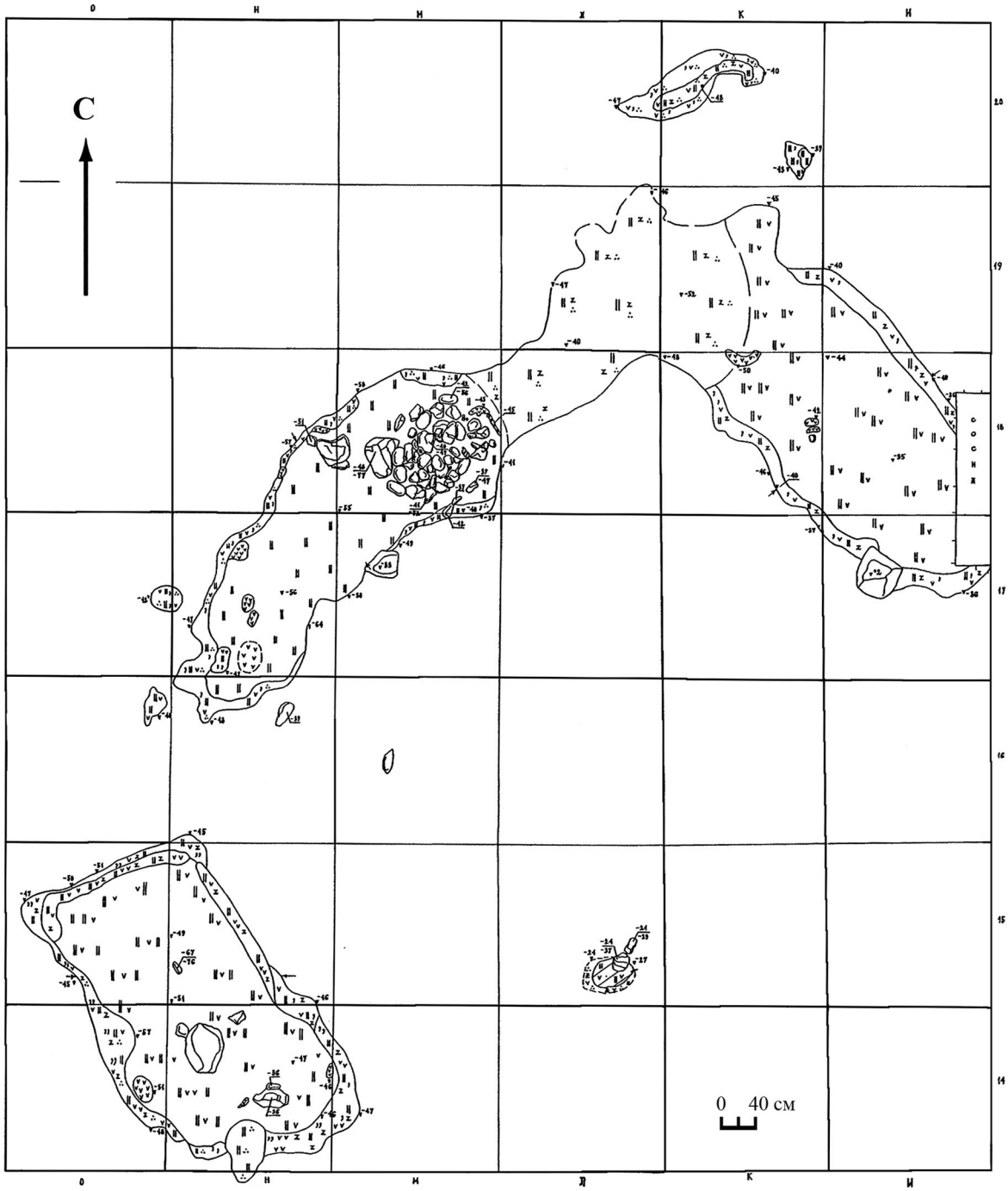


Рис. 95. Курганный могильник Колобово 1. Остатки кургана 1.
Пятна ровиков и возможных следов захоронения по обряду сожжения.

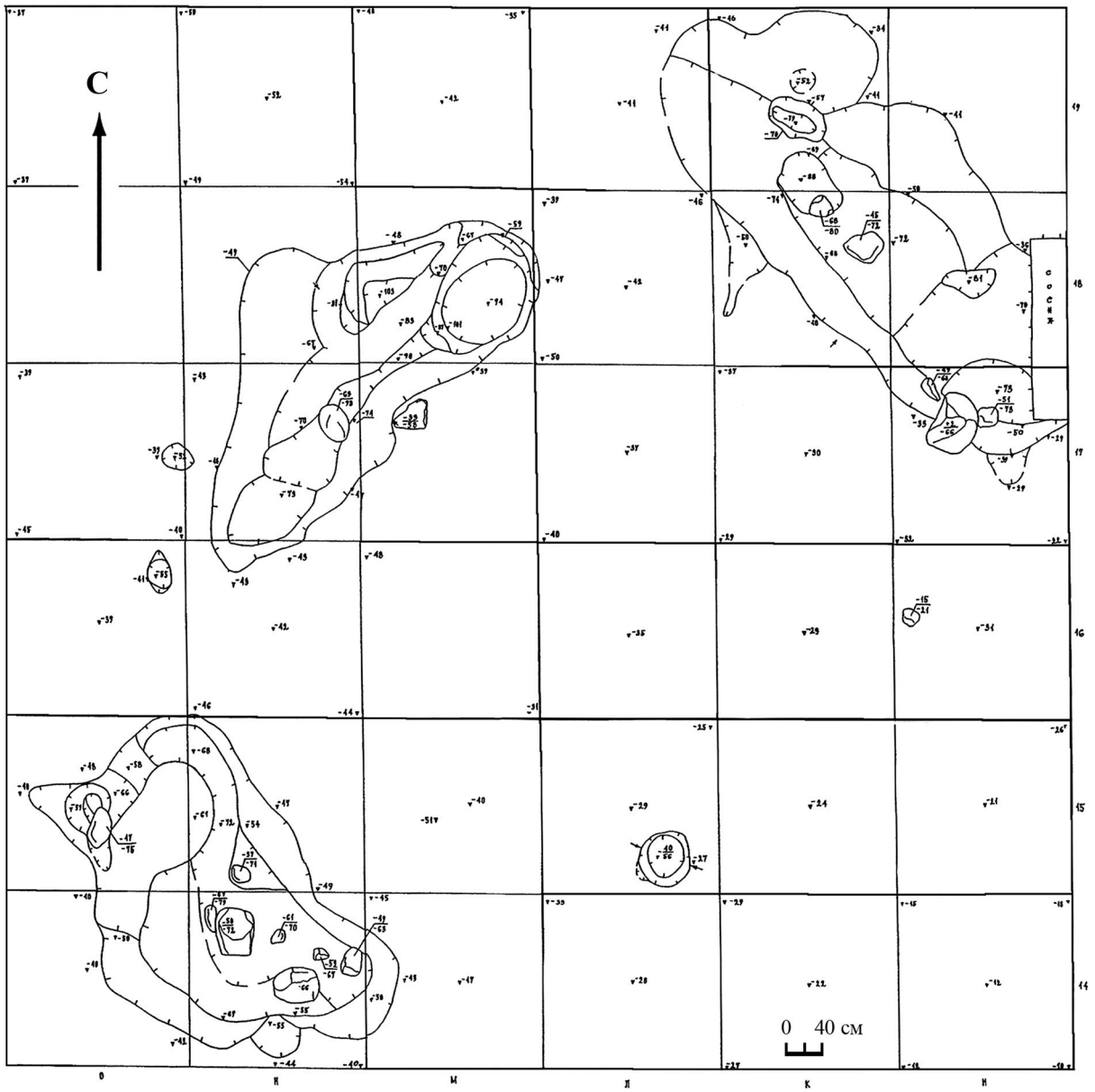


Рис. 96. Курганный могильник Колобово 1. Остатки кургана 1.
План материка, ямка в центре и ровики.

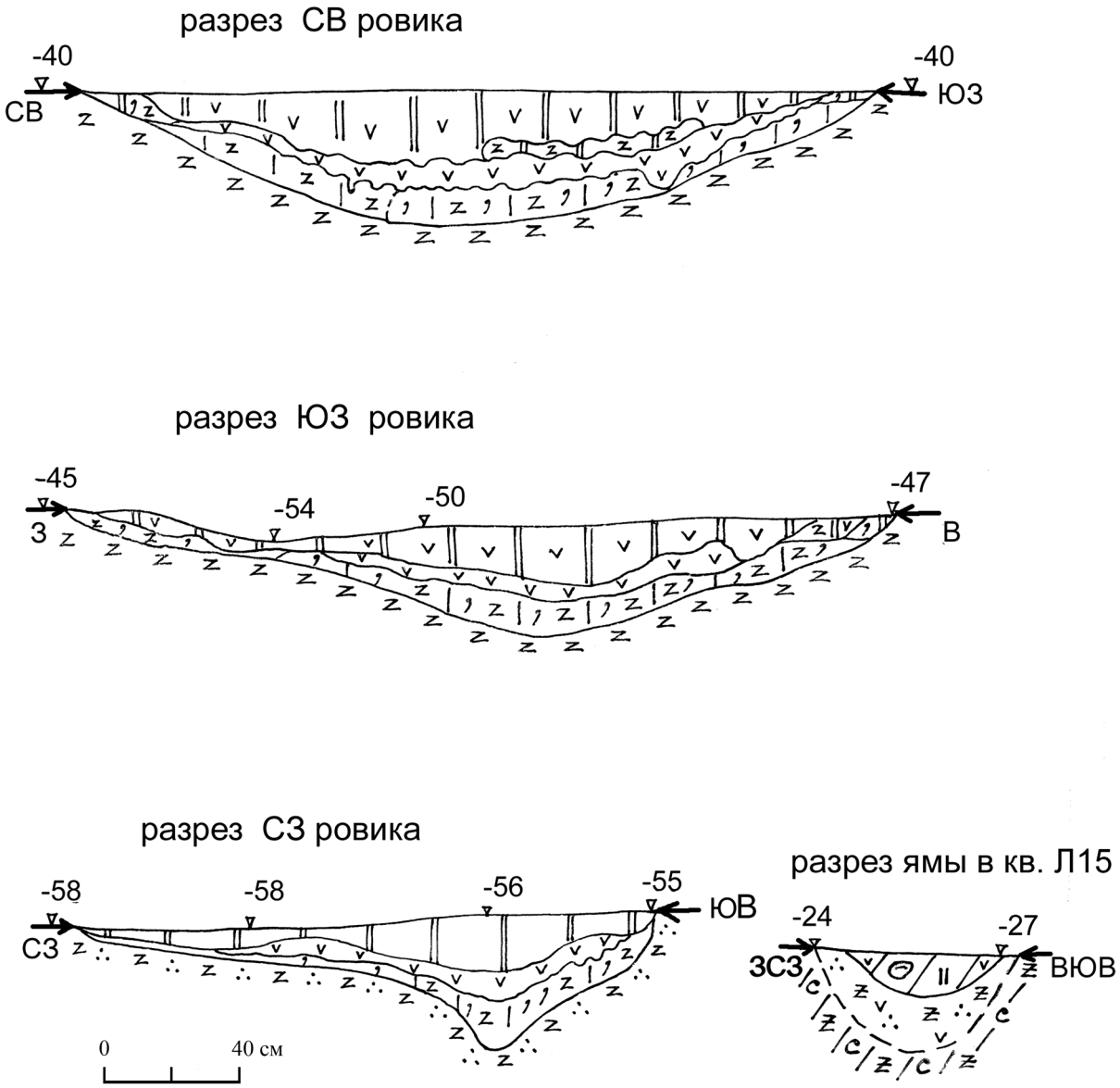


Рис. 97. Курганный могильник Колобово 1. Курган 1, разрезы.

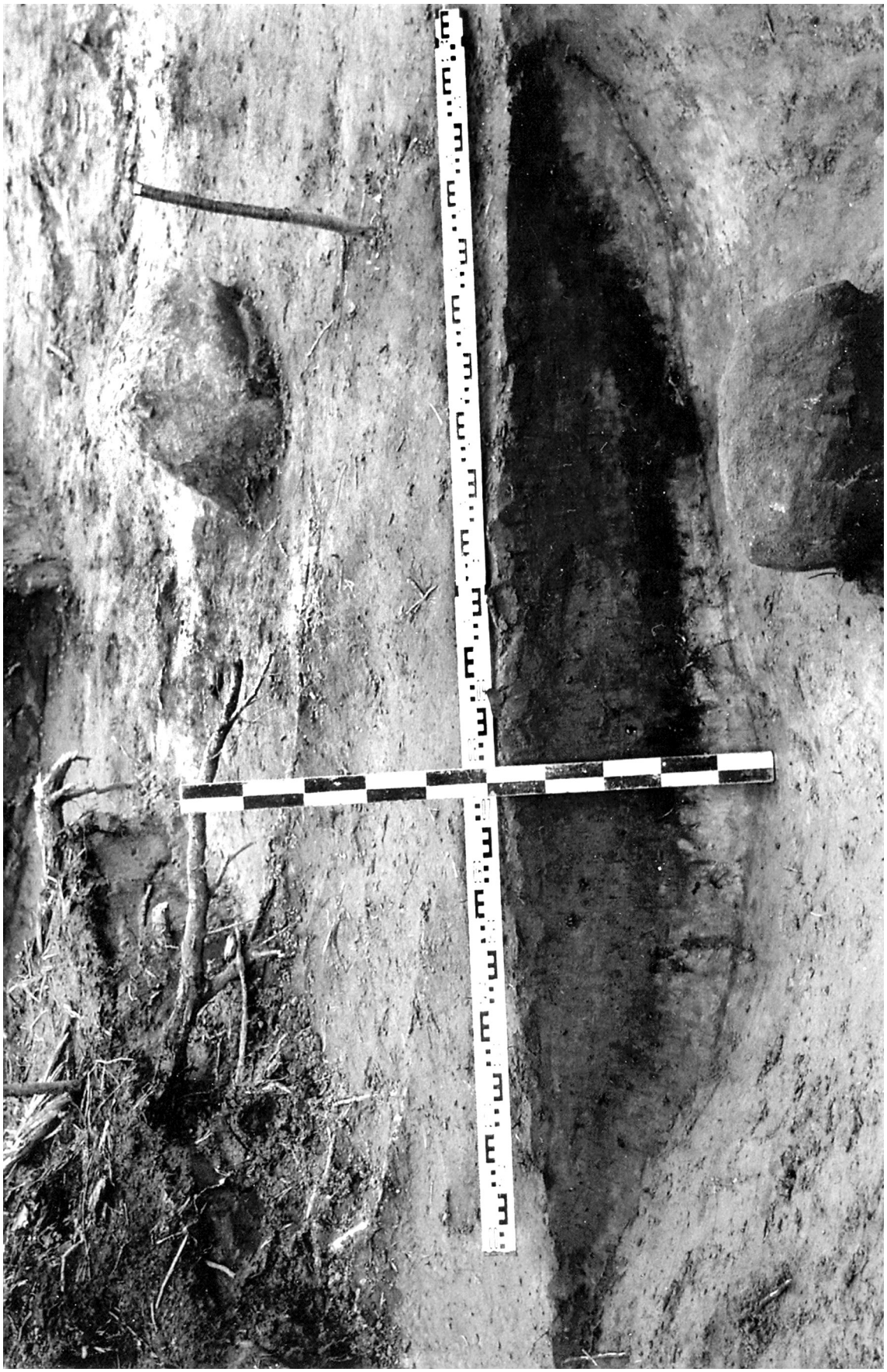


Рис. 98. Курганный могильник Колобово 1. Курган 1. Разрез СВ ровика, вид СЗ.

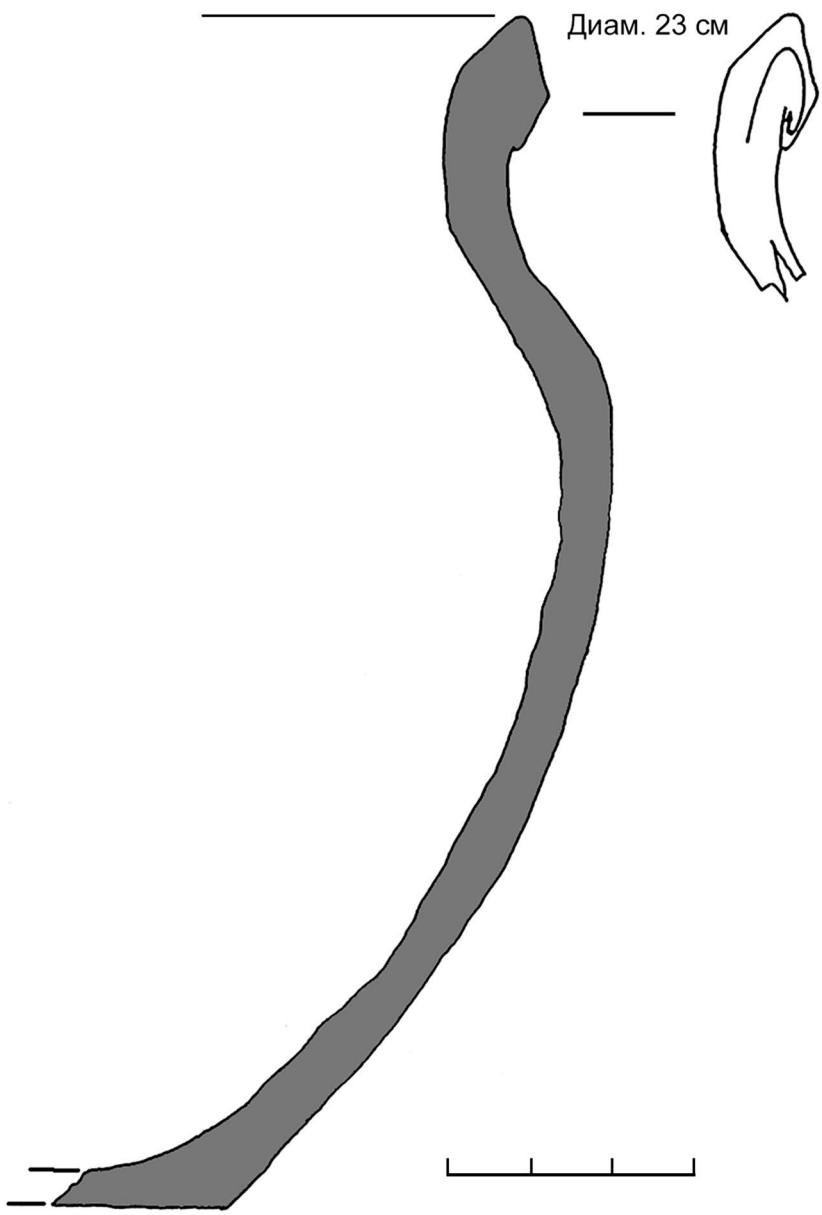


Рис. 99. Курганный могильник Колобово 1. Курган 1.
Профиль фрагмента кругового сосуда из СЗ ровика (по Т.В. Сергиной).

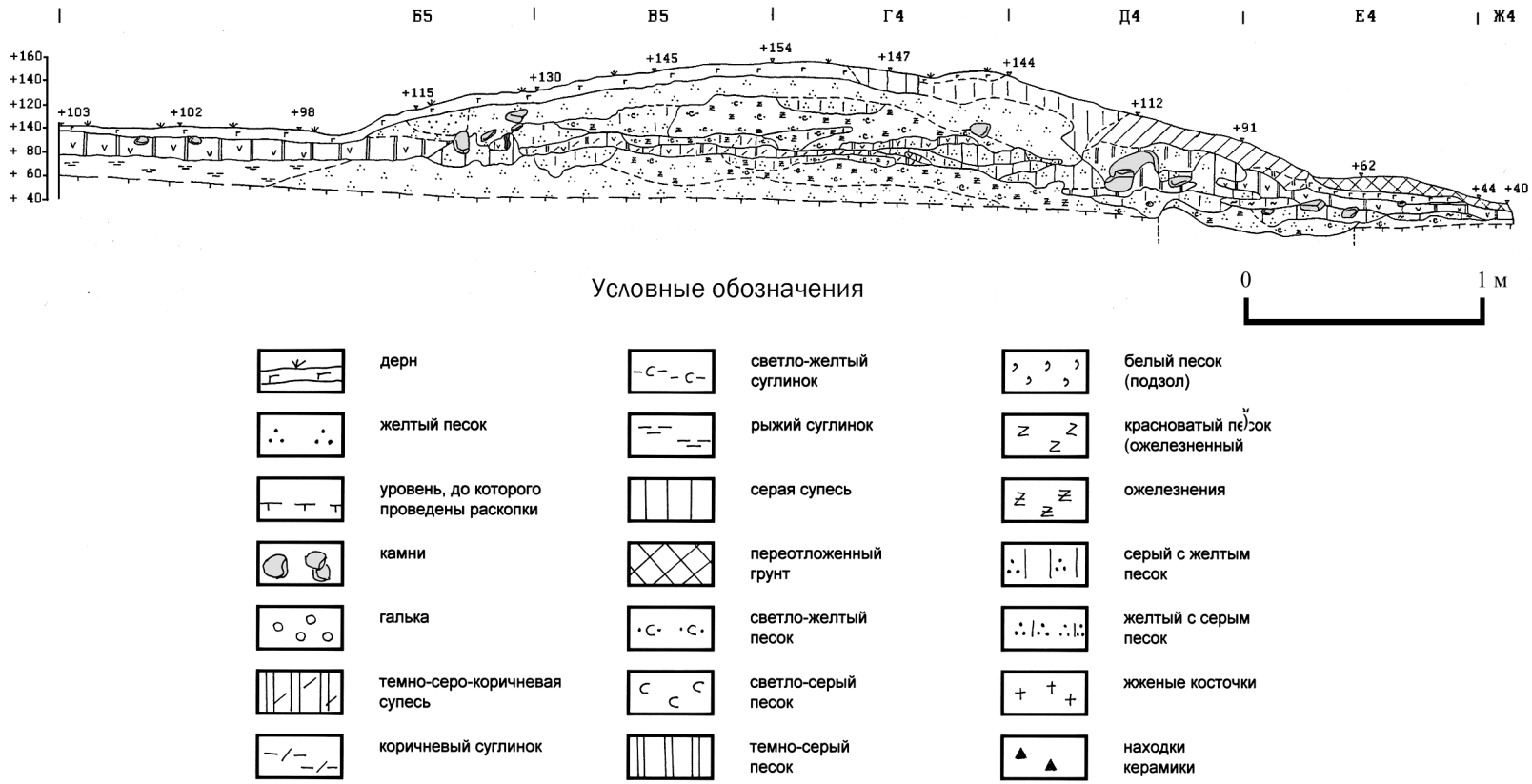


Рис. 100. Курганный могильник Колобово 1. Курган 2. Разрез В-З.

Рис. 101. Курганный могильник Колобово 1. Курган 2, южная половина. Камни в насыпи под дерном, вид с ЮЗ.

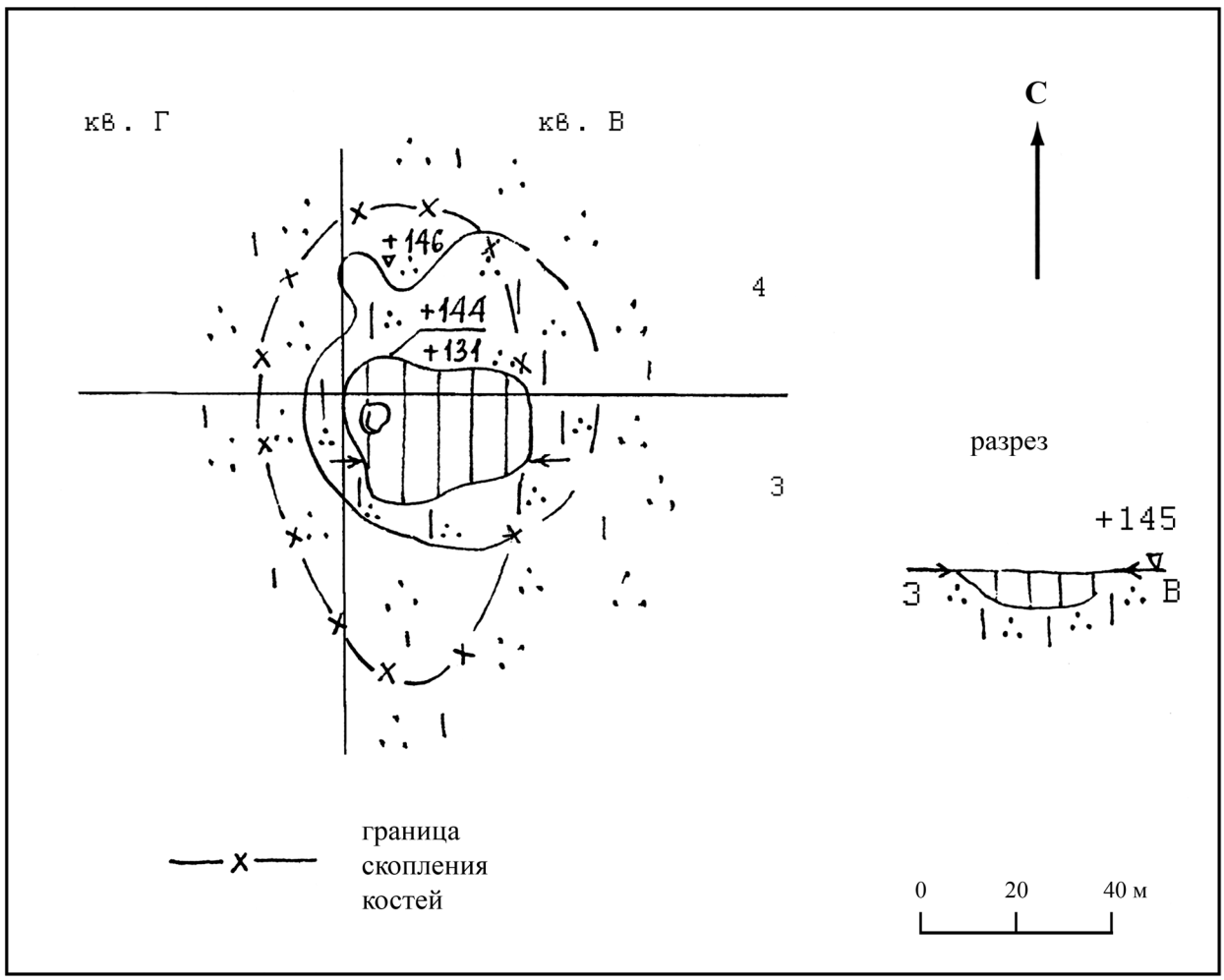


Рис. 102. Курганный могильник Колобово 1. Курган 2.
Остатки разрушенного захоронения по обряду сожжения на стороне.

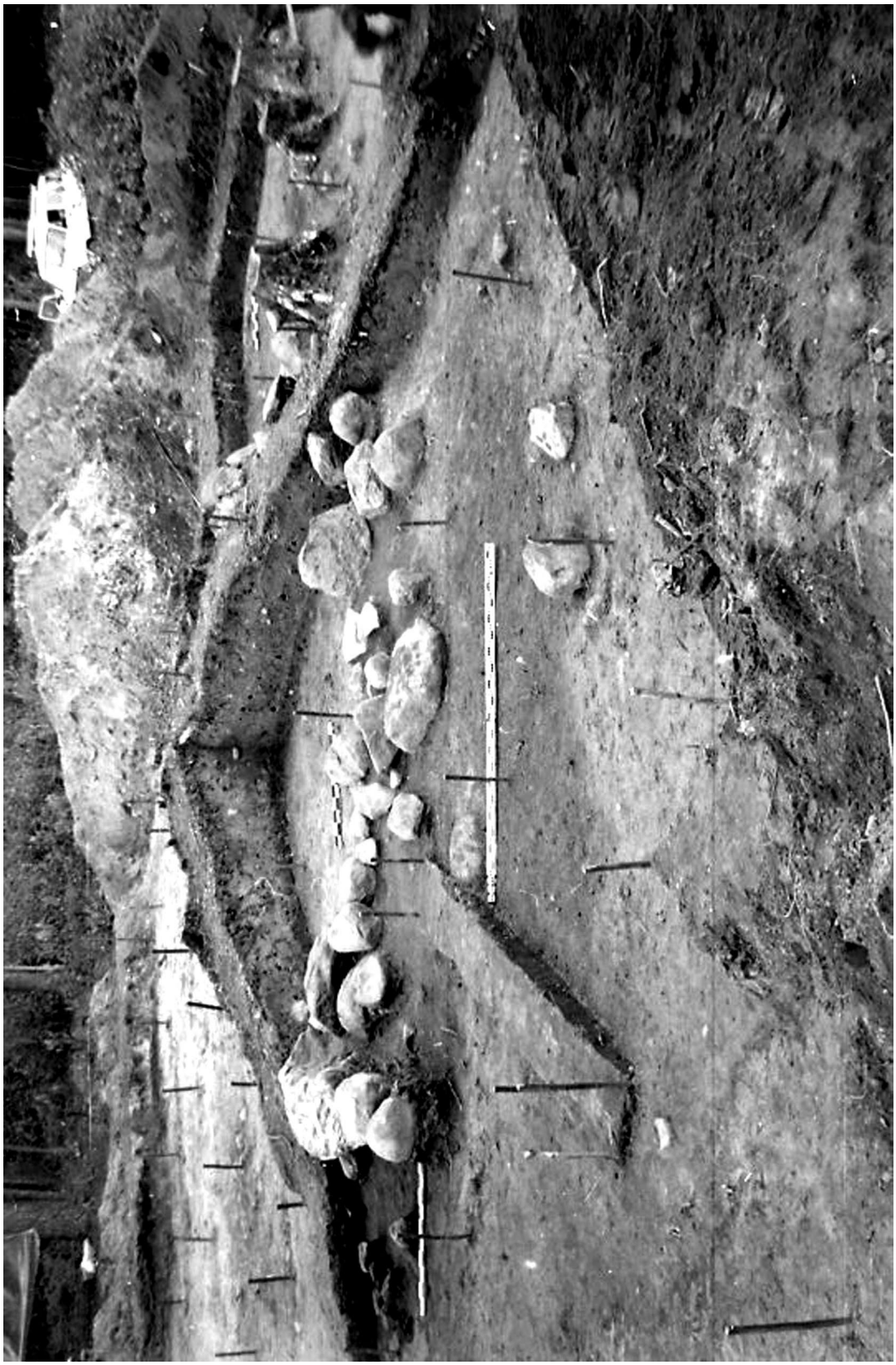


Рис. 103. Курганный могильник Колобово 1. Курган 2. Стратиграфия насыпи. Каменная конструкция, вид с ЮЗ.

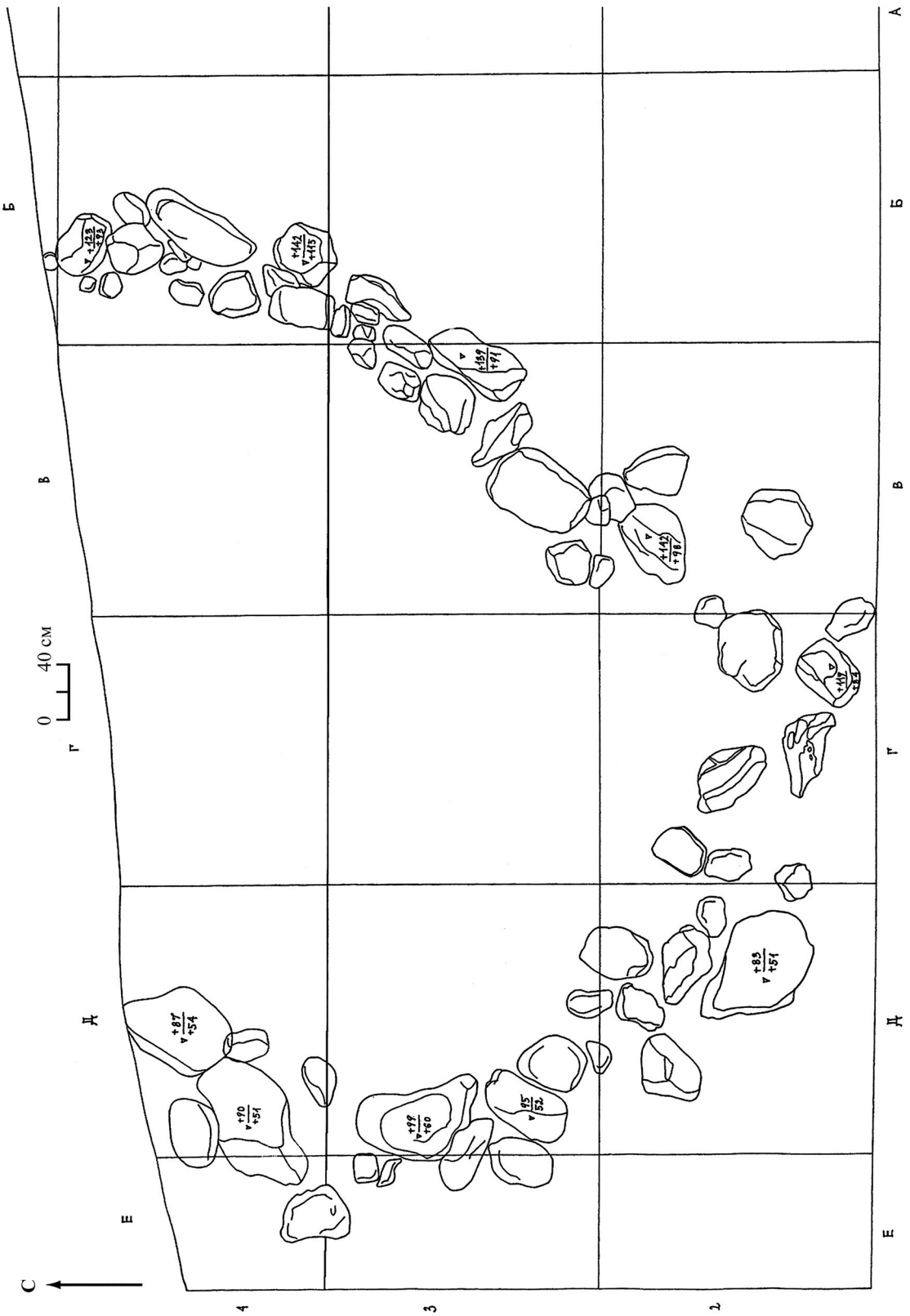


Рис. 104. Курганный могильник Колобово 1. Курган 2. Каменная конструкция.

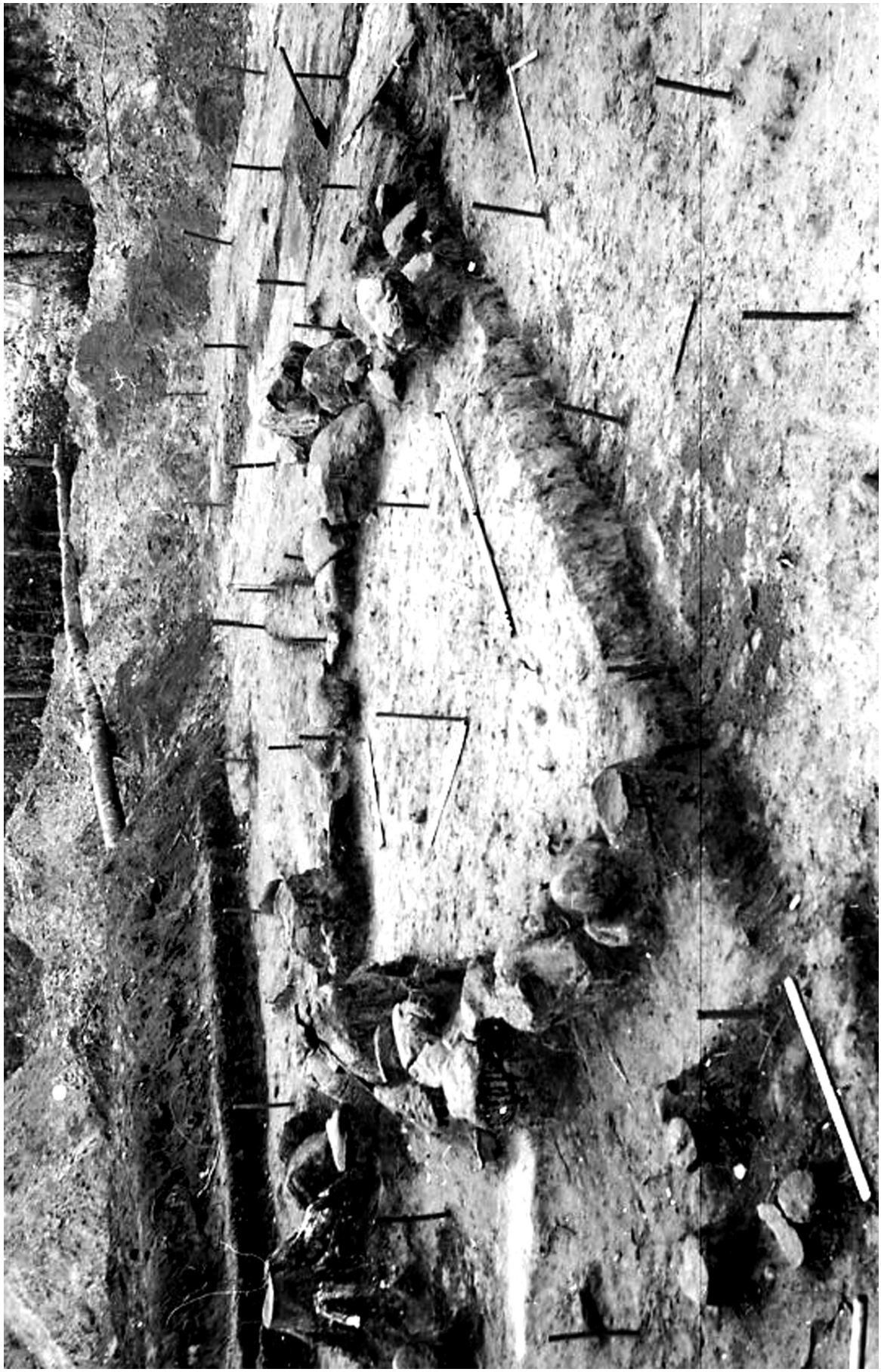


Рис. 105. Курганный могильник Колобово 1. Курган 2. Каменная конструкция в основании насыпи, вид с СВ.

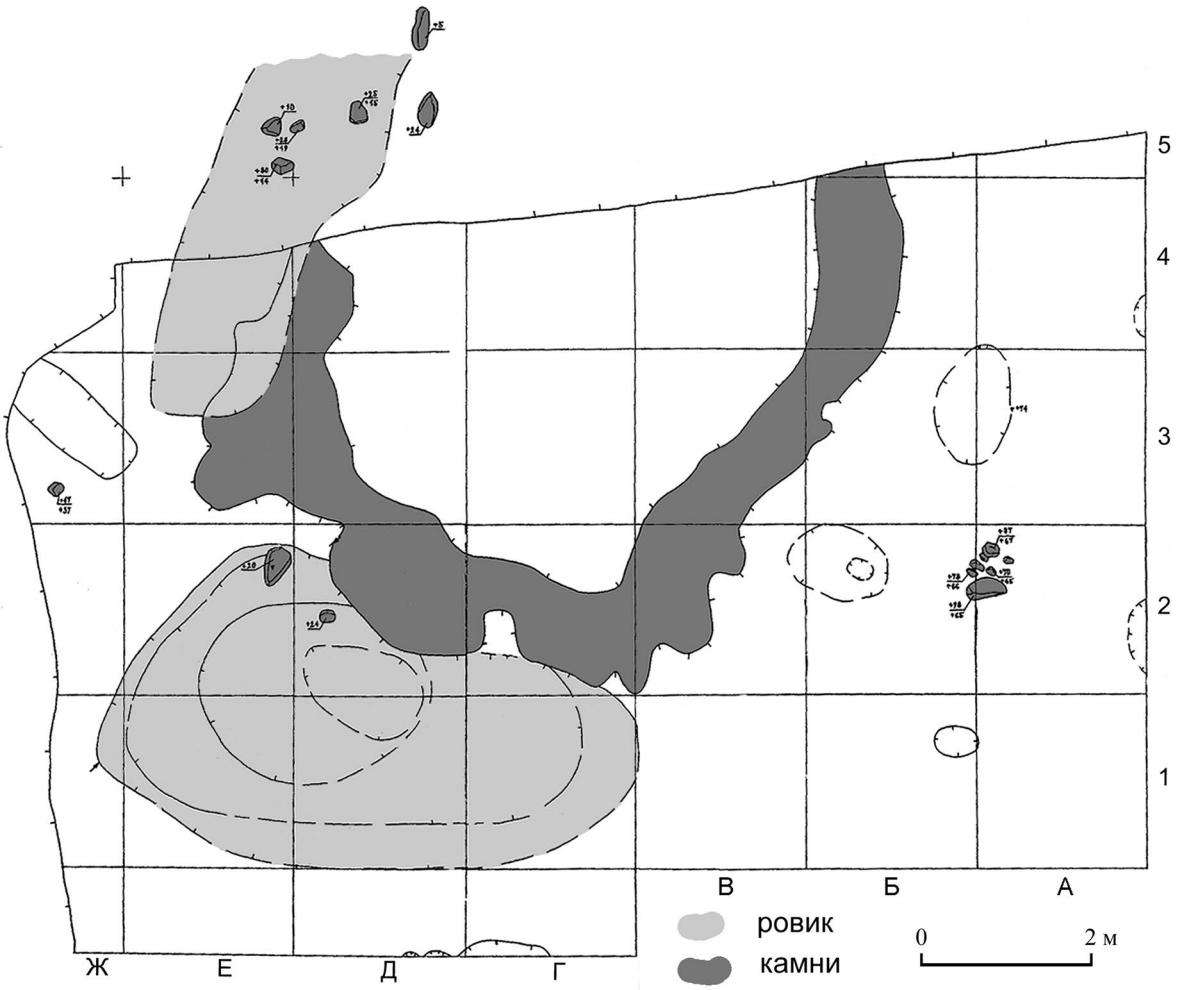


Рис. 106. Курганный могильник Колобово 1. Курган 2. Ровики и ямы в материке.

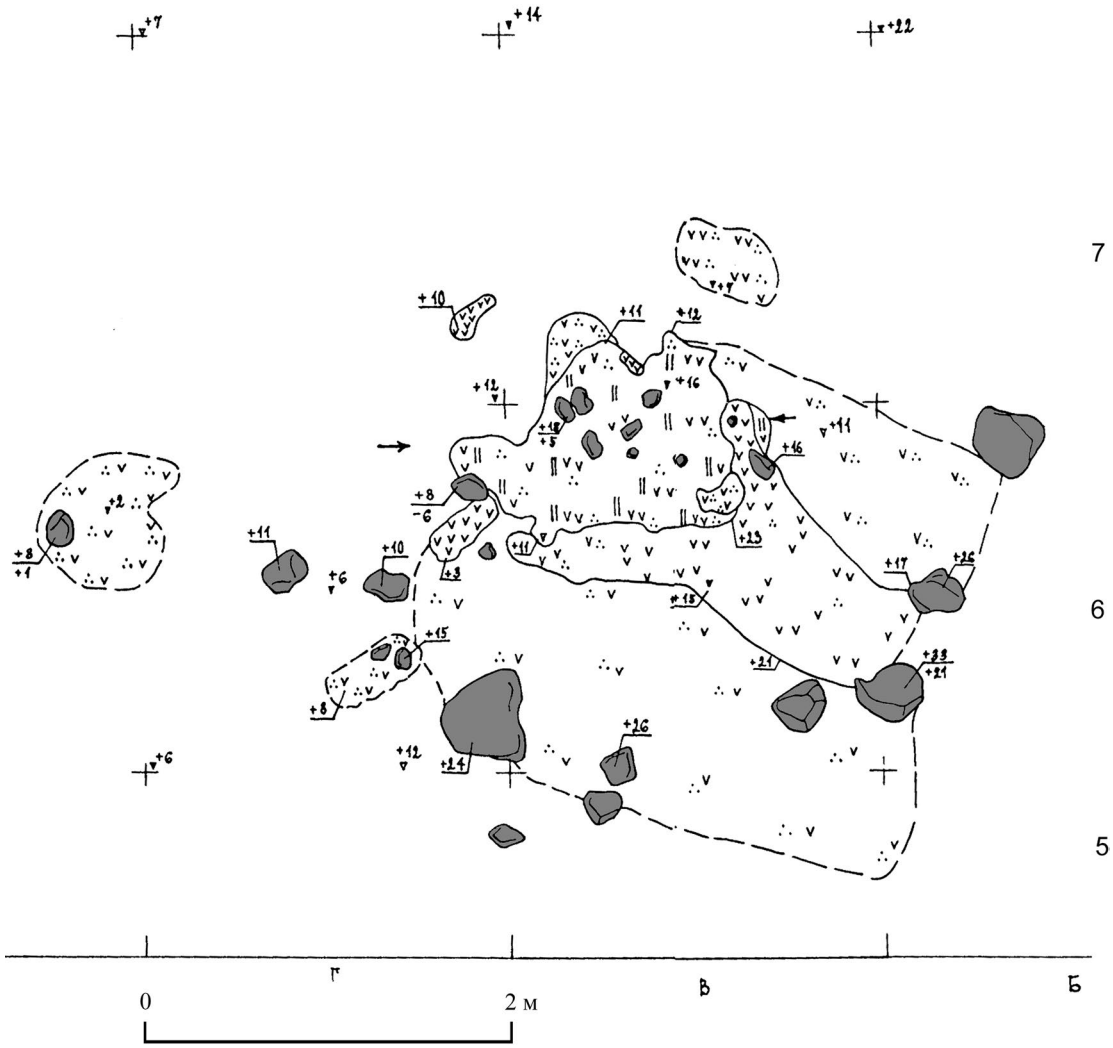


Рис. 107. Курганный могильник Колобово 1. Курган 2. Заполнение полуразрушенного СВ ровика.

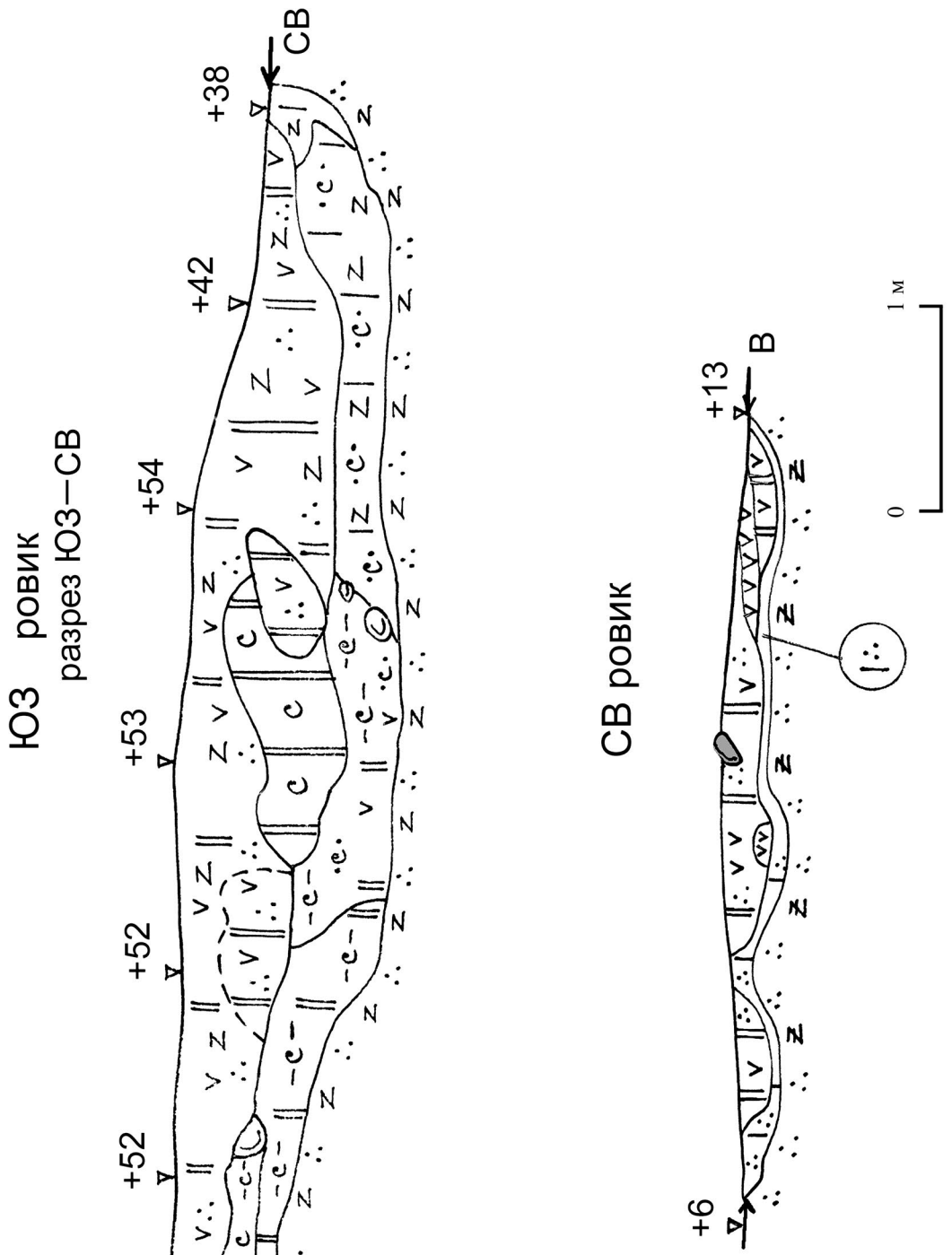


Рис. 108. Курганный могильник Колобово 1. Курган 2. Разрезы ровиков.

Рис. 109. Курганный могильник Колобово 1. Курган 2. Разрез ЮЗ ровика, вид с В.

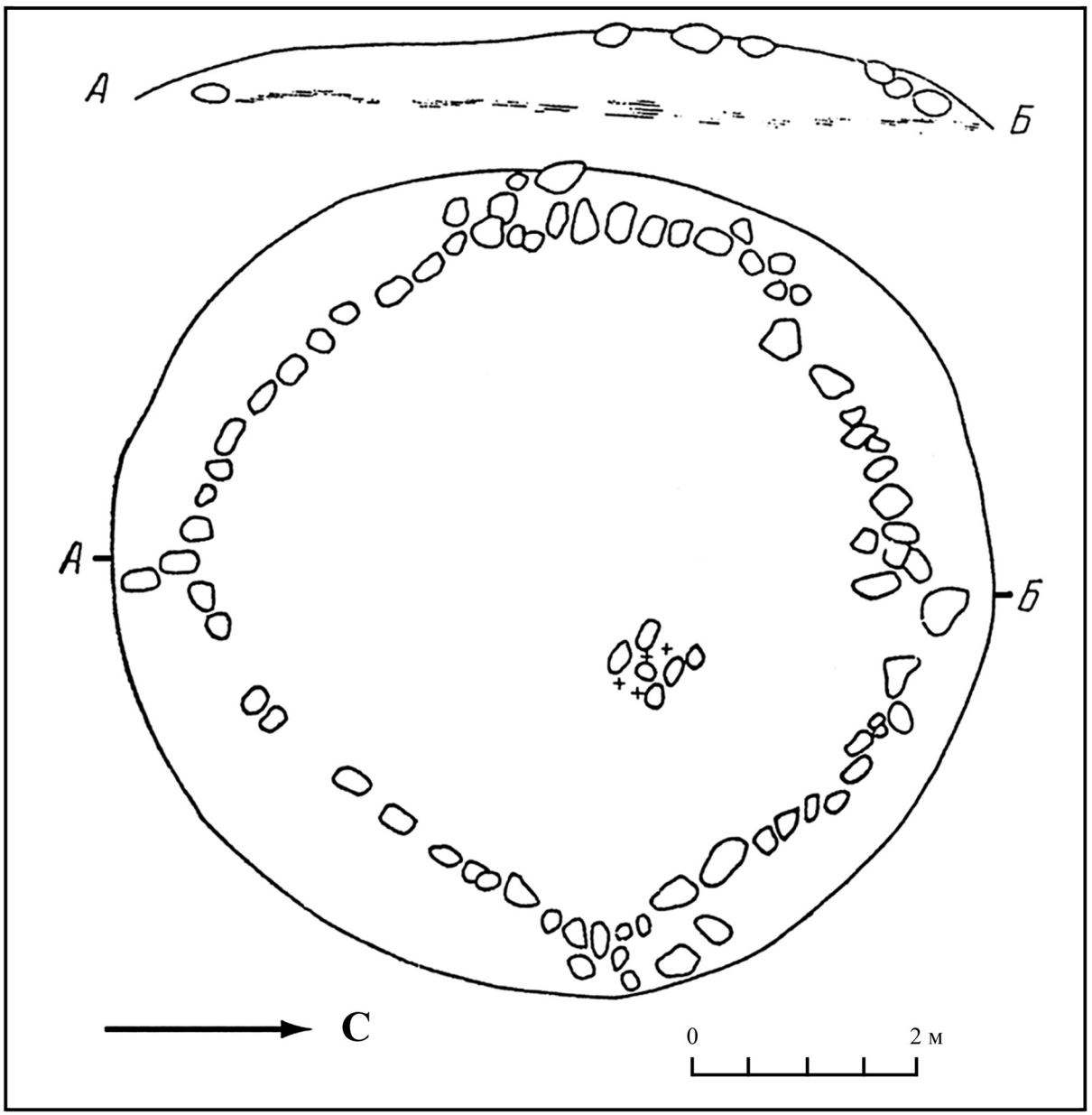


Рис. 110. Каменная конструкция в восточнолитовском кургане 5 с сожжением могильнка Стакай (по А.З. Таутавичусу, 1959).

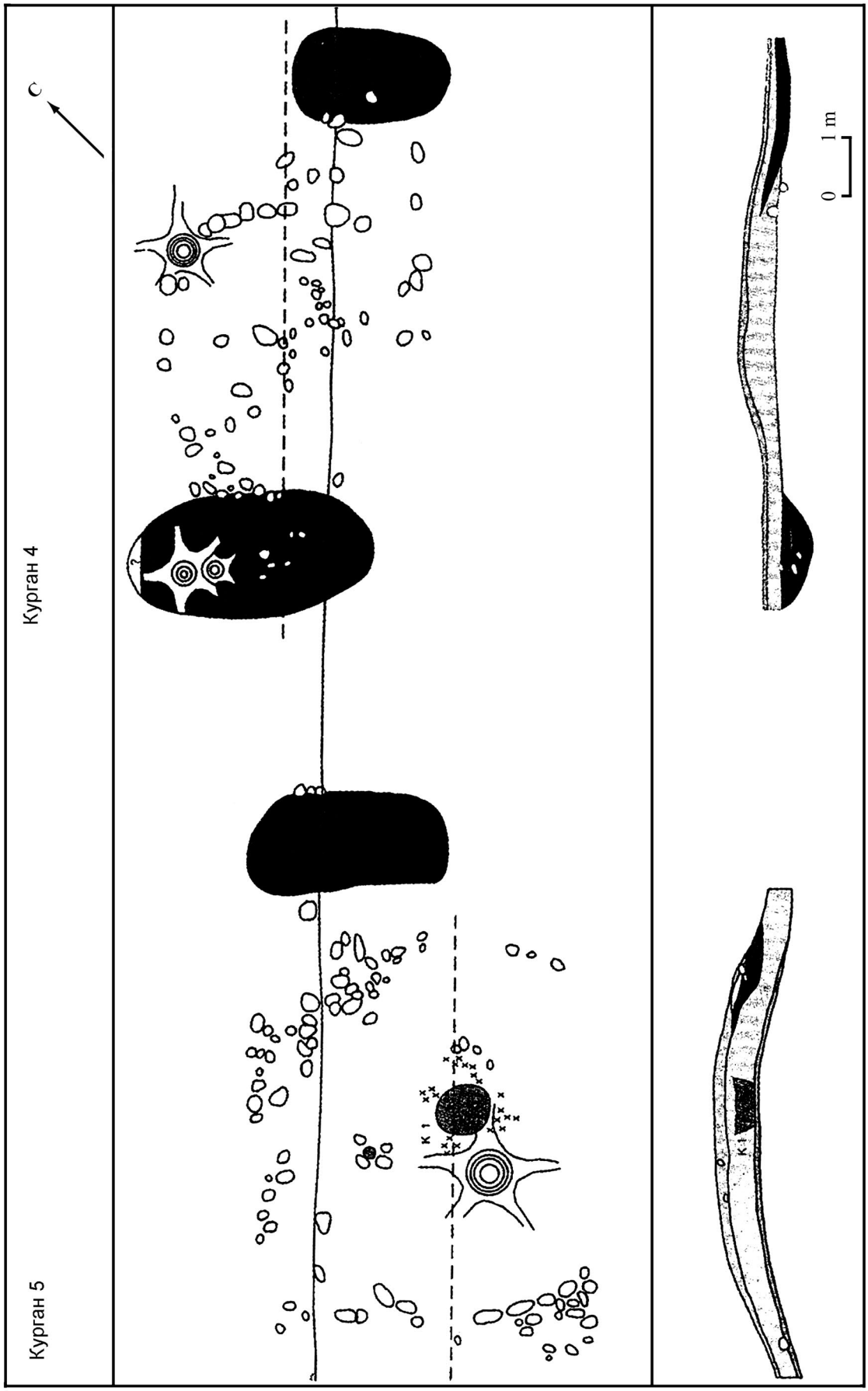


Рис. 111. Каменные конструкции в литовских курганах с сожжением (по В. Вайткевичусу, 2004, fig. 33).

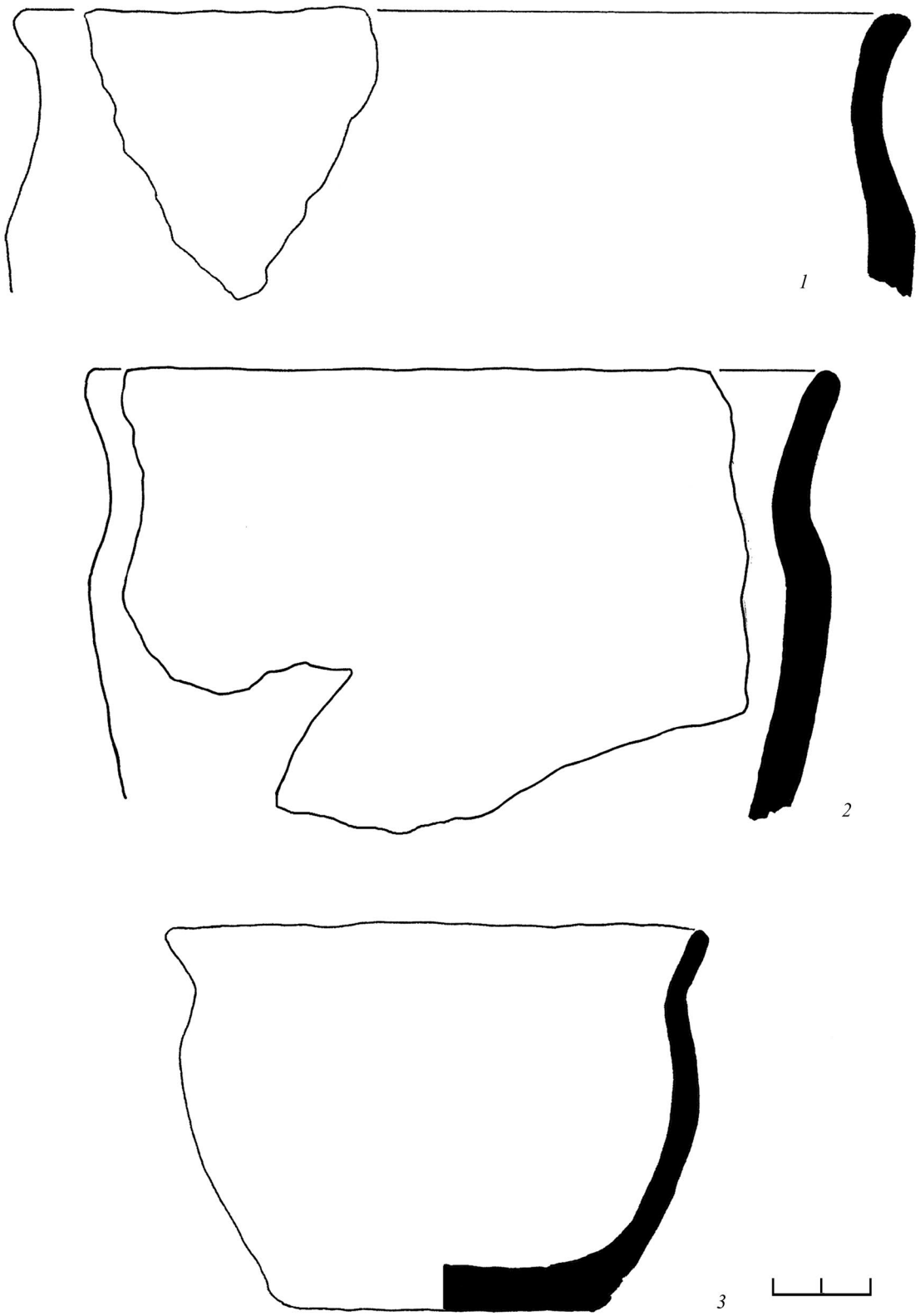


Рис. 112. Лепная керамика из курганов
1, 2 – могильник Тухачево курган 11; 3 – могильник Девичье 4 курган 1.

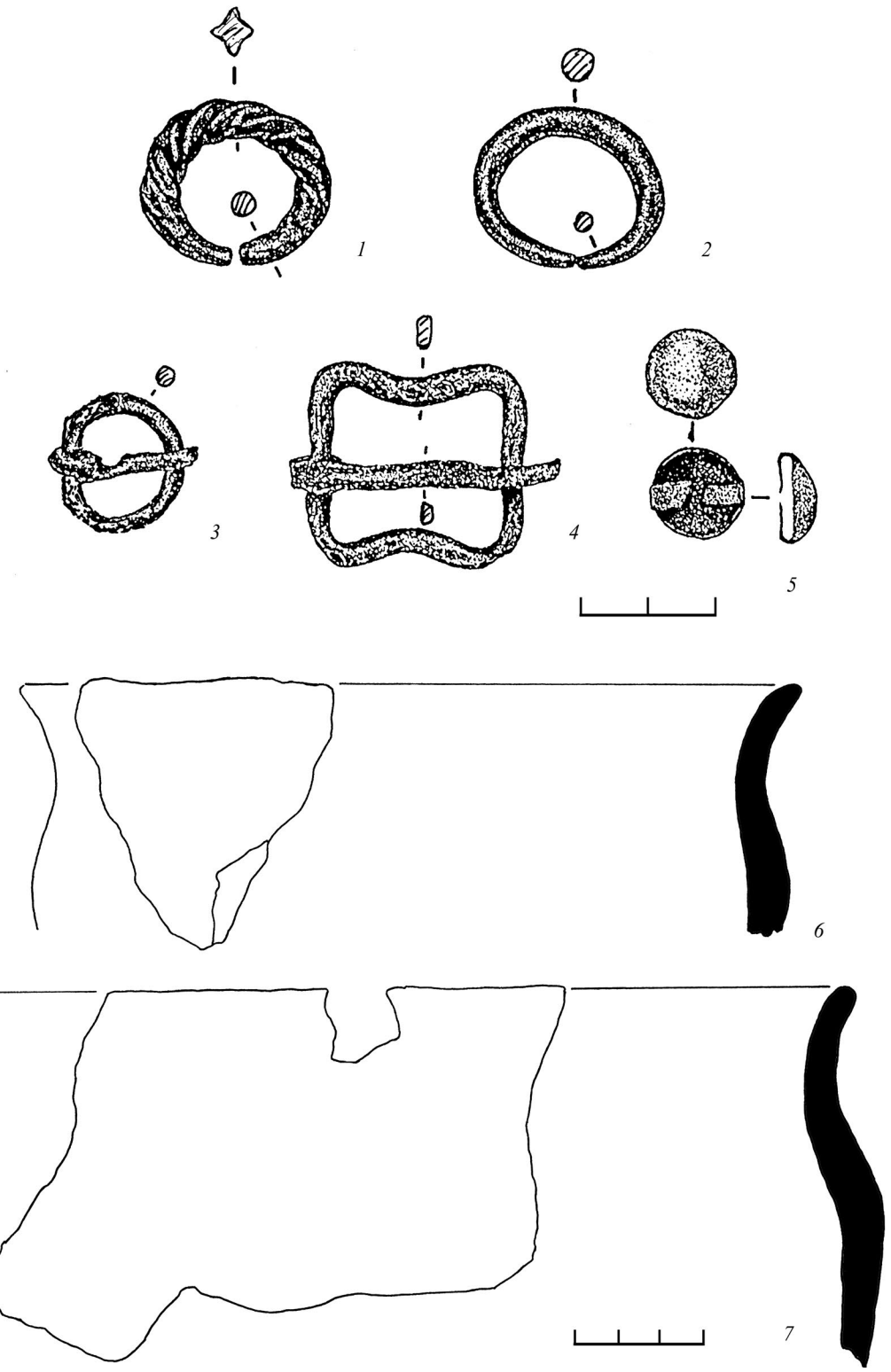


Рис. 113. Погребальный инвентарь и лепная керамика
из курганного могильника Тухачево 1 курган 11 (по О.М. Олейникову и АКР, 2010, с. 89)
1, 2 – перстни железные; 3, 4 – пряжки железные; 5 – бляшка бронзовая; 6, 7 – фрагменты лепных сосудов.

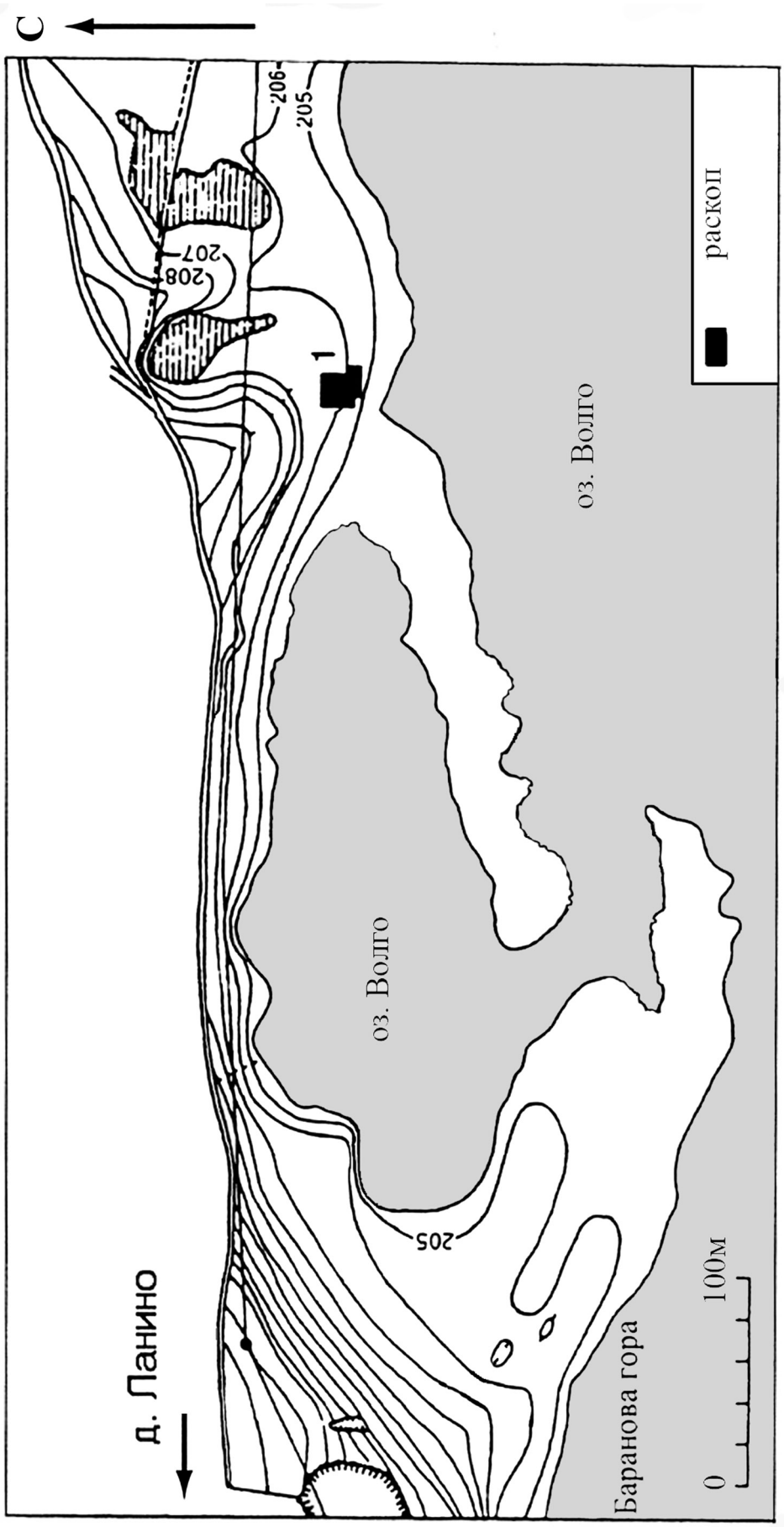


Рис. 114. Местоположение раскопа 1 на селище Подол 3 (по Г.В. Синицыной).

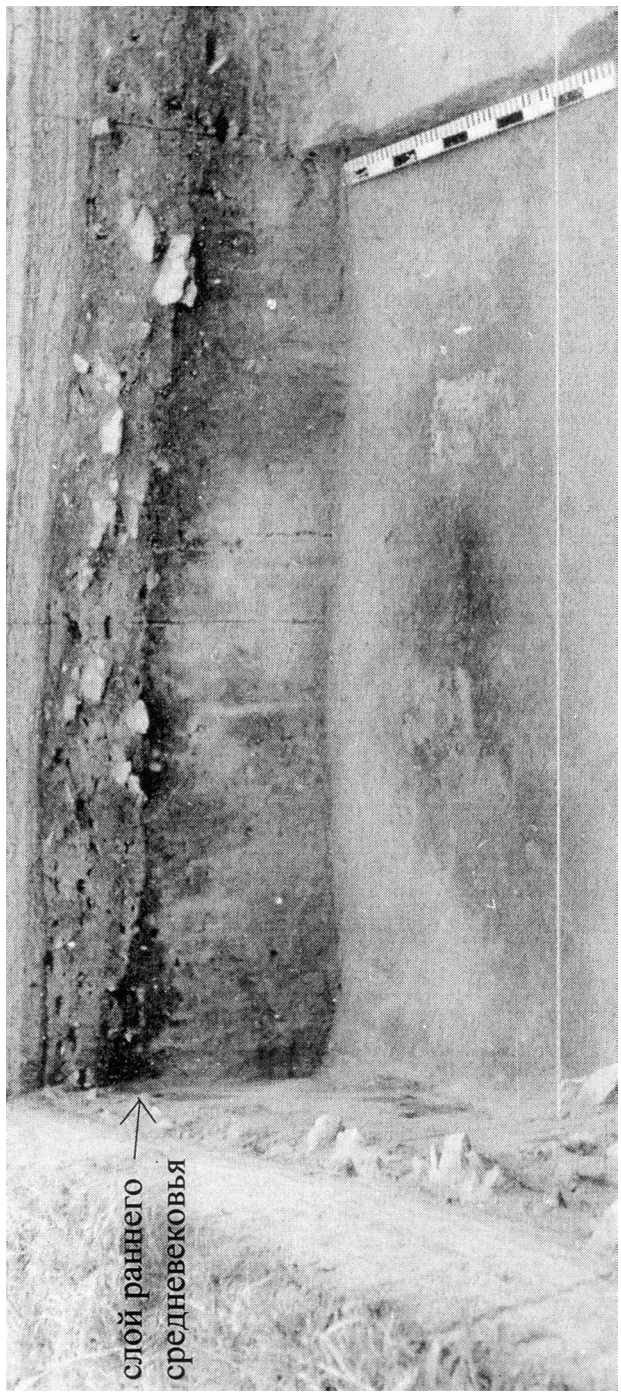


Рис. 115. Стратиграфия напластований на поселении Подол 3 (по Г.В. Синицыной).

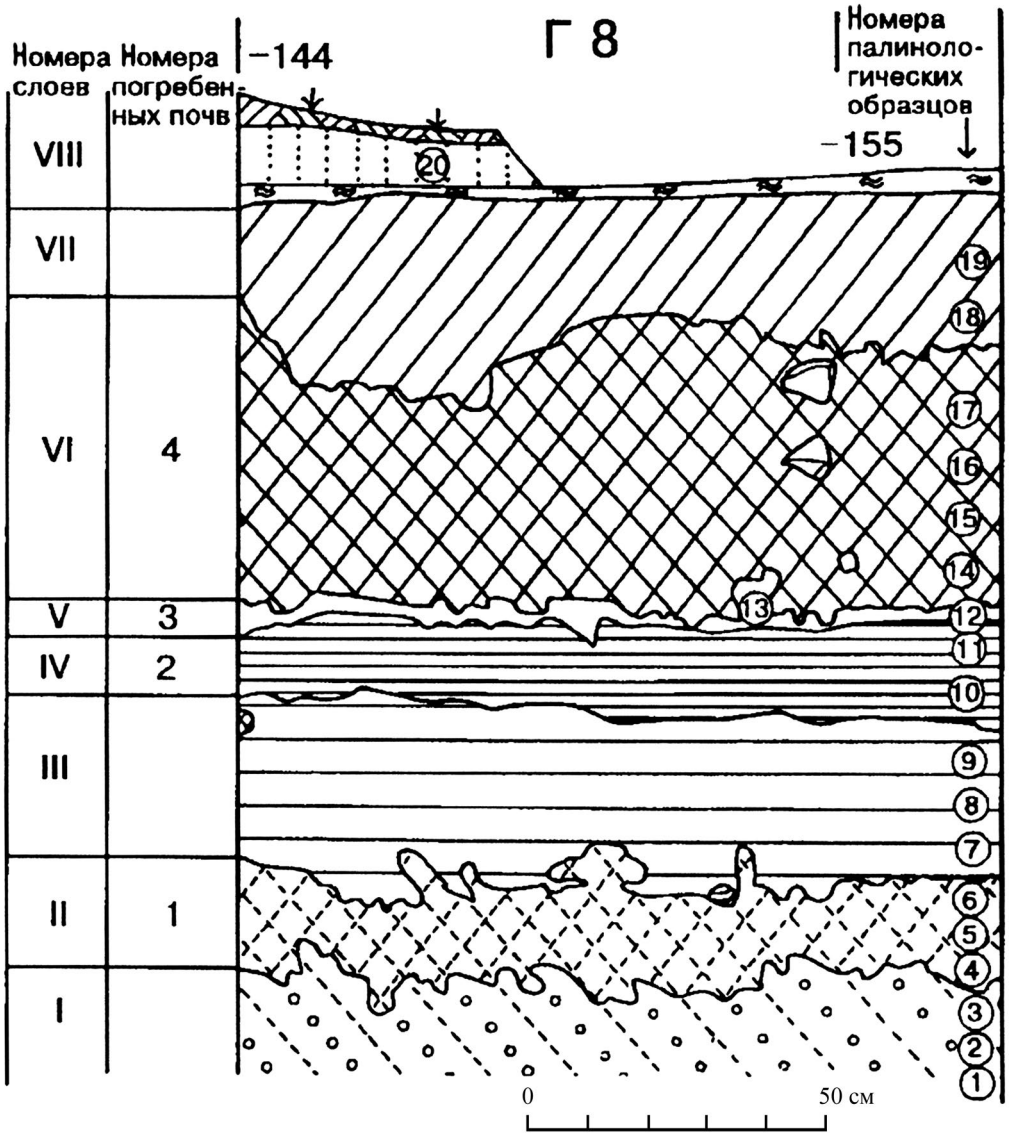


Рис. 116. Стратиграфия напластований на поселении Подол 3 (по Г.В. Синицыной).

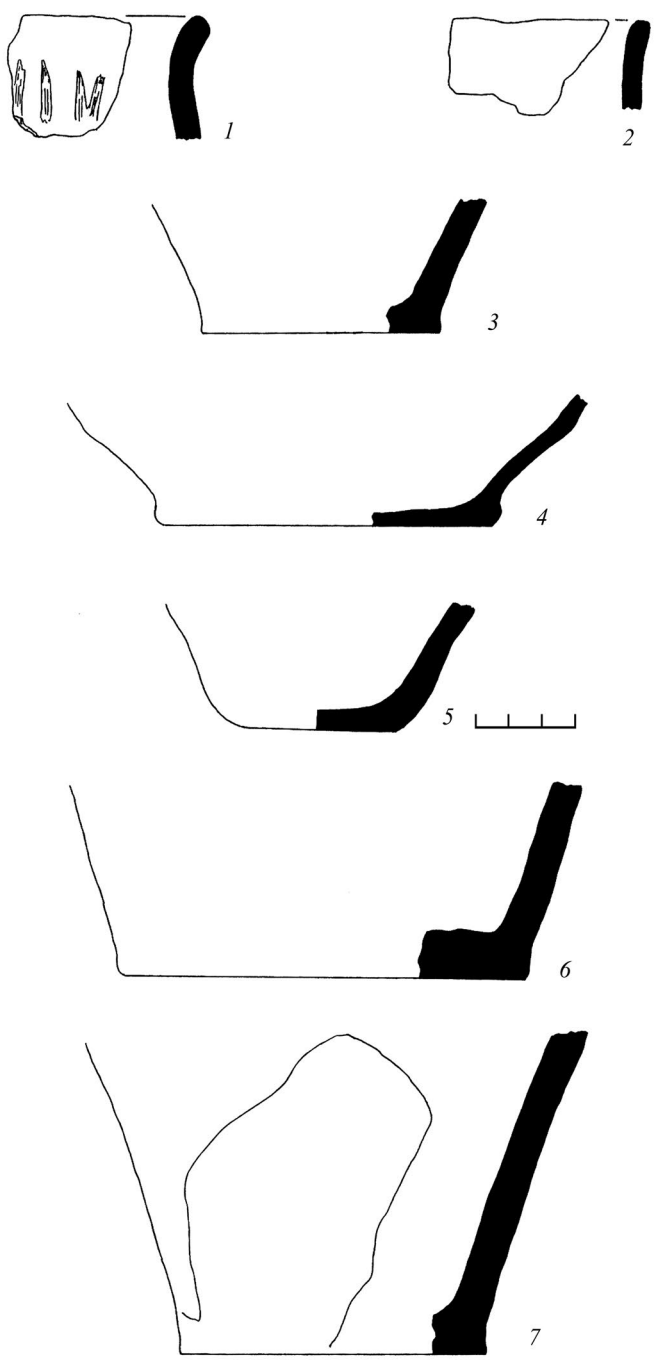


Рис. 117. Селище Подол 3. Лепная керамика.

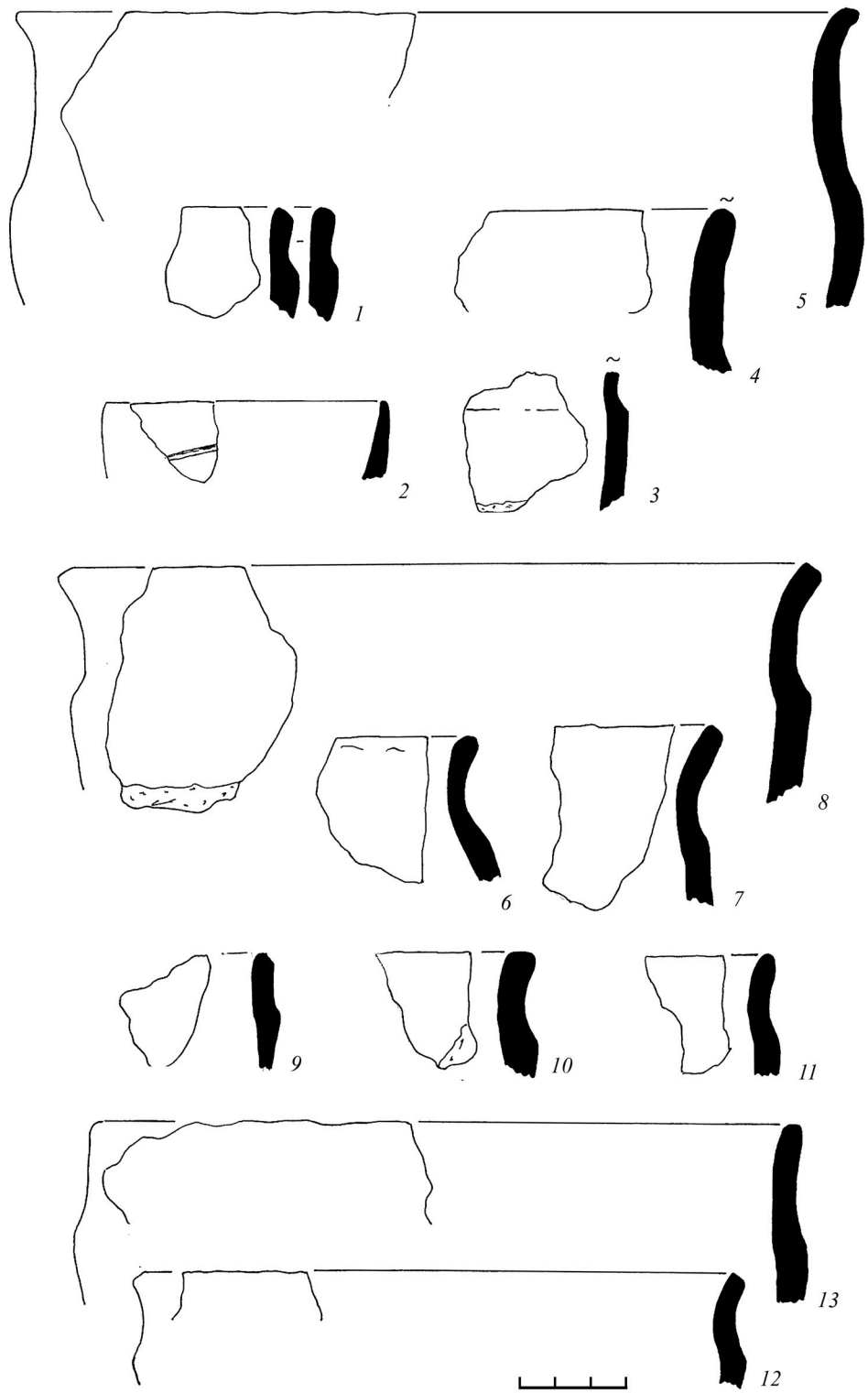


Рис. 118. Селище Подол 3. Лепная керамика группы 1.

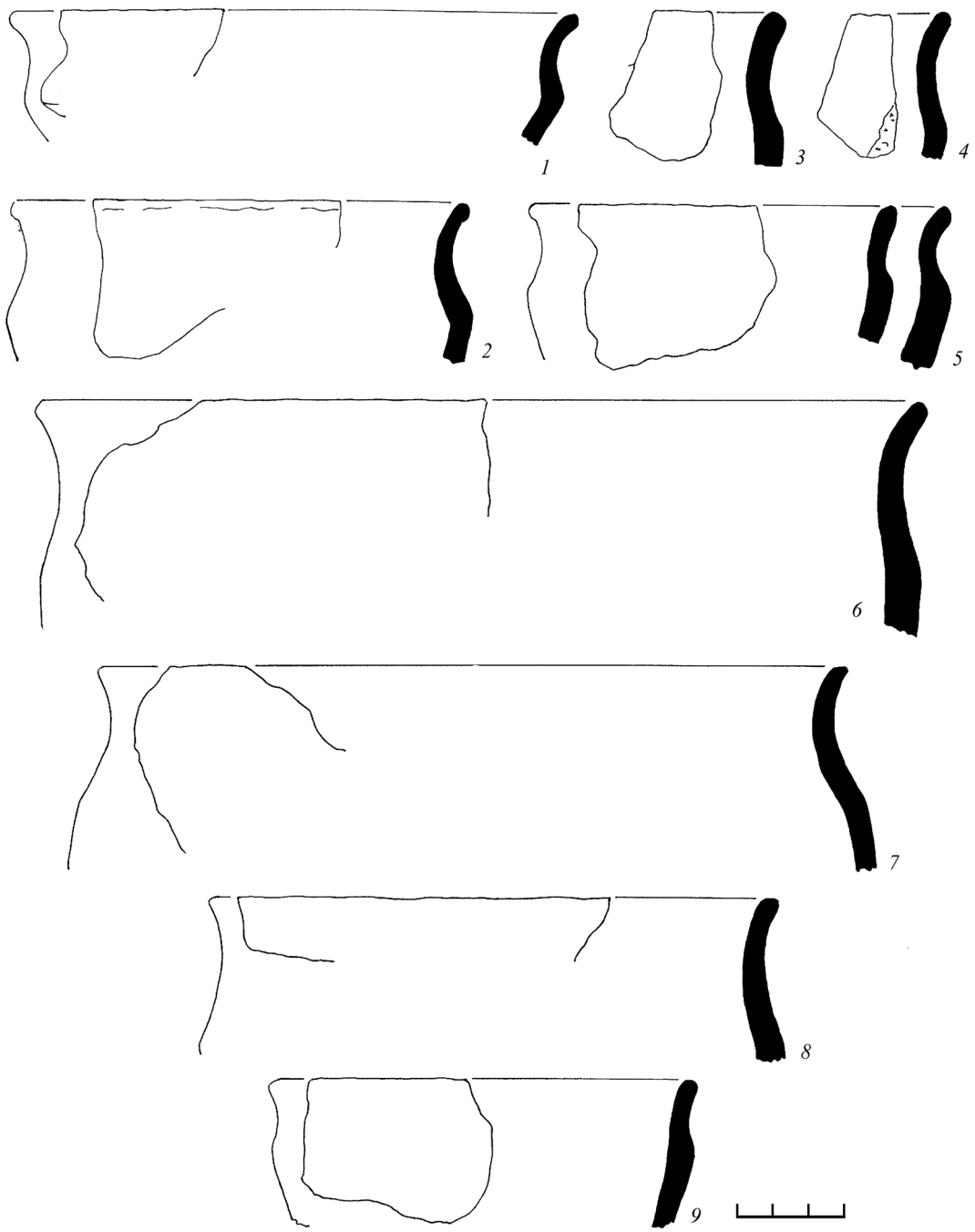


Рис. 119. Селище Подол 3. Лепная керамика группы 2.

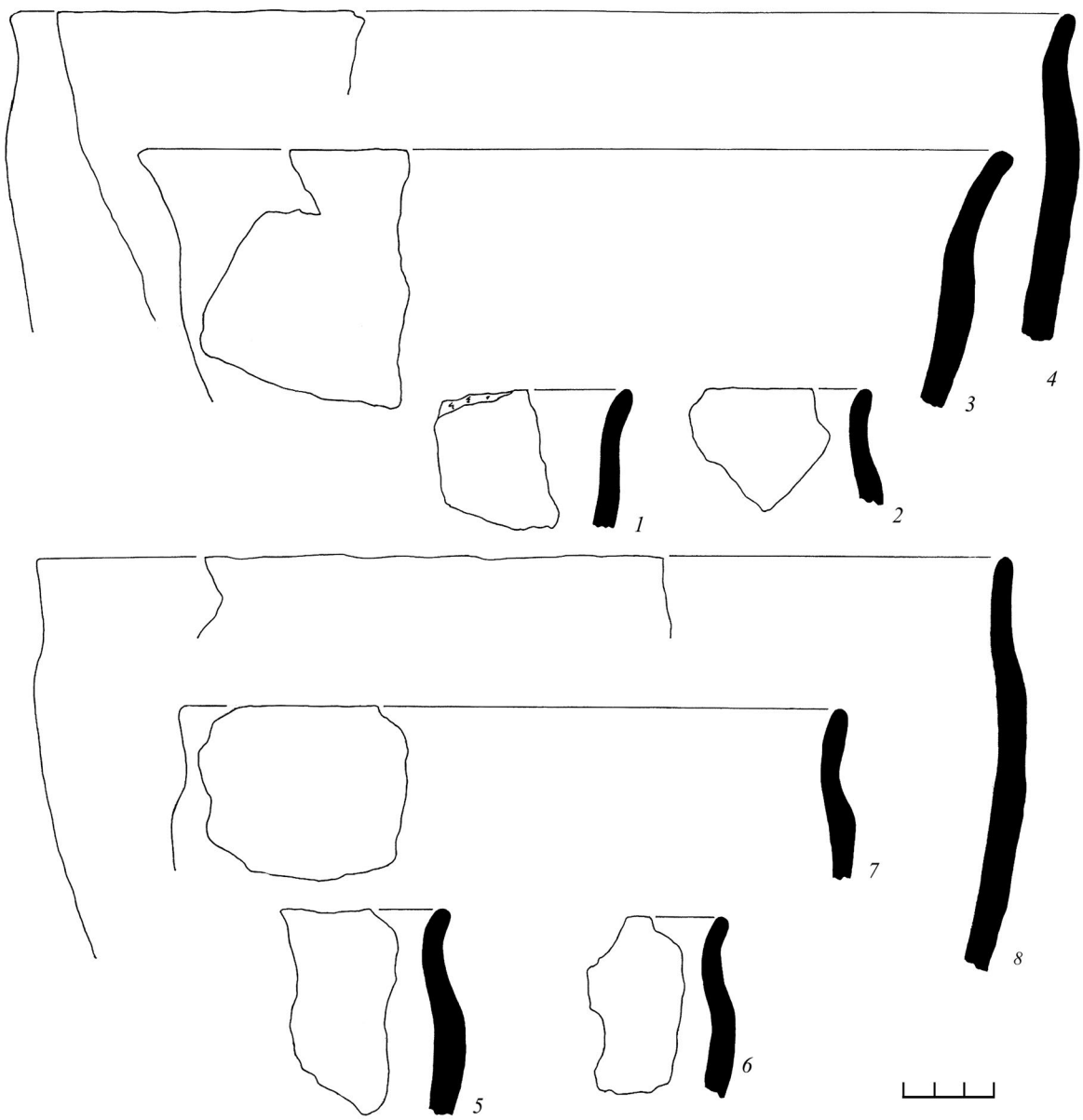


Рис. 120. Селище Подол 3. Лепная керамика групп 3 (1-4, 7, 8) и 5 (5,6).

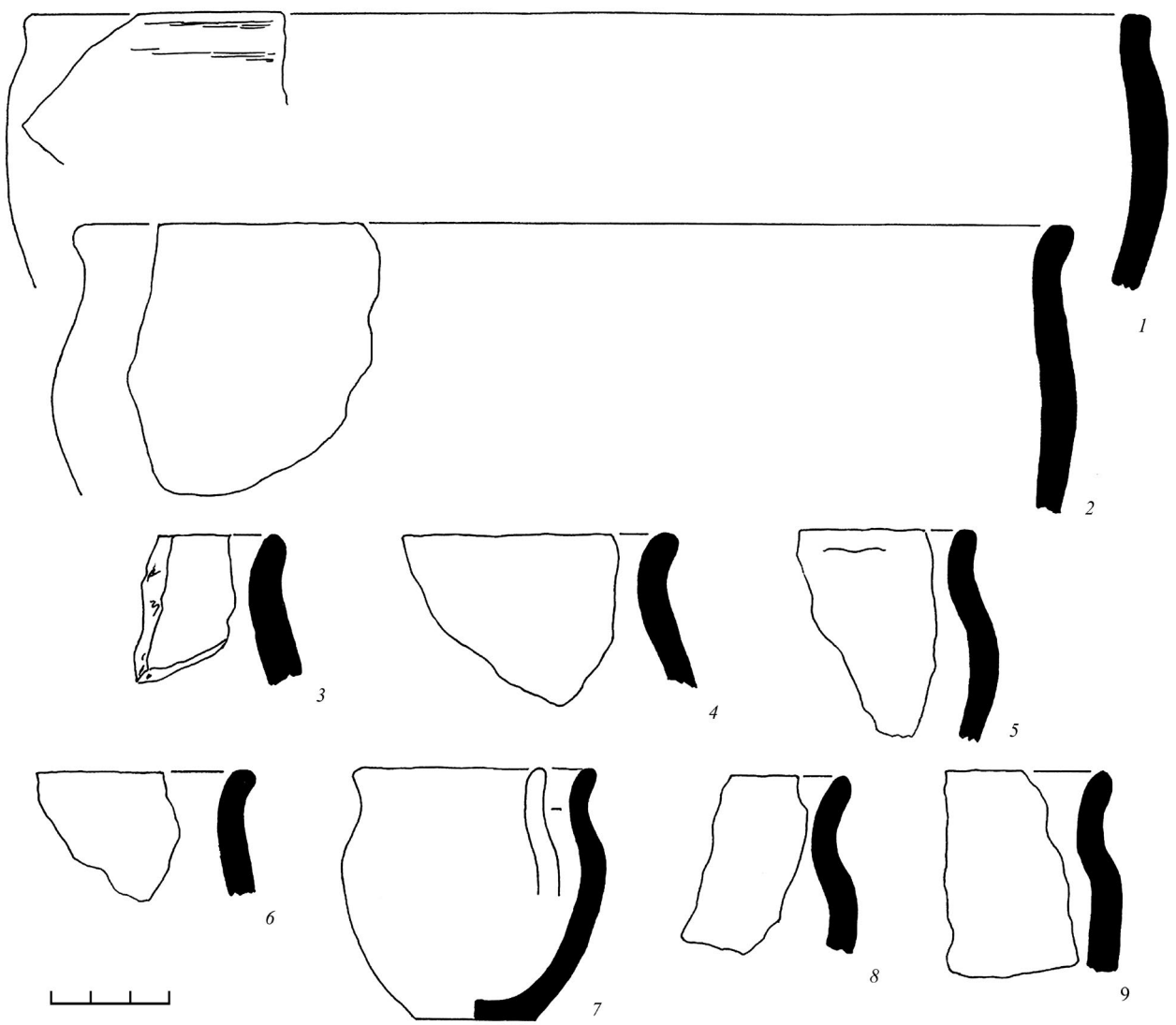


Рис. 121. Селище Подол 3. Лепная керамика групп 4 (1-6), 5 (7,8) и 6 (9).

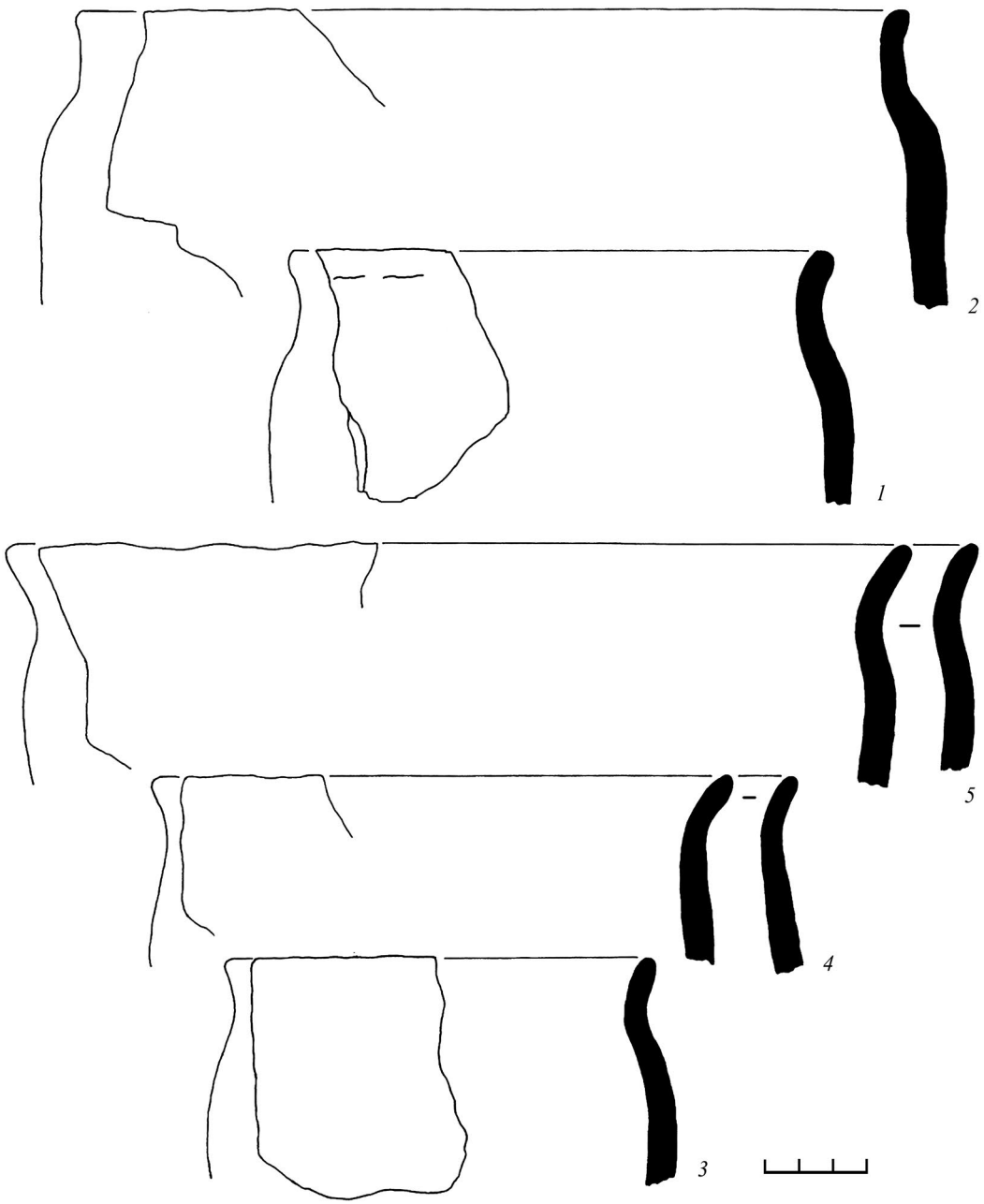


Рис. 122. Селище Подол 3. Лепная керамика группы 4 (2-5) и 6 (1).

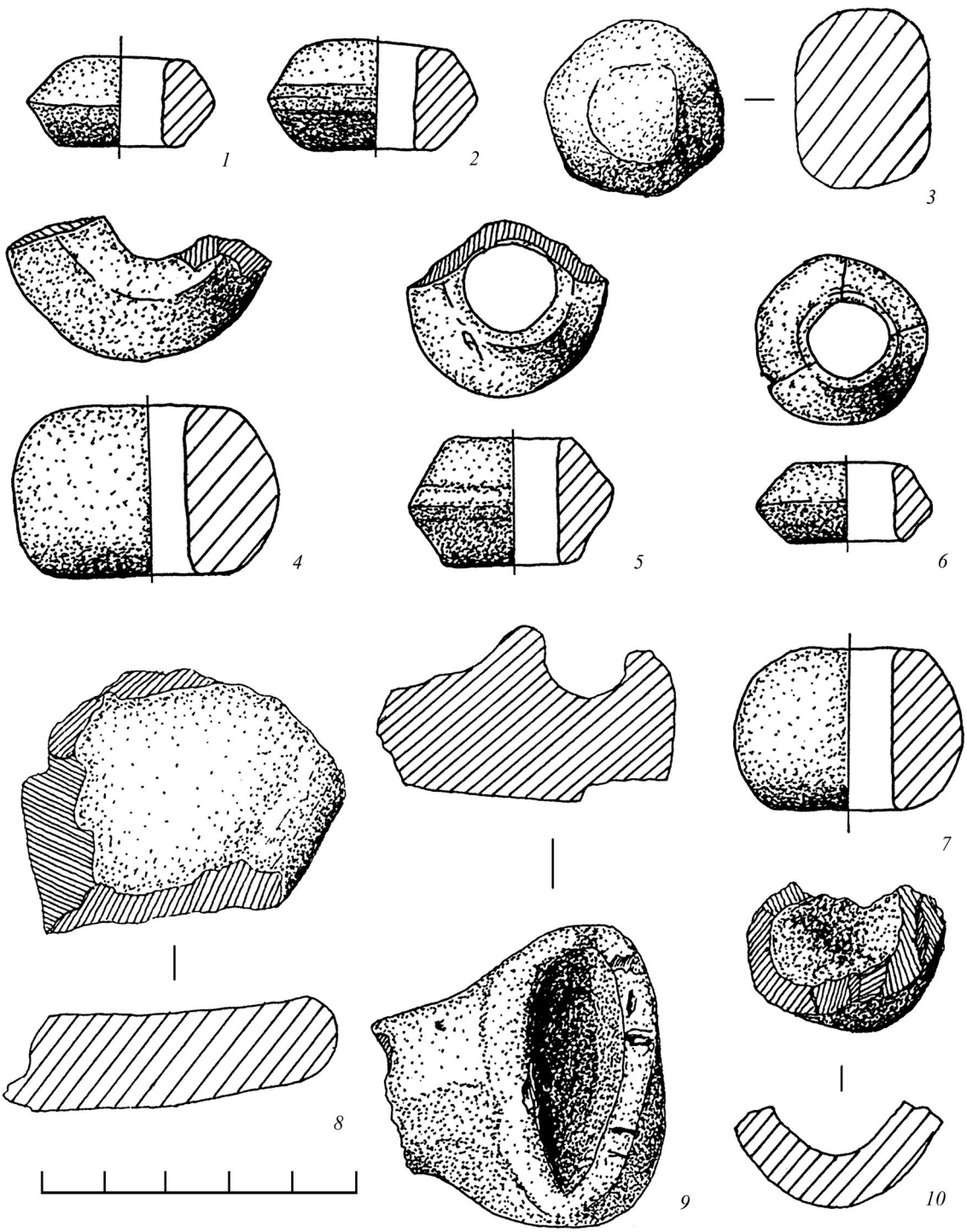


Рис. 123. Селище Подол 3. Глиняные изделия
1, 2, 4, 5, 6 – пряслица и их фрагменты; 3 – пробка; 7 – грузило; 8 – фрагмент сковороды; 9 – фрагмент льячки; 10 – фрагмент тигля.

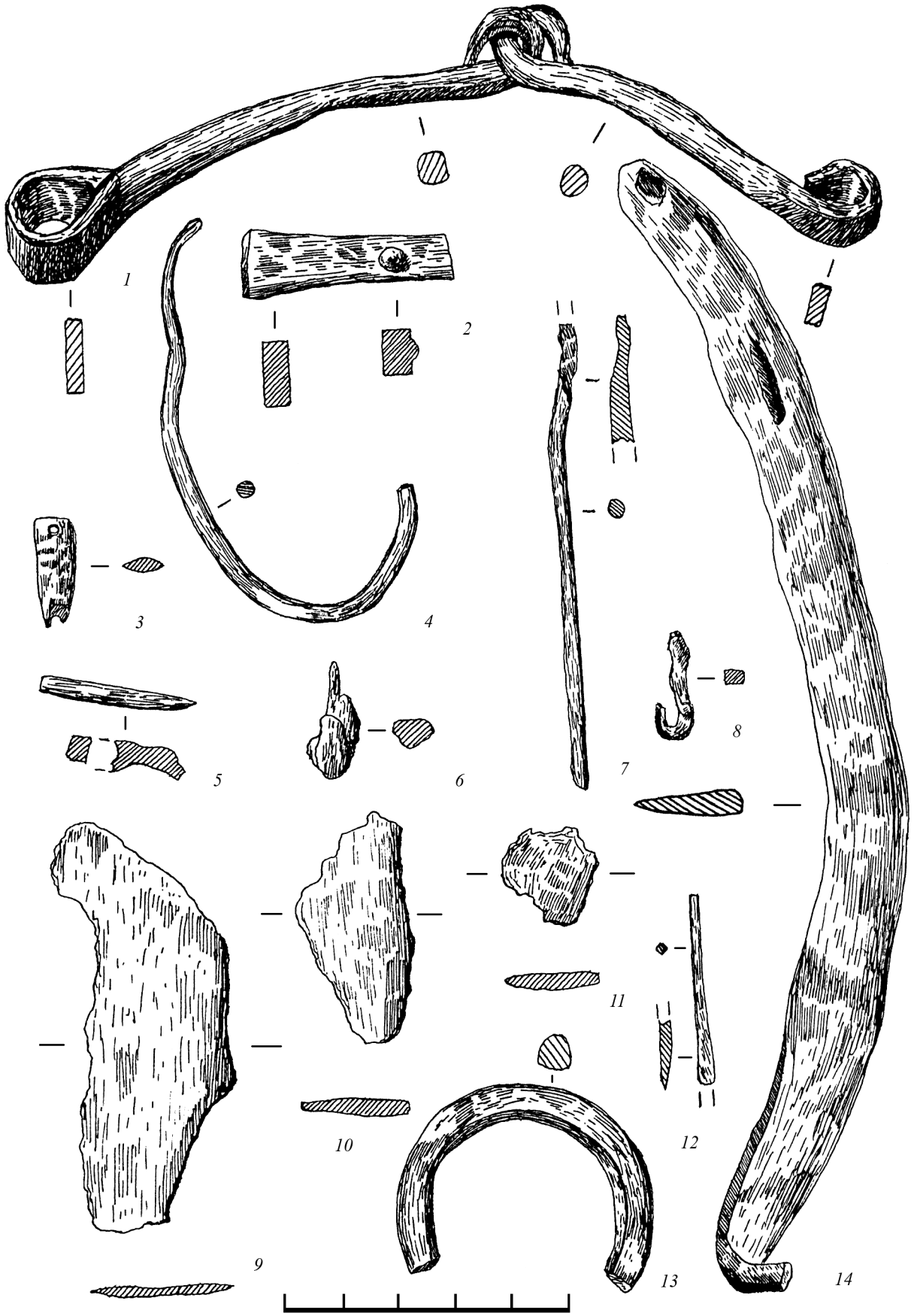


Рис. 124. Селище Подол 3. Находки из раскопа 1
1, 2, 5-14 – железо; 3, 4 – цветной металл; 1, 14 – изделия раннего средневековья; 1 – удила; 14 – серп; 2-13 – фрагменты изделий Нового и Новейшего времени.

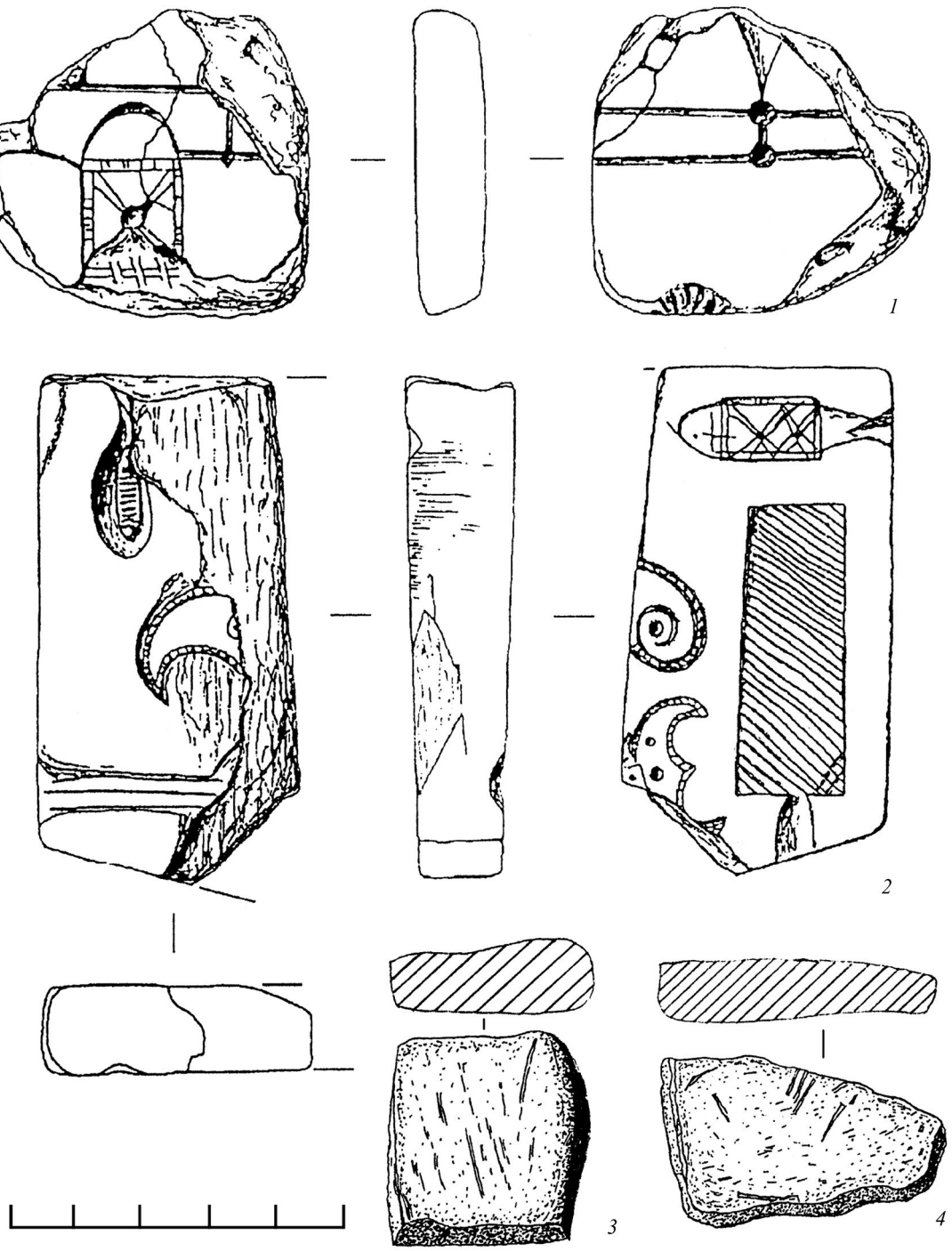


Рис. 125. Селище Подол 3. Фрагменты литейных формочек (1, 2) и оселков (3, 4)
1 – глина; 2-4 – камень.

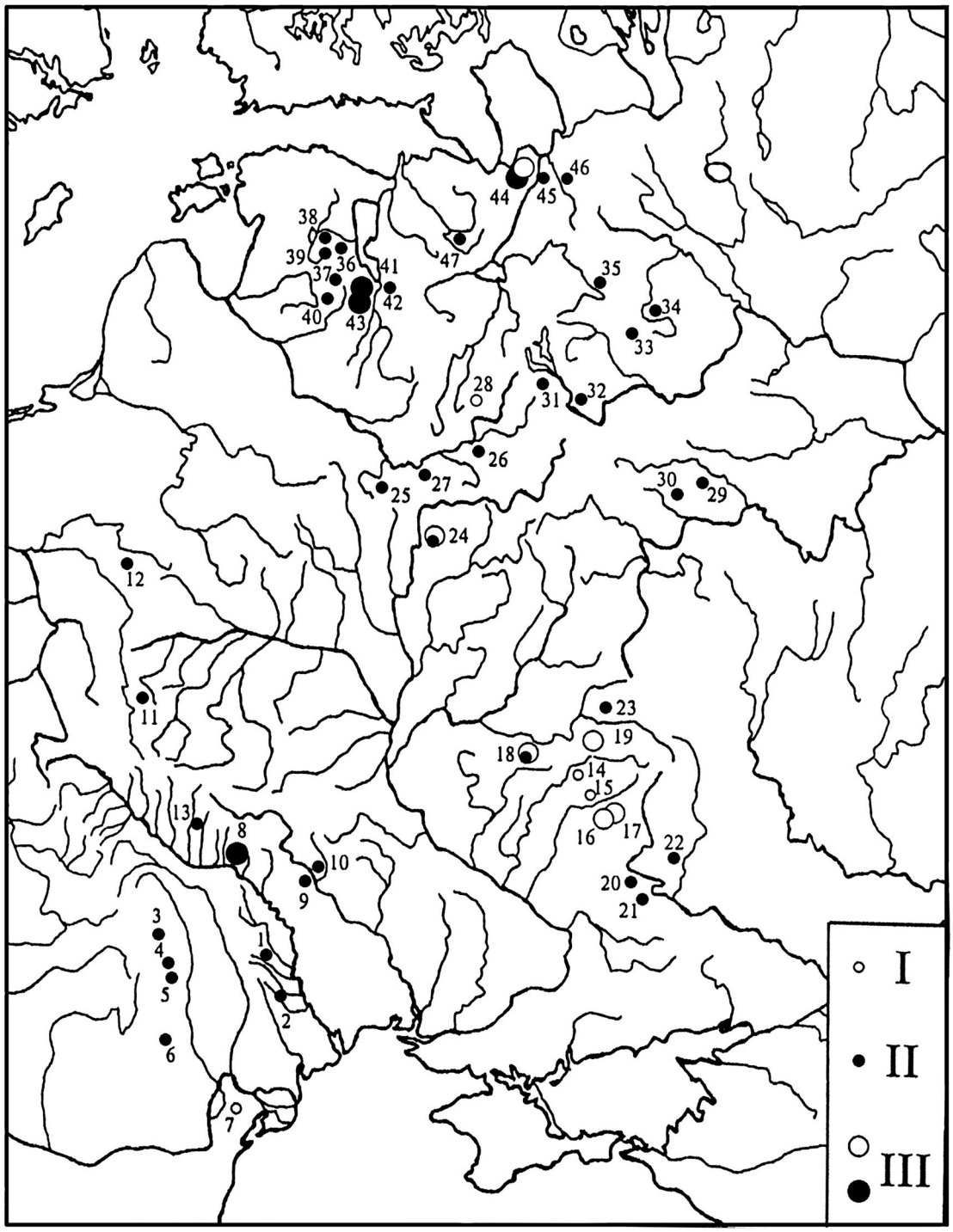


Рис. 126. Карта памятников с находками формочек типа Бернашёвка-Камно (по О.А. Щегловой, 2002)

I – отливки; II – формочки; III – более 10 экземпляров;

1 – Селиште; 2 – Данчены; 3 – Ботошана; 4 – Радень; 5 – Давидень; 6 – Штефан-чел-Марь; 7 – Пьятра-Фрекацеи; 8 – Бернашёвка; 9 – Семенки; 10 – Скибинцы; 11 – Зимно; 12 – Хачки; 13 – Городок; 14 – Нижняя Сыроватка; 15 – Смородино; 16 – Новая Одесса; 17 – Козиевка; 18 – Большие Будки; 19 – Гапоново; 20 – Коробовы Хутора; 21 – Занки; 22 – Луьяновка; 23 – Нартово; 24 – Никодимово; 25 – Лукомль; 26 – Шугайлово; 27 – Витебск; 28 – Хачево; 29 – Дьяково; 30 – Луковня; 31 – Подол 3; 32 – Осечен; 33 – Белый Городок; 34 – Еськи; 35 – Съезжее; 36 – Арнико; 37 – Лоози; 38 – Унипиха; 39 – Отепя; 40 – Рыуге; 41 – Изборск; 42 – Псков; 43 – Камно; 44 – Ладога; 45 – Любша; 46 – Городище на Сяси; 47 – Надбелье.

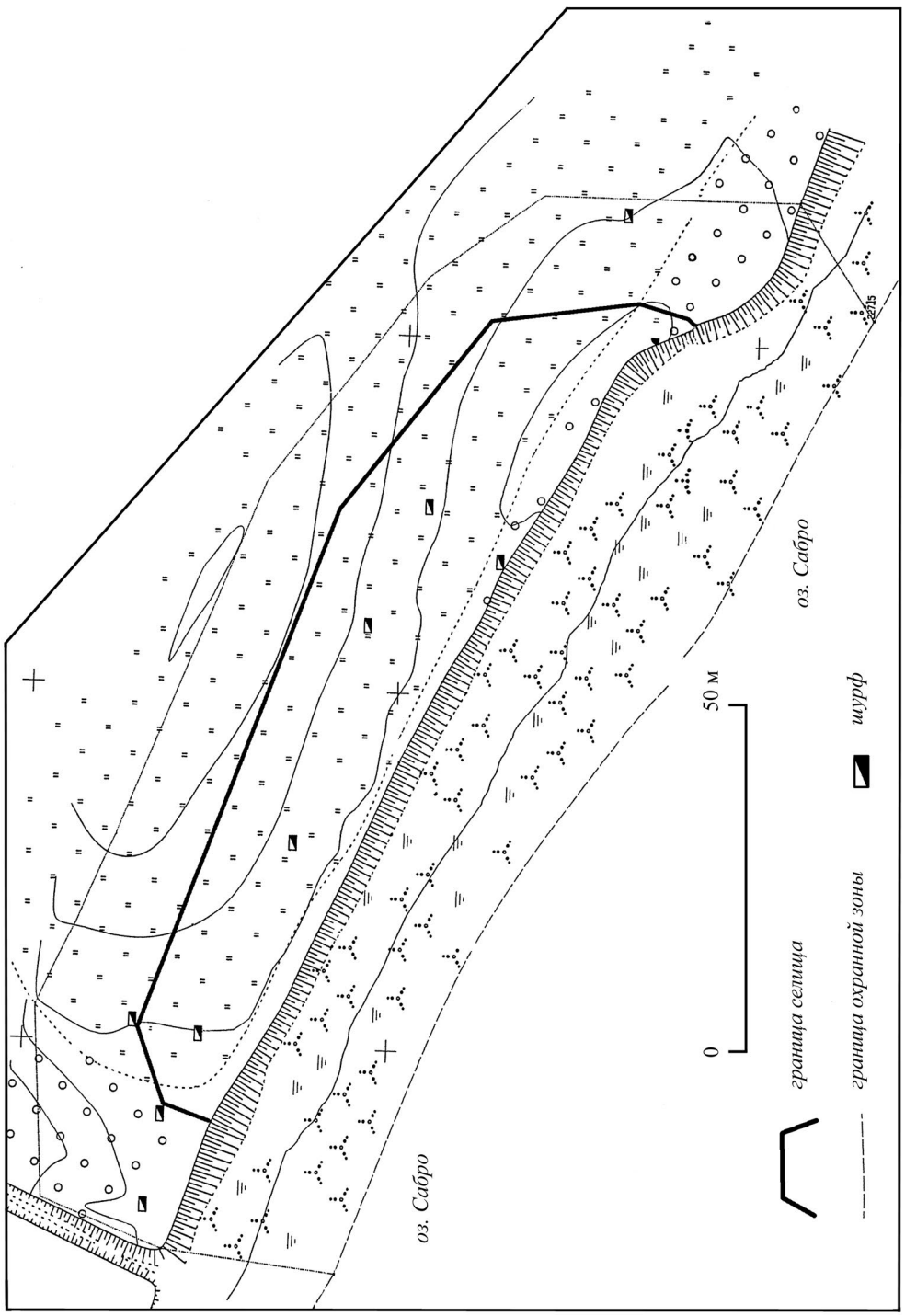


Рис. 127. Селище Горка (по Г.А. Лавровой).

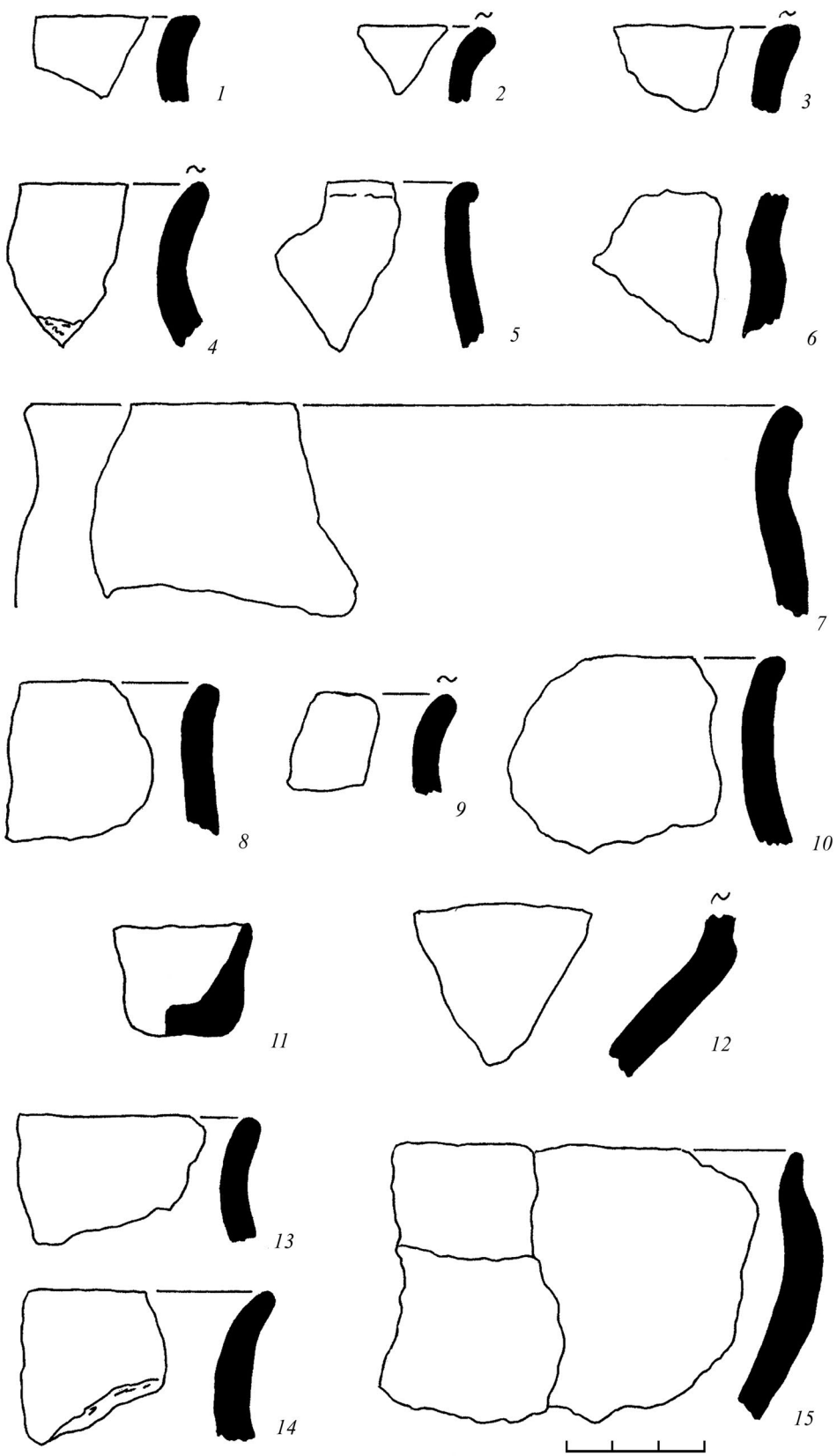


Рис. 128. Лепная керамика из раннесредневековых поселений
1-4, 6 – селище Звягино 2; 5 – селище Ронское 1; 7-12 – селище Горка 1; 13-15 – селище Залесье 1-2 (подъемный материал).

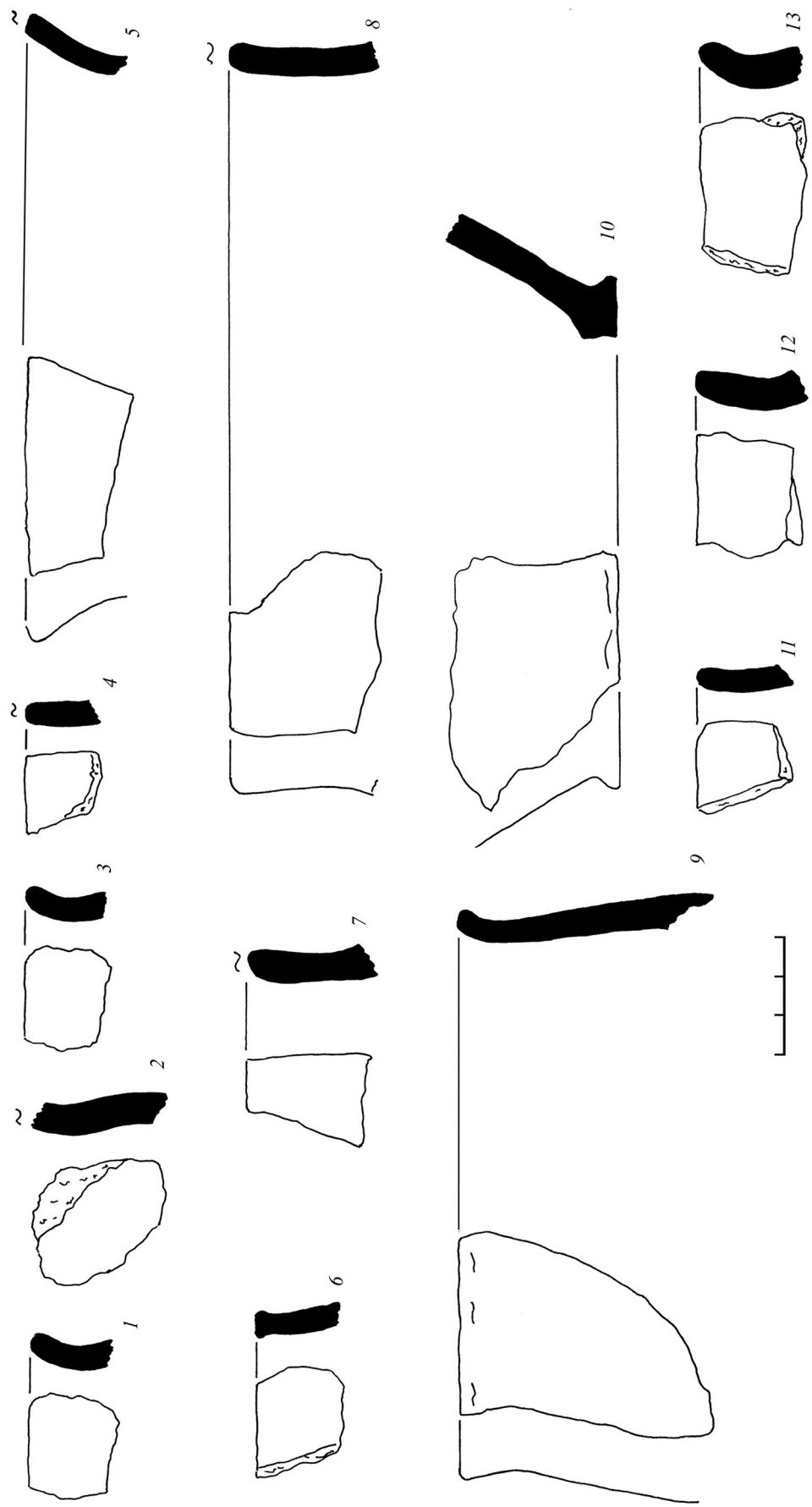


Рис. 129. Лепная керамика из раннесредневековых поселений
1-5 – селище Лом 1; 6-8,10 – селище Дроздово; 9, 11-13 – селище Хитино.

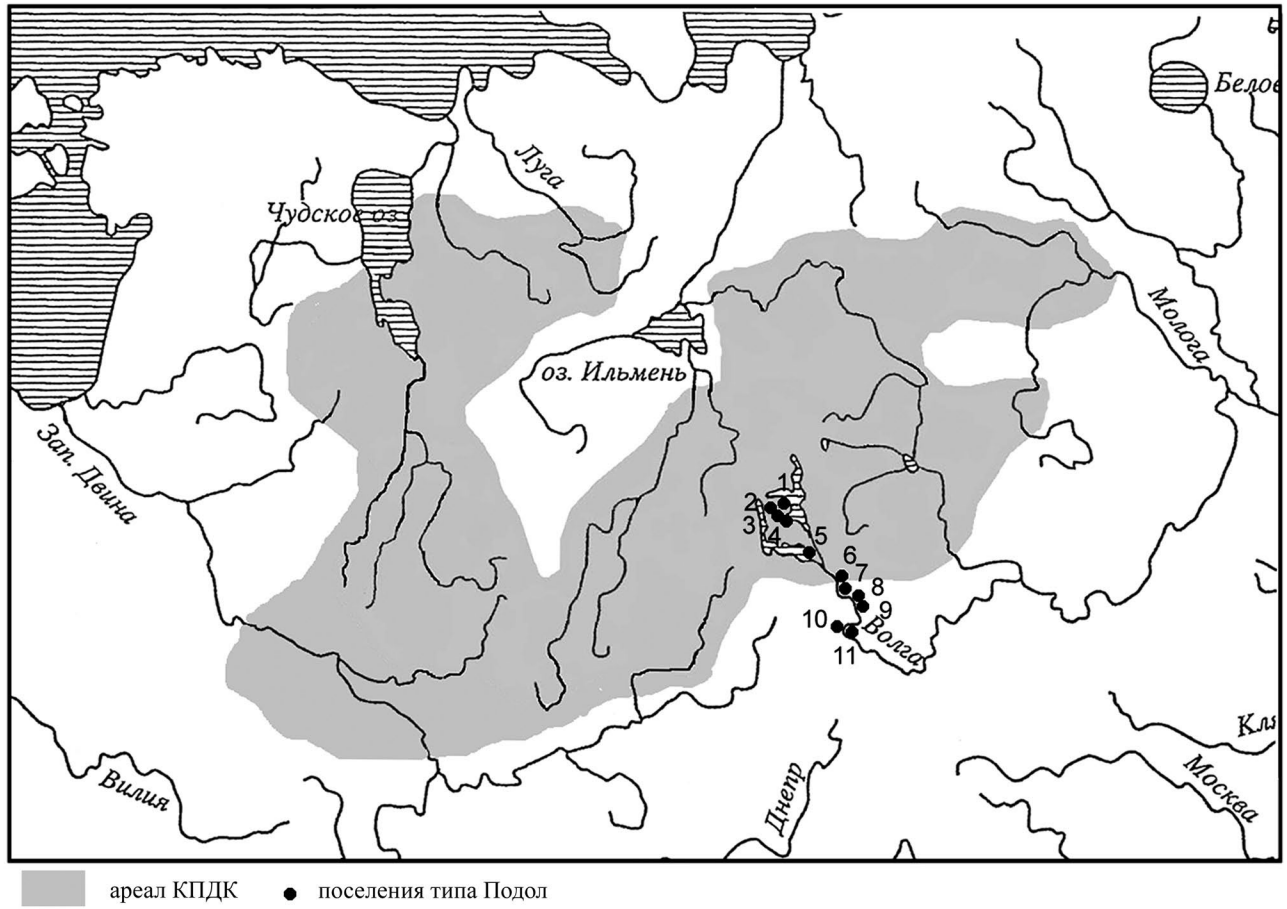


Рис. 130. Древности КПДК и типа Подол
1 – Никола-Рожок; 2 – Горка; 3 – Звягино; 4 – Ронское 3; 5 – Подол 3; 6 – Теплый Ручей; 7 – Суходол, 8 – Рогово; 9 – Осечен; 10 – Усть-Тудовка 8; 11 – Бобронники.

Литература и архивные материалы

Агеева Р.А. 1985. Происхождение имен рек и озер. М.

Агеева Р.А. 1989. Гидронимия русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М.

АКР. 2010. Археологическая карта России. Тверская область. Часть 3. М.

Алексеев Л.В. 1974. «Оковский лес» повести временных лет // Культура средневековой Руси. М.

Арциховский А.В., Янин В.Л. 1978. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 годов). М.

Аун М. 1980. Курганные могильники Восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия нашей эры. Таллин.

Аун М. 1992. Археологические памятники второй половины I тыс. н.э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллинн.

Бассалыго Л.А., Янин В.Л. 1998. Новгородские пограничные волости и погосты на юге Деревской и Бежецкой пятин // Янин В.Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII-XV веков. М.

Башенькин А.Н. 1995. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Проблемы истории Северо-Запада Руси. СПб.

Башенькин А.Н., Васенина М.Г. 1993. Женский убор древнего населения Устюженского края (по археологическим материалам) // Устюжна: Историко-литературный альманах. Вып. 11. Вологда.

Белякова О.Д. А-2004. Отчет об инвентаризации памятников археологии в Осташковском районе Тверской области в 2004 году // Архив ИА РАН. Р-1.

Белякова О.Д. 2005. Инвентаризация объектов исторического наследия в Осташковском районе Тверской области // АО–2003. М.

Белякова О.Д. 2005-А. Отчет об археологическом обследовании в рамках историко-культурной экспертизы участков земельных отводов в Селижаровском и Осташковском районах Тверской области в 2005 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

Буров В.А. 2003. Городище Варварина Гора. Поселение I–V и XI–XIV веков на юге Новгородской земли. М.

Васильев В.Л. 2007. Древнебалтийская топонимия в регионе Новгородской земли // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 21. Великий Новгород.

Вергей В.С. 2008. Белорусское Полесье в римский период и в начале эпохи Великого переселения народов // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1. Тула.

Верещагина И.В., Синицына Г.В., Тимофеев В.И., Тихомирова О.М., Шаяхметова Л.Г., Шумкин В.Я. 1995. Каменный век Верхневолжского региона. Вып. 1. Материалы к археологической карте. СПб.

Верещагина И.В., Гурина Н.Н., Крылова Т.Б., Синицына Г.В., Тимофеев В.И., Шумкин В.Я. 1997. Каменный век Верхневолжского региона. Вып. 2. СПб.

Волкова М.В. А-2005. Отчет об археологической разведке в Западнодвинском, Калязинском, Кашинском, Кимрском и Осташковском районах Тверской области в 2005 году // Архив ИА РАН. Р-1.

Волкова М.В., Исланова И.В. 2011. Исследование селища Пески 1 на озере Селигер // ТАС. Вып. 8. Т. II. Тверь.

Воробьев В.М. 2004. Культурно-этнические контакты на континентальных водоразделах. Тверь.

Воробьев В.М. 2005. Тверской топонимический словарь. Тверь.

География. 1992. География Тверской области. Тверь.

Глазов В.Н. 1905. Отчет В.Н. Глазова о поездке 1903 г. на верховья Волги и в Демянский уезд // ЗОРСА. Т. VII. Вып. 1. СПб.

Гурина Н.Н. А-1956. Отчет неолитического отряда Прибалтийской экспедиции. 1956 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1263.

Гурина Н.Н. А-1969. Отчет о полевой работе Верхневолжской неолитической экспедиции за 1969 год // Архив ИА РАН. Р-1. № 3984.

Гурина Н.Н. А-1970. Отчет о полевой работе Верхневолжской неолитической экспедиции за 1970 год // Архив ИА РАН. Р-1. № 4276.

Гурина Н.Н. 1971. Работы Верхневолжской неолитической экспедиции // АО–1970. М.

Гурина Н.Н. А-1971. Отчет о полевой работе Верхневолжской неолитической экспедиции за 1971 год // Архив ИА РАН. Р-1. № 4491.

Гурина Н.Н. 1972. Верхневолжская неолитическая экспедиция// АО–1971. М.

Гурина Н.Н. А-1972. Отчет Верхневолжской неолитической экспедиции за 1972 год // Архив ИА РАН. Р-1. № 4755.

Гурина Н.Н. 1973. Исследования каменного века на Верхней Волге // АО – 1972 г. М.

Гурина Н.Н. А-1973. Отчет Верхневолжской неолитической экспедиции за 1973 год // Архив ИА РАН. Р-1. № 5949.

Гурина Н.Н. 1974. Верхневолжская неолитическая экспедиция // АО–1973. М.

Гурина Н.Н. А-1974. Отчет Верхневолжской неолитической экспедиции за 1974 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5885.

Гурина Н.Н. А-1975. Отчет о работе Верхневолжской неолитической экспедиции в 1975 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6080.

Гурина Н.Н. 1976. Верхневолжская экспедиция // АО–1975. М.

Гурина Н.Н. 1989. Мезолит верховьев р. Волги // Археология СССР. Мезолит СССР. М.

Гурина Н.Н. 1996. Валдайская культура // Археология. Неолит Северной Евразии. М.

Гусаков М.Г. 2006. Дьяковская культура на Верхней Волге. Проблема хронологии // Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К.И. Комарова). М.

Гусаков М.Г. 2007. Хронология дьяковской культуры // ТАС. Вып. 6. Т. II. Тверь.

Древности. 1894. Древности. Т. XV. Вып. 2. М.

Енуков В.В. 1990. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей. М.

Жизневский А.К. 1887. Курганы Тверской губернии // ИОЛЕАЭ. Т. 49. Вып 4.

Жукова Е.Н. А-1999. Отчет о разведках в Осташковском и Селижаровском районах Тверской области в 1999 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 22151.

Завьялова Н.И. 2008. Зоны охраны археологического комплекса у деревни Колобово Селижаровского района Тверской области // Экологические проблемы музеев-заповедников. Материалы десятой Всероссийской конференции. Институт наследия. М.

Зверуго Я.Г. 2001. Исследования Восточнолитовских курганов на территории Беларуси // Lituvos archeologija. T. 21.Vilnius.

Иванова А.Б., Иванов И.В., Нестерова М.Е., Орлова О.Е., Попова С.В. Рыбакова О.Е., Сиволапова А.Б., Хохлов А.Н. 2005. Работы экспедиции ТНИИР-Центра на территории Тверской области // АО–2004. М.

Иванова А.Б., Лагуткина Е.В., Момбекова А.А, Орлова О.Е., Рыбакова О.Е., Сиволапова А.Б., Хухарев В.В., Хохлов А.Н. 2007. Работы экспедиции ТНИИР-Центра на территории Тверской области // АО–2005. М.

Исланова И.В. 1997. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М.

Исланова И.В. 2002. Поселение Леонтьево 1 на оз. Мстино // У истоков Новгородской земли. Любытинский археологический сборник. Вып. 1. Любытино.

Исланова И.В. А-2004а. Отчет об археологических исследованиях земельного отвода «Усадьба Волго» в Селижаровском районе Тверской обл. в 2004 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 26743.

Исланова И.В. А-2004б. Отчет об исследованиях курганов в могильнике Колобово 1 и земельного участка у д. Колобово Селижаровского района Тверской области в 2004 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 26736.

Исланова И.В. 2006. Верхнее Помостье в раннем средневековье. М.

Исланова И.В. 2007. Верхневолжье и Валдай // Восточная Европа в середине I тыс. н.э. М. (Раннеславянский мир; Вып. 9).

Исланова И.В. 2008. Городище Отмичи. М. (Раннеславянский мир; Вып. 11).

Исланова И.В., Мимоход Р.А. 2005. Исследования в Верхневолжье // АО–2004. М.

Исланова И.В., Мирецкий А.В. 1997. Находки с городища Осечен // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 2. Тверь.

Исланова И.В., Мирецкий А.В., Олейников О.М. 2007. Городище Осечен (ранний железный век и раннее средневековье) // ТАС. Вып. 6. Т. II. Тверь.

Исланова И.В., Черных Е.М. 2008. Лепная керамика селища Рогово 2 в Верхневолжье // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1. Тула.

Казанский М.М. 2008. Оружие «западного» и «южного» происхождения в лесной зоне России и Белоруссии в начале средневековья // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1. Тула.

Калмыкова Г.В. 1960. Рельеф Калининской области // Природа и хозяйство Калининской области (Ученые записки естественно-географического факультета). Калинин.

Каргапольцев С.Ю. 1997. Северо-Запад Восточной Европы III–VI вв. в контексте общеевропейских древностей (некоторые проблемы хронологии и взаимосвязи) // Этногенез и этнокультурные контакты славян. М.

Колосов В.И. 1906. Длинные курганы в Осташковском уезде Тверской губернии // Труды Второго областного Тверского археологического съезда. Тверь.

Конецкий В.Я. 1997. К вопросу о формировании культуры длинных курганов // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 11. Новгород.

Короткевич Б.С., Мазуркевич А.Н. Б/г. Пять вариантов днепро-двинской культуры // ПАВ. № 2. СПб.

Крайнов Д.А. А-1966. Отчет Верхневолжской экспедиции о результатах археологических работ в 1966 году в Ивановской, Костромской, Ярославской, и Калининской областях // Архив ИА РАН. Р-1. № 3385.

Крайнов Д.А., Гадзяцкая О.С. 1967. Археологические исследования в Верхнем Поволжье // АО–1966. М.

Крайнов Д.А. 1970. О работах Верхневолжской экспедиции // АО–1969. М.

Кренке Н.А. 2011. Дьяково городище: культура населения Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.

Кузьмин С.Л. 1990. Высокие погребальные сооружения Северо-Запада Новгородской земли 2-й половины I тыс. н.э. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 3. Новгород.

Кулаков В.И. 2010. Оружие горизонта Сёсдала-Унтерзибенбрунн в Янтарном крае // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н.э. Проблемы и материалы. М. (Раннеславянский мир. Вып. 13).

Кулькова М.А., Юшкова М.А. 2006. Керамика эпохи раннего металла поселения Шкурина Горка // Славяне и финно-угры. Контактные зоны и взаимодействие культур. СПб.

Курбатов А.В. А-1993. Отчет о разведках в Осташковском, Бологовском и Рамешковском районах Тверской области в 1993 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 18541, 18542.

Лаврова Г.А. А-2005. Отчет об археологических исследованиях участков земельных отводов в рамках историко-культурной экспертизы на территории Тверской области в 2005 году // Архив ИА РАН. Р-1.

Лаврова Г.А. 2007. Исследования в Твери и Тверской области // АО – 2005 г. М.

Лебедев Г.С. 1982. Археологическое изучение Новгородской земли // НИС. 1(11). Л.

Лопатин Н.В. 2003. О происхождении и локальной специфике керамических наборов культуры псковских длинных курганов // КСИА. Вып. 214. М.

Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г. 2007а. Северные рубежи славянского мира в III-V веках н.э. М. (Раннеславянский мир. Вып. 8).

Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г. 2007б. Северо-Запад России и Север Белоруссии // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. М. (Раннеславянский мир. Вып. 9).

Максимов А.Д. 1994. Краткие итоги и перспективы изучения памятников раннего железного века Тверской области // ТАС. Вып. 1. Тверь.

Максимов А.Д. 1996. О культурных отличиях локальных групп памятников раннего железного века Тверской области // ТАС. Вып. 2. Тверь.

Максимов Е.В., Терпиловский Р.В. 1993. Киевская культура // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. М. (Археология СССР).

Малыгин П.Д. 1994. Некоторые итоги и проблемы изучения средневековых древностей территории Тверской области // ТАС. Вып. 1. Тверь.

Малыгин П.Д. 2007а. О некоторых особенностях длинных курганов территории Тверской

области. Приложение 2 // Малыгин П.Д. Археологические памятники Тверской области и история их изучения. Тверь.

Малыгин П.Д. 2007б. Культуры длинных курганов и сопок на территории Верхневолжья в конце I тыс. н.э. и славянское заселение бассейна р. Тверцы // Малыгин П.Д. 2007. Археологические памятники Тверской области и история их изучения. Тверь.

Малыгин П.Д. 2007в. Некоторые итоги и проблемы изучения средневековых древностей территории Тверской области // Малыгин П.Д. Археологические памятники Тверской области и история их изучения. Тверь.

Массалитина Г.А. 1993. Лепная керамика городища и селища Мощины // КСИА. Вып. 208.

Массалитина Г.А. А-1994. Мощинская культура: диссертация ….канд. ист наук // Архив ИА РАН. Р-2. № 2567.

Мастыкова А.В. 2010. Датировка и происхождение стеклянных бус из могильника у оз. Съезжее // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб.

Медведев А.М. 1995. К вопросу о северной границе позднезарубинецкой и киевской культур в Верхнем Поднепровье // ГАЗ. № 7. Минск.

Минасян Р.С. 1978. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья // АСГЭ. Вып. 19. Л.

Минасян Р.С. 1980. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья // АСГЭ. Вып. 21. Л.

Мирецкий А.В. А-1992. Отчет о археологических исследованиях в Твери и Тверской области в 1992 г. // Архив ИА РАН Р-1. № 17512, 17513.

Мирецкий А.В. 1994. Работы Тверской разведочной экспедиции // АО – 1993 г. М.

Мирецкий А.В. А-1994. Отчет о разведках и раскопках в Тверской области в 1994 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 18622, 18623.

Мирецкий А.В. А-2003. Отчет об охранных археологических работах на территории Тверской области в 2003 году // Архив ИА РАН. Р-1.

Мирецкий А.В. 2005. Разведочные исследования в Тверской области // АО – 2004. М.

Мирецкий А.В. А-2007. Отчет о разведочных археологических исследованиях на территории Осташковского района Тверской области в 2007 году // Архив ИА РАН. Р-1.

Мирецкий А.В. 2007. Разведочные исследования в Тверской области // АО – 2005. М.

Мирецкий А.В. А-2008. Отчет о разведочных археологических исследованиях на территории Тверской области в 2008 году // Архив ИА РАН.

Мирецкий А.В., Медведева М.А. А-1993. Отчет о полевых исследованиях на территории Тверской области в 1993 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 18484.

Мирецкий В.А. А-2008. Отчет о разведочных археологических работах на территории Осташковского района в 2008 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

Мирецкий В.А. А-2009. Отчет о разведочных исследованиях на территории Осташковского и Пеновского районов Тверской области в 2009 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

Михайлова Е.Р. 1993. О так называемых погребальных площадках в культуре длинных курганов // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 7. Новгород.

Михайлова Е.Р. 2009. Культура псковских длинных курганов. Проблемы хронологии и развития материальной культуры: автореф. дис…. канд. ист. наук. СПб.

Михайлова Е.Р. А-2009. Культура псковских длинных курганов. Проблемы хронологии и развития материальной культуры: дис. … канд. ист. наук. // Архив ИИМК.

Нефёдов В.С. 2007. Могильники культуры смоленских длинных курганов в Смоленском Поднепровье и Подвинье: археологическая карта и топография // ТАС. Вып. 6. Т. II. Тверь.

НПЛ. 2000. Новгородская первая летопись младшего извода. Комиссионный список // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. ПСРЛ. Т. III. М.

Носов Е.Н. 1981. Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тыс. н.э. // СА. № 1.

Олейников О.М. 1992а. Грининский курганный могильник // Археология и история Пскова и Псковской земли.1991. Материалы симпозиума. Псков.

Олейников О.М. 1992б. Раскопки курганной группы Гринино-1 и Гринино-2. Тверская область. Осташковский район // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. б/н. Новгород.

Олейников О.М. А-1998. Отчет Волжской экспедиции ТГОМ о проведении охранных археологических исследований курганной группы Девичье 4 в Селижаровском районе Тверской области в 1998 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 21823.

Олейников О.М. А-1999. Отчет Волжской экспедиции ТГОМ о проведении охранных археологических исследований курганных групп

Девичье 2 и Девичье 4 в Селижаровском районе Тверской области в 1999 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 22148.

Олейников О.М. А-2000. Отчет Волжской археологической экспедиции ТГОМ о проведении охранных археологических исследований курганной группы Девичье-1 в Селижаровском районе Тверской области в 2000 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 24780.

Олейников О.М. А-2001. Отчет об археологических исследованиях кургана № 11 курганной группы Тухачево-1 в Селижаровском районе Тверской области в 2001 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 25447.

Олейников О.М. 2001. Курганные группы Девичье 2 и Девичье 4 в Селижаровском районе Тверской области (исследования 1998-1999 гг.) // ТАС. Вып. 4. Т. II. Тверь.

Олейников О.М. 2002а. Лепная керамика населения Тверского Поволжья второй половины I тысячелетия н.э. // ТАС. Вып. 5. Тверь.

Олейников О.М. 2002б. Историческая ситуация в Тверском Поволжье во второй половине I тыс. н.э. (к проблеме реконструкции) // История и культура Тверского края. Тверь.

Олейников О.М. 2002в. Раскопки длинного кургана на озере Волго Селижаровского района Тверской области // АО – 2001 г. М. Наука.

Олейников О.М. 2003. История населения Тверского Поволжья в VI-XIII вв.: автореф. дис. …канд. ист. наук. М.

Олейников О.М. А-2003. История населения Тверского Поволжья в VI-XIII вв. : дис. … канд. ист. наук // Архив ИА РАН. Р-2.

Олейников О.М. 2007. Культура длинных курганов Верхневолжского и Верхнеднепровского регионов // ТАС. Вып. 6. Т. II.

Олейников О.М. 2011. Курганная группа Гринино 2 (Тверская обл. Осташковский р-н) // ТАС. Вып. 8. Т. II.

Олейников О.М., Кобозева Е.В., Романова Е.А., Романов В.В. 2001. Охранные исследования в Твери и Тверской области // АО – 2000 г. М.

Орлов С.Н. 1984. Памятники раннего железного века на территории Новгородской области // Археологическое исследование Новгородской земли. Л.

Плетнев В.А. 1903. Об остатках древности и старины в Тверской губернии. К археологической карте губернии. Тверь.

Поляков И.С. 1882. Исследования по каменному веку Олонецкой губернии в долине Оки и на Верховьях Волги // Записки Этнографического отделения Русского географического общества. Т. 9. М.

Попов С.Г. 1997. Северо-западная граница ареала культуры длинных курганов: некоторые проблемы расселения и хронологии // Памятники Старины Концепции, Открытия, Версии. Том. II. СПб.-Псков.

Проект, 2000. Проект зон историко-градостроительного и ландшафтного комплекса «исток реки Волги – монастырь Святой Княгини Ольги» // Архив КГООКН, № 847.

Проект, 2002. Проект зон охраны памятников истории и культуры историко-градостроительного и ландшафтного комплекса «Погост Стерж – Городище Коковкино-1 (Стерж)» // Архив КГООКН, № 853.

ПСРЛ. 2001. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Том второй. 2-е издание. М.

Розенфельдт И.Г. 1974. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М.

Романова Е.А. А-2000. Отчет об археологической разведке у дер. Волга, Девичье на южном берегу оз. Волго в Селижаровском районе Тверской области в 2000 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 24741.

Седов В.В. 1970а. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья // МИА. № 163. М.

Седов В.В. 1970б. Новгородские сопки // САИ. Вып. Е1-8. М.

Седов В.В. 1971. Балтийская гидронимика Волго-Окского междуречья // Древнее поселение в Подмосковье. М. (МИА № 184).

Седов В.В. 1974а. Длинные курганы кривичей // САИ. Вып. Е1-8. М.

Седов В.В. 1974б. Гидронимические пласты и археологические культуры центра // Вопросы географии. Вып. 94. М.

Седов В.В. 1987. Балты // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М. (Археология СССР).

Седов В.В. 1999. Древнерусская народность. М.

Сиволапова А.Б. А-2004. Отчет об археологических разведках на территории Тверской области в 2004 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

Синицына Г.В. А-1988. Отчет о полевой работе Верхневолжского неолитического отряда в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13218, 13219.

Синицына Г.В. А-1989. Отчет о полевой работе Верхневолжского неолитического отряда ЛОИА АН СССР в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14201.

Синицына Г.В. А-1991. Отчет о полевой ра-

боте Верхневолжской неолитической экспедиции в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 16163, 16164.

Синицына Г.В. 1996. Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях // Археологические изыскания. Вып. 39. СПб.

Синицына Г.В., Исланова И.В. 2009. Раннесредневековые материалы с северного берега оз. Волго в Тверской области // ТАС. Вып. 7. Тверь.

Славяне и их соседи. 1993. Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тыс. н.э. М. (Археология России).

Смирнов К.А. 1971. К вопросу о систематизации грузиков «дьякова типа» с Троицкого городища // Древнее поселение в Подмосковье. М. (МИА. № 184).

Смирнов К.А. 1974. Дьяковская культура // Дьяковская культура. М.

Спицын А.А. 1903. Удлиненные и длинные курганы // ЗОРСА. Том.V. Вып. 1.

Тараканова С.А. 1940. Об археологическом изучении сельских феодальных поселений в пятинах Великого Новгорода // КСИИМК. Вып. V.

Таутавичус А.З. 1959. Восточнолитовские курганы // Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М.

Тимофеев В.И. 1997. Стоянки Залесья и некоторые вопросы изучения Валдайской неолитической культуры // Верещагина И.В. и др. Каменный век Верхневолжского региона. Вып. 2. СПб.

Третьяков П.Н. 1953. Восточнославянские племена. М.

Третьяков П.Н. 1966. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.-Л.

Урбан Ю.Н. 1971. Исследования неолитических памятников в Калининской области // АО – 1970 г. М.

Урбан Ю.Н. А-1976. Отчет о работах Калининского отряда ВВАЭ за 1976 год // Архив ИА РАН. Р-1. № 6878.

Успенская А.В. А-1966. Отчет о раскопках Селигерской археологической экспедиции // Архив ИА РАН Р-1. № 3303, 3303а.

Успенская А.В. А-1967. Отчет о раскопках городища Николо-Рожок Калининской области // Отчет о раскопках в бывшем Новодевичьем монастыре. 1967 г. Архив ИА РАН. Р-1. № 3572, 3572а.

Успенская А.В. 1968. Раскопки на озере Селигер // АО – 1967 г. М.

Успенская А.В. 1969. Городища XI-XII вв. на юге Новгородской земли // Экспедиции ГИМ. М.

Успенская А.В 1993. Березовецкий курганный могильник X-XIII вв. // Средневековые древности Восточной Европы. Труды ГИМ. Вып. 82. М.

Федотов Д. С. 2009. Отчет о разведочных работах в окрестностях р. Волга в Осташковском районе Тверской области в 2009 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

Фурасьев А.Г. 1996. Литейные формы из поселения Подол III в Тверской области // Синицына Г.В. Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях. СПб. (Археологические изыскания. Вып. 39).

Фролов А.А., Пиотух Н.В. 2008. Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам письма 1495-1496 годов). Том 1: Исследование и таблицы. М.-СПб.

Чалая И.П., Веденин Ю.А. 1997. Культурно-ландшафтное районирование Тверской области. М.

Черных И.Н., Олейников О.М., Исланова И.В. 2011. Курганный могильник Гринино 1 (по материалам исследований 1989-1990 гг.) // ТАС. Вып. 8. Т. II.

Чернягин Н.Н. 1941. Длинные курганы и сопки // МИА. № 6. М.-Л.

Шадыро В.И. 1985. Ранний железный век Северной Белоруссии. Минск.

Шмидехельм М.Х. 1965. Курганные могильники в Линдора и других местах юго-восточной Эстонии // Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloost. Из истории славяно-прибалтийско-финских отношений. Таллин.

Шмидт Е.А. 1963. Археологические памятники второй половины I тыс. н.э. на территории Смоленской области // МИСО. Вып. 5. Смоленск.

Шмидт Е.А. 1992. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. Днепро-Двинские племена (VIII в. до н.э. – III в. н.э.). М.

Шмидт Е.А. 2003. Верхнее Поднепровье и Подвинье в III-VII вв. н.э. Тушемлинская культура. Смоленск.

Шумкин В.Я. 1997. Дубовец (Пено 3) – поселение многократного заселения на оз. Пено (Верхневолжская система озер) // Верещагина И.В. и др. Каменный век Верхневолжского региона. Вып. 2. СПб.

Щеглова О.А. 2002. Свинцово-оловянистые украшения VIII-X вв. Северо-Запада Восточной Европы // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб.

Энговатова А.В., Исланова И.В. 2005. Зоны охраны объектов археологического наследия у

деревни Колобово Селижаровского района Тверской области // Градсовет. Архитектурный альманах. Март-апрель. Тверь.

Vaitkevičius V. 2004. Pakalnių pilkapiai (Vilniaus. R.) // Lietuvos Archeologija. T. 26.

Werner J. 1977. Der Grabfund von Taurapilis, Rayon Utna (Litauen) und die Verbindung der Balten zum Reich Theoderichs // Archäologische Beiträge zur Chronologie der Völkerwanderungszeit (Antiquitas. Reihe 3. Serie in 4to. Bd 20). Bonn.

Werner J. 1981. Bemerkungen zum nordwestlichen Siedlungsgebiet der Slawen im 4.–6. Jahrhundert // Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte. Bd 1. Berlin.

Список сокращений

АО – Археологические открытия.

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа.

ВВАЭ – Верхневолжская археологическая экспедиция.

ГАЗ – Гістарычна-археалагічны зборнік.

ГИМ – Государственный исторический музей.

ЗОРСА – Записки Русского археологического общества.

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук.

ИИМК – Институт истории материальной культуры.

ИОЛЕАЭ – Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.

КГООКН – Комитет по государственной охране объектов культурного наследия Тверской области.

КСИА – Краткие сообщения Института археологии.

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры.

ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии.

МИСО – Материалы по изучению Смоленской области.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.

НИС – Новгородский исторический сборник.

ПАВ – Петербургский археологический вестник.

СА – Советская археология.

САИ – Свод археологических источников.

ТАС – Тверской археологический сборник.

ТГОМ – Тверской государственный объединенный музей.

ТНИИР-Центр – ООО «Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр».

I.V. Islanova
Antiquities in the Upper Flow of the Volga River (the Early Iron Age and the Early Middle Ages)

Summary

Introduction

The author analyses archaeological materials of the Early Iron Age and the early Middle Ages from the territory of the upper flow of the Volga including numerous lakes of its basin. For this region moraine-glacial relief is typical together with mixed soils. The territory is a part of cultural area situated at the cross of water and land ways from the basins of Lake Ilmen and the upper Msta as well as from the Western Dvina to the Volga. The region enters the zone of territorial mixture of the Finnish and the Baltic hydronims.

Chapter 1. The history of archaeological study

The first descriptions of antiquities of the area and small excavations there were made in the 2nd half of the 19th – the early 20th centuries. In the 20th century a detailed archaeological survey of lakes' shores and rivers' banks was made. Mainly excavations were undertaken at the Stone Age sites often covered with the deposits of the Early Iron Age and the Middle Ages: Zalesje 1-2, Ronskoje 3, Lanino 2, Podol 3, Tookhachjevo. A lot of the early medieval materials from these settlements are first published in the present paper. Small studies were held at the multi-layer hillforts Nikola-Rozhock and Nechay Gorodok. Some kurgans of the necropolises of the Pskov Long Barrows Culture (PLBC) have been excavated: Grinino 1-2. Tokhachjevo 1, Devichje 4, Kolobovo 1. These were rescue works at the destroying monuments.

The territory under consideration still looks like a "white spot" in the maps of the archaeological cultures. According to the chronicles settlements of the Kriviches tribe were located there in the late 1st – the early 2nd millenium AD. There also is a parcell of the ancient "Okovsky" forest where the sources of three large rivers are situated: the Dnieper, the Dvina and the Volga.

There are no special works on the antiquities of this territory. As for the Early Iron Age most of the archaeologists refer the area to the Djakovo culture while for the early Middle Ages – to the Pskov Long Barrows culture. To our opinion there is a lack of the culture of Sopki monuments.

Chapter 2. Antiquities of the Early Iron Age

Deposits of this period are found at 8 hillforts and 13 settlements. Burials are unknown. The monuments can be devided into two large cultural-chronological groups: the monuments of the earlier (until the beginning of the new era) and the ones of the later (the 1st half of the 1st millenium AD) periods. Beside smoothed ceramics the pottery with net outside surface is found at the early monuments. A certain decorated pottery is common at the monuments of the late period. Analogues to it are known in the basin of the upper Msta at the sites of Varvarina Gora type. Such a ceramics set could appear under the influence of the upper Dnieper and the Dvina basins antiquities. The inventory is single: weights of the Djakovo type, an iron sickle, bronze pendants. The remains of surface constructions

with hearths and pits in subsoil as well as the traces of a post construction have been found at the site Peski 1.

Chapter 3. The Early Middle Ages burial monuments

In the teritory under consideration single kurgans have been excavated, so the early medieval monuments are devided into three groups (Tables 1-3):

1) kurgans refered to PLBC with a high probability;

2) kurgans which can be refered to PLBC supposedly;

3) kurgans which cultural definition is disputable.

The territory with lakes in the upper Volga is a part of one of the microregions of PLBC – the Seliger one. The belonging of kurgan burials to PLBC has been defined on the base of the following marks' combination.

1. A necropolis contains kurgans of various forms: long, slightly long, round and rectangle ones; more seldom combined forms and sopka-shaped mounds (higher than 1,5 m, more than 5 m in diameter) are met. At the same time only one category of kurgans may be presented in the cemetery.

2. Location in a certain type of landscape of the glacial origin, with sand soils occupied by pine forests.

3. Kurgans' location inside a cemetery is a chain in one or several rows; long barrows were erected along a chain line.

4. Conglomeration of several cemeteries has a common streched direction.

5. A "chain" of kurgans or cemeteries is streched along a shore line or on escers situated in some distance from water.

6. An absence of stone constructions in kurgans (for the east area of PLBC).

On the base of the character of burial inventory the considering area is situated within the limits of now revealing eastern area of PLBC. 4 conglomerations (nests) of the PLBC monuments and 2 concentrations of PLBC cemeteries and of those supposedly refered to this culture.

Totally in Seliger microregion no less than 13 kurgan' mounds in 6 cemeteries are known, in which more than 43 remote cremation burials have been found. In two cases burials were made in the ditches of original mounds, in pits, then a ditch with burials and a slope of a mound were covered with ground, so that one more ditch appeared near a secondary (piled up) kurgan (Grinino 1, kurgan 3; Tookhachjevo 1, kurgan 11). A diversity of ways of placing the buried is typical, animals' bones as well as wooden constructions under mounds are found.

Pottery of PLBC as of its shape is close to analogical ceramics from neighbouring regions of this culture. Finds of vessels analogical to the antiquities of the last quarter of the 1st millenium AD are single.

Inventory is similar with the finds from other PLBC territories. Worth attention buckles with corrugated (late 5th – the 2nd quarter – the middle of the 6th centuries AD) or smooth frames (the 2nd half of the 6th – the 1st half of the 7th century AD) found in burials. The latter have been found in kurgan 3 of Grinino 1 cemetery. A catch of it was repaired. Interesting is a find of a bronze cross-shaped bridle bracket (brass) from the same kurgan (the 2nd half of the 5th – the 1st third of the 6th centuries). A close analogue comes from kurgan 25 of the PLBC cemetery Schikhino. The prototypes of such brasses should be searched among the Balts' harness decorations of the Roman time as well as in the territory of Prussia, Lithuania and Suvalka region of the Great migration of peoples epoch. The row of similar artifacts is given in the works of M.M. Kazansky. He considers that the appearance of the cross-shaped brasses in the forest zone of Eastern Europe is a witness of west Baltic cultural elements intrusion into the Finnish culture.

According to the found inventory and pottery the basic mass of the studied burials are dated to the 3rd quarter of the 1st millenium AD, while some part of them (for example in Tookhachjevo 1 and Devichje 1) can refer to the last half of the 1st millenium AD.

The remains of cremations – ground burials in subsoil pits have been found outside a long barrow in Tookhachjevo 1. Supposedly ground burials are found during excavations of the object Peno 3 (Dubovets island) and at the settlement (?) Kolobovo 8. Characteristic of bones' remains from kurgans and from the cemetery of Kolobovo 8 are given in Appendix 2 by M.V. Dobrovol'skaya.

A series of radiocarbon dates which disputable and different for one and the same burials is given in Table A.

There is no sufficient grounds to refer any of the cemeteries to the culture of Smolensk Long

Barrows (CSLB). Probably some similar finds and indicators witness to the analogical chronology but not to the cultural belonging.

By oneself two cemeteries stay (Kolobovo 1, 4). There the kurgans with stone constructions inside and under the mounds are fixed. Analogues to such burial constructions as well as to the rite are in the culture of eastern Lithuanian barrows. The detailed information on the excavations of the remains of two barrows of Kolobovo 1 cemetery is given in Appendix 1.

Chapter 4. Settlements of the Early Middle Ages

Settlements of PLBC are situated in analogical landscape and soil position as burial monuments and not far from kurgan cemeteries and their agglomerations (no far than 0,35 km). According to their square the settlements are devided into two large groups: 1) 850 – 4900 sq. m; 2) 5000 – 11000 sq. m.

Stationary studies were held at 3 settlements of PLBC. During excavations of the upper layer of the sites Zalesje 1-2 and Peski 1 traces of wooden ground dwellings with the hearths' remains and underfloor subsoil pits have been discovered. Fragments of moulded undecorated pottery are the basic material gained from the cultural layer of the settlements. Fragments of pottery which extended traditions of local population enter the ceramics set. They have a similarity with the pottery of Moschino cultural area as well as with the vessels which look as if they are a "development" of Moschino pottery. Fragments with smoothed profile, similar to the ceramics of the late Kievan area prevail. Single are the well-profiled vessels (Fig.). Finds of artifacts are rare, e.g. these are a buckle with a smooth frame (middle of the 5th – middle of the 6th centuries AD) and a fragment of a polished spinner weight.

By now the material has been collected which allows to single out a group of antiquities – monuments of Podol type. They are situated on soil and in landscape conditions (good for agriculture) differ from others'. Kurgan cemeteries near settlements are unknown. The excavated site Podol 3 is a bench-mark for this group. At the other settlements small excavations or surveys were held (Ronskoje 3, Nikola-Rozhok, Gorka 1, Zvjagino 2). A series of similar monuments is known down the Volga flow: Osechen hillfort, Rogovo 2, Blagoveschenje and Bobronniki.

6 groups of pottery are singled on dependance of the shape of the upper part. The ceramics has prototypes among previous antiquities. There are vessels similar to those of late Kievan types also. Some fragments are widely spread. A set of artifacts includes bits, sickles, a plate steel, clay spinner weights.

The most interesting is a producing set found at the site Podol 3. It consists of a clay casting spoon, a fragment of crucible and two casting forms. Analogues to the artifacts produced in forms are known both among the Finnish-Ugrian and Central European, as well as the Dnestr basin and PLBC antiquities. Similar forms have been found at the hillfort Osechen located about 60 km down the Volga flow. There are different opinions on these forms datings. The lowest date is the late 4th – the 5th centuries, the highest one is not earlier than the late 6th – the early 7th centuries. To the opinion of O.A. Scheglova the finds from Podol 3 and Osechen mark the ways of intrusion of such things producing skills along th Dnieper and the Volga from the South to the North-West of Eastern Europe.

Chapter 5. To the characteristic of cultural situation in the Early Middle Ages

It can be supposed that antiquities of the 2nd half of the 1st millenium BC – the early 1st millenium AD as of cultural aspect gravitate towards the upper Dvina variant of the Dnieper – the Dvina culture. In the 2nd quarter of the 1st millenium AD is situated in the zone where the monuments of Varvarina Gora type are spread. These monuments are also located in the territory of the upper Msta and partly in the Msta and the Mologa basins.

In the beginning of the 3rd quarter of the 1st millenium AD the territory with the upper Volga lakes entered the areal of the Pskov Long Barrows Culture. Most of the scholars are inclining to the opininion that the kurgan tradition have been brought there from other territories. The appearance of a new set of artifacts in the areal of PLBC, to the opinion of M.M. Kazansky could be connected with people of the west Balts origin.

At that time in the area one more group of antiquities – of the Podol type – existed simultaneously (striply) with PLBC. There are materials from 5 settlements. Kurgan cemeteries are unknown. Supposedly the monuments of the Podol type were remained by the groups of the bearers of one of the variants of Kievan cultural-historical community (the antiquities of Zaozerje-Uzmen'

type). They appeared from the upper Dvina basin. Some scholars consider them to be the early Slavonic population.

The "aboriginal" population stayed at the same territory, so in the material and spiritual culture various traditions are fixed. The location of numerous monuments of PLBC allows to speak that the local (the mixed Balts and the Baltic sea Finns) population dominated there but not the early Slavs.

Translated by V.V. Romanov

List of Illustrations

Fig. 1. Valday Highland. The Volga Upper Reaches.

Fig. 2. Landscapes of the Volga upper reaches:

1 – uplifted draining moraine-erosional plains of Moscow age with the cover of covering loess-like loams; 2 – highland draining large hill moraine plains of Moscow age mainly on loam soils; 3 – uplifted and highland draining hilly-ridged with numerous lake hollows of moraine plains of Valday age on the soils of various mechanical composition; 4 – uplifted slowly draining sandur plains of Moscow and Valday ages mainly on loam soils; 5 – low slowly draining sandur plains of Moscow and Valday ages on sandy soils; 6 – low non-draining flat sandy and sandy-clay lake-glacial plains; 7 – various in high slowly draining slopy undulating moraine lake-glacial plains; 8 – various in high slowly draining with parts of hilly relief moraine-sandur plains; 9 – low flat sandy-loamy alluvial sandur-alluvial plains on the soils of various mechanical composition; 10 – marshes; 11 – valley landscapes; 12 – borders of provinces; 13 – borders of districts.

Fig. 3. Substratum antiquities (after: [В.В. Седов, 1974]):

а – northern border of the Balts hydronymy; б – southern border of the Finnish-Ugrian hydronymy; в – area of the monuments of Tushemlya-Bantserovschina type; г – area of the monuments with textile pottery; д – long barrows with ash and coal streak in the basement; е – long barrows with the finds of a *vainag* remains, flatty temple rings, bi-S shape and semisphere pendants and antler birds; ж – other cemeteries with long barrows.

Fig. 4. Hydronymy of the Baltic type (after: [Р.А. Агеева, 1985, Fig.2]).

Fig. 5. Ancient Baltic toponymy in the region of Novgorodian Land (after: [В.Л. Васильев, 2007]).

Fig. 6. Territory of Okovsky Wood (after: [Л.В. Алексеев, 1974]):

1 – reconstructed part of Okovsky Wood; 2 – rudiments of Okovsky Wood preserved in the 19th century; 3 – conglomerations of settlements of Smolensk Land; 4 – conglomerations of non-Smolensk settlements; 5 – reconstruction of portages of Okovsky Wood; 6 – the border of Smolensk Land (after А.Н. Насонов); 7 – feudal centres of Smolensk Land with fortified settlements; 8 – modern toponyms of Smolensk Land.

Fig. 7. The border of Rzhev Land (after: [В.Л. Янин and Л.А. Бассалыго, 1998]).

Fig. 8. Map of spreading of artefacts typical for Djakovo culture (after: [К.А. Смирнов, 1974]):

а – find places of weights of Djakovo type; б – find places of Djakovo adornments; в – territory of the pottery with net surface spreading; г – the border of Djakovo culture.

Fig. 9. Monuments of the second stage (4th century BC – 3rd century AD) of Djakovo culture (after: [И.Г. Розенфельдт, 1974, Fig. 45]).

Fig. 10. Areals of net pottery, weights of Djakovo type, and monuments of Djakovo culture (after: [И.Г. Розенфельдт,1974, Fig. 48]).

Fig. 11. Monuments of the Iron Age in Tver Region (after: [А.Д. Максимов, 1994, Fig. 1]):

а – borders of territorial groups of monuments; б – sites of the 8th-7th centuries BC – 2nd-3rd centuries AD; в – hillforts of the 8th-7th centuries BC – 2nd-3rd centuries AD; г – sites of the 3rd-7th centuries AD; д – hillforts of the 3rd-7th centuries AD; е – sites of the 8th-7th centuries BC; ж – hillforts of the 8th-7th centuries BC – 6th-7th centuries AD.

Fig. 12. Monuments of the Dnieper-Dvina culture variants (after: [Б.С. Короткевич and А.Н. Мазуркевич]).

Fig. 13. The Dnieper and the Dvina upper reaches in the early 1st millennium AD (after: [Е.А. Шмидт, 1992, с. 204]):

1 – areal of spreading of the profiled pottery of the middle deposit of Tushemlya hillfort type; 2 – areal of stroke pottery; 3 – the border of the Balts toponymy spreading.

Fig. 14. Archaeological cultures of the Roman age and the inhabitation of the middle-european population (after: [В.В. Седов, 1999, Fig. 23]):

а – monuments with the finds of mid-european provincial Roman types; б – areal of provincial Roman cultures in Middle Europe; в – areal of Tchernyakhovskaya culture; г – areal of the western Balts; д – the stroke pottery culture; е – The Dnieper-Dvina culture; ж – The Mostchino culture; з – hillforts of the Moscow River; и – Kievan culture; к – areals of of the Finnish-Ugrian cultures; (1 – the culture of the Ests-Livs stone cemeteries; 2 – the Finnish stone cemeteries; 3 - Luukonsaari; 4 – the Late Kargopol' culture; 5 – the Il'men' culture; 6 – the Djakovo culture (after: К.А. Смирнов); 7 – the Gorodetskaya culture; 8 – the Azelinskaya culture).

Fig. 15. Long barrows and synchronous monuments of the neighbouring tribes (after: [В.В. Седов, 1970, Tab. 3]):

а – cemeteries with long barrows; б – sopkas; в – stone cemeteries of the Ests-Livs type; г – the Latgallian cemeteries; д – eastern Lithuanian barrows, е – settlements and cemeteries of the Dnieper Balts (Tushemlya-Bantserovschina type); ж – monuments of the Moschino type.

Fig. 16. The scheme of occupation of antiquities of the 2nd half of the 1st millennium AD within the Volga-the Oka interflow (after: [П.Н. Третьяков, 1966]):

I – sopkas of the Novgorodian Slavs; II – long barrows of Kriviches; III – barrows of the Upper Oka type; IV – the Merya cemeteries; V – the Muroma cemeteries; VI- the Mordva cemeteries; VII – the Finnish-Ugrian cemeteries on the Sura and Tsivila rivers.

Fig. 17. Long and lengthened barrows (after: [А.А. Спицын, 1903 г., Fig. 5]). 11 – Izvedovo.

Fig. 18. Monuments of the Long Barrows culture in the Upper Volga and in the Upper Dvina (after: [П.Д. Малыгин, 1998, Fig. 1]):

а – barrow cemeteries; б – high mounds in groups («sopkas in woods»); в – the revealed micro-regions of the Long Barrows culture (1. Bologoje; 2. the Shlina; 3. the Upper Msta; 4. the Tvertsa; 5. the Volga-the Shosha; 6. Seliger; 7. the Upper Volga; 8. the interflow; 9. along the Dvina); г – the territory around Udomlya Lake; д – contour line of 250 m over the level of the Baltic Sea; е – contour line of 200 m over the level of the Baltic Sea; ж – burial complex of the Long Barrows culture Podol 1.

Fig. 19. Burial monuments of the culture of Sopkas in the territory of Tver region (after: [П.Д. Малыгин, 2007в, Fig. 2]):

а – burial monuments; б – the border of the basic areal of the culture of sopkas; в – the defined regions.

Fig. 20. Map of cemeteries of the eastern group of the culture of Pskov long barrows of the 5th – the 2nd half of the 8th century AD (after: [О.М. Олейников, 2007, Fig. 5]):

а – cemeteries of the culture of Pskov long barrows, functioning since the 5th century AD; б – cemeteries of the culture of Psov long barrows of the 7th – the 2nd half of the8th century AD; в – direction of migrations of the bearers of the culture of Pskov long barrows in the 7th – the 2nd half of the 8th century AD.

Fig. 21. Settlements of the Early Iron Age on the lakes of the upper reaches of the Volga.

Fig. 22. Moulded pottery of the Early iron Age with net surface from the site of Zalesje 1-2.

Fig. 23. Areal of the early Djakovo culture and neighbouring antiquities.

Fig. 24. Decorated moulded pottery from the hillfort of Varvarina Gora (after: [В.А. Буров, 2003]).

Fig. 25. Plan of Nikola-Rozhok hillfort (after: [А.В. Успенская]).

Fig. 26. Plan of Nikola-Rozhok hillfort (according to the passport of the monument).

Fig. 27. Moulded pottery of the Early Iron Age from Nikola-Rozhok hillfort.

Fig. 28. Finds of the Early Iron Age and early Middle Ages from Nikola-Rozhok hillfort:

1, 2 – knives; 3,4, 7,8 – a weight and fragments of weights of Djakovo type; 5 – plated steel; 6 – sinker (after 1,2, 5 – iron; 3,4, 6-8 – clay).

Fig. 29. Finds of the Early Iron Age and early Middle Ages from Nikola-Rozhok hillfort:

1 – bottle-shaped pendant; 2, 3 – sickles (after 1 – non-ferrous metal, 2, 3 – iron).

Fig. 30. Finds of iron sickles from Nikola-Rozhok hillfort (after drawing before restoration).

Fig. 31. Moulded early medieval pottery from Nikola-Rozhok hillfort.

Fig. 32. Plan of Kazakovo hilfort (after Д.А. Крайнов).

Fig. 33. Moulded pottery of the Early Iron Age from the settlements on the lakes of the upper reaches of the Volga. 1-4, 6 – Kazakovo hillfort; 5 – Teplen' site; 7 – Zal'tso site.

Fig. 34. Plan of Zalesje 1-2 settlements with the excavation area (after: Н.Н. Гурина).

Fig. 35. Topographic plan of settlements Zalesje 1-2 (after: А.В. Мирецкий).

Fig. 36. Settlement Zalesje 1-2. The excavation area and the field camp from the north, 1975 (after: Н.Н. Гурина).

Fig. 37. Settlement Zalesje 1-2. Views of excavation areas 1, 2, 1974 (after: Н.Н. Гурина).

Fig. 38. Settlement Zalesjt 1-2. Combined plan of excavation area 2.

Fig. 39. Excavation of the deposit with "vertical thin cuttings" on the site Zalesje 1-2 1975 (after: Н.Н. Гурина).

Fig. 40. Zalesje 1-2 site. Stains in the lower part of ploughing deposit in excavation area 2, 1974 (after: Н.Н. Гурина):

0 – spots with medieval deposit; 1 – dark strips on reddish or yellowish sand formed after ploughing; 2 – dark spots; 3 – pebble with reddish sand; 4 – trees remained in the excavation area; 5 – dark cultural layer; 6 – very dark cultural layer with inclusions of coals; 7 – brown-reddish layer.

Fig. 41. Zalesje 1-2 site. Stripping of cultural layer in excavation area 1, 1975 (after: Н.Н. Гурина).

Fig. 42. Zalesje 1-2 site. Spots of subsoil pits in excavation area 2.

Fig. 43. Zalesje 1-2 site. Sections of several subsoil pits.

Fig. 44. Zalesje 1-2 site. Section Д2 – Г2 – В2.

Fig. 45. Zalesje 1-2 site. Moulded pottery of the Early Iron Age.

Fig. 46. Zalesje 1-2 site. Clay artefacts and early medieval moulded pottery:

1 – fragment of spin-weight or sinker; 2 – spin-weight.

Fig. 47. Zalesje 1-2 site. Early medieval moulded pottery.

Fig. 48. Peski 1 site. Findplaces of the revealed remains of structures in excavation area. Subsoil pits and humus spots on the subsoil surface (after: М.В. Волкова).

Fig. 49. Peski 1 site. Scheme of cultural layers and conventional deposits' bedding (after: М.В. Волкова):

1 – stratigraphy of additional section, view from the west; 2 – stratigraphy of the part of southern side of the excavation area, view from the north; 3 – stratigraphy of the northern side of the part of excavation area, view from the south; а – black sandy soil, б – dark-grey sandy soil; в – brown and dark-brown sandy soil; г – grey sandy soil; д – white sandy soil, е – yellow sand; ж – light-grey sand; з – mixed deposit.

Fig. 50. Peski 1 site. Artefacts (after: М.В. Волкова, 2011):

1 – haft of knife; 2– 4, 6 – undefined finds; 5 – buckle; 7, 9 – knives; 8 – edge of knife; 10 – fragment of an axe's edge; 11 – buckle; 12 – fragment of a pendant with a hanging appendage (after 1-11 – iron; 12 – non-ferrous metal).

Fig. 51. Peski 1 site. Artefacts (after: М.В. Волкова, 2011):

1, 2 – undefined finds; 3 – fragment of crucible; 4 – stone grater; 6 – whetstone (after 1-4 clay; 5, 6 – stone).

Fig. 52. Peski 1 site. Moulded pottery of the Early Iron Age.

Fig. 53. Peski 1 site. Moulded early medieval pottery.

Fig. 54. Peski 1 site. Moulded early medieval pottery.

Fig. 55. Site Ronskoje 3. Раскоп (after: Д.А. Крайнов).

Fig. 56. View of sites 1, 2, 3, 4 from Ronskoje village (after: Д.А. Крайнов; numeration in the photo in Roman figures).

Fig. 57. The early medieval finds from the site Ronskoje 3:

1 – fragment of a clay caster; 2 – iron knife; 3 – fargment of clay pan.

Fig. 58. Moulded pottery:

1, 5 -10 – site Ronskoje 3; 2 - 4 – site Ronskoje 2.

Fig. 59. Site Ronskoje 3. Moulded early medieval pottery.

Fig. 60. Nechajevschina hillfort (after Нечай Городок). Eye-estimating plan.

Fig. 61. Finds from the lower deposit of Nechajevschina hillfort:

1 – iron javelin head; 2 – 4 net pottery.

Fig. 62. Pottery of the site Tukhatchjevo:

1 – net pottery, 2 – 4 – pottery with smooth surface.

Fig. 63. Map of monuments of the Culture of Smolensk Long Barrows (the Culture of Smolensk-Polotsk Long Barrows) in the Volga upper reaches (after: [О. М. Олейников, 2002, Fig. 18]):

а – settlements of the late 1st millennium AD; б – mound cemeteries; в – border of Smolensk Land (after А.Н. Насонов); г – ways of bearers of the Culture of Smolensk-Polotsk Long Barrows infiltration; д – border of the territory analyzed by O.M. Oleynikov.

Fig. 64. Early medieval monuments at the lakes in the Volga upper reaches (numeration see Tables 5, 6).

Fig. 65. Mound cemetery Konets 1 (after passport).

Fig. 66. Mound cemetery Konets 3 (after passport).

Fig. 67. Mound cemetery Tukhatchjevo 1 (after Е.А. Романова).

Fig. 68. Mound cemetery Gora (after passport).

Fig. 69. Mound cemetery Zalesje 1 (after passport).

Fig. 70. Mound cemetery Zalesje 1 (after: А.Б. Сиволапова).

Fig. 71. Mound cemetery Ostashkov.

Fig. 72. Conglomerations of mound cemeteries, their cultural definition and the researched monuments:

а – the Culture of Pskov Long Barrows; б – monuments supposed to belong to the Culture of Pskov Long Barrows; в – sopka shaped mounds; г – excavated; д, е – several cemeteries; ж – excavated mound with a stone construction; з – cemeteries with vague cultural definition.

Fig. 73. Mound cemetery Devichje 4 (after: О.М. Олейников).

Fig. 74. Mound cemetery Devichje. Mound 1. Plan of the subsoil surface (after: О.М. Олейников):

а – podzol; б – yellow sand; в – brown sand; г – light-brown sand; д – coal; е – burnt bones; ж – flint chips.

Fig. 75. Mound cemetery Devichje. Mound 1. Stratigraphic sections.

Fig. 76. Mound cemetery Grinino 1: excavation areas (after: И.В. Исланова).

Fig. 77. Mound cemetery Grinino 2. Remains of wooden construction and cremation burials (after: О.М. Олейников).

Fig. 78. Mound cemetery Grinino 2. Mound 2, burial with urn (after: О.М. Олейников).

Fig. 79. Mound cemeteries Grinino 1 and 2. Burial inventory of non-ferrous metal (after: И.Н. Черных and О.М. Олейников):

1 – harness cross-shaped horse-brass, Grinino 1, mound 3; 2, 7 – buckles, Grinino 1, mound 3; 3-6 – small spirals, Grinino 2, mound 2, burial 2; 8, 9 – fragments of plate-rings, Grinino 2, mound 2, burial 2; 9, 14 – ring and its fragment, Grinino 2, mound 2, burial 2; 11 – finger-ring, Grinino 2, mound 2, burial 3; 12 – bracelet's fragment, Grinino 2, mound 2, burial 3; 13 – plate, Grinino 2, mound 2, burial 2.

Fig. 80. Mound cemeteries Grinino 1, 2. Burial inventory:

1 – 3 – bone; 4 – 6 – iron; 1 – 3 – fragments of artefacts, Grinino 2, mound 2, burial 4; 4 – bit, Grinino 2, mound 2, burial 4; 5 – knife, Grinino1, mound 6; 6 – knife, Grinino 1, mound 5.

Fig. 81. Mound cemetery Grinino 2, mound 2. Moulded urn (photo by А.Н. Пичугиной).

Fig. 82. Mound cemetery Grinino 2, mound 2. Moulded urn (drawing by Н.В. Лопатин).

Fig. 83. Pottery from mound cemetery Grinino 1 and site Grinino 1: 1, 2, 4 – mound 3; 4 – site Grinino 1.

Fig. 84. Mound cemetery Rysna-Saare I. Burnt remains of wooden construction in the long barrow 1, view from south-east (after: [М. Аун, 1998]).

Fig. 85. Mound cemetery Rysna-Saare II. The northern part of wooden construction in long barrow 1, view from south-east (after [М. Аун, 1998]).

Fig. 86. Excavation area at the site Dubovets (after: Н.Н. Гурина).

Fig. 87. Stratigraphy of the north-western side at the site Dubovets (after: Н.Н. Гурина).

Fig. 88. Site Dubovets. Part of excavation area (after: Н.Н. Гурина), where the remains of cremation burial were found.

Fig. 89. Site Dubovets. Cleaning of an urn with cremation remains (after: Н.Н. Гурина).

Fig. 90. Archaeological monuments near Kolobovo village (after: И.В. Исланова и Р.А. Мимоход).

Fig. 91. View of destroying site 2 and burial ground Kolobovo from the south. Collecting of casual finds in Volgo Lake (stand from left to right A.V. Engovatova and R.A. Mimokhod, photo by I.V. Islanova).

Fig. 92. Occupation place of excavation area in the south-western part of mound cemetery Kolobovo 1 (after: Р.А Мимоход).

Fig. 93. Mound cemetery Kolobovo 1. Excavation area of 2004 together with the demolished mound 1 and half-destroyed mound 2:

а – construction of boulders; б – remains of a mound's ditches.

Fig. 94. Mound cemetery Kolobovo 1. Sides of excavation area near remains of mound 1 (explication see Fig. 102).

Fig. 95. Mound cemetery Kolobovo 1. Remains of mound 1. Spots of ditches and possible traces of cremation burials.

Fig. 96. Mound cemetery Kolobovo 1. Remains of mound1. Plan of subsoil, a pit in the centre and the ditches.

Fig. 97. Mound cemetery Kolobovo 1. Mound 1, ditches' sections.

Fig. 98. Mound cemetery Kolobovo 1. Mound 1. The section of north-eastern ditch, view from north-west.

Fig. 99. Mound cemetery Kolobovo 1. Mound 1. Fragment of wheel vessel from the north-western ditch.

Fig. 100. Mound cemetery Kolobovo 1. Mound 2. Section East-West.

Fig. 101. Mound cemetery Kolobovo 1. Mound 2, the southern half. Stones in the mound under turf, view from south-west.

Fig. 102. Mound cemetery Kolobovo 1. Mound 2. Remains of the destroyed cremation burial aside.

Fig. 103. Mound cemetery Kolobovo 1. Mound 2. Stratigraphy of the mound. Stone construction, view from south-west.

Fig. 104. Mound cemetery Kolobovo 1. Mound 2. Stone construction.

Fig. 105. Mound cemetery Kolobovo 1. Mound 2. Stone construction in the base of the mound, view from north-east.

Fig. 106. Mound cemetery Kolobovo 1. Mound 2. Ditches and pits in the subsoil.

Fig. 107. Mound cemetery Kolobovo 1. Mound 2. Filling of the half-destroyed north-eastern ditch.

Fig. 108. Mound cemetery Kolobovo 1. Mound 2. Sections of ditches.

Fig. 109. Mound cemetery Kolobovo 1. Mound 2. Section South-West, view from the east.

Fig. 110. Stone construction in the east Lithuanian mound 5 with cremation in the cemetery of Stakay (after: А.З. Таутавичус, 1959).

Fig. 111. Stone constructions in Lithuanian mounds with cremation (after: [В. Вайткевичус, 2004, fig. 33]).

Fig. 112. Moulded pottery from mounds:

1, 2 – cemetery Tukhatchjevo, mound 11; 3 – cemetery Devichje 4, mound 1.

Fig. 113. Burial inventory and moulded pottery from mound cemetery Tukhatchjevo 1, mound 11 (after: [О.М. Олейников and АКР, 2010, с. 89]):

1, 2 – iron finger-rings; 3, 4 – iron buckles, 5 – bronze plate; 6,7 – fragments of moulded vessels.

Fig. 114. Occupation of excavation area 1 at the site Podol 3 (after: Г.В. Синицына).

Fig. 115. Stratigraphy of deposits of the site Podol 3 (after: Г.В. Синицына).

Fig. 116. Stratigraphy of deposits of the site Podol 3 (after: Г.В. Синицына).

Fig. 117. Site Podol 3. Moulded pottery.

Fig. 118. Site Podol 3. Moulded pottery of group 1.

Fig. 119. Site Podol 3. Moulded pottery of group 2.

Fig. 120. Site Podol 3. Moulded pottery of group 3.

Fig. 121. Site Podol 3. Moulded pottery of group 4.

Fig. 122. Site Podol 3. Moulded pottery of group 4.

Fig. 123. Site Podol 3. Clay artefacts:

1, 2, 4, 5, 6 – spin-weights and their fragments;

3 – cork; 7 – sinker; 8 – fragment of pan; 9 – fragment of caster; 10 – fragment of crucible.

Fig. 124. Site Podol 3. Finds from excavation area 1:

1, 2, 5-14 – iron; 3, 4 – non-ferrous metal; 1, 14 – artefacts of the Eraly Middla Ages; 1 – bit; 14 – sickle; 2 – 13 – fragments of artefacts of Modern Ages.

Fig. 125. Site Podol 3. Fragments of casting moulds (1, 2) and whetstones (3, 4):

1 – clay; 2-4 – stone.

Fig. 126. Map of monuments with the finds of casts of Bernashjevka-Kamno type (after: [О.А. Щеглова, 2002]):

I – ingots; II – casts; III – more than 10 things;

1. – Selishte; 2 – Dancheny; 3 – Botoshana; 4 – Raden'; 5 – Daviden'; 6- Shtefan-chel-Mar'; 7 – Pyatra-Frekatsei; 8 – Bernashjevka; 9 – Semenki; 10 – Skibintsy; 11 – Zimno; 12 – Khachki; 13 – Gorodok;14 – Nizhnyaja Syrovatka; 15 – Smorodino; 16 – Novaya Odessa; 17 – Kozievka; 18 – Bol'shije Budki; 19 – Gaponovo; 20 – Korobovy Khutora; 21 - Zanki; 22 – Luk'janovka; 23 – Nartovo; 24 – Nikodimovo; 25 – Lukoml'; 26 – Shugailovo; 27 – Vitebsk; 28 – Khachevo; 29 – Djakovo; 30 – Lukovnja; 31 – Podol 3; 32 – Osechen; 33 – Bely Gorodok; 34 – Es'ki; 35 – S'ezjee; 36 – Arniko; 37 – Loozi; 38 – Unipikha; 39 – Otepja; 40 – Ryuge; 41 – Izborsk; 42 – Pskov; 43 – Kamno; 44 – Ladoga; 45 – Lubsha; 46 – Gorodistche na Syasi; 47 – Nadbelje.

Fig. 127. Site Gorka (after: Г.А. Лаврова).

Fig. 128. Moulded pottery from the early medieval sites:

1-4, 6 – site Zvyagino 2; 5 – site Ronskoje 1; 7-12 – site Gorka 1; 13 – 15 – site Zalesje 1-2 (casual finds).

Fig. 129. Moulded pottery from the early medieval sites:

1-5 – site Lom 1; 6-8,10 – site Drozdovo; 9, 11-13 – site Khitino.

Fig. 130. Antiquities of the Culture of pskov Long Barrows and Podol type:

1 – Nikola-Rozhok; 2 – Gorka; 3 – Zvyagino; 4 – Ronskoje 3; 5 – Podol 3; 6 – Tjeply Ruchey; 7 – Sukhodol, 8 – Rogovo; 9 – Osechen; 10 – Ust'-Tudovka 8; 11 – Bobronniki.

Colour illustrations

Fig. 1. Nechay Gorodok hillfort.

Fig. 2. Site Podol 3.

Fig. 3. Mound cemetery Grinino 1. High mounds («sopkas in woods»).

Fig. 4. Mound cemetery Grinino 2, mound 2. Burial urn.

Fig. 5. Mound cemetery Kolobovo 3, the long barrow.

Fig. 6. Mound cemetery Kolobovo 1. Spots of ditches of the demolished mound 1, view from south.

Fig. 7. Mound cemetery Kolobovo 1. Mound 2. Stone constructions, view from south-west.

Fig. 8. Mound cemetery Kolobovo 1. Mound 2. Stone construction (partly destroyed), view from north-east.

Translated by V.V. Romanov

Оглавление

Введение……..5
Глава 1. История археологического изучения региона
и характеристика источников.....8
Глава 2. Древности раннего железного века.....16
Глава 3. Раннесредневековые погребальные памятники.....20
Глава 4. Раннесредневековые поселения.....33
Глава 5. К характеристике культурной ситуации
в раннем средневековье.....45
Приложение 1. Результаты стационарного изучения
остатков курганов 1 и 2 могильника Колобово 1
в Селижаровском районе Тверской области.....48
Приложение 2. *М.В. Добровольская* Анализ кремированных
остатков из памятников у д. Колобово.....54
Таблицы.....55
Иллюстрации.....69
Литература и архивные материалы.....200
Список сокращений.....207
Summary……208
List of captions.....212

Для заметок

Научное издание

Инна Васильевна Исланова
Древности в верховьях Волги
(ранний железный век и раннее средневековье)
(Раннеславянский мир. Выпуск 14)

Верстка: О.А. Горяйнов

Подписано в печать 19.10.2012. Формат 60x84/8.
Усл.печ.л. 27,5. Уч.-изд.л. 26,6. Тираж 300 экз. Зак. №

Институт археологии РАН, 117036 Москва, ул. Дм.Ульянова, 19

Отпечатано в типографии «Нестор-История» 198095, СПб., ул. Розенштейна, д. 21

ISBN 978-5-94375-114-1